В. И. Кулаков

Неманский янтарный путь в эпоху викингов

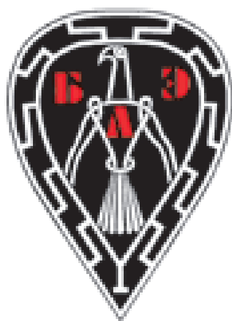

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
КАЛИНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ ЯНТАРЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.И. Кулаков

Неманский янтарный путь в эпоху викингов

Калининград
2012

УДК 902/904
ББК 63.4
К 46

Издание осуществлено в рамках целевой программы Калининградской области «Развитие государственного бюджетного учреждения культуры «Калининградский областной музей янтаря» и культурно-образовательного сектора янтарной отрасли (2012–2014 годы)»

Печатается по решению Учёного совета Института археологии РАН от 10 июня 2010 г.

Рецензенты: к.и.н. Захаров С.Д., к.и.н. Лопатин Н.В.

Кулаков В.И.
К 46 **Неманский янтарный путь в эпоху викингов**: научное издание/Кулаков В.И., ил. автора – ГБУК «Калининградский областной музей янтаря», 2012 – 224 с.: ил. – 500 экз. ISBN 978–5–903920–17–4

Эта книга является первым в истории мировой науки исследованием западной части Неманского янтарного пути, который в эпоху викингов соединял Юго-Восточную Скандинавию, Янтарный берег земли пруссов и западную окраину Киевской Руси. На её страницах представлено всё, что известно нашей археологии о древностях эпохи раннего Средневековья в Юго-Восточной Балтии. Книга представляет интерес не только для историков и археологов, но и для читателей, интересующихся освоением новых туристических маршрутов по рекам Балтии.

В оформлении обложки использовано фото Д.В. Кулакова «Реконструкция ладьи X в.», 2008 г.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978–5–903920–17–4

I. Введение. Постановка темы[1]

Проблема межплеменных торговых связей в эпоху викингов, осуществлявшихся по рекам с запада на восток, актуальна для прусской археологии почти три столетия.

Волею случая первые археологические раскопки, проведённые в исторической Пруссии в июне 1724 г., открыли два кургана рубежа X–XI вв. в бассейне р. Инструч (*бывш. Inster*). Находки, сделанные в этих курганах, свидетельствуют об активном освоении купцами эпохи викингов пути от Самбии на восток (Кулаков, 1994а. С. 5). К сожалению, наши зарубежные коллеги до сих пор не обратили должного внимания на результаты этих вполне профессионально (конечно, для уровня развития науки в XVIII в.) проведённых раскопок, лишь коротко отмечая обнаружение в упомянутых курганах находок, датируемых от неолита до эпохи викингов (Nowakowski, 2004. P. 70). На самом деле выявленные здесь два урновых трупосожжения принадлежат членам дружинного сообщества второй половины X в., очевидно участвовавшего в контроле над неким торговым путём.

Эта трасса, связывавшая Центральную и Юго-Восточную Скандинавию, в частности о. Готланд, через ареалы пруссов, куршей и ряда иных балтских племён с Восточной Европой, является Неманским торговым путём (рис. 1). Он, в свою очередь, может представлять собой западный отрезок пути «из варяг в греки и из грек…», на юге завершавшийся в Константинополе. В ходе изучения древностей Восточной Европы на протяжении последних полутора веков в целом этот путь подвергся достаточно глубокому исследованию. Обозначены конечные пункты этого пути – «Бирка на северном побережье Балтики и Константинополь на Босфоре…» (Пушкина, 1996. С. 20). Узловым пунктом на этом пути в Восточной Европе справедливо считается археологический комплекс Гнёздово близ современного г. Смоленска. Правда, при этом современные исследователи роли Гнёздова в торговых контактах между Севером и Югом в эпоху викингов пришли к выводу о том, что эти контакты шли через р. Волхов или через р. Западная Двина (*Даугава*) (Зоценко, 2001. С. 121), не захватывая юго-восточную Балтию.

Однако в последнее время накапливается банк данных находок скандинавского происхождения, свидетельствующих об активности торговых и военных операций по рекам Прегель, Инструч и Неман (Кулаков, Иов, 2001. С. 77), что позволяет предполагать серьёзную роль Неманского пути в системе межэтниче-

---

[1] Основой данной работы является текст плановой темы «Кауп на западном отрезке Неманского пути IX – начала XI в.», выполненной автором в Институте археологии РАН в 2006–2009 гг.

Рис. 1
Регион юго-восточной Балтии и Неманский торговый путь в IX–X вв.

ских торговых контактов в Восточной Европе эпохи викингов. Для развития этой гипотезы надо осуществить сбор информации о древностях эпохи викингов в наиболее изученной к настоящему времени западной части указанного речного пути от берегов Балтийского моря в районе современного г. Калининграда и до примерной границы между балтским и славянским населением в бассейне р. Неман. «… Граница между литовским и славянским населением в Верхнем Понеманье в X–XI вв. проходила между Нарочем и Ошмянкой. Далее она шла на юго-запад, причём правый берег Немана между Березиной и Лебедой тоже, вероятно, был занят славянским населением» (Гуревич, 1962. С. 137). Важен отбор этих древностей, сбор доказательств их связи с торговыми и военными операциями. Подобный смысл имеют находки скандинавского происхождения, что доказано многолетними исследованиями в Восточной Европе и в Балтии.

Цель данной научной работы – сбор информации и характеристика памятников археологии и отдельных находок в свете упомянутых выше принципов на западном отрезке Неманского пути, то есть на территории Калининградской области России и в пределах Литовской Республики, в ареалах расселения западнобалтских племён (рис. 2). Только после достижения этой цели можно сделать окончательный вывод о целесообразности определения Неманской торговой трассы как возможного отрезка пути «из варяг в греки…». В результате реализации этой работы можно будет обозначить хотя бы в общих чертах модель его деятельности. Эта цель может быть достигнута при условии решения двух неравновесных задач:

1. Публикация всех имеющихся в нашем распоряжении данных о круп-

нейшем археологическом комплексе эпохи викингов, известном на Неманском пути, – о Каупе.

2. Каталогизация всех доступных находок, связанных с торговой и военной активностью скандинавов на предполагаемом западном отрезке Неманского пути, свидетельствующей о его использовании в качестве торговой и, не исключено, военной трассы, проходившей по землям балтов.

Важно отметить то, что обе заявленные задачи раньше в русской (и ни в какой другой) археологической науке не ставились и, соответственно, не решались.

Уникальный для Балтии и всех раннесредневековых европейских древностей археологический комплекс Кауп включает открытое торгово-ремесленное поселение, курганно-грунтовой могильник нач. IX – нач. XI вв. (Кулаков, 1989а. С. 95–98). С ними соседствуют грунтовые могильники V, XI (?) (Bujack, 1885. S. 37, 38) и XI–XII вв. (Engel, 1932. S. 140). Кроме того, на восточной окраине урочища Кауп, в пункте Kleine Kaup И.В. Хейдек в 1873 г. раскопал кург. К/1 (курганные и грунтовые погребения на Каупе для удобства идентификации сопровождаются индексом «К»), в котором были обнаружены погребения эпох камня и бронзы. В его непосредственной близости находились могилы раннего железного века. Такие же комплексы, как считал И.В. Хейдек, располагались и на западной окраине лесного урочища Кауп (Heydeck, 1896–1900. S. 61).

Этот комплексный памятник археологии был открыт полтора столетия тому назад и довольно активно исследовался в конце XIX – в первой половине XX вв. Несмотря на это, современная археология рассматривает древности викингов в Балтии и в Восточной Европе без учёта материала Ка-

Рис. 2
Племенные ареалы и торгово-ремесленные пункты на западном отрезке Неманского торгового пути в IX–X вв.

упа. Причины тому – исключительно политические. Обработка материала раскопок Каупа не была проведена в срок ввиду начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны. В послевоенное время лесное урочище Кауп со всей округой оказалось на территории Калининградской области РСФСР. Благодаря изготовленной по заказу партийной идеологической структуры И.А. Эренбургом («Папа, убей немца!» и т.д.) общеизвестной пропагандистской модели негативного отношения русских к немцам, ко всему немецкому и, в частности, к немецкой науке, внедрявшейся в сознание русских людей в 1945–1953 гг. и позже, данные немецких раскопок в бывшей Имперской провинции Восточная Пруссия или не принимались в расчёт советскими археологами вообще, или результаты их серьёзно искажались. Этот пробел в истории археологии Балтии я попытаюсь хотя бы частично заполнить в следующей главе.

II. История изучения древностей викингов в Юго-Восточной Балтии

II.1. История изучения комплексного памятника археологии Кауп (у пос. Моховое Калининградской обл.)

Интересующий нас комплексный археологический памятник расположен в историческом лесном урочище Кауп (дисл. «Торжище», впервые упомянуто в середине XIX в. – Wulff, 1865. S. 641), находящемся в 3 км к югу от г. Зеленоградска (рис. 3), у северо-западной окраины пос. Моховое (бывш. Wiskiauten, Kr. Samland). В 1932 г. в ходе немецко-шведского проекта был снят план могильника (рис. 4) и проведён подсчёт курганных насыпей, которых оказалось 215 (Nerman, 1942. P. 94). Ф.Д. Гуревич располагала данными, что некогда на могильнике насчитывалось то ли 500, то ли 400 насыпей (Гуревич, 1978. С. 168). На 1980 г., время съёмки современного топографического плана Каупа (рис. 5), в пределах этого лесного урочища насчитывались 203 курганные насыпи. Правда, последующие раскопки «сплошной площадью» показали, что некоторое количество курганных насыпей, изначально невысоких, не было отмечено ни немецкими, ни русскими топографами и может быть выявлено лишь непосредственно в процессе раскопок. Количество грунтовых погребе-

Рис. 3
Комплекс памятников археологии в уроч. Кауп.

Рис. 4
Лесное урочище Кауп в окрестности г. Зеленоградска (бывш. Cranz).

ний учёту на могильнике не поддаётся ввиду отсутствия у них наружных признаков. Размеры поселения, частично перекрытого курганно-грунтовым могильником, по пятну культурного слоя согласно данным аэрофотосъёмки (ок. 1956–1970 гг.) достигают размеров не менее 400 х 250 м. Размеры некоторых старейших лиственных деревьев в этом лесном урочище таковы, что можно предполагать их возраст в пределах не менее 500 лет (рис. 6). Именно полтысячелетия тому назад началось интенсивное сельскохозяйственное освоение земель, под распашку очищались от деревьев всё новые и новые участки, но

Рис. 5
План курганно-грунтового могильника Кауп (1932 г.).

лес Кауп не подвергся вырубке. Очевидно, что даже в орденскую эпоху местные жители помнили о расположенных здесь курганах, скрывавших останки воинов эпохи викингов. Данная часть северной Самбии, не исключено, была сакральной для аборигенов и соответственно являлась табуированной для освоения.

Языковеды предвоенного времени связывали топоним Kaup с литовским (возможно – куршским) словом kaũpas – «насыпная куча земли» (Gerullis G. 1922, S. 8). Этот термин активно используется в обозначении всхолмлений при геологическом изучении Куршской косы, однако на косе такие «каупы» – небольшие, слабо сформированные конусообразные кучки песчаного грунта, никак не схожие с курганами. Тем не менее немецкие археологи с завидным постоянством связывают топоним «Кауп» либо с упомянутым литовско-куршским "kaũpas", либо с прусским (скорее – литовским) словом «kapas/kapurn» – «могила/могильник» (Gaerte, 1932. S. 2; La Baume, 1940. S. 1345; Mühlen, 1975. S. 14, 62). По мнению В. Герте, могильник Кауп был упомянут при разделе территории Самбии между Тевтонским орденом и

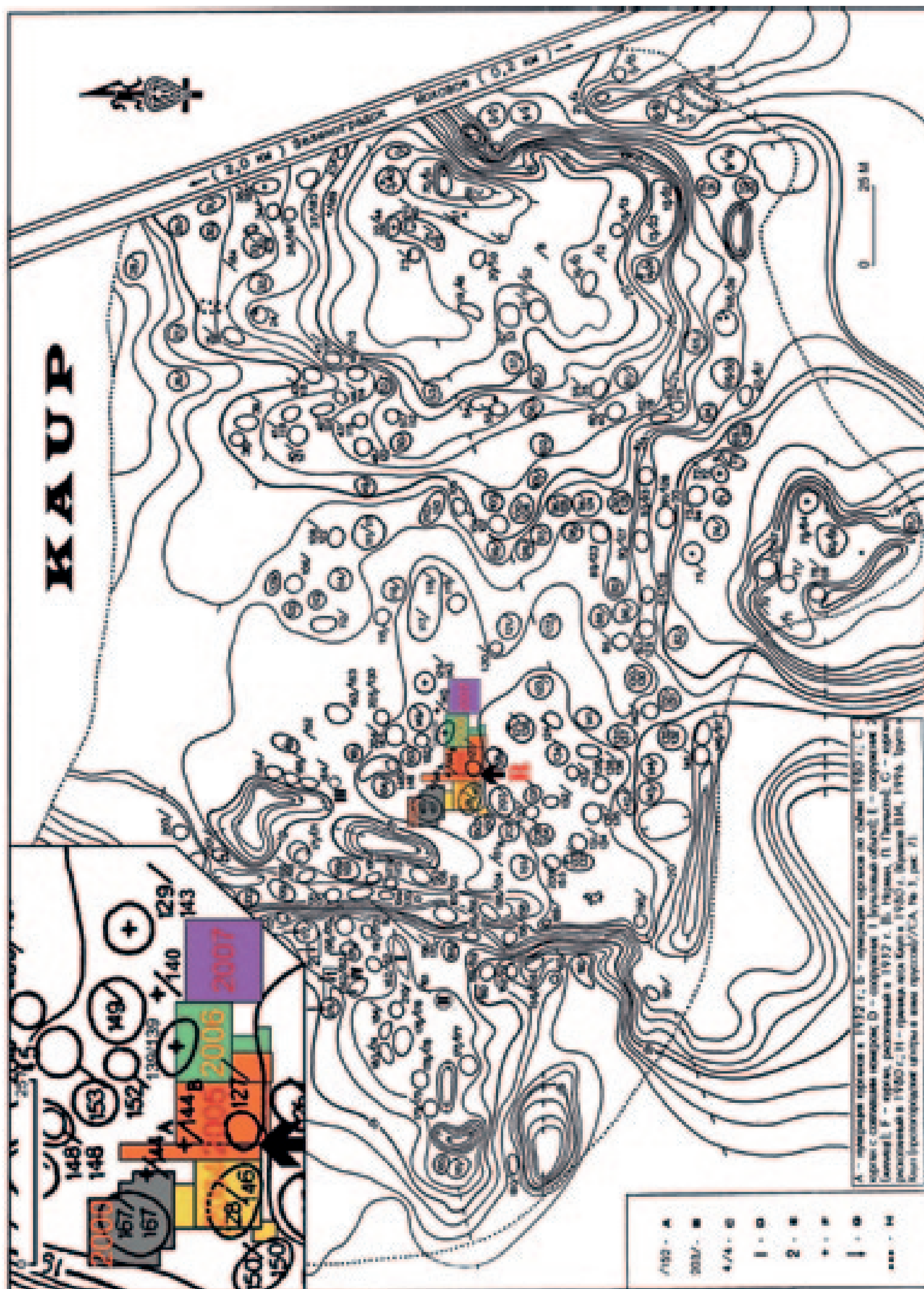

Рис. 6
Генеральный план курганно-грунтового могильника Кауп (1980 г.).

Рис. 7
Курганы Каупа.
Рисунок Вальтера Гронау, 1934 г.

Самбийским епископством под именем “Wosegowiskapinynis” (Gaerte, 1932. S. 4).

Очевидна несостоятельность связи слов “kaūpas” и «kapas/kapurn» с названием урочища Kaup. Как установлено известным русским лингвистом Владимиром Николаевичем Топоровым, в прусском языке было существительное «kaupiskan» – «торговля», генетически связанное с древ-

Рис. 8
Логотип Общества
по изучению древностей «Пруссия».

негерманским «kaup» – «торговля» (Топоров, 1980. С. 286). В современном словаре исландского языка (максимально близкого к языку древних скандинавов) находим:

kaup n -s, ≡ 1) покупка; сделка; eiga ~ við e-n иметь (торговые) дела с кем-л.; vera til ~s продаваться; verða af ~unum не суметь осуществить сделку; 2) жалованье, заработок, зарплата; ◊ það er ~ ~s, ~s ~s одно приходится на одно, одно стоит другого.

kaupa vt, praet sg keypti, pp keypt 1) (e-ð af e-m) покупать (что-л. у кого-л.); 2) (e-u) договариваться (о чём-л.); □ ~ e-ð út выкупать (что-л.); ◊ komast að e-u keyptu дорого заплатить за что-л.

kaupa||fólk n coll работники-подёнщики (во время сенокоса); ~**héðinn** m торговый агент, маклер; ~**kona** f работница-подёнщица (во время сенокоса); ~**maður** m работник-подёнщик (во время сенокоса); ~**nautur** m клиент.

kaup|andi m -anda, -endur 1) покупатель; 2) подписчик; абонент.

kaup||staður m торговое местечко,

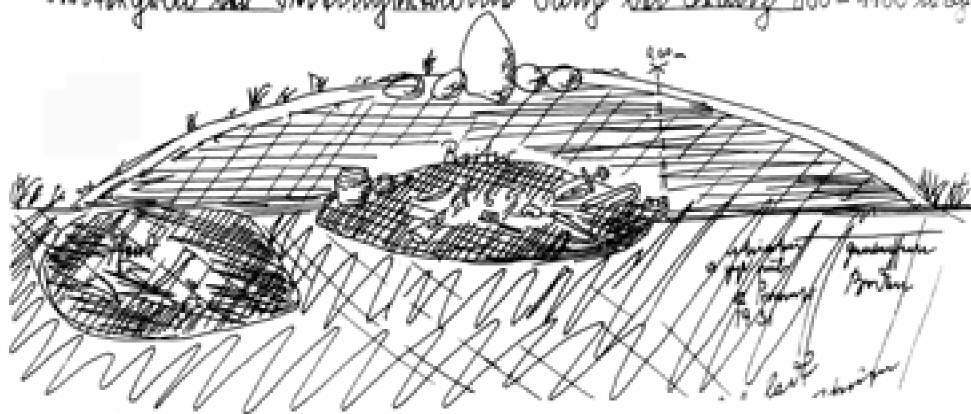

Рис. 9
Сечение кургана б/№, Pr. Mus. V.146.7746:3 (рис. И. Хейдека ?), раскопанного и зарисованного Иоганнесом В. Хейдеком на Каупе. Копия, сделанная в 1931 г. Генрихом Зоммером, директором Краеведческого музея в замке Лохштедт.

торговый городок; ~**stefna** f рынок, базар; ярмарка; ~**sýsla** f торговое предприятие (*http://www.slovarus.info/isl.php?id*)

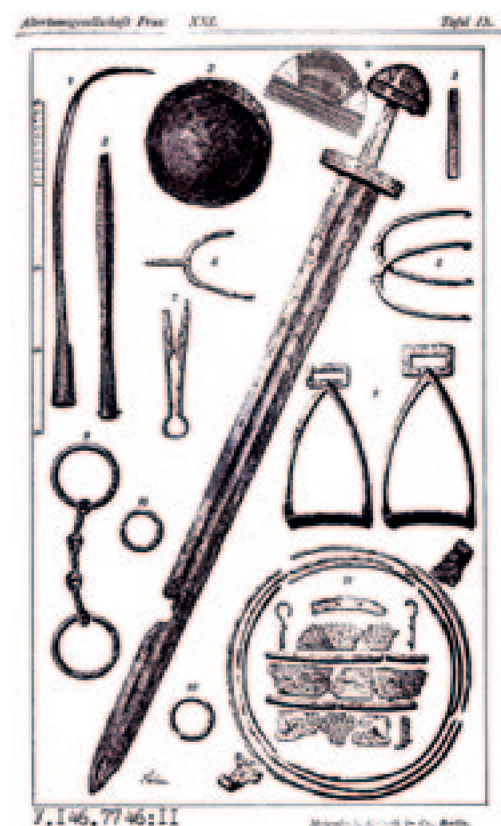
Ничто не мешает предположить, что урочище Кауп своим происхождением может быть связано или с прусским, или с древнегерманским (скандинавским) понятием «торговля». Наличие большого количества импортных вещей в погребениях могильника Кауп и соответствующего поселения прямо свидетельствует о торговле как об одном из важнейших (если не основном) видов занятий жителей Каупа. Таким образом, название урочища Кауп может быть отражением старого названия поселения эпохи викингов, сохранившегося (как и многие другие самбийские топонимы) на протяжении многих веков. Хорошим аналогом такого названия может являться имя города в Южной Норвегии Kaupangr, рядом с которым, близ поселка Skiringssal также расположен известный в европейской археологии комплекс памятников эпохи викингов. Не зная ничего о торговом центре Кауп на Самбии, известный специалист по раннесредневековой истории скандинавов Аарон Яковлевич Гуревич писал: «Название Kaupangr, означающее «торговое место», «торжище», вообще носил ряд подобных пунктов обмена и городов раннего средневековья (ср. швед. köping и англ. ceaping)» (Гуревич, 2005. С. 69).

История открытия археологического комплекса Kaup забыта в странах Запада и неизвестна восточноевропейским коллегам. Премьер-лейтенант Вульфф, проходивший службу во 2-м Восточнопрусском гренадерском короля Фридриха Вильгельма I полку, в ходе учений, осуществлявшихся в районе пос. Mülsen (Kr. Fischhausen/Samland, ныне – пос. Холмы Зеленоградского района) в августе 1865 г., в свободное от занятий время, изучал окрестности района дислокации своего полка и проводил опрос местного населения относительно находок древних раритетов. В частности, в имении Wiskiauten (ныне – пос. Моховое Зеленоградского района) премьер-лейтенант Вульфф установил факт находок крестьянами в соседнем с имением лесу Кауп (первое упоминание данного топонима в научной лите-

ратуре) человеческих и конских костей, наконечников копий, ножниц. Один из найденных селянами на Каупе древних топоров лейтенант приспособил к работе по рубке дров (?). Премьер-лейтенант Вульфф таким образом обратил внимание на находки из разрушенных грунтовых могил в восточной части леса (уроч. Kleine Kaup). Это разделение на два лесных урочища Grosse и Kleine Kaup, между которыми пролегла дорога Wosegau/Mülsen, ввёл в 1932 г. Карл Энгель.

3 августа 1865 г. в послеобеденное время Вульфф вместе с несколькими солдатами в центре леса Кауп начал раскопки кургана, в котором на глубине до

Рис. 10
Инвентарь кург./11
(инв. V.146.7746:11). Рисунок Яма.

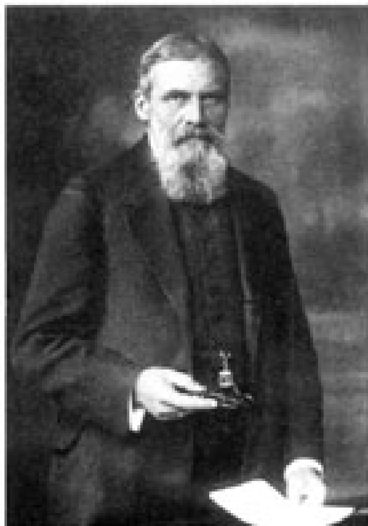
2 м было обнаружено кольцо, сложенное из камней. На глубине около 1 м от вершины насыпи в этом кургане гренадеры нашли 7 наконечников копий, обломки бронзы и меч длиной 2 м (!), на конце которого был железный (?) наконечник ножен. Всего за 5 дней работ на Каупе археолог-любитель в нескольких курганах нашёл множество фибул, 21 наконечник копья, 8 стремян, 3 шиферных пряслица, обломки «бронзовых накладок щита с рунообразными знаками» (скорее всего, так Вульфф определил обломки бронзовых блюд типа "mit Ängel", на которых сохранялись фрагменты прорезных изображений). Данные предметы являлись, по мнению премьер-лейтенанта Вульффа, инвентарём из могил литовских воинов (жертвы битвы при Рудау 1370 г.?) (Wulff, 1865. S. 641–646). Дальнейшая судьба этих находок неизвестна. Возможно, они поступили в фонды Восточно-Прусского Провинциального музея (позднее – Музей «Пруссия»). Правда, в известной нам части фондов этого музея находки Вульфа не представлены.

Открытие любознательного гренадёрского офицера привлекло к археологическому комплексу Кауп внимание кёнигсбергских археологов из Общества по изучению древностей «Пруссия» (рис. 8) и на протяжении 1873–1937 гг. на могильнике было раскопано большое число курганов эпохи викингов. К сожалению, опубликованы данные лишь о 86 курганах, которые предоставляют минимум необходимой информации (Mühlen, 1975; Кулаков, 1996. С. 140).

В 1873 г. работы на Каупе начал известный восточно-прусский художник и археолог Иоганнес Вильгельм Хейдек (1835-1910 гг.), уроженец посёлка из окрестностей Клайпеды (*бывш. Memel*). Краткая информация о раскопках курганов эпохи викингов была помещена

Рис. 11
Исследователь Каупа Адальберт Беценбергер

Рис. 12
Исследователь Каупа Макс Эберт.

им в двух небольших статьях (Heydeck, 1877. S. 37–40; Ibid., 1899–1900. S. 61). Всего первый исследователь могильника Кауп раскопал 47 курганных насыпей (август 1873 г., сентябрь 1874 г., сентябрь 1877 г., август 1880 г., 1897 г., 1899 г.). Методический уровень полевых работ И. Хейдека вряд ли был высоким, ведь членом Общества по изучению древностей «Пруссия» он стал лишь за год до начала раскопок и, не имея специального образования, не обладал раскопочным опытом. Это, в частности, видно по полевым чертежам этого исследователя (рис. 9). Зато рисунки находок, обнаруженных И. Хейдеком в курганах Каупа, принадлежат перу графиков-профессионалов и поражают высоким уровнем (рис. 10). Известно, что И. Хейдек являлся талантливым графиком. Соответственно, графическому отображению своих находок он уделял особое внимание, контролируя работу рисовальщиков. Весьма краткая информация о составе инвентаря комплексов, изученных на Каупе И. Хейдеком, представлена в монографии (предвоенная диссертация) выпускника Альбрехтс-Университета (Кёнигсберг), самого молодого участника предвоенных раскопок Каупа Бернта фон цур Мюлена (Mühlen, 1975. S. 122-133). Здесь и далее число раскопанных до 1939 г. курганов приводится по данным, собранным этим коллегой.

9 августа 1897 г. курган (Inv. Prussia-Museum V, 99, 7391) раскопал на Каупе известный языковед, этнолог и археолог Адальберт Бецценбергер (1851–1922 гг.) (рис. 11) (Mühlen, 1975. S. 128). В 1924 г. один курган на Каупе раскопал Макс Эберт (Mühlen, 1975. S. 133) (рис. 12). В июле 1927 г. директор Музея «Пруссия» Вильгельм Герте исследовал здесь 2 кургана (Mühlen, 1975. S. 133).

В сентябре и октябре 1932 г. на Каупе проводила работы совместная немецко-шведская экспедиция под общим руководством известного специалиста по древностям Скандинавии I тысячелетия н.э. Биргера Нермана (рис. 13). При участии с немецкой стороны археолога Петера Паульсена и реставратора Музея «Пруссия» Фрица (Фридриха) Йенша (на рис. 13 – крайний справа) шведский коллега раскопал здесь 20 курганов (Mühlen, 1975. S. 134–136, 139, 140). Один из них –

Рис. 13
Биргер Нерман и Фридрих Йенш на Каупе в сентябре 1932 г. (фото из газеты 1932 г.).

кург. К143/ – скрывал под своей насыпью редкое для Каупа камерное погребение с захоронением коня (рис. 14).

Кроме того, на Каупе в предвоенное время незначительные по объёму работы проводили Отто Клееманн (1937 г., 2 кургана – Mühlen, 1975. S. 136, 37), Курт Фойгтманн (1933, 1934 гг., 4 кургана - Mühlen, 1975. S. 137, 139), Петер Паульсен (8 курганов – Mühlen, 1975. S. 138, 139). Благодаря ценнейшему изданию Б. Мюлена, мы располагаем сейчас данными о 86 курганах, изученных к 1939 г. на могильнике Кауп. По мнению этого немецкого исследователя, в 1873–1939 гг. на Каупе были раскопаны 90 курганов (Mühlen, 1975. S. 14). В послевоенное время первый советский исследователь Каупа – Фрида Давидовна Гуревич – привела иные цифры о раскопанных здесь курганах. По её данным, И. Хейдек и А. Бецценбергер в целом вскрыли более 250 насыпей, а Б. Нерман раскопал в 1932 г. 32 кургана (Гуревич, 1963. С. 197).

К сожалению, представители прусской археологической школы не сочли необходимым опубликовать полный свод данных, полученных ими за время раскопок на Каупе в 1873–1939 гг. Этому не способствовала тревожная обстановка в преддверии Мировой войны, к тому же, судя по всему, немецкие коллеги на методическом уровне не были готовы осуществить фундаментальную публикацию Каупа. В частности, их смущало отсутствие поселения эпохи викингов, к которому должен быть приурочен могильник Кауп (Kleemann, 1939a. S. 201). Правда, считалось, что следы поселения эпохи викингов в 1924 г. к югу от этого могильника нашёл Макс Эберт (Ebert, 1926. S. 18). Отто Клееманн сожалел о том, что никаких документальных свидетельств (в виде хотя бы картографических набросков или архивных записей), подтверждающих эту находку, не сохранилось (Kleemann, 1939a. S. 202). Сам О. Клееманн считал необходимым искать поселение в непосредственной близости от могильника, располагающегося в лесном урочище Кауп (Kleemann, 1939b. S. 11), то есть – на камовой возвышенности, которую занимает упомянутое урочище. Ныне Тимо Ибсен утверждает, что план Каупа, выполненный М. Эбертом, сохранился в архиве Археологического музея во дворце Готторф (Шлезвиг). На этом плане поселение

помечено М. Эбертом у юго-восточной окраины лесного урочища Кауп, там, где ныне расположено автохозяйство А.Я. Классена (Ibsen, 2009. Abb. 6).

В предвоенное время материалы, полученные при раскопках курганов Каупа, изредка упоминались в научно-популярных работах, посвящённых общим вопросам археологии Балтии или Скандинавии. Прямые аналогии чертам обряда Каупа (каменный круг вокруг насыпи, каменный панцирь над курганом, камень на его вершине) Вильгельм Герте находит в могильнике Бирка и считает Центральную Швецию (точнее – окрестности оз. Меларен) родиной викингов, погребённых на Каупе (Gaerte, 1932. S. 10). Местоположение поселения, связанного с могильником Кауп, В. Герте полагал к востоку от лесного урочища с курганным могильником, в направлении к древнему берегу Куршского залива и считал его «шведской колонией» (у пос. Сосновка, бывш. Bledau – Gaerte, 1932. S. 14, 24).

Б. Нерман в одной из своих монографий также уделил внимание предварительным результатам своих работ на Каупе, где он насчитал 215 курганных насыпей (Nerman, 1942. P. 94). Характеризуя 32 (Nerman, 1934. P. 372) раскопанных им комплекса, он указал на крайнюю редкость ингумаций на данном могильнике. Их он насчитал в своих раскопках до четырёх. Кремация, как считал Б. Нерман, осуществлялась на Каупе на материке in situ, после затухания костра кальцинированные кости сгребались к его центру и перекрывались насыпью. Особое внимание в своей книге шведский коллега уделил редкому для Каупа погребению К/143 (X в.), где в камерной гробнице на грунтовой ступеньке были найдены остатки скелета коня с кольчатыми удилами в зубах.

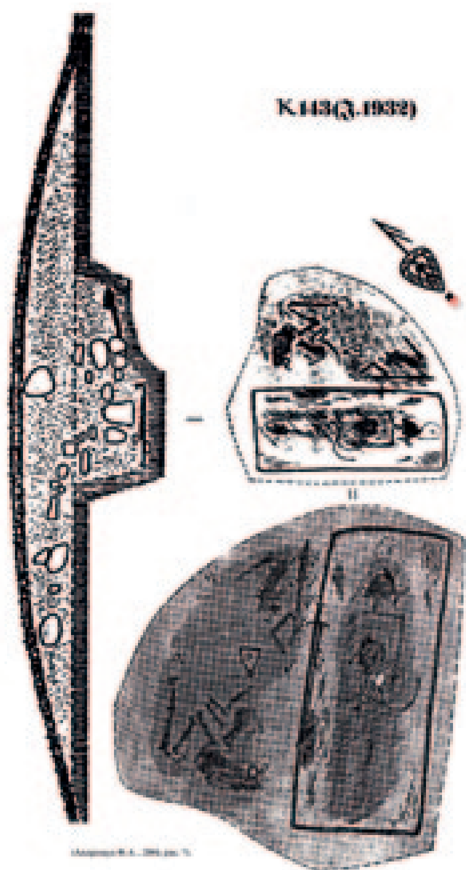

Рис. 14
План (два варианта чертежа) и сечение кург. К/143 (раск. Б. Нерман, 1932 г.).

Ниже, на дне камеры, найден деревянный «саркофаг», где возлежал костяк воина с мечом (рис. 14). Основная часть исследованных Б. Нерманом погребений принадлежат мужчинам, лишь от 2 до 4 могил автор раскопок признал женскими (Nerman, 1942. P. 94, 97). Биргер Нерман считал, что население «шведской колонии у Вискиаутен» обеспечивало деятельность западного отрезка Неманского торгового пути, связывавшего в IX–XI вв. Центральную Швецию (прежде всего – торгово-ремесленное поселение Бирка) через Поднепровье

с Константинополем (Nerman, 1942, P. 110–112). Таким образом, первым гипотезу о существовании Неманского торгового пути эпохи викингов выдвинул шведский археолог Биргер Нерман более полувека назад.

Найденные при раскопках курганов Каупа предметы поступали в фонды Музея «Пруссия». Там они в предвоенное время проходили реставрацию в лаборатории Фрица Йенша, после чего поступали в экспозицию (Schausammlung) и в фонды (Studiensammlung, Magazine). Неоднократно эти находки участвовали в выставках, проводившихся в Музее «Пруссия». Так на «особой» (т.е выездной) выставке «Серебряные и золотые находки из восточно-прусской доистории», организованной в 1929 г., в витрине № 4 экспонировалось серебряное ожерелье из кург. o/Nr, Inv. Pr. Mus. III.258.1197:20 (Engel, 1929. S. 3). В 1937 г. на выставке «Викинги», проводившейся в северо-западной башне Королевского замка в Кёнигсберге (так наз. Башня жестянщика), был подведён своеобразный итог работам археологов в «Роще викингов» (нем. Wikingerhain - так именовалось лесное урочище Кауп среди представителей прусской археологической школы) (Kleemann, 1937. S. 354–357). В текстовых таблицах на стендах выставки декларировались основные воззрения немецких археологов на Кауп («шведская колония»

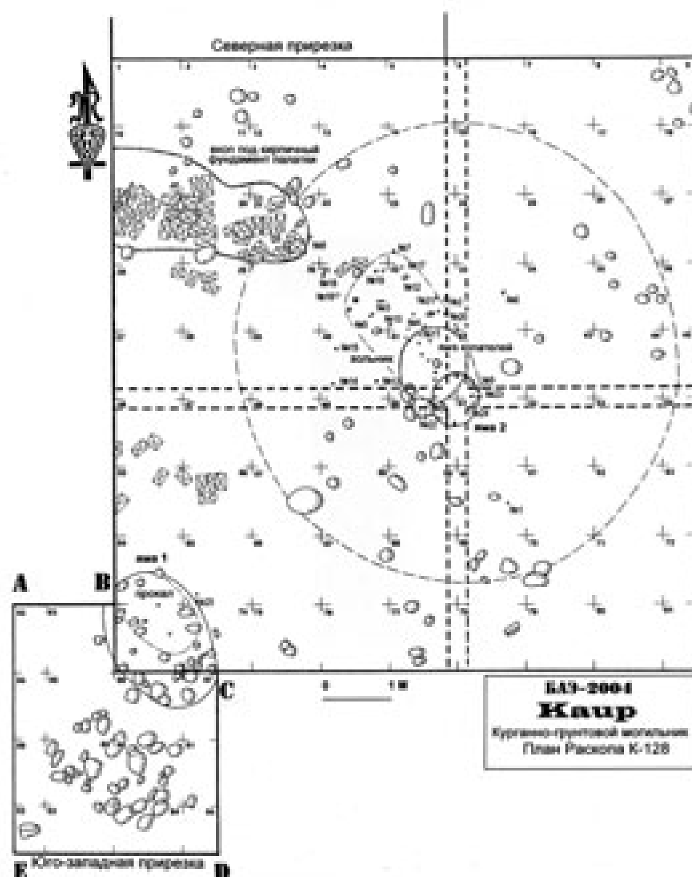

Рис. 15
План кург. К128/, в северо-западном секторе которого видна кирпичная выкладка дна палатки весны 1945 г.

Рис. 16
Ф.Д. Гуревич (сидит в центре) среди сотрудников Калининградского отряда Прибалтийской экспедиции (ок. 1947–1949 гг.).

и проч.), уже многократно к 1937 г. опубликованные (см. выше). Выставка 1937 г. стала не столько промежуточным итогом продолжающихся работ на Каупе, сколько фактическим подведением черты под археологическими раскопками, проводившимися в «Роще викингов» представителями старой прусской археологической школы.

Через два года началась Вторая мировая война и большая часть археологов Восточной Пруссии была мобилизована в Вермахт или в организацию Ahnenerbe («Наследие предков»). В рядах этой организации древности эпохи викингов изучал Герман Янкун (Васильченко, 2005. С. 114, 115), начало научной деятельности которого было связано с прусской археологией.

Сам лес Кауп также был затронут войной. В конце января – начале февраля 1945 г. солдаты из оборонявшей Северную Самбию 551-й фолькс-гренадёрской дивизии пытались устраивать места ночёвки среди скандинавских курганов. При их раскопках нами неоднократно были обнаружены следы установки немецких палаток (рис. 15), в ряде случаев – с фундаментом из кирпичей или с углублённым в грунт котлованом. Эти особенности оформления мест ночёвки указывают именно на зимнее их использование. Известно, что январские морозы 1945 г. были в Восточной Пруссии особенно сильными. Следов боевых действий в лесном урочище Кауп не обнаружено. Известно, что подразделения Вермахта оставили курортный город Кранц и его округу, в которую входил и Кауп, практически без сопротивления.

В послевоенное время, после вхождения северной части Восточной Пруссии в состав РСФСР, Кауп долгое время не привлекал внимания советских археологов. С 1947 г. впервые в истории советской (да, впрочем, и русской) археологии были начаты работы по изучению древностей пруссов. Они проводились Калининградским отрядом Прибалтийской экспедиции под руководством Фриды Давидовны Гуревич (г. Ленинград) (на рис. 16 – в нижнем ряду в центре). Будучи медиевистом по образованию и специализируясь по проблемам германской истории эпохи Реформации, при своём знании немецкого языка она была «мобилизована» властями в 1947 г. для занятий археологией в молодой тогда Калининградской области. Долгие годы она исследовала памятники

прусской археологии, фактически выполняя соцзаказ по поискам здесь свидетельств культурно-этнической принадлежности пруссов к славянам. Как известно, эта идея была высказана И.В. Сталиным на Тегеранской конференции 28 ноября – 1 декабря 1943 г.

Лишь в 1956 г. ленинградская коллега изменила (явно не без влияния идей XX съезда КПСС) круг своих научных интересов и начала раскопки Каупа, продолженные в сезоне 1958 г. Судя по сообщению Фриды Давидовны (Гуревич, 1963. С. 208), она изучала Кауп и в 1959 г., однако полевой отчёт об этих работах в Архиве Института археологии Российской академии наук отсутствует (возможно, не был сдан). В полевых отчётах за 1956 и 1958 гг. представлена довольно краткая сводка информации о комплексах, изученных ею на могильнике Кауп (Приложение 1). Нумерация этих комплексов в Приложении 1 закодирована по принципу буквенно (сокращение названия памятника)-цифровой (номер комплекса) индексации, предложенному для погребальных комплексов Восточной Пруссии Генрихом Кемке (Tischler, Kemke, 1902). При этом слева от косой скобки показан номер кургана по данным подсчётов 1956, 1958 и 1980 гг., в правой части индекса – по старой нумерации, использованной в каталоге Бернта фон цур Мюлена (Mühlen, 1975).

Выводы Ф.Д. Гуревич, полученные ею в результате раскопок на Каупе 14 курганных насыпей и 3 «каменных кладок» (так Фрида Давидовна называла грунтовые погребения и/или жертвенные комплексы в межкурганном пространстве) и опубликованные ею в двух статьях (Гуревич, 1963. С. 197–203; она же, 1978. С. 167–173), вызывают большой интерес. Они заключаются в весьма своеобразном подходе автора раскопок к их результатам. Напомним читателю в оправдание ленинградской коллеги: она не обладала археологическим образованием, археологическую методику приходилось осваивать «с колёс», специальной литературы по древностям юго-восточной Балтии в её распоряжении фактически не было.

Прежде всего само количество курганов на Каупе для Ф.Д. Гуревич осталось неясным. В 1956 и 1958 гг. в лесном урочище она отыскала 20 курганных насыпей, в 1959 г. увидела там ещё 20 курганов (Гуревич, 1963. С. 197, 208), то есть примерно в 5 раз меньше реального количества тамошних насыпей. Количество раскрытых Ф.Д. Гуревич комплексов она помнила в 1973 г. также не твёрдо: «Исследовано более 20 погребальных сооружений» (Гуревич, 1973. С. 169). На самом деле в 1956 и 1958 гг. она раскопала здесь 14 курганных насыпей и 3 «каменные кладки» (см. выше). Остальные комплексы, так и не опубликованные, она, очевидно, вскрыла в 1959 г. Соответствующий полевой отчёт в Архив ИА РАН так и не поступил. В описании курганных насыпей Ф.Д. Гуревич фактически слово в слово повторяет тезисы упоминавшихся выше довоенных исследователей. Как и они, ленинградская коллега увидела на Каупе курганы диаметром в среднем 6 м, с кольцевыми каменными кругами по периметру насыпей, нередко – с камнем на вершине насыпи. Впервые для Каупа исследовательница отмечает наличие здесь различных по форме каменных «бескурганных» кладок (Гуревич, 1973. С. 169). Информация о раскопанных ею курганах в публикации предельно кратка: «При раскопках курганов мы встретили погребения по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости лежали в насыпи или на материке. В последнем слу-

чае они иногда были прикрыты глиной» (Гуревич, 1973. С. 169). «Иногда на материке сооружалась выкладка из камней, возводилась насыпь, в которую кидали горелые жёлуди и уголь» (Гуревич, 1963. С. 198). Сообщение о «горелых желудях» ярко отражает специфику лесного урочища Кауп. Представители его фауны – грызуны различных видов – охотно прячут в землю (в том числе в курганные насыпи) жёлуди в качестве зимних запасов. Мы их часто находим при вскрытии раскопов. Лежалые жёлуди при отсутствии опыта работы на Каупе смело можно принять за «обожжённые».

Выводы, которые Ф.Д. Гуревич сделала относительно курганного могильника Кауп и эвентуально связанного с ним, но в её время ещё не открытого поселения, основывались сугубо на материалах старых раскопок. Автор считала, что большая часть курганов Каупа было сооружена в X в. «Судя по инвентарю могильника у бывш. Вискиаутен, там жили преимущественно воины-колонизаторы. …в могильнике находилось много оружия. … в скандинавском могильнике на территории древних пруссов меч имелся у каждого второго из мужчин (в 46 погребениях найдено 23 меча)» (Гуревич, 1973. С. 171). К сожалению, для Фриды Давидовны осталось неизвестным, сколь характерен был обычай класть оружие (мечи и наконечники копий) в могилы сородичей для многих племён Балтии эпохи викингов (в первую очередь – для пруссов, куршей и ливов). Назвать их «колонизаторами» своих собственных земель не представляется возможным.

То, что по находкам удил и стремян (?) Ф.Д. Гуревич объявила женщин Каупа наездницами, стоит, пожалуй, считать недоразумением (Гуревич, 1973. С. 171). Наконец, автор приходит к выводу о том, что «… длительное пребывание скандинавов в инородной среде привело к постепенному слиянию колонизаторов-викингов с местным населением» (Гуревич, 1973. С. 172). Этот вывод делается на основании наличия на восточной окраине лесного урочища Кауп (в так называемом Kleine Kaup) грунтового могильника с прусскими трупо-

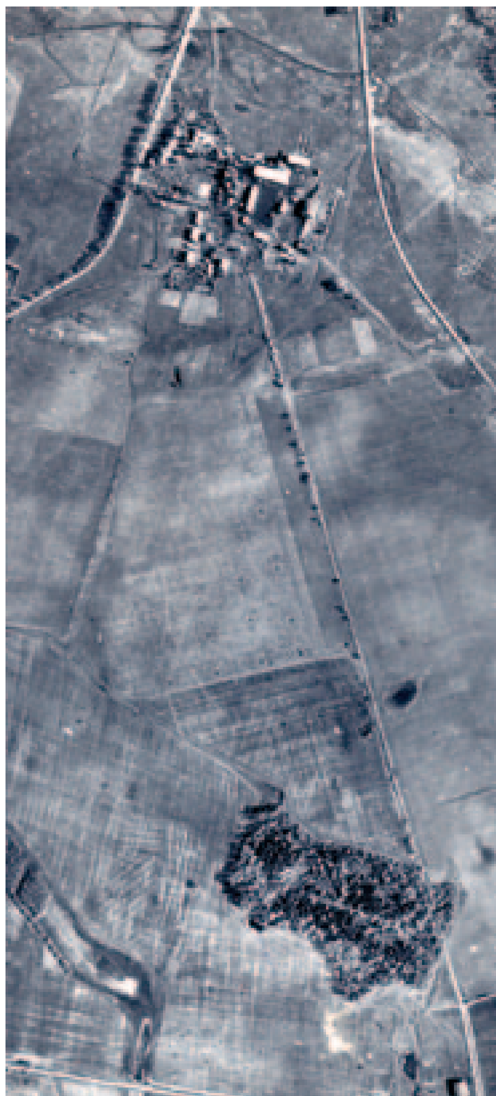

Рис. 17
Аэрофотосъёмка могильника и поселения Кауп (1972 г.).

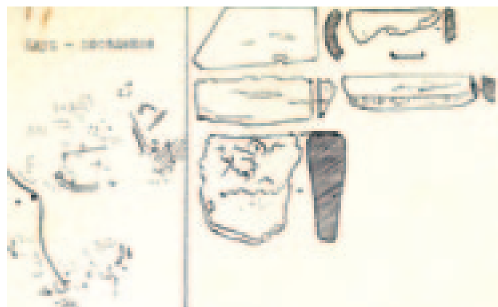

Рис. 18
Прорисовка аэрофотоснимка поселения Кауп и полевой рисунок части подъёмного материала, собранного на поселении Кауп в апреле 1979 г.

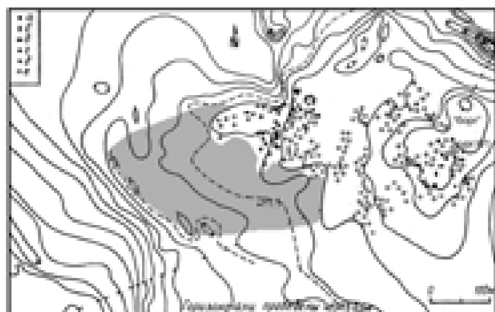

Рис. 19
Рельеф урочища Кауп и размещения в его пределах «борга» и кург. 1 (эпохи неолита и бронзы).

сожжениями, которые предварительно датируются XI–XII вв. На самом деле кроме планиграфического соседства двух погребальных памятников больше их ничего не связывает. Вывод Ф.Д. Гуревич о роли Каупа в истории земли пруссов сколь краток, столь и неверен: «… культура скандинавского населения не оказала существенного влияния на культуру пруссов…» (Гуревич, 1973. С. 173). Очевидно, лейтмотив последней статьи Фриды Давидовны о Каупе был прямо связан с политикой СССР эпохи «развитой стагнации», направленной на обличение колониализма. Как в мире эпохи правления Брежнева, так и на Самбии в эпоху викингов, считала Ф.Д. Гуревич, колониализм потерпел крах.

В апреле 1979 г. к исследованиям комплексного памятника археологии в урочище Кауп приступила Балтийская экспедиция Института археологии Академии наук СССР. Тогда на северо-западной окраине пос. Моховое в распашке было обнаружено поселение эпохи викингов, первичная информация о котором была получена при анализе материалов аэрофотосъёмки (рис. 17). Основываясь на распространении находок на пашне (фрагменты лепной керамики IX–X вв., отходы косторезного производства – рис. 18), первоначальная территория поселения была определена в размерах не менее 350 х 110 м. Аэрофотосъёмка показала, что значительная часть поселения занята лесным урочищем Кауп. Таким образом ясно, что имя этого урочища может быть связано не только с расположенным здесь могильником, но и с вновь открытым поселением. Часть территории поселения была занята курганами, что указывает на нестабильность параметров этой территории (Кулаков, 1996. С. 140). Кроме того, данные аэрофотосъёмки и снятого в 1980 г. топографического плана участка Каупа (рис. 6) позволяют предполагать наличие в восточной части лесного урочища (а именно – к востоку от пункта Kleine Kaup, названном так для отличия от курганного могильника Große Kaup) округлого в плане возвышения («борг») (рис. 19), располагавшегося на поверхности раскопанного Иоганнесом В. Хейдеком в 1873 г. кургана К/1 (Heydeck, 1877. S. 46–60), датированного эпохами неолита и бронзы. В основании насыпи кург. 1 были найдены два скорченных костяка с инвентарём жуцевской культуры рубежа эпох неолита и ранней бронзы (рис. 20, внизу). При раскопках этого кургана

были выявлены три фазы создания его насыпи диаметром ок. 50 м (рис. 20, вверху), в ряде случаев окружавшейся частоколом (Okulicz, 1973. S. 105, ryc. 44a). Быть может, этот частокол связан не во всех случаях с погребальными церемониями, но был возведён позже, в эпоху викингов, в качестве оборонительного палисада для цитадели Каупа. Часть ям от столбов этого частокола была обнаружена при раскопках в полевом сезоне 2010 г. (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2010).

Указанная выше территория поселения, как было видно из аэрофотосъёмки и в результате наблюдений на распашке, ограничивалась к настоящему времени распаханным валом (рис. 19), насыпанным в древности из глинистого грунта. «С запада и юга вал ограничивался рвом, выходящим к реке (Вой – В.К.), в устье которой, судя по находке каменного якоря, располагалась гавань» (Кулаков, 1996. С. 140). Гипотетическая гавань прекрасно видна на космосъёмке к юго-востоку от лесного урочища Кауп (рис. 21). Обнаруженный в 0,1 км к северо-востоку от этой гавани якорь (рис. 22), представляющий собой каменный диск с вырезанным по периметру жёлобом для каната, не находит аналогов в морском снаряжении самландцев Нового и Новейшего времени и связан, очевидно, с судами, которыми пользовались обитатели Каупа в эпоху викингов.

В 1979 и 1980 гг. на территории поселения в двух шурфах были обнаружены остатки столбовых построек (рис. 23) с обломками круговой и лепной керамики эпохи викингов (Кулаков, 1989а. С. 85). В 1980 г. Балтийская экспедиция ИА РАН раскопала на могильнике Кауп 3 курганных насыпи X в. (рис. 24) и сложенный из камней кольцевидный в плане жертвенный комплекс (Кулаков, 1996. С. 142). Позднее, в 2000 г. вскрыт кург.

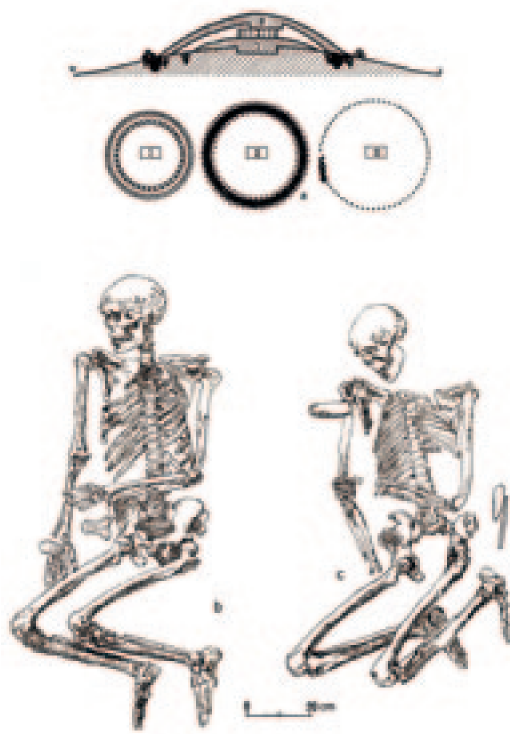

Рис. 20
Этапы сооружения насыпи кург. 1 (a) и два скорченных костяка (b, c) его древнейшего погребального горизонта (рис. И. Хейдека).

Рис. 21
Вид на лесное уроч. Кауп и остатки гипотетической гавани эпохи викингов на р. Вой (указаны стрелкой). Космическая съёмка 2012 г.

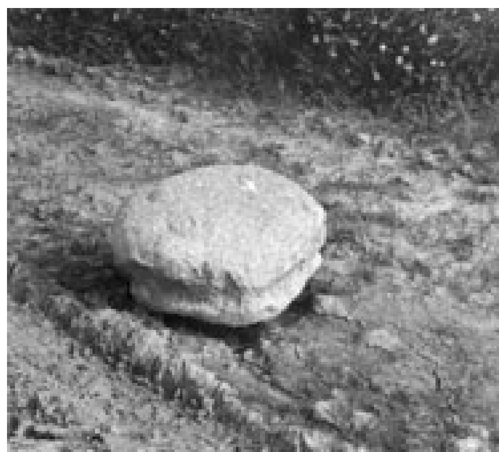

Рис. 22
Каменный якорь, найденный на западной опушке лесного уроч. Кауп в апреле 1979 г.

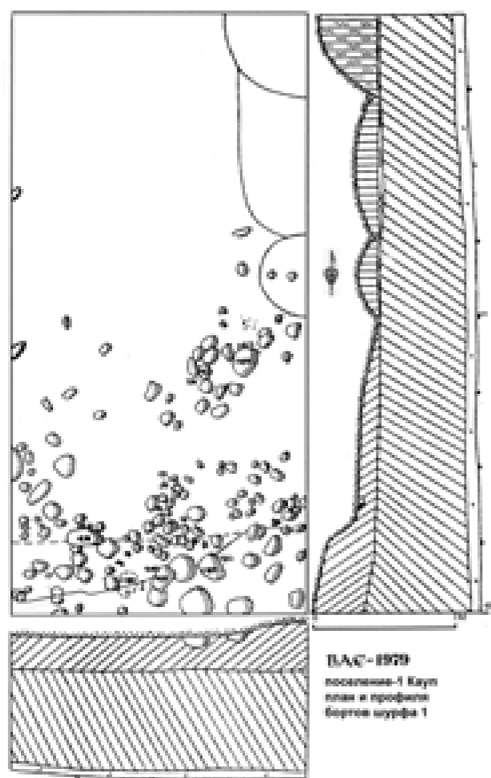

Рис. 23
План шурфа 1 (1979 г.).

К167/167, сооружённый в Х в. над могилой знатного скандинавского воина и разрушенный местными крестьянами в XVIII в. в поисках камня для строительства (Kulakov W., 2005, S. 74, 75).

С 2005 г. в районе уроч. Кауп начались раскопки, проводимые Балтийской экспедицией ИА АН в рамках международного проекта "Wiskiauten" совместно с Земельным археологическим музеем (Готторф) и Кильским университетом. Группа немецких археологов во главе с Тимо Ибсеном (на рис. 25 – второй справа) вела геомагнитные исследования (Ibsen, 2005. S. 124–126) и раскопки на поселении Кауп. За 2005–2007 гг. ими были обследованы 62,5 га поверхности

Рис. 24
Вид на раскопки кург. 172/ (1980 г.).

Рис. 25
Группа немецких археологов на поселении Кауп перед началом работ на шурфе 2 в 2007 г. Второй справа – Тимо Ибсен.

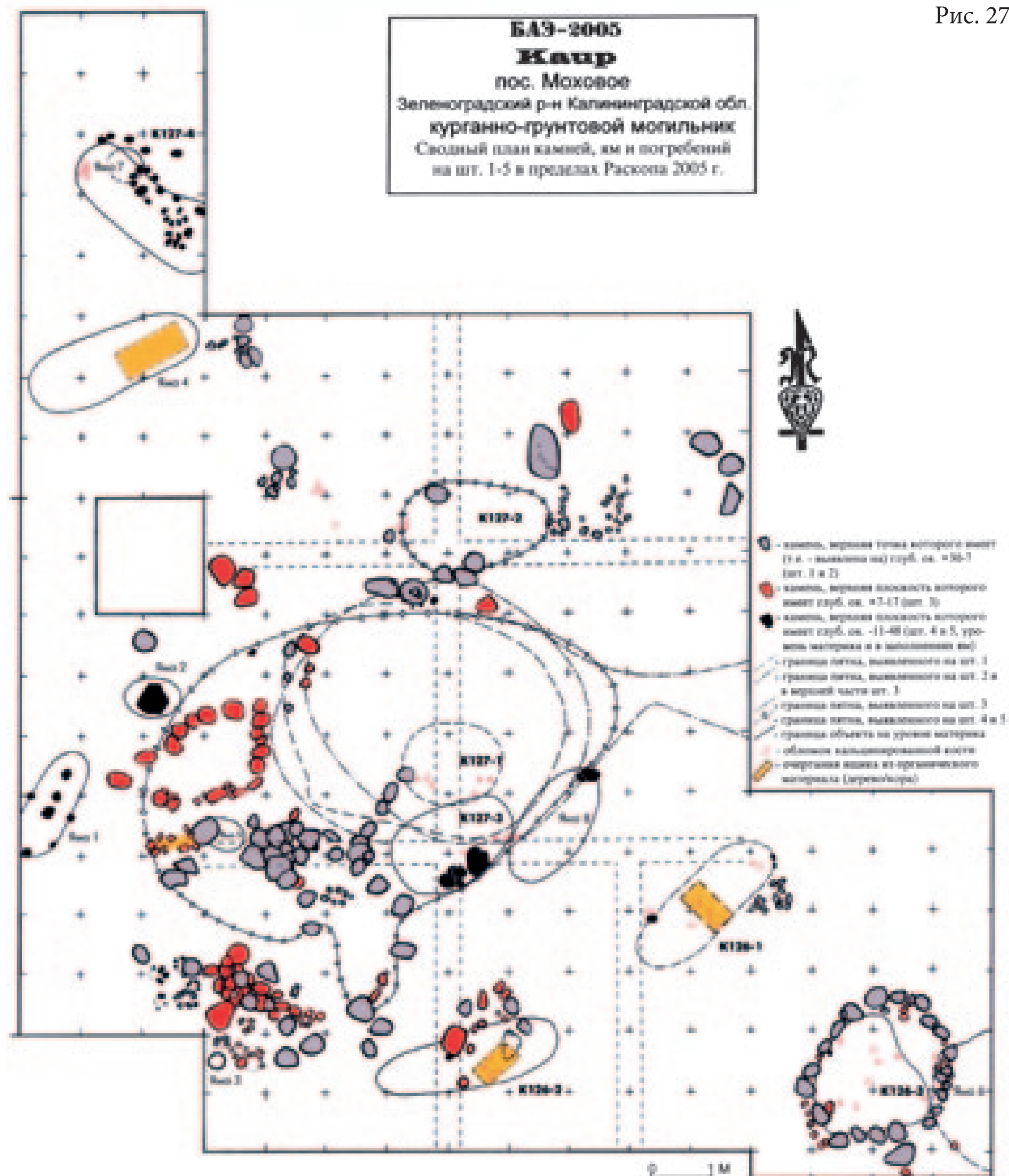
распашки, вскрыты 20 шурфов (рис. 26) и 6 раскопов. Благодаря этим раскопкам в разных пунктах окрестностей лесного урочища Кауп были выявлены остатки поселенческой деятельности различных эпох, в том числе X–XII вв. (Кулаков, 2007. С. 9).

В 2000, 2004 гг. и позднее, в 2005–2007 гг., в рамках совместного немецко-русского проекта "Wiskiauten" нами в лесном урочище Grosse Kaup были раскопаны 5 раскопов общей площадью 596,5 кв. м (2000 г – 86 кв. м, 2004 г. – 96,5 кв. м, 2005 г. – 199 кв. м, 2006 г. – 94 кв. м, 2007 г. – 121 кв. м) для исследования расположенных здесь курганов. Работы велись «широкой площадью», ежегодно линия раскопов продвигалась с запада на восток. В пределах раскопа каждый полевой сезон вскрывались все объекты, входившие в его пределы, в том числе не отмеченные при топографических съёмках 1932 и 1980 гг. В этих раскопах выявлены курганы с соответствующей порядку вскрытия нумерацией К128/168, К127/147 и К126/146, К126а/, К140а/. Особый интерес представляет курган К127/147, содержавший расположенный в его центре кенотаф (рис. 27), окружённый четырьмя погребениями, содержавшими останки родственников погибшего на стороне члена общины Каупа или жертв, принесённых в его память.

Рис. 26
Размещение шурфов 1-20 на поселении Кауп и вокруг уроч. Кауп.

Рис. 27

Погребения осуществлялись, судя по сделанным в них находкам, на протяжении всего X в. Аналог такому комплексу – курган К /163 – был вскрыт на Каупе Куртом Фойгтманном в 1934 г. (Кулаков, 2006а. С. 216).

На поселении Кауп, кроме вскрытых Тимо Ибсеном двадцати шурфов (публикацию о них по уговору он будет осуществлять самостоятельно), наша экспедиция в 2006 г. раскопала шурф 3а (разм. 7 х 4 м), располагавшийся к югу от лесного урочища Кауп, как раз на юго-восточной границе пятна культурного слоя,

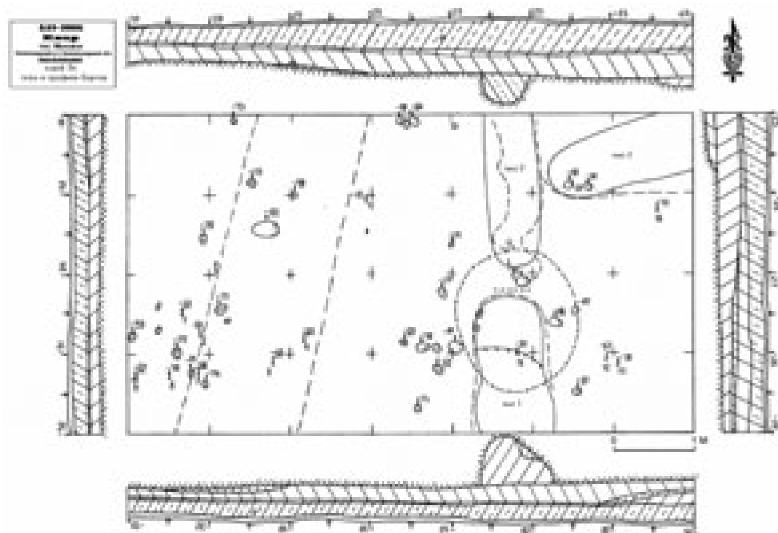

Рис. 28
План и профили бортов шурфа 3а на поселении Кауп.

отмеченного ещё в 1979 г. на аэрофотосъёмке. В этом шурфе были обнаружены три ямы, предположительно оставленные столбами частокола, ограничивавшего здесь некую усадьбу или участок поселения (рис. 28). К сожалению, датирующего материала, относящегося ко времени сооружения и существования этого частокола, в шурфе 3а обнаружено не было (Кулаков, 2006б. С. 127). Немецкие коллеги при шурфовке поверхности поселения к северу от уроч. Кауп в шурфе 4 обнаружили интересные находки. Среди них – серебряный миллиарисий византийского Императора Алексея II Комнина (кон. XI–нач. XII вв.) и обломок бронзового крючка для подвески кошелька (рис. 29). Согласно определению, проведённому польским нумизматом М. Богуцким, упомянутая монета чеканена в начале эпохи правления Императора Алексия I Комнина, до проводившихся им реформ монетного чекана, точнее – в 1081–1087 гг. (Grierson, 1999).

В шурфе 2 к юго-востоку от уроч. Кауп Тимо Ибсен в 2005–2007 гг. исследовал колодец (рис. 30) кон. XI в. Среди случайных находок, связанных с Каупом, следует отметить вислообушный топор, обнаруженный во дворе усадьбы в пос. Вишнёвка в 2006 г. (рис. 31). У лезвия топора слабо виден сварочный шов, свидетельствующий о напайке лезвия. В скандинавском материале наибольшую близость топору из пос. Вишнёвка представляет тип J.P.B, в основном относимый к IX–X вв. (Петерсен, 2005. С. 71).

В начале работ 2008 г. на северо-восточной окраине уроч. Kl. Kaup был разбит Раскоп 2 общими размерами 13 х 6 м, в целом – Г-образной формы (+ северная и западная прирезки), вытянутый по линии северо-запад – юго-восток. В итоге Раскоп 2 (названный так в отличие от Раскопа 1, вскрытого в уроч. Kl. Kaup Карлом Энглем в 1932 г., рис. 32) достиг площади в 50 кв. м. В северной части Раскопа 2 были выявлены остатки слабо углублённого в материк помещения (пом. 4). В южной части Раскопа 2 были обнаружены следы северной части Раскопа 1. В его пределах найдены остатки не докопанного до конца в 1932 г. погр. L-19 (нумерация К. Энгеля). Нами здесь были обнаружены в остатках могилы зубы и разрозненные кости коня. К северо-западу от этого комплекса выяв-

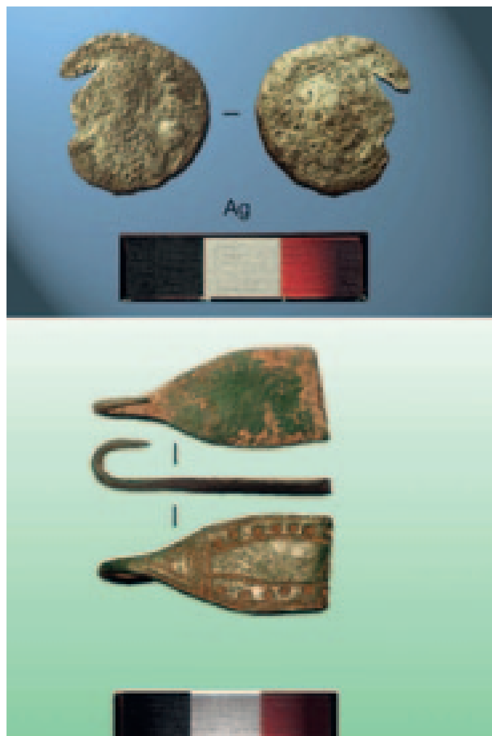

Рис. 29
Византийская монета-миллиарисий и фрагмент крючка для подвески к поясу складных весов, найденные у шурфа 4 к северу от уроч. Кауп.

лены остатки повреждённого немецкими строителями погр. 26 (находилось уже за пределами Раскопа 1) с кальцинированными костями, фрагментом костяной/роговой шкатулки и камнем-тёрочником. Глубина упомянутых погребальных комплексов достигала не более 0,3 м от современной дневной поверхности. Таким образом, стало ясно, что эти комплексы, находящие по своему обряду аналоги в грунтовом могильнике Поваровка (точнее – Pokirben), относящемся к XI–XIII вв. (Смирнова, 2006. С. 376), стратиграфически перекрывают уровень пом. 4. К моменту их создания котлован упомянутой постройки был уже засыпан грунтом с большим количеством остатков горения (следы пожара, уничтожившего пом. 4). Именно в его пределах был разбит в 1932 г. Раскоп 1 и были дообследованы затронутые глинищем нач. XX в. погребения XI–XIII вв., устроенные в заполнении котлована пом. 4. Его заполнение К. Энгель ошибочно поименовал «позднеязыческий зольник». Эта ошибка полевого археолога привела к ещё большей ошибке, опубликованной в уважаемом интер-

Рис. 30
Шурф 2 (остатки колодца, вскрытые на пл. 7) на поселении Кауп.

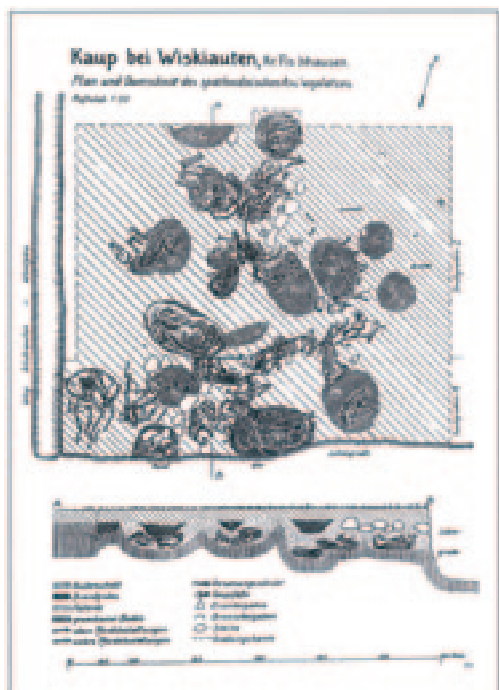

Рис. 31
Топор типа J.P.B, случайно найденный в пос. Вишнёвка.

национальном издании кабинетным археологом В. Врублевским. Выдвинутый им тезис о «зольниках» (Aschenplätze) как особой форме прусской обрядности X–XIII вв. (Wróblewski, 2006b. S. 229) нуждается в серьёзных уточнениях. Дело в том, что «зольниками» немецкие археологи называли и места сожжения при прусских грунтовых могильниках XI–XII вв., и части этих могильников с перемешанными из-за плотности расположения могил их верхними ярусами. Польскому автору, слабо знакомому с прусской археологией, нужно было точнее определить, чтó в каждом конкретном случае имелось в виду в архивных текстах о «зольниках». Наличие «зольника» в части могильника – не особая форма обрядности, а хронологический (быть может, социальный) показатель мутации прусского погребального ритуала в предорденский период (Кулаков, 1990. С. 20). В любом случае данный феномен на могильнике, перекрывшем остатки постройки в урочище Kl. Kaup, отсутствует.

Ни одной черты прусского происхождения не прослеживается в списке признаков вскрытого в Раскопе 2 пом. 4 вне зависимости от его возможной интерпретации как жилого дома, мастерской литейщика или торгово-складского павильона, датируемого, судя по многочисленным находкам из бронзы, рубежом X–XI вв. Это не соответствует гипотезе о специфике поселения Кауп, выдвинутой Тимо Ибсеном. Он утверждает, что в сер. IX в. в состав обитавших на местном торговом поселении аборигенов была включена группа скандинавов (Ibsen, 2008. S. 19). Правда, убедительно доказанных следов прусской (при этом – со скандинавским этно-культурным компонентом)

Рис. 32
План и сечение раскопа на грунтовом могильнике Klein Kaup (К. Энгель, 1932 г.).

поселенческой активности IX–XI вв. вокруг уроч. Кауп не обнаружено. Отсутствие связи между скандинавами Каупа и окружавшими это поселение пруссами (Кулаков, 1993. С. 43) подчёркивается наличием хронологического хиатуса в более чем 100 лет между пом. 4 и перекрывшими его заполнение «позднеязыческими» погребениями.

Более того, игнорируя факт открытия и изучения поселения Кауп, этот польский «специалист», считающий скандинавскими лишь женские погребения на Каупе, предлагает интерпретировать его как место захоронения небольшой группы неких северян, проживавших «где-то» на Самбии среди пруссов (Wróblewski, 2007. S. 142). Если использовать логические построения Врублевского, то скандинавов, лежащих под курганами в лесном урочище Кауп, следует признать потомками пруссов, создавших в V в. н.э. на северной окраине этого леса грунтовой могильник. Кстати, судя по находкам, на этом очередном для Каупа могильнике также находились двухъярусные прусские трупосожжения XI в. (Bujack, 1885. S. 37, 38).

На самом деле для погребальных памятников прусской культуры вполне характерно перекрывание поздними комплексами ранних могил, что в ряде случаев вызывало курьёзные эксцессы. Например, к урновым захоронениям IV в. н.э., случайно вскрытым (на могильнике Dollkeim/Коврово) в XI в., пруссы на финальной стадии эпохи викингов могли подхоронить коня (Кулаков, 2002а. С. 169–181). При этом, разумеется, никто не предполагал наличие здесь родственных отношений между воинами, между которыми пролегли семь столетий. Судя по весьма отрывочной информации, содержащейся в плане раскопанной части грунтового могильника Kleine Kaup, он представляет собой типичный для сембов XI–XII вв. могильник с нечёткими по своим планиграфическим очертаниям, нередко перекрывающими друг друга двухъярусными трупосожжениями. Аналог этому могильнику недавно раскопан на западном побережье Самбии (Пронин, Смирнова, Мишина, Новиков, 2006. Рис. 22). Такой вариант погребального памятника является результатом стабильного развития прусской культуры и, наряду с могильником Kleine Kaup, никакого отношения к древностям скандинавов не имеет. К сожалению, серьёзная ошибка, допущенная В. Врублевским ввиду незнания им азов прусской археологии, привела его к фантастическому выводу о существовании на Самбии некоего изолированного скандинавского «эксклава» (Wróblewski, 2006a. P. 110, 111), находившегося среди прусских сельских поселений с совершенно непонятной целью.

Несмотря на то, что археологические раскопки, возобновлённые на Каупе в 1979 г., принесли массу новой информации об этом археологическом комплексе, первичные выводы о его датировке и характеристике, опубликованные мною ещё на пороге эпохи «перестройки» (Кулаков, 1989а), остались фактически не замеченными как отечественными, так и зарубежными коллегами. Как и ранее, в процессе изучения древностей Северной и Восточной Европы эпохи викингов, материал, добытый при раскопках памятников IX–XI вв. во всей Восточной Балтии (пожалуй, за исключением городища Даугмале) и в исторической Пруссии в частности (Кулаков, 1998. С. 241), нашими западными и восточными коллегами игнорировался, очевидно, не вписываясь в рамки уже существующих гипотез.

Отсутствие информации (в числе

прочего – из-за языкового барьера) у западных коллег привело к тому, что даже в 90-х годах XX в. знания некоторых из них относительно датировки Каупа и оценки его роли в движении викингов продолжали оставаться на уровне предвоенных исследований. Так, Юрген Мартенс вслед за Биргером Нерманом считал прародиной викингов, захороненных на Каупе, Центральную Швецию, а вслед за Отто Клееманном предполагал необходимым (через 17 лет после открытия поселения Кауп) «искать «поселение викингов» в непосредственной близости от могильника Кауп» (Martens, 1996. S. 55, 56). Кстати, это мнение, как отмечалось выше, в сущности вполне справедливо. Как уже было показано, часть построек поселения Кауп почти вплотную примыкает к территории курганного могильника с северо-востока.

Иную точку зрения относительно расположения высказал украинский археолог Фёдор Андрощук. Он предлагает искать поселение в «Вискяутене» (авторская версия написания топонима Wiskiauten) к востоку от могильника Кауп, на низменном лугу Schwentmedfeld (Андрощук, 2004. С. 115, 116). К сожалению, наш украинский коллега попытался механически перенести на планиграфию Каупа (где он ни разу не побывал) геоморфологическую ситуацию Трусо, поселения близкого, но не идентичного Каупу. Действительно, Фёдору Андреевичу, даже не видящему разницы между «сембами» и «земгалами» (живой пример тому он показал при прочтении доклада в Калининграде в 2004 г.), сложно ориентироваться в непривычной для него археологии Балтии. Однако относительно этнокультурной интерпретации женских погребений на Каупе Ф.А. Андрощук высказал неожиданно здравое суждение об отсутствии здесь масс готландского населения. На о. Готланд овальные (черепаховидные) фибулы не использовались, их место занимали лишь фибулы типа Tierkopffibeln. В свою очередь, на Каупе они отсутствуют. Погребённые здесь в IX–X вв. женщины снабжены только овальными фибулами, и их обладательницы, очевидно, происходят из «материковой» Скандинавии (Андрощук, 2004. С. 114, 114).

II.2. Изучение древностей эпохи викингов на западном отрезке Неманского пути

Серьёзные попытки суммировать скандинавские древности в юго-восточной Балтии, предпринимавшиеся в предвоенное время, весьма малочисленны. Важнейшими среди них следует считать работы Биргера Нермана. Первоначально в своей этапной книге о контактах Скандинавии и Восточной Балтии, вышедшей в 1929 г., Б. Нерман использовал лишь материалы с территории Эстонии и Латвии, где он не знал к тому времени «… ни одного погребения [с чертами] скандинавского обряда или с бесспорно скандинавскими древностями» (Nerman, 1929. S. 160). Однако перед тем, как сентябрь и начало октября 1932 г. Биргер Нерман решил посвятить раскопкам курганов Каупа (рис. 33), он обратил пристальное внимание на скандинавские по происхождению материалы, обнаруженные на территории Имперской провинции Восточная Пруссия. В использовании Волжского и Днепровского торговых путей с начала XI в., по мнению Б. Нермана, начинают принимать активное участие купцы Балтии. Основным товаром, который они предлагали своим покупателям, являлся янтарь. Он, кстати, является основной находкой балтийского происхождения в культурных слоях древнерусских городов Верхнего Понеманья эпохи раннего средневековья (Зверуго, 1989. С. 155).

Контакты со Скандинавией обитателей юго-восточной Балтии шли через посредничество обитателей о. Готланд. Эти аспекты межплеменных связей Б. Нерман фиксирует на примерах обнаружения готландских по происхождению предметов на памятниках балтской археологии. Среди этих находок – пряжки от воинских поясов, кольца-разделители от портупеи меча, подковообразные фибулы (преимущественно «куршского

Рис. 33
Фиксация камней, вскрытых в кург./44 (?), раскопанном Б. Нерманом на Каупе в сентябре 1932 г. В центре – Фр. Йенш.

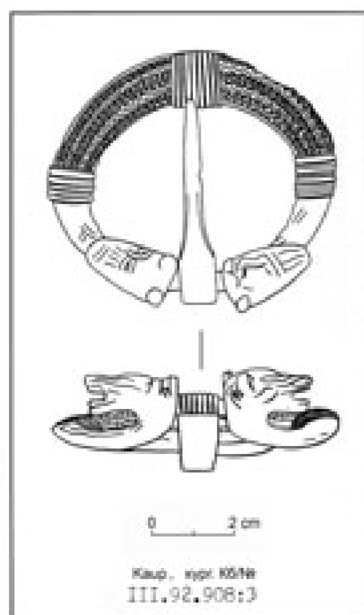

Рис. 34
Подковообразные фибулы с головками зверей на концах дуги: слева – Roma (Gotland), справа – кург. Кб/№ инв. III.92.908:3 (прорисовка фото Б. Мюлен).

типа», генетически связанные со звероголовыми готландскими застёжками, рис. 34), наконечники ножей и мечей. Основное скопление таких находок автор фиксирует в окрестностях совр. г. Клайпеды (ранее – Memel) на куршских грунтовых могильниках Oberhof/Aukštakiemis, Ramutten/Ramutai, Leisten/Laistei. Этот феномен Биргер Нерман объяснял наличием на исходе эпохи викингов на месте г. Клайпеды или же селения Аукштакиемис (Клайпедский р-н Литовской Республики) торгового центра, основанного выходцами с о. Готланд (Nerman, 1931. S. 172, 173). После того как Б. Нерман провёл через год после выхода в свет этой статьи раскопки курганов в урочище Кауп, больше он не обращался к упомянутой выше гипотезе.

Итоговая для периода накопления базы данных по прусской археологии книга Вильгельма Герте содержит мнение её автора о существовании в X–XI вв. близ селения Wiskiauten колонии викингов, прибывших сюда из Дании или Швеции. Причина создания этой колонии, степень участия её обитателей в жизни пруссов, в частности в их торговых контактах с соседями, в книге не обозначены (Gaerte, 1929. S. 347–349). О следах пребывания скандинавов вне «колонии» В. Герте также умалчивает.

В совместной монографии, выпущенной Карлом Энгелем (научный сотрудник Музея «Пруссия») и Вольфгангом Ла Бомом (руководитель Департамента охраны памятников провинции Восточная Пруссия), увидевшей свет в 1937 г., были представлены основные стратегические линии развития прусской археологии. В отличие от своих предшественников, эти авторы чётко указали характер эвентуального поселения Кауп – торговая колония скандинавов. Политическая ситуация предвоенного времени не смогла не отразиться на некоторых эмоциональных оценках роли скандинавов в жизни пруссов: «Обедневшая после ухода германцев культура северо-восточной Германии (исторической Пруссии – К.В.) обновилась посредством торговых отношений с викингами» (Engel, La Baume,

1937. S. 218). Правда, несколько позже К. Энгель подчеркнул, что влияние викингов на пруссов не проникало далее побережья. Ярким свидетельством этого он считал подковообразные фибулы, распространившиеся в юго-восточной Балтии с IX в. (Engel, 1939. S. 46, 49). Позднейшие исследования полностью подтверждают это предположение (Кулаков, Сыроватко, 2003. С. 51–58).

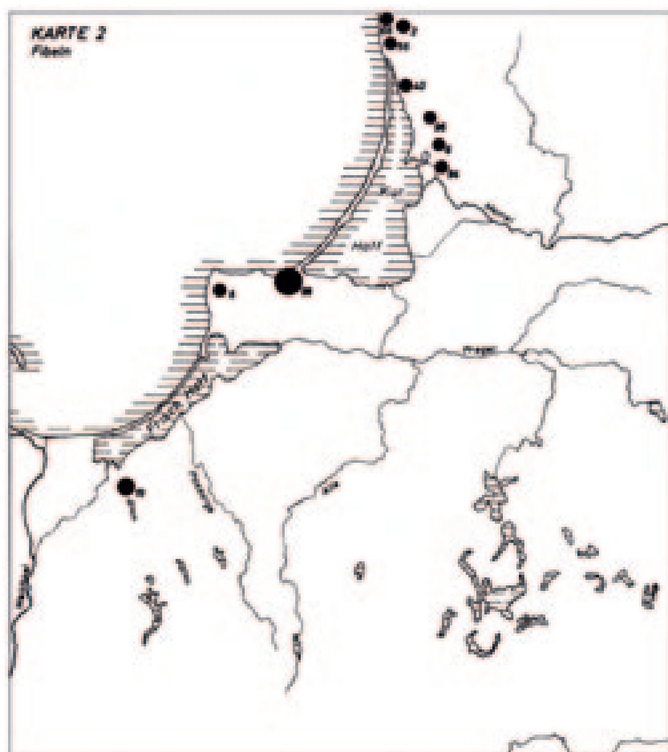
В послевоенное время проблему поисков следов торговой и военной деятельности скандинавов в прусском племенном ареале последний раз в немецкой историографии поднял Бернт фон цур Мюлен. Он считал, что рассмотрение типологии, хронологии и картирование (рис. 35, 36) находок «скандинавского происхождения» (женские украшения, предметы вооружения и конского снаряжения) позволят точнее выяснить принципы деятельности викингов в юго-восточной Балтии. Исследователь в своей предвоенной диссертации, несколько устаревшей ко времени её выхода в свет (родственники автора чудом вывезли её из Восточной Пруссии в рамках эвакуации), полагал, что поселение скандинавов на Каупе было основано выходцами из Зееборга, оказавшимися на Янтарном берегу вскоре после разрушения данного торгового центра куршами. Он считал, что обитатели «колонии» Каупа, активно используя пролив Брокист, торговали с жителями низовий р. Неман (Mühlen, 1975. S. 52, 53).

Данный тезис немецкого коллеги независимым образом подтверждается в работе литовского археолога Оне Кунцене, к началу 70-х годов XX в. собравшей основательный банк данных о торговых путях и связанных с ними находках на территории современной Литвы. Так, в частности, выявлены два микрорегиона со скоплениями находок арабских серебряных монет (всего – 13 пунктов находок, преимущественно – клады, рис. 37) у северной оконечности Куршской косы и в низовьях р. Нярис (окрестности современного г. Вильнюса) (Kuncienė, 1972. P. 174–177). Если первое из названных скоплений кладов диргемов О. Кунцене считала результатом торговли, которую вели курши со своими северными соседями, обитавшими в устье р. Даугавы (соответственно, этот монетный поток следовал по северному отрезку пути «из варяг в греки…»), то второе, «вильнюсское», скопление находок диргемов соотносилось с торговым путём, проходившим по р. Нярис (Kuncienė, 1972. P. 179). В районе современного г. Каунаса, стоящего при слиянии рек Неман и Нярис, предполагалось наличие торгового пункта, обеспечивавшего в IX–XII вв. деятельность Неманского пути (Kuncienė, 1972. P. 238, 239). Очевидно, подобная роль Каунаса для торговых операций по верховьям Немана была актуальна и для конца XIV–XV вв. Это засвидетельствовано находками в данном регионе древнейших литовских монет (Kiersnowski, 1984. S. 149). Связи населения «каунасского» региона с Самбией в эпоху викингов фиксируются на материалах новейших раскопок могильника Марвяле (к югу от г. Каунаса), где обнаружено большое число конских захоронений, совершённых, возможно, под влиянием прусской обрядности (Bertašius, 2002. P. 208).

В своих последующих работах Оне Кунцене разграничила возможности проникновения на территорию Литвы различных предметов, маркирующих торговые трассы, ведшие в Балтию с востока. Если древнерусские украшения и предметы культа (прежде всего – лунницы и энколпионы) поступали сюда по Неманскому и прочим путям, то диргемы в VIII–IX вв. прибывали по морю через Старую Ладогу, а в X в. – по

Рис. 35
Карта распространения скандинавских фибул в юго-восточной Балтии (по: Mühlen B., 1975, Karte 2).

Рис. 36
Список пунктов находок, прилагаемый к картам Б. фон цур Мюлен.

Fundstellennachweise zu den Karten

Fundort	Fundliste bzw. Fund
[illegible]	[illegible]

nach Mühlen B., 1975, S. 259, 260.

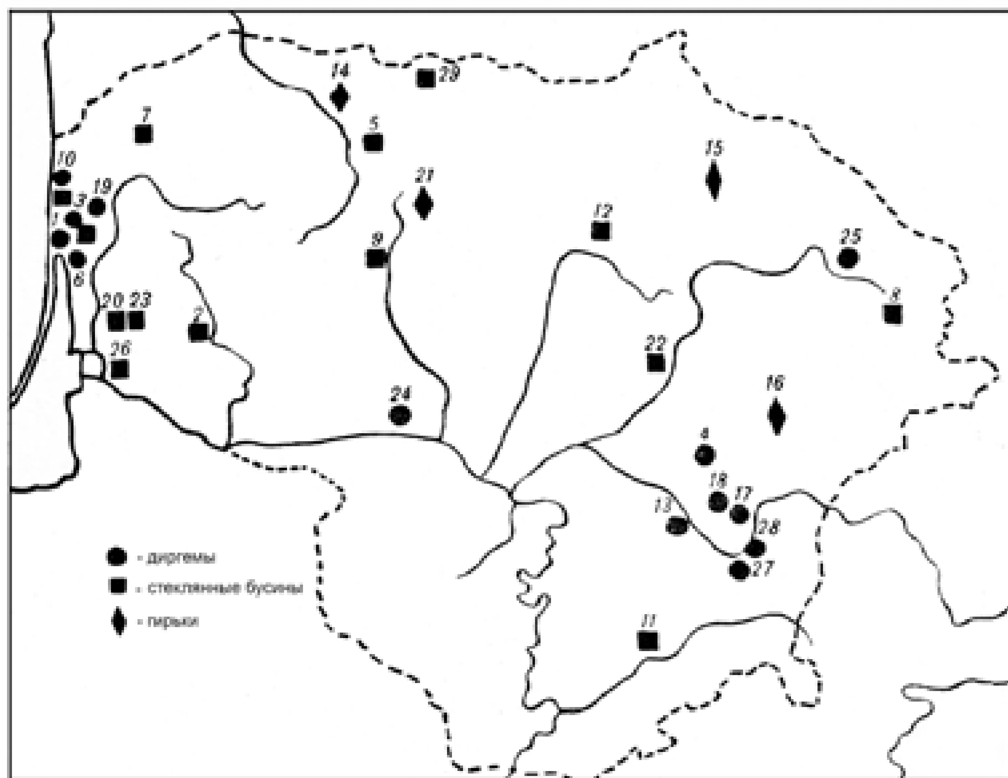

Рис. 37
Скандинавские импорты на территории Литвы (по: Kuncenė O., 1972, 178).

Даугавскому варианту пути «из варяг в греки…» (Kuncienė, 1981a. P. 62, 63, 90, 91, 2 pav.). Ранее подобную версию высказала и Регина Волкайте-Куликаускене, посчитав основным для территории Литвы эпохи раннего средневековья Даугавский путь и уделив гораздо меньше внимания пути Неманскому (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970. P. 97, 98).

Вслед за Б. Германом Хенрик Ловмяньский писал о «норманнских колониях» на берегах Балтики и о скорой ассимиляции пришельцев в местной балтской среде (Łowmiański, 1983. S. 22). К сходным выводам приходит и литовский историк Б. Дундулис, который считает, что северяне пытались освоить лишь прибрежную зону балтского племенного ареала (Dundulis, 1982. P. 66, 67).

Первым из восточноевропейских коллег предположение о существовании Неманского торгового пути эпохи викингов выдвинул В. Н. Зоценко (Зоценко, 1987. С. 92, 93), поддержанный В. А. Булкиным (Булкин, Зоценко, 1990. С. 117–123). Эти учёные, анализируя находки IX–XI вв. из верховьев р. Неман, пришли к выводу о том, что эта часть большой реки была связана посредством системы волоков с р. Березиной. Через неё, как справедливо считали киевский и ленинградский коллеги, торговые ладьи северян попадали в р. Днепр, доставляя товары жителям Среднего Поднепровья.

Несколько позже раскопки поселения у дер. Городищи (окрестности г. Пинска) позволили О. В. Иову выдвинуть гипотезу о существовании в эпоху

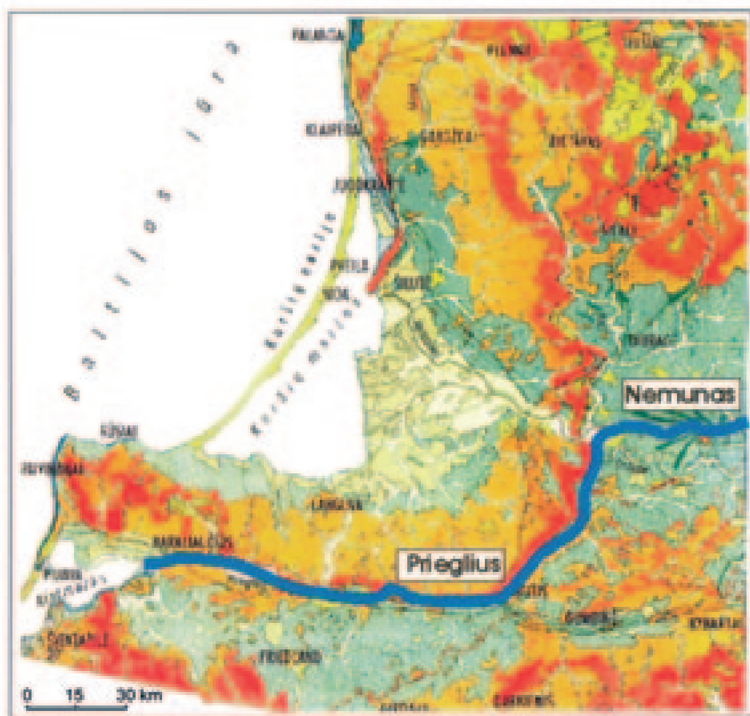

Рис. 38
Карта почв Юго-Восточной Балтии и русло р. Неман в I тысячелетии до н.э.

викингов пути, связывавшего реки Неман и Припять (Иов, 1997. С. 268–274).

Конец II – начало III тысячелетий н.э. ознаменованы всплеском интереса к древностям эпохи викингов на территории Юго-Восточной Балтии. Это стало результатом, в частности, деятельности нового поколения литовских археологов, концентрировавшихся в университетах Вильнюса и Клайпеды. Благодаря многолетним исследованиям комплекса археологических памятников в Жарде (южные окрестности г. Клайпеда) Йонасу Генису представилась возможность констатировать интерес представителей куршских торговых пунктов эпохи викингов (в том числе Жарде) к развитию контактов с Востоком по Даугавскому пути. Напротив, Неманский путь (включая низовья Немана) интересовал, как считает наш клайпедский коллега, в первую очередь обитателей земли пруссов (Genis, 1997. P. 148).

Владас Жулкус, изучая палеотопонимические аспекты дельты р. Немана, пришёл к выводу о том, что известный здесь с 1526 г. массив гидро-/топонимов Russe, Russ (название низовий Немана вплоть до начала XX в.), Rusna являются архаизмами эпохи викингов и связаны с понятиями ruotsi, rus. Топонимы Ustaholm и Vitaholm, упоминаемые на рунических камнях Готланда, приурочены В. Жулкусом к частям дельты Немана. Всё это, как считает литовский археолог, является свидетельством активности скандинавов в начале Неманского пути. При этом констатируется появление пролива у Клайпеды в XII в. До этого времени все торговые суда из дельты Немана стремились через Куршский залив в Балтику, проходя через пролив Брокист в непосредственной близости от Каупа (Žulkus, 1989. P. 29). Кстати, активность скандинавов на торговых путях (правда, на материалах Гнёздова) отмечал и Д.А.

Рис. 39
Племенные ареалы римского времени на западном отрезке Неманского пути.

Авдусин, говоря: «Путь «из варяг в греки» был оживлённее «пути из грек в варяги» (Авдусин, 1991. С. 13).

Недавно В. Жулкус поддержал тезис ряда современных геологов о том, что в I тыс. н.э. (или, во всяком случае, в средней фазе эпохи Голоцена) р. Неман у горы Рамбинас сворачивала на юг и её волны по руслам позднейших рек Инструча и Преголи устремлялись через Вислинский залив в Балтику (рис. 38). Этот геологический феномен делал возможным формирование Неманского пути ещё в римское время при участии ряда западнобалтских племён (рис. 39). Многочисленные случаи обнаружения черт погребального обряда самбийского происхождения на территории современной Литвы в эпоху Меровингов и в период движения викингов приводит В. Жулкуса на позиции активного сторонника теории существования Неманского пути в раннем средневековье (Žulkus, 2006. P. 17, 19). Поддерживая автора этих строк в мнении о главенствующей роли Каупа в торговле по Куршскому заливу и по Неманскому пути (к этому времени Неман уже впадал в Куршский залив), В. Жулкус справедливо сомневается в многонациональном характере населения Каупа. Основываясь на специфике инвентаря курганов Каупа, клайпедский учёный приходит к выводу о сугубо скандинавском этносе жителей поселения Кауп, считая его скандинавским торговым центром (Žulkus, 2006, P. 22) среди различных по этносу населения торговых центров в Юго-Восточной Балтии эпохи викингов (рис. 40). В. Жулкусом не ставится под сомнение скандинавская инициатива в торговых операциях по нижнему течению р. Неман. Основным товаром, поступавшим в IX–X вв. по Неманскому пути в Балтию и дальше в Скандинавию, являлись, по мнению клайпедского коллеги, серебряные арабские монеты (Žulkus, 2004. P. 74, 75).

Меньше энтузиазма относительно

деятельности Неманского пути проявляют современные археологи Польши. Так, например, Матеуш Богуцки, молодой исследователь торгового центра Трусо (Янув Поморски), считает, что в эпоху викингов основным торговым пунктом в юго-восточной Балтике была Гробиня, население которой контролировало прежде всего морские трассы, ведшие в Скандинавию через о. Готланд (Bogucki, 2006. P. 101). Ни М. Богуцки, ни В. Врублевски так и не увидели в поселении Кауп крупного торгового пункта (Wróblewski, 2006a. P. 111). К сожалению, здесь перед нами традиционная черта современной польской археологии в Балтии – излишняя концептуальность (быть может, даже ангажированность), выступающая параллельно с незнанием новых открытий в археологии пруссов, происходящих на территории России.

Игнорирование потенциальной возможности функционирования Неманского пути в эпоху викингов характерно и для наших западноевропейских коллег. Реки Неман, Нярис и Березина не значатся в перечне рек, использовавшихся в IX–XII вв. в ходе торговых операций между Севером и Востоком Европы (Crumlin-Pedersen, 1988. S. 534, 535). Такая точка зрения восходит к мнению Хольгера Арбмана, который знал кроме Волжской трассы лишь два пути, по которым скандинавы эпохи викингов проникали на Восток: через Старую Ладогу и через Западную Двину (р. Даугава). Оба пути вели через Киев в Византию (Арбман, 2003. С. 160, 161). Это, кстати, полностью соответствовало описанию, оставленному в XII в. Нестором в Начальной Русской летописи (Пушкина, 1996. С. 8). В южно- и среднебалтийской торговой зоне, которую Йозеф Херрманн выделял для эпохи викингов в

Рис. 40
Торговые центры в Юго-Восточной Балтии в I – нач. VIII вв. по В. Жулкусу. Кроме Truso, Kaup, Grobiņa интерпретация остальных пунктов гипотетична.

Балтийской акватории, для Неманского пути места не нашлось (Херрман, 1986. С. 97–99).

Не видят его на карте Восточной Европы IX–XI вв. и ленинградские археологи. Для них на пути «из варяг в греки…», кроме Двинско-Днепровского варианта с легендарным «гнёздовским» Смоленском, не существует ничего (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1988. С. 229). Яркий представитель ленинградской школы скандинавистики Глеб Сергеевич Лебедев знал только классическую трассу для пути из Скандинавии в Византию: «…из бассейна Ильменя-Волхова-Ладожского озера в бассейн Западной Двины, Верхнего Днепра и Верхней Волги» (Лебедев, 2005. С. 540). Иную точку зрения отстаивал киевский археолог Владимир Николаевич Зоценко. Он декларировал актуальность «широтного» направления связей Гнёздова через Даугаву. При этом публикуемая автором схема находок диргемов в Восточной Европе прямо указывает на бесперспективность предлагаемого отрезка пути и на изобилие находок дир-

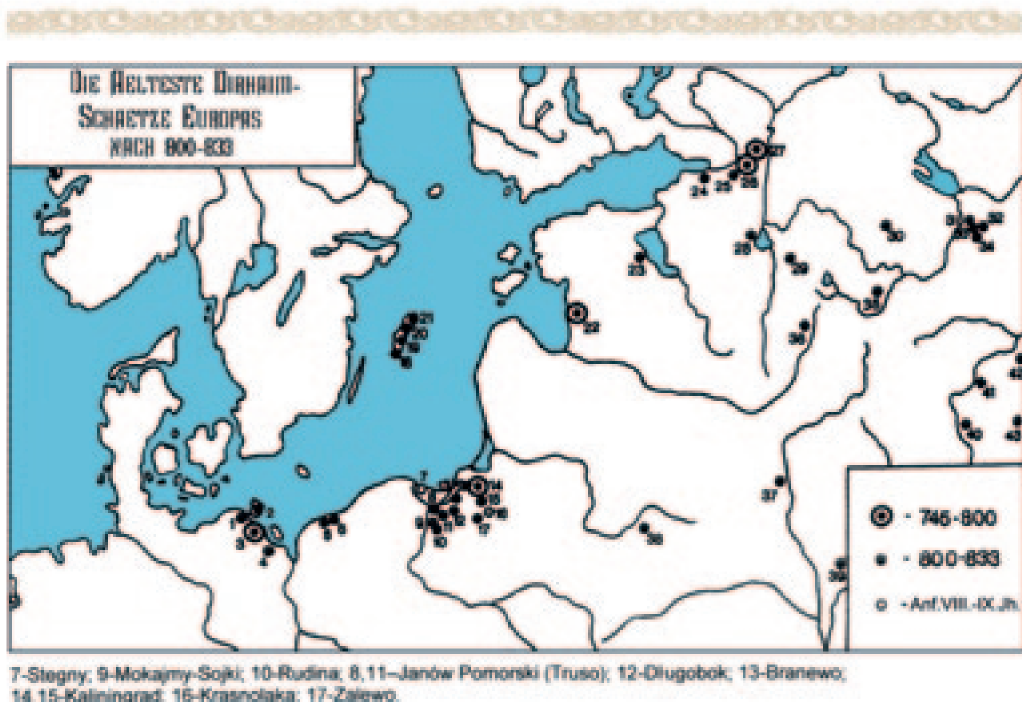

Рис. 41
Клады диргемов VIII–IX вв.
в бассейне Балтики.

гемов по течению р. Неман (Зоценко, 2001. С. 121, рис. 2).

В настоящее время проблема изучения Неманского торгового пути эпохи викингов в любом из его отрезков находится лишь на начальной стадии. Для современных водных транспортников и туристов наличие этого пути, во всяком случае – в верховьях Немана, сомнения не вызывает. Этот путь давно ими изучен и активно используется: «В XIX веке был создан Березинский канал, соединявший Днепровский и Западно-Двинский бассейны. Еще раньше в белорусском Полесье по инициативе литовского гетмана Огинского (дядя известного композитора М. К. Огинского) был прорыт канал, соединивший реки Щару и Ясельду, что позволяло передвигаться по воде на небольших баржах из Немана в Припять. Теперь эти водные пути потеряли своё экономическое значение... У нас освоены два варианта переходов от притоков Немана к притокам Припяти. Объединяет их то, что наиболее трудная часть пути – преодоление водораздела – приходится на белорусское Полесье. Разберём сначала наиболее простой путь – от верховья Щары через Выгоновское озеро, канал Огинского, реки Ясельду и Пину в Припять. Этот маршрут можно, пожалуй, назвать «От Барановичей до Пинска», так как начинать поход придется в Барановичах. Протяжённость маршрута по воде 230 км, продолжительность – 8 ходовых дней… Есть ещё один, более трудный маршрут – на лодках от Немана до Припяти… Наш путь пойдет от Мостов вверх по Неману, Щаре, её левому притоку Гривде. За этой прямой, как натянутый шнур, рекой, через систему заброшенных каналов – к Споровскому озеру, реке Ясельде и Пинску – порту на Припяти (по воде 360 км, на что уйдёт не менее 12 ходовых дней)». (Кокорев, 1975. С. 15, 23).

Рис. 42
Находки диргемов VIII–IX вв. в Юго-Восточной Балтии.

Автор этих строк неоднократно писал о возможности активной роли Неманского пути в истории племён Балтии в эпоху викингов (Кулаков, 1994б. С. 119; он же, 2011а. С. 105–122). Важнейшим, можно сказать – центральным пунктом на балтийском участке этого пути, проходившего или из дельты Немана по Куршскому заливу к проливу Брокист и далее в Балтику, или по рекам Инструч и Преголя к Вислинскому заливу и далее – по Самбии на север, являлся торгово-ремесленный пункт Кауп. Его расположение в важнейшей для торговых операций точке – у пролива Брокист, до XII в. прорезавшего Куршскую косу в её юго-западной части, возможность осуществления через торг у Каупа операций с янтарём – всё лишь подчёркивает неординарное значение этого пока мало изученного поселения эпохи викингов (Koulakov, 2000. P. 293, 294). Кроме того, распределение по Восточному пути (дисл. Avstrvegr) ранних кладов арабского монетного серебра (рис. 41) указывает на прибрежную часть ареала пруссов с Каупом как на исходную точку этого пути. Монетные находки в земле пруссов, данные о которых были скрупулёзно собраны С. Братером (рис. 42), подтверждают этот тезис. Введению в научный оборот доступной автору части материалов Каупа, выявление на балтийском отрезке Неманского пути следов активности викингов – главная задача предлагаемой работы.

III. Хронология и происхождение древностей эпохи викингов в Юго-Восточной Балтии

III.1. Хронология и этнокультурная принадлежность погребений курганного могильника Кауп (уроч. Grosse Kaup)

К середине 2009 г., времени написания данной части работы, для курганного могильника Кауп известна информация разной степени полноты о 53 курганах, раскопанных в 1873–1937 гг.), о 14 курганах и о 3 «каменных кладках», раскопанных Ф.Д. Гуревич в 1956 и 1958 гг., о 10 курганах и 1 грунтовом погребении, раскопанных автором этих строк в 1980–2007 гг. Итого, в предлагаемой работе учитываются данные, полученные при раскопках 77 курганных и 4 грунтовых погребений могильника Кауп (уроч. Grosse Kaup), представленные в Приложении 1.

На обряд курганов Каупа в работах представителей прусской археологической школы было обращено минимальное внимание. Первым вразумительно, но кратко охарактеризовал черты ритуала этого могильника шведский исследователь Каупа Биргер Нерман. Он писал о том, что насыпи здешних курганов – округлые или овальные в плане. Преобладающая на Каупе форма обрядности – подкурганное трупосожжение на месте, причём остатки погребального костра (ОПК) после прекращения их горения сгребали к центру кострища. Из вскрытых Б. Нерманом курганов только 2–4 погребения содержат захоронения женщин,

Рис. 43
Финальная расчистка трупоположения воина в кург. К/151а (вверху) и подготовка этого комплекса к транспортировке в Музей «Пруссия», г. Кёнигсберг (внизу).

остальные курганы содержали останки мужчин-воинов (Nerman, 1942. S. 42). Бернт фон цур Мюлен, студентом принимавший участие в предвоенных (1939 г. ?) раскопках курганов Каупа, считал, что среди 90 могильных насыпей, раскопанных на Каупе немецкими археологами, большая часть содержала подкурганные трупосожжения. В некоторых случаях они обладали признаками, указывавшими на осуществление на подкурганном пространстве сожжения in situ. Меньшая часть курганов содержала трупоположения (рис. 43), которые считались представителями старой прусской археологической школы следствием христианского влияния на культовые воззрения скандинавов. Средние параметры курганных насыпей исчислялись так: высота – ок. 0,6 м, диаметр – ок. 6 м (в основном – в раскопках И. Хейдека). В некоторых курганах были встречены каменные (рис. 33) или деревянные (после них остаются, как правило, столбовые ямы – рис. 44) конструкции (Mühlen, 1975. S. 15).

По мнению новейшего историографа предвоенных немецких раскопок могильника Кауп Юргена Мартенса, свидетельством древнейшей формы погребального обряда здесь является подкурганное округлое в плане пятно трупосожжения in situ на уровне материка. Это пятно окружало двойное (?) кольцо из камней, в пределах земляной насыпи остатки сожжения перекрывали каменные кладки различных в плане очертаний (рис. 45). Как правильно считал Ю. Мартенс, на Каупе были нередки кенотафы. В основании поздних курганных насыпей при раскопках были встречены камни размерами до 1,0 х 0,6 м. Параметры курганов, раскопанных на Каупе Б. Нерманом, достигали 1,5 м высоты и 12 м в диаметре. Высоких насыпей (выс.

Рис. 44
Реконструкция жертвенника и «врат» в юго-западной части участка Е Раскопа 2005 г. на курганно-грунтовом могильнике Кауп.

до 3 м), как на отдельных могильниках Скандинавии (например, Еллинге) или подобных сопкам Новгородчины, на Каупе нет. Отсутствуют здесь крупные курганные насыпи с трапециевидным сечением (как в Чёрной Могиле), содержавшие в Восточной Европе останки дружинных вождей. По мнению Вольфганга Ла Бома, для курганов, раскопанных на Каупе, высота насыпи колебалась от 1 до 2 м, диаметр – от 6 до 15 м. Диаметр пятна трупосожжения в основании курганной насыпи нередко равнялся 1 м. Ровики вокруг курганов Каупа (кроме раскопок 1980 и 2000 гг.) не обнаружены, нет здесь и bautastenar (плоские каменные стелы, вертикально стоящие между насыпями или на них), характерных для могильников Скандинавии эпохи викингов.

На Каупе были отмечены и трупо-

Рис. 45
Частично демонтированная каменная кладка, перекрывавшая один из курганов на Каупе (фото 1933 г.).

положения в деревянных колодах, погребавшиеся как в могильных ямах под каменными кладками, так и без ямы на уровне материка. Урновые погребения, по мнению Ю. Мартенса, характерные (для части населения исторической Пруссии, имевшего скандинавское происхождение ?) лишь для раннего железного века, на Каупе известны не были (Martens, 1996. S. 39, 40). Правда, как показывают материалы курганного поля Хемланден в Бирке, для скандинавов IX в. характерны именно урновые трупосожжения (Лебедев, 2005. С. 252). В 2006 г. при раскопках кург. К126А (рис. 46) и К140А (погр. 2) были найдены такие урновые трупосожжения, действительно редкие для Каупа.

Ф.Д. Гуревич исчисляла размеры курганов Каупа в параметрах, уже отмечавшихся её немецкими предшественниками на этом памятнике археологии. Яркой особенностью этих курганов считалось наличие на их вершинах камней-Merkstein (рис. 47). Длина этих валунных камней (нередко со следами обработки), имевших несомненное ритуальное значение, колебалась в пределах от 0,4 до 2 м. В последнем случае Merkstein (нем. «памятный камень») мог исполнять функцию известных в Скандинавии bautastenar (по смыслу

Рис. 46
Урна in situ в погр. 1 кург. К126а-1.

Рис. 47
Камень-Merkstein с кург. К126а.

– аналог Merkstein). В суглинистых насыпях (грунт включал «множество мелких камней») раскопанных ею курганов Ф.Д. Гуревич отметила наличие единичных углей и «обожжённые» (т.е. слабо подгнившие, припрятанные про запас современными грызунами) жёлуди. Более чем в 4 насыпях Ф.Д. Гуревич обнаружила слои глины, перекрывавшие остатки трупосожжения, находившиеся in situ на материке. По ошибке этот весьма плотный слой красно-охристой глины, нередко – с большим количеством гравийной примеси (рис. 48, 49), неопытная исследовательница (к сожалению, Ф.Д. Гуревич была по образованию не археолог, а медиевист) приняла за обожжённый грунт. На самом деле, как показывают новейшие раскопки Каупа, следы прокала и, главное, значительное количество оставшихся после обжига глины угля в таких слоях в курганных насыпях отсутствуют. Ф.Д. Гуревич отмечала, что «почти на всём инвентаре видны следы пребывания в огне» (Гуревич, 1963. С. 198). В суглинистых почвах Каупа железо окисляется весьма интенсивно, и поэтому непрофессионалу находки, сделанные из этого металла, кажутся обгоревшими. Во вскрытых в межкурганном пространстве каменных кладках были найдены разрозненные кальцинированные кости, мелкие угли и редкие обожжённые находки. Интерпретировать эти кладки Фрида Давидовна не сочла возможным (Гуревич, 1963. С. 199, 203).

Несмотря на вышеизложенные черты обрядности Каупа, Ф.Д. Гуревич, в отличие от своих немецких предшественников, делает неожиданный вывод о ведущей для этого могильника форме ритуала – «умерший сжигался на стороне вместе с принадлежавшими ему вещами… Пережжённые кости… вместе с остатками погребального костра переносились на место сооружения кургана». Фрида Давидовна считала, что обычай перекрывать остатки сожжения слоями «обожжённой и необожжённой глины» характерен для «более богатых погребений» (Гуревич, 1963. С. 202).

Находя сходные черты ритуала в курганах Бирки на берегу оз. Меларен в Средней Швеции, Ф.Д. Гуревич посчитала, что курганы Каупа оставлены населением «норманнской колонии» (Гуревич, 1963. С. 203).

Имеющийся в нашем распоряжении материал в основном уже был мною обработан и опубликован в 1989 г. Результаты раскопок, проведённых на могильнике Кауп в 2000–2007 гг., присоединены к этому массиву. Учитывая его относительную компактность, можно избежать построения сложных таблиц, графиков и графов и представить суммарную информацию о чертах погребального обряда, характерных для курганов Каупа, текстуально.

Рис. 48.
Условные обозначения для планов и профилей объектов, вскрытых раскопками на могильнике и на поселении Кауп с 1979 г.

Курганы с трупосожжением (без конкретизации места) с определением пола погребного по составу инвентаря:

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:d) – парное – **мужчина и женщина**.

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.94.908:6) (**мужчина**-воин и захоронение коня ?).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2005:d3) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2009:A3) (**мужчина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2012) (**мужчина**-воин).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2019:B4) (**мужчина**-воин и захоронение коня ?).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2018:16) (**мужчина**-воин).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2009:A3) (**мужчина**).

Кург. /11 (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:11) (двое **мужчин**-воинов и конь ?).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:3) (**мужчина**-воин и конь).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.172.7971:6) (**мужчина**-воин).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» VII.173.10460:1) (**мужчина** ?).

Кург. /44. (**женщина** и ребёнок).

Кург. /72 (**женщина**).

Кург. /51a (**женщина**).

Кург. /51c (**мужчина**-воин).

Кург. К7/ (1958 г.) (воин).

Курганы с сожжением на месте:

Кург./3. (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:3) (**женщина**).

Кург.КII/ (1956 г.) (**мужчина**-воин).

Кург. К2/ (1958 г.) (**мужчина**-воин).

Кург. К6/ (1958 г.) (**мужчина**-воин).

Кург.К8/ (1958 г.)

Кург. К11/ (1958 г.) (**женщина**).

Кург. К172/ (1980 г.).

Кург. К174/ (1980 г.).

Кург. К175/ (1980 г.).

Кург. К-167/167 (2000 г.) (**мужчина**-воин).

Кург. К-128/146 (2004 г.) (**женщина**).

Кург. К126А (2006 г.).

Кург. К140а (погр. 2) (2007 г.) (**женщина**).

Курганы с сожжением на стороне:

Кург. К1/(1958 г.) (**женщина**).

Кург. К3/ (1958 г.).

Кург. К4/ (1958 г.).

Кург. К5/ (1958 г.) (**мужчина**-воин).

Кург. К10/ (1958 г.).

Кург. К127 (2005 г.) (**женщина**).

Кург. К140а (погр. 1) (2007 г.) (**женщина**).

Курганы с трупоположением:

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:e) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.17.573) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.91.908:1) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.258.1197:29) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2020) (парное – **мужчина**-воин и **женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2021:C2) (**мужчина**-воин с захоронением коня ?).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2016) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2022) (парное – **мужчина**-воин и **женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.99.7391) (**мужчина**).

Кург. /7. (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:7) (**женщина**).

Кург./8 (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:8) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:1) (**женщина**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:4) (парное – **женщины**).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.172.7971:5) (**женщина**).

Кург. /151в (1930 г.) (**мужчина**-воин).

Кург. /51 (двое **мужчин** и **женщина**).

Кург. /143 (**мужчина**-воин, две **женщины**, захоронение коня).

Кург. /151а (**мужчина**-воин).

Кург. б/№ (1937 г.) (**мужчина**).

Кург. б/№ (1937 г.) (**мужчина**).

Кург. К140а (погр. 4) (2007 г.) (**женщина**).

Курганы с конским захоронением (вывод на основании наличия комплекта конского снаряжения):

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:n).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.92.908:2).

Кенотафы:

Кург./2 (1880 г.).

Кург.KI/ (1956 г.).

Кург. KIII/ (1956 г.).

Кург. K9/ (1958 г.).

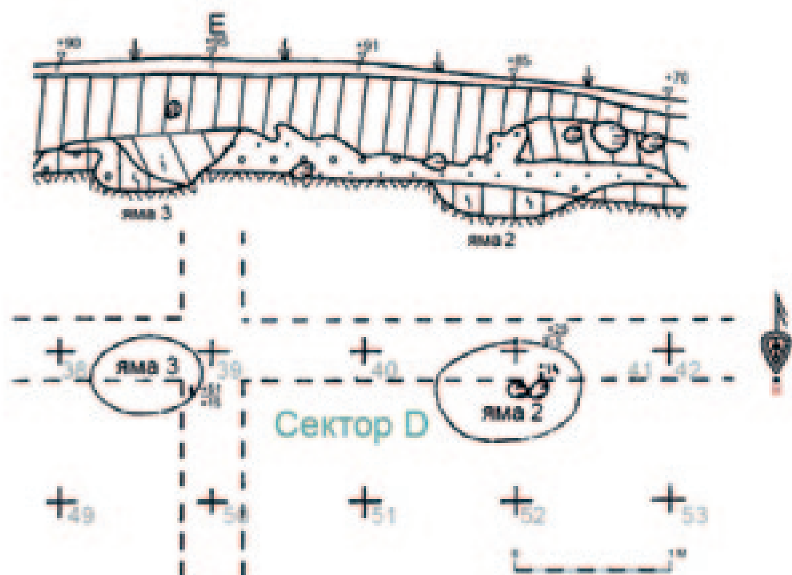

Рис. 49.
Ямы 2 и 3 в кург. К140а.

Кург. К182/182 (1980 г.).
Кург. К127 (2005 г.).

В 17 курганах с трупосожжением (без конкретизации места) по комплексам инвентаря определено наличие: 11 воинов, нередко – с конями (или с комплектом конского снаряжения); определены 4 женщины и 2 парных захоронения.

В 13 курганах с сожжением на месте: 4 воина, 4 женщины. Остальные погребения по составу инвентаря неопределимы.

В 7 курганах с сожжением на стороне: 3 женщины, 1 воин. Остальные погребения по составу инвентаря неопределимы.

В 21 кургане с трупоположением: 10 женщин, 6 мужчин, 4 с женскими и мужскими костяками, 1 пара женщин.

2 кургана определённо содержали конские захоронения, возможно без наличия человеческих костей.

6 курганов, не содержавших костных материалов, можно признать кенотафами.

Слова, выделенные жирным шрифтом, показывают в группах курганов, определённых по ведущим чертам внутренней структуры обрядности, превалирующую половую принадлежность погребённых там индивидуумов. Так, если трупосожжения без определения места кремации показывают заметное преимущественное наличие в них останков мужчин-воинов, то в группе трупоположений уверенно лидируют женские погребения. Важную роль в этой группе играют парные ингумации, опять же – с присутствием женских останков. В данном случае мы имеем очевидный археологический комментарий к сообщению Снорри Стурлусона. В нём говорится: в соответствии с законами Асов Владыка Богов и людей Один некогда повелел скандинавам, «…что каждый должен прийти в Вальгаллу с тем добром, которое было с ним на костре… пепел надо… зарывать в курган, а в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем сто́ящим людям надо ставить надгробный камень» (Стурлусон, 1980. С. 14). Кстати, из текста «Круга Земного» не ясно, где должна проводиться кремация: на стороне или же на месте будущего кургана. Напротив, бог процветания, мира и богатства Фрейр по преданию был погребён несожжённым. Сестра его Фрейя, последняя из Асов сохранявшая традиции Фрейра (в том числе и обряд ингумации как знак сохранения в земле и на земле культовых гарантий урожая и благоденствия), являлась покровительницей хозяек усадеб (Стурлусон, 1980. С. 16). Очевидно, этими аспектами скандинавского культа можно объяснить стремление обитателей Каупа отправить воинов в Вальгаллу в дыму погребального костра (расположение костей черепа на костре позволяет судить о меридиональной ориентировке покойных), а тела женщин – хозяек дома и усадьбы предпочиталось сохранить в целости под курганами как залог мистической стабильности мира и благосостояния. При этом воины сопровождались комплексом вооружения (меч, копья, щит, изредка – стрелы) (рис. 10), а в состав инвентаря женщин входили наряду с парадным набором украшений предметы, свидетельствующие об их функции хозяйки усадьбы (бронзовые декоративные ключи, конские удила, реже – керамические сосуды). Обращает на себя внимание факт отсутствия в мужских погребениях предметов хозяйственного назначения (орудия труда) и находок, связанных с торговыми

операциями (весы, гривны «литовского типа» как средства платежа, характерного для Балтии эпохи викингов). Гирьки найдены лишь в двух курганах – оба б/№, Pr. Mus. III, 91, 908:1; Pr. Mus. V,170, 7971:6.

Показанная интерпретация обрядности курганов Каупа представляет собой принципиальную схему культового мышления обитателей поселения, хоронивших своих мёртвых на могильнике, сохранившем до наших дней историческое имя, первоначально принадлежавшее упомянутому поселению (см. выше). На самом деле картина обрядности Каупа значительно сложнее, ибо при не всегда комплектном материале, имеющемся в распоряжении современной науки, трудно анализировать связь обрядности основных погребений, над которыми первоначально сооружалась курганная насыпь, и более поздних комплексов, помещённых в уже готовую насыпь. Так, например, в раскопанном в 2007 г. кург. К140а наиболее ранним является погр. 2 (трупосожжение на месте), позже его в полах и в насыпи созданного над ним кургана сооружались другие погребальные комплексы, среди которых имеются трупоположение (погр. 4) и трупосожжения на стороне (погр. 1 и 3). Аналогичный пример представлен и в кург.К163/ (рис. 50). Ясным является отсутствие генеральной идеи погребать женщин только несожжёнными, а мужчин – исключительно кремировать на месте будущего кургана. При подготовке обряда погребения в умах жителей Каупа формировались более сложные культовые схемы. Одна из них, реализовавшаяся при подготовке кремации на месте, выявлена в ходе раскопок 2000, 2004 и 2005 гг., заключалась в проведении многоступенчатой погребальной церемонии, включавшей выставление тела на носилках за пределами будущего кургана, осуществление жертвоприношений в ямах на месте будущего трупосожжения, создание глиняной подушки, на которую ставились носилки с телом, затем кремация (для этого нередко использовались территории сбоку от насыпи, как показывает случай с кург. К-128 – рис. 15), сгребание остатков кремации в выбранную на кострище могильную яму, перекрывавшуюся курганной насыпью. Пример создания сложной системы формирования целой зоны погребений, столбовых ям (памятные столбы/колья, ритуальные «ворота»), каменных сооружений и ям с жертвоприношениями вокруг кенотафа показывает Раскоп 2006 г. (рис. 177). Нет сомнений в том, что подробно охарактеризовать различные версии и нюансы обрядности населения Каупа можно будет после накопления массива информации, полученной при помощи проведения археологических раскопок на современном методическом уровне. К сожалению, работы всех исследователей (в том числе и автора этих строк), осуществлённые на Каупе до 2000 г., этим условиям не отвечают. Ранее эти схемы не прослеживались потому, что до начала III тыс. н.э. площадь могильника вскрывалась не сплошной площадью (т.е. раскопами, соединёнными между собой в единую площадь), а лишь в пределах курганов (рис. 51), причём исследователь каждый новый сезон выбирал себе курган для раскопок в любой точке могильника, не обязательно рядом с ранее исследованными объектами.

Тем не менее уже тот минимум информации о системе погребальной обрядности, существовавшей на Каупе, свидетельствует о том, что эта система была вполне сложной, органично сформированной и вполне самодостаточной. Она могла сло-

Рис. 50
Расчистка материка в кург. К163/163 (фото из предвоенной газеты).

житься лишь в единой поселенческой общине и поддерживаться гомогенным коллективом. Этот тезис, все позиции которого находят подтверждение в материалах Каупа, противоречит мнениям некоторых археологов (см. выше) о том, что скандинавы, хоронившие своих мёртвых в курганах Каупа, либо жили в его округе на прусских поселениях (мнение В. Врублевского), либо обитали в непосредственной близости могильника на крупном прусском поселении (точка зрения Т. Ибсена). В обоих случаях скандинавы должны были или использовать элементы прусской обрядности (как, например, на близлежащем к Каупу могильнике Ирзекапинис), или включать в состав групп, осуществлявших погребальные церемонии, представителей автохтонного населения. Результатом последнего стало бы или появление комплексов со смешанными чертами ритуалов различного происхождения (как в Тимерево), или же соседство скандинавских и местных комплексов (как в Гнёздово и в Шестовицах). Ни один из этих аспектов на Каупе не реализован. Взаимопроникновению черт обрядности при контактах скандинавов и пруссов препятствовало существование вокруг Каупа в IX – нач. XI вв. «сакральной зоны» святилищ и могильников, препятствовавших проникновению на торжище нежелательных местных элементов. Очевидно, «гостебное право» осуществлялось здесь только по рекам и в весьма ограниченных параметрах (Кулаков, 1993. С. 39).

Некоторые выводы о господствовавших на Каупе формах обрядности можно сделать уже сейчас. Так, например, здесь неизвестно ни одно погребение в ладье, являвшейся, по верованиям скандинавов эпохи викингов, одним из важнейших транспортных средств для отправки из мира людей Мидгарда в царство мёртвых Хёлль или в заоблачную обитель героев Вальгаллу (Петрухин, 1978. С. 148). На Каупе лишь к западу от кург.К127 в 2006 г. была найдена каменная кладка в виде судна типа Prahm (рис. 165), связанная, очевидно, с соседствующим кенотафом. Форштевень этой каменной ладьи был направлен на запад, где, по верованиям скандинавов, была расположена Вальгалла (Петрухин, 1978. С. 150). Жителям Каупа, расположенного в непосредственной близости от древнего берега Куршского залива (рис. 52) и, судя по данным картографии, располагавшего гаванью на р. Вой, выходившей к заливу, мореходство и, не исключено, судостро-

Рис. 51
Материк в кург. К174 (1980 г.).

ение (судоремонтные работы) были хорошо знакомы. О связи Каупа с мореходным делом говорит находка каменного якоря (рис. 22), сделанная весной 1979 г. к западу от лесного урочища.

В мире североевропейских мифов конь, «как и ладья, наделён способностью проникать во все миры. Он эквивалентен самому мировому древу: «Иггдрасиль» обозначает «конь Игга» – Одина» (Петрухин, 1978. С. 156). Как известно, у некоторых племён западных балтов, и прежде всего – у пруссов, конь является в I тыс-лет. н.э. непременным участником заупокойных церемоний при погребении мужчин-воинов. Ранее воспринятая эстиями у германцев, эта черта ритуала в нач. V в. широко распространяется на Самбии и в Натангии, становясь одним из ведущих признаков прусской культуры (Кулаков, 2007б. С. 335). В прусских воинских могилах конь показывает причастность погребённого к страту воинов-дружинников. Правда, ритуальные действия, проводившиеся с конём в процессе обряда погребения (возлагание коня в могилу заживо, повреждения, наносившиеся в V в. коню в могиле, помещение в могилу шкуры коня с его головой и конечностями) предполагают, кроме социальной, культовую роль захоронения этого животного. Возможно, эта роль – определение способа транспортировки духа умершего в мир иной. На это указывает, в частности, текст Христбургского мирного договора 1249 г., где говорится, что «как бы родовые жрецы» пруссов «…видят предлежащего мертвеца, летящего среди неба на коне, украшенном блистающим оружием…» (Пашуто, 1959. С. 501).

Подобные ритуалы если и проводились на Каупе, то в весьма ограниченных масштабах. Как было показано в списке основных признаков обрядности местных курганов, конские захоронения в 77 документированных курганах представлены лишь в двух случаях. Среди курганов с трупосожжением (без конкретизации места) комплект конского снаряжения (необязательно связан с конским захоронением) имеется в 4 курганах, среди курганов с трупоположением – в 2 курганах. В одном из них на ступеньке погребальной камеры по правую руку от костяка воина на боку лежит костяк коня, ориентированный по линии север-юг (рис. 14). Конский череп повёрнут при этом на восток. Местным балтским погребальным традициям такая форма конского захоронения не соответствует, зато она находит аналогии в курганах Бирки, содержащих останки знатных воинов-язычников X в. (Лебедев, 2005. С. 250). Правда, там конские костяки рас-

Рис. 52
Реконструкция поселенческой ситуации на Каупе в эпоху викингов и палеотопонимы в этом микрорегионе (по: Kleemann O., 1939b, Abb. 1).

полагаются, как правило, на ступеньках погребальных камер в ногах воинских скелетов, лежат с меридиональной ориентировкой и направлены головой на юг (Nerman, 1942. Abb. 217, 251, 252; Андрощук, 2004. С. 113). О культовом значении конского жертвоприношения говорит яма 1 в кург. К126А, в которой была найдена группа камней, воссоздававших очертания туши коня и покрытых в процессе погребальной церемонии конской шкурой (см. выше). Судя по специфике ям, вскрытых в курганах в 2000–2007 гг., гораздо большее значение, нежели жертвоприношение коня, для жителей Каупа имели жертвенные возлияния (кровь, молоко и т.п.), проводившиеся перед началом кремации. Также жертвенный характер имеют и находящиеся в межкурганных пространствах безинвентарные «каменные кладки», вскрывавшиеся Й. Хейдеком и Ф.Д. Гуревич. Эти кладки, известные также и в Бирке, перекрывали остатки жертвоприношений. В случае обнаружения в каменных кладках или в лишённых курганных насыпей ямах, окружённых камнями, групп кальцинированных костей с инвентарём, можно предполагать здесь особую для Каупа форму погребения, связанную с половозрастной или же социальной характеристиками погребённых.

Завершая анализ черт обрядности Каупа, следует отметить как его отличие от обряда окружавших это поселение могильников пруссов (Ирзекапинис, Муромское, Вольное), так и довольно скудный набор вариантов погребального ритуала. Ранее делался вывод о присутствии в курганах Каупа прусских черт обрядности («двухъярусные» ямы, каменные кладки) (Кулаков, 1996. С. 140). Ныне ясно, что двухъярусный характер заполнения жертвенных ям под курганными насыпями Каупа связан со скоплением жидких консистенций (жертвенные молоко, кровь и проч.) у дна ям, а ка-

Fig. 1. The earliest trading places, centres and urban sites in Northern Europe c. 700–1100 e.Kr. 1-Kaupang, 2-Tønsberg, 3-Borre, 4-Oslo, 5-Hamar, 6-Sarpsborg, 7-Skara, 8-Lödöse, 9-Kungshälla, 10-Bergagården, 11-Stentinget, 12-Bejsebakken/Aalborg, 13-Sebbernsund, 14-Viborg, 15-Aarhus, 16-Jelling, 17-Ribe, 18-Hedeby/Schleswig, 19-Hamburg, 20-Bardowick, 21-Odense, 22-Kalmargaarden, 23-Slagelse, 24-Boeslunde, 25-Dybsø Fjord, 26-Naevsted, 27-Ringsted, 28-Lejre, 29-Roskilde, 30-Helsingborg, 31-Västra Karaby, 32-Löddeköping, 33-Lomma, 34-Lund/Uppåkra, 35-Trelleborg, 36-Ystad, 37-Järrestad/Tommarp, 38-Åhus, 39-Vä, 40-Sorte Muld, 41-Alt-Lübeck, 42-Mecklenburg, 43-Grosströmkendorf, 44-Dierkow/Priemelberg, 45-Ralswiek, 46-Menzlin/Görke, 47-Usedom, 48-Szczecin, 49-Wolin, 50-Kamién, 51-Kolobrzeg/Świelubie, 52-Gdańsk, 53-Janowo/Elblag (Truso), 54- Kaup bei Wiskiauten, 55-Grobina, 56-Tervete, 57-Mežotne, 58-Martynsala, 59-Daugmale, 60-Otepää, Viljandi, 62-Tartu, 63-Tallin, 64-Pskov, 65-Gamla Uppsala, 66-Sigtuna, 67-Helgö/Birka/Adelsö, 68-Norsborg, 69-Södertälje, 70-Strängnäs, 71-Eskilstuna, 72-Västerås/Badelunda, 73-Trosa, 74-Nyköping, 75-Herrebro, 76-Söderköping, 77-Visby, 78-Paviken/Västergarn, 79-Fröjel, 80-Bandelundaviken, 81-Bogeviken, 82-Köpingsvik (after Callmer 1994:54f, changes by Ulf Fransson).

Рис. 53
Вики в Северной Европе
(по К. Каллмеру и У. Франссону).

менные кладки характерны и для скандинавской обрядности.

Если только на примере могильников вокруг виков Хэдебю и Бирки (ограниченных валами торгово-ремесленных поселений эпохи викингов, известных в бассейне Балтики – рис. 53) нам известны множество версий погребальной обрядности скандинавов эпохи викингов (грунтовые и подкурганные могилы, различные формы трупосожжения и трупоположения с различными вариантами набора инвентаря), то на Каупе существовали лишь два основных варианта обрядности. Они соответствовали не только социальной, но и половой принадлежности членов общины Каупа: трупосожжения на месте (?) для мужчин-воинов (соответствует трупосожжению типа С по материалам Бирки – Лебедев, 1977. С. 145) и трупоположения для женщин – хозяек усадьбы.

Наборы погребального инвентаря на Каупе также не отличаются разнообразием. Непременным компонентом для мужских комплексов являются каролингские двулезвийные мечи (нередко – их обломки, что указывает, видимо,

Рис. 54
Список признаков в базе данных по курганам могильника Кауп.

Рис. 55 (стр. 53)
Таблица базы данных по курганам могильника Кауп.

на ритуальную порчу оружия в процессе погребальной церемонии), важной составляющей женских комплексов является пара черепаховидных фибул.

Значения признаков обряда и деталей инвентаря (рис. 54) наиболее документированных 54 погребальных комплексов, известных нам на курганном могильнике Кауп, были сведены в единую таблицу банка данных (рис. 55). Образованные вокруг указанных выше элементов погребального инвентаря скопления значений признаков указывают на существование в анализируемом банке данных групп, имеющих определённый хронологический характер. В составе этих групп представлены дискретные признаки, в сущности являющиеся хроноиндикаторами раскопанных курганов Каупа. Определённые этапы развития этого могильника (и, очевидно, связанного с ним поселения) характеризуются наличием в погребальных комплексов соответствующих предметов.

Удалось создать следующий список хроноиндикаторов (рис. 56) для курганов Каупа:

ок. 800–850 гг. – застёжки-цепедержатели готландского типа, фибулы отдела Dosenfibel (рис. 193);

ок. 850–900 гг. – мечи типа J.P.M, сланцевые оселки, черепаховидные фибулы типа J.P.42;

ок. 900–950 гг. – мечи типа J.P.V, ланцетовидные наконечники копий с горизонтально-ступенчатым таушированным орнаментом, стремена типа Antanavičius IIIa, удила с серповидными псалиями, шпора типа Кирпичников 1, черепаховидные фибулы типа J.P.51, трилистные фибулы, пряжки и детали поясного набора;

ок. 950–1000 гг. – черепаховидные фибулы типа J.P.52, круглые серебряные подвески с зернёным и сканным орнаментом «волинской» ювелирной школы (Duczko, 2007. S. 150).

Для более широких временных диапазонов для курганов Каупа также выделены таксоны:

ок. 850–950 гг. – роговые (костяные ?) гребни;

ок. 850–1000 гг. – ланцетовидные наконечники копий с врезным пламевидным орнаментом на втулках, подковообразные фибулы с косицеобразным плетёным орнаментом на дугах (Кулаков, 1989a. С. 95). Упомянутый пламевидный орнамент появляется на наконечниках дротиков-ангонов германцев

800-850 гг.	850-900 гг.	900-950 гг.	950-1000 гг.	нач. XI в.

Рис. 56
Инвентарь К/51с (нач. IX в.), кург. III.17.573 (кон. IX в.), кург. II. 87.437:е (X в.).

в сер. V в. н.э. Он представлен в нижней части наконечников копий вендельского периода (Lund Hansen U, 1994. Abb. 6, 10) и к X в. реализуется на втулках ланцетовидных наконечников копий в Центральной (Szameit, 1987. S. 158) и в Северной Европе.

Как уже отмечалось, ранние женские комплексы Каупа близки соответствующим группам находок из грунтового могильника Elbląg, ul. Moniuszki/ Pole Nowomejskie (ehem. Neustädterfeld) (Kulakow, 1992. S. 111) (рис. 57). В своё время это позволило мне выдвинуть предположение об участии жителей Трусо, древнейшего в Балтии торгово-ремесленного пункта (рис. 58) в создании поселения Кауп в нач. IX в. (Кулаков, 1996. С. 144). Тезис о возможной готландской и среднешведской принадлежности обитательниц Трусо и раннего Каупа, неоднократно высказывавшийся немецкими коллегами предвоенного времени (например, Neugebauer, 1937. S. 22), недавно попытался опровергнуть Ф.А. Андрощук. Правда, те немногочисленные находки исключительно среднешведских по происхождению равноплечных застёжек типа Ljones и черепаховидных фибул типа Berdal (рис. 59) с поселения Трусо, которыми оперирует украинский коллега (Андрощук, 2004. С. 112), не являются репрезентативной выборкой, позволяющей делать серьёзные выводы об этносе населения Трусо и Каупа.

Рис. 57
Инвентарь погр. 7 могильника Эльблонг, ул. Лётнича (прорисовка фото В. Нойгебауера).

Упомянутый археолог недавно заявил, дискутируя с Б. Нерманом, следующее: «Проживание готландских женщин в среде местного населения древней Пруссии также можно считать сомнительным» (Андрощук, 2004. С. 113). Опираясь на тезис об отсутствии у готландок традиции ношения черепаховидных фибул, Ф.А. Андрощук пришёл к выводу о том, что фибулы из курганов б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:е и III.17.573 – рис. 56) попали в землю тогда, «…когда массовое производство такого типа застёжек на Готланде уже закончилось» (Андрощук, 2004. С. 114). К сожалению, этот молодой археолог не обратил внимания на то, что вместе с фибулами отдела Korbenfibel в комплексах Каупа представлены застёжки-цепедержатели, характерные прежде всего для готландского женского убора не позднее рубежа VIII–IX вв. Если верить Ф.А. Андрощуку, следует считать, что обитательниц Каупа в IX – нач. X вв. в последний путь зачем-то обряжали в наряды их прабабушек. На самом деле находки, сопутствующие в комплексах упомянутым выше металлическим элементам готландского женского убора, не противоречат датировке данных комплексов началом IX в. Представленность в этих уборах черепаховидных фибул свидетельствует о тенденции сложения местного варианта убора, включавшего для обитательниц поселения Кауп начальной фазы эпохи

викингов компоненты как готландского, так и среднешведского набора украшений.

Для мужских комплексов Каупа хроноиндикаторы появляются с середины IX в. Ведущую роль здесь играют мечи типов J.P.M и J.P.H и подковообразные фибулы с косицеобразным плетёным орнаментом на дужке (рис. 60). Такие застёжки, появившись на востоке Балтии, с IX в. становятся популярными на Готланде, где считаются восточнобалтийским «импортом» (Thunmark-Nylén, 1992. P. 160). Скорее всего, именно с этого острова вместе с остальными находками (кстати, немногочисленными) готландского происхождения подковообразные фибулы попадают на Кауп. Важно отметить, что ни в исторической Пруссии, ни в ареалах соседних балтских племён прототипы и дериваты фибул с косицеобразным орнаментом неизвестны. Это подчёркивает ограниченность контактов с окружающим негерманским населением обитателей Каупа.

В 900–950 гг. в инвентаре Каупа доминируют мечи типа J.P.V и черепаховидные фибулы типа J.P.51 различных вариантов. Последние в погребениях коррелируются с трилистными фибу-

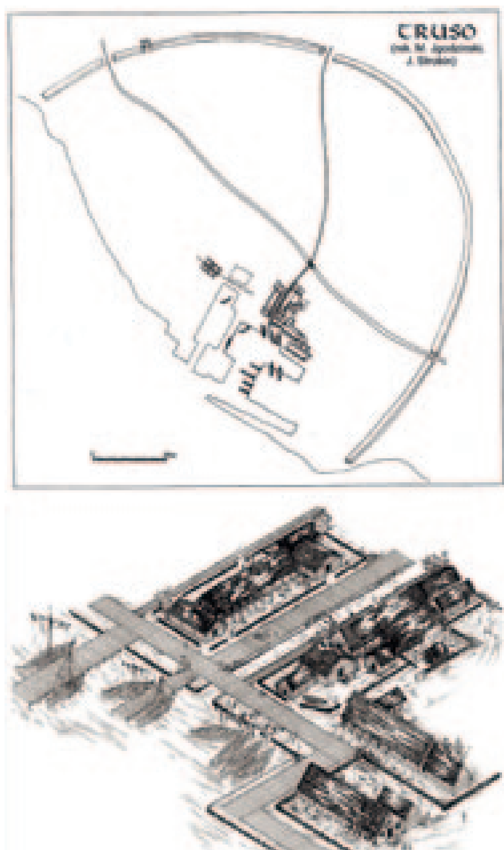

Рис. 58
Реконструкция планиграфии поселения Трусо (по М. Ягоджиньскому, Й. Стробину).

Рис. 59
Равноплечная и овальная фибулы южношведского происхождения из поселения Трусо.

Рис. 60
Подковообразная фибула из кург. К/140.

лами, сменяющими в уборе (рис. 61) коробчатые фибулы и застёжки-цеподержатели готландского типа. Упомянутые стандартные для Скандинавии находки отмечают период стабильности и расцвета поселения Кауп. Следует вслед за Владимиром Зоценко отметить популярность фибул типа J.P.51 (включая вариант Jansson Malmberg) и круглых зернёных подвесок в курганах Бирки,

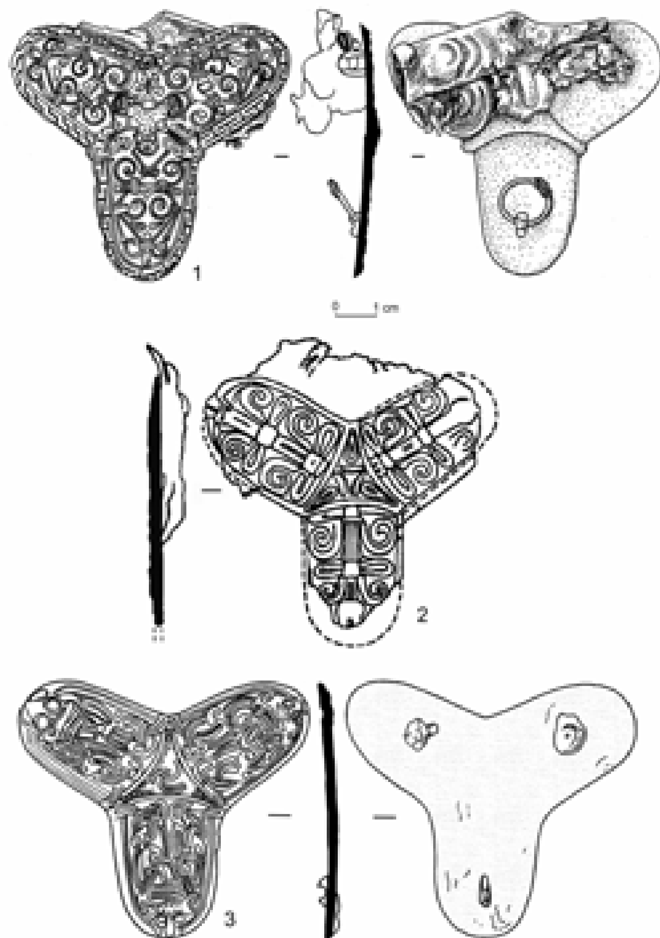

Рис. 61
Трёхлопастные фибулы IX в. из могильника Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.): 1 – кург. К128-1 с прикипевшим изнутри обломком ножа; 2 – случайная находка 1992–1994 гг.; 3 – погр. К127-1-78. 1, 3 – бронза с остатками железной окалины от перекладчатой застёжки изнутри; 2 – позолоченная бронза, изнутри – два слоя шерстяной ткани. 1, 3 – по: Кулаков В.И., 2006. 2 – Кулаков В.И., 2005, рис. 2,2.

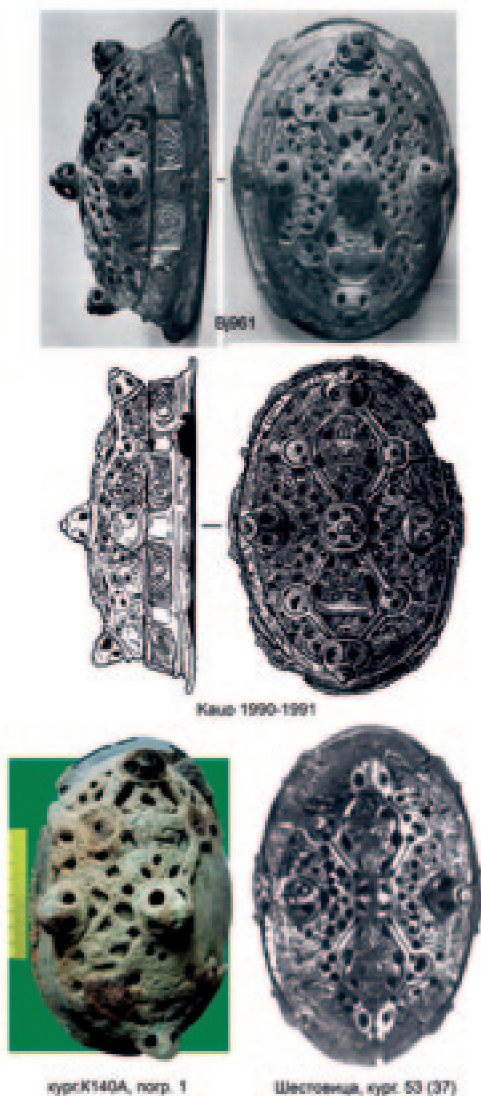

Рис. 62.
Черепаховидные фибулы типа J.P.51 вар. с3 из Бирки, Каупа и Шестовиц.

а также в скандинавских погребениях Киева и Шестовиц (Zocenko, 2007. P. 190-196). Это неслучайное совпадение (чётко видное, например, в случае с фибулами типа J.P.51 вар. с3 (рис. 193), показывает трассу контактов между Скандинавией и Средним Поднепровьем через Кауп, то есть – по Неманскому пути. Ярким примером распространения однотипных находок по этой трассе служат находки черепаховидных фибул с «масками» (рис. 62), несущие священные для скандинавов изображения (см. Приложение 2).

Обилие оружия в погребениях этого периода привело Ф.Д. Гуревич в её последней статье о Каупе (фактически – ответе на книгу Б. Мюлена) к следующему выводу: «Судя по инвентарю могильника у бывшего с. Вискиаутен, там жили преимущественно воины-колонизаторы… Воинственность обитателей скандинавской колонии проявилась и в том, что треть погребённых женщин были наездницами» (Гуревич, 1978. С. 170, 171). Действительно, 23 меча, найденные в 46 курганах Каупа, впечатляют людей, мало знакомых с древностями Балтии. Обилие двулезвийных клинков привычно для западнобалтских погребений эпохи викингов, как и различных видов наступательного оружия в эпоху римского влияния. Возможно, это одна из немногих черт обрядности (появление в мире ином с престижным оружием), которую обитатели Каупа восприняли у окружающих автохтонов. Возможно и другое объяснение: привычка к оружию в неспокойном пункте побережья рядом с проливом Брокист, где частыми гостями были и купеческие корабли, и ладьи викингов. Интерпретация скандинавских женщин как «наездниц» не выдерживает никакой критики: стремена и шпоры в женских комплексах на самом деле отсутствуют, а удила в женских курганах Каупа – показатель власти женщины над стадом своей усадьбы.

Мечи из курганов Каупа, как и фибулы, происходящие оттуда, прямо указывают на участие обитателей Каупа в транснациональных торговых и военных контактах. Правда, если упомянутые

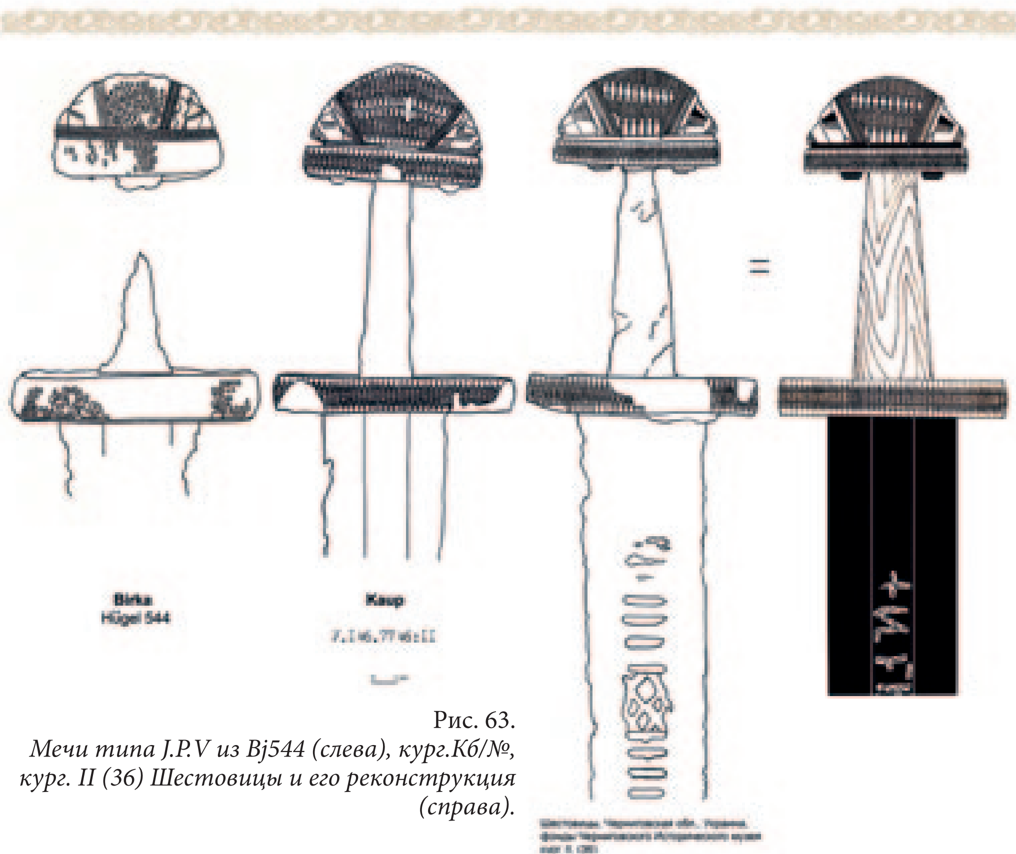

Рис. 63.
Мечи типа J.P.V из Bj544 (слева), кург.Кб/№, кург. II (36) Шестовицы и его реконструкция (справа).

выше черепаховидные фибулы всех вариантов типа J.P.51 являлись массовым продуктом производства скандинавских мастеров, и их поступление с севера через посредничество обитателей (обитательниц ?) Каупа в Восточную Европу (очевидно, по Неманскому пути) выглядит вполне обыденно, то с мечами (точнее, с одним из мечей типа J.P.V) ситуация выглядит сложнее. Меч кон. IX – нач. X вв., найденный в составе инвентаря кург. К/11 инв. V.146.7746:11, обладает уникальным декором навершия рукояти. На ней методом таушировки показана пара симметрично расположенных штурмовых значков типа 1 (рис. 122). К концу XX в. таких мечей на территории Европы насчитывалось ок. 30 экз. Как считал Петер Паульсен, это статусное по своему смыслу оружие принадлежало знаменосцам местных конунгов (Paulsen, 1957. S. 14). Ввиду того, что мечей с аналогичными навершиями более нет ни в Балтии, ни в Восточной Европе, можно с уверенностью полагать, что находка такого редкого предмета вооружения, сделанная в кург. II (№ 36, раск. П.И. Смоличев, 1925 г.) могильника Шестовицы (Черниговская обл. Украины), своим происхождением связана с высоким социальным статусом погребённого здесь воина. Он находился в камерной гробнице в сопровождении обильного инвентаря, воину сопутствовало погребение женщины, в ногах располагалось захоронение коня (Бліфельд, 1977. С. 128). Обнаружение меча типа J.P.V с изображением штурмовых значков на навершии рукояти в Бирке (рис. 63) указывает на источник поступления подобного вида оружия в Среднее Поднепровье. То, что один

из таких мечей оказался на Каупе, свидетельствует в пользу того, что данный пункт являлся промежуточным на трассе торговых и военных контактов между Скандинавией и Средним Поднепровьем.

Набор инвентаря курганов и материальные свидетельства ритуалов, сопутствовавших их возведению, указывают на отсутствие внешних и внутренних факторов, которые дестабилизировали бы общественно-социальную обстановку на Каупе в кон. IX–X вв. Не исключено то, что эта стабильность, явно опиравшаяся на прибыльную торговлю и «таможенные» операции (дань с проходящих торговых судов) в пересекавшем недалеко от Каупа Куршскую косу проливе Брокист (рис. 74), стала итогом разгрома, постигшего куршскую дружину в 853–854 гг. (Кулаков, 1989а. С. 96) шведами. Вскоре та же участь постигла и Трусо (Кулаков, 1996. С. 137). Кауп на некоторое время остался единственным в Юго-Восточной Балтии торгово-ремесленным центром. Его обитатели не замедлили воспользоваться удачно сложившейся политической конъюнктурой для укрепления своего благосостояния.

Несмотря на малое число исследованных в урочище Кауп курганов, можно попытаться при помощи картографических средств установить динамику роста могильника (рис. 19). Сооружение его насыпей в нач. IX в. осуществлялось в восточной части нынешнего лесного урочища Кауп, у стен гипотетического борга.

Финал жизни Каупа обозначен распространением в его курганах наборов женских украшений, включающих массовую продукцию скандинавских мастеров – черепаховидные фибулы типа J.P.52 и круглые подвески. Эти объекты материальной культуры уже лишены той семантической нагрузки, которую несли в своём предметы более ранних периодов существования Каупа. Закат изобразительного искусства эпохи викингов знаменует конец движения викингов как социального явления.

Древности первой четверти XI в. в курганах Каупа отсутствуют, что указывает или на исчезновение связанного с могильником поселения, или на резкую перемену обрядности местного населения. Никто из немецких археологов не сообщал о находках в курганах Каупа, относившихся к финалу эпохи викингов. Таким образом, заявление Б. Мюлен о том, что курганы на Каупу насыпались вплоть до 1075 г. (Mühlen, 1975. S. 15), лишено какого-либо основания. Прекращение традиции подкурганных захоронений на Каупе по времени совпадает с завоевательными походами 1014–1016 гг., проводившимися в Юго-Восточной Балтике датским конунгом Канутом Магнусом. Очевидно, нападению датчан среди многих других пунктов балтийской торговли подвергся и Кауп. Именно с этим гипотетическим событием следует связать завершение развития курганного могильника в урочище Кауп (Кулаков, 1989а. С. 98).

Примечательно то, что, как показывают раскопки на поселении к северу от урочища Кауп, жизнь здесь бурлила и в конце XI – нач. XII вв., после завершения эпохи викингов. Возможно, населения этого времени хоронило своих мёртвых на грунтовом могильнике в уроч. Kleine Kaup (см. ниже).

III.2. Хронология и этнокультурная принадлежность грунтовых погребений могильника Кауп (уроч. Kleine Kaup)[2]

Как уже отмечалось выше, Кауп, самый известный в исторической Пруссии памятник археологии, был открыт премьер-лейтенантом Вульффом 3 августа 1865 г. (Wulff, 1865. S. 641-646). При этом любознательный прусский офицер обратил внимание на находки из разрушенных грунтовых могил в восточной части леса (уроч. Kleine Kaup).

В августе 1873 г. Иоханнес Хейдек первым из прусских археологов начал раскопки на Каупе. Его интерес привлек кург. 1, имевший насыпь диам. 14,5 м, выс. 0,9 м. При раскопках в нём и рядом с ним были обнаружены погребения эпох бронзы и раннего железа (Heydeck, 1893, S. 46-60). 21 июня 1879 г. И. Хейдек вскрыл шурф «zwischen Wiskiauten und Wosegau, am Wege» (MVF, PMб Reg. Nr.: PM-A 552, Bd. 1, S. 1). Обнаруженный здесь в слое остатков погребального костра фрагмент конского костяка теменем черепа ориентирован на юг. В зубах черепа – кольчатые удила. Так были проведены первые раскопки грунтового могильника Kleine Kaup.

Это лесное урочище представляет собой на плане К. Энгеля (MVF PM-A-3065) северо-восточный сектор вершины залесённой камовой возвышенности, отделённый от уроч. Grosse Kaup шоссе Wosegau-Mülsen (рис. 64). На этом плане К. Энгель отметил овальное в плане заштрихованное пятно и подписал его "Spätheidnisches Aschenplatz" (нем. «позднеязыческий зольник»). Так как большая часть этого объекта находится в уроч. Kleine Kaup, для удобства будем именовать весь его именно так (хотя часть «зольника» расположена на восточном краю Grosse Kaup). В архивных фондах Археологического музея Готторф (Шлезвиг) и Музея древнейшей и ранней истории (Берлин) кроме этого плана сохранился и план Раскопа 1. Он был прирезан с севера к имевшемуся на Kleine Kaup глиняному карьеру, имел размеры 6 х 5 м при глуб. ок. 0,25 м до уровня, воспринятого К. Энгелем в качестве «материка». В пределах Раскопа 1 были обнаружены 23 погребения. Большая часть из них содержала костяки коней (как правило, с согнутым/сломанным хребтом), сопровождавшиеся кольчатыми удилами и стременами. В двух случаях зафиксировано наличие каменных обкладок погребений. Судя по разрезу Раскопа 1, верхний ярус погребений составляли группы остатков погребального костра с наконечниками копий (в трёх погребениях), с керамическими сосудами и бронзовыми предметами. К сожалению, текстовая информация о Раскопе 1 крайне скудна и ещё ждёт своего осмысления и публикации. Тем не менее наличие графических данных о Раскопе 1 дало

[2] Кулаков В.И., 2011б. Балтская часть могильника Кауп // Archaeologia Lituana, t. 12, Vilnius.

Рис. 64
Расположение урочищ Grosse Kaup и Kleine Kaup в окрестностях г. Cranz/Зеленоградск (по карте 1936 г.).

возможность варшавскому археологу Войцеху Врублевскому опубликовать гипотезу о том, что на определённом этапе могильники Grosse и Kleine Kaup могли сосуществовать ("…zeitweise gleichzeitig bestattet worden ist" - Wróblewski, 2007, S. 142). Тем самым В. Врублевский поддержал априорный тезис Бернта фон цур Мюлена, интерпретировавшего грунтовые могилы Kleine Kaup как позднейшую фазу существования курганного могильника Kaup. Немецкий учёный считал воинов, погребённых в могилах на Kleine Kaup, смешавшимися с пруссами потомками скандинавов и датировал их могилы XI–XIII вв. (Ibsen, 2008a, S. 19). Так же («древние пруссы викингского происхождения») он интерпретировал погребённых в позднейших курганах Grosse Kaup (Mühlen, 1975, S. 16). Таким образом, сложилось предположение о постепенной ассимиляции скандинавов Каупа пруссами.

Выдвинутый В. Врублевским тезис о «зольниках» (Aschenplätze) как особой форме прусской обрядности X–XIII вв. (Wróblewski, 2006, S. 229) выглядит весьма спорным. Дело в том, что «зольниками» немецкие археологи называли места сожжения при прусских грунтовых могильниках XI–XII вв. Примечательно то, что И. Хейдек слой с остатками горений, обнаруженный им на могильнике Kleine Kaup в 1879 г., поименовал Brandschicht («горелый слой»).

29–31 августа 1934 г. Карл Энгель провёл на западной части грунтового могильника Kleine Kaup единственные в предвоенное время раскопки. Им были вскрыты в 14 м на запад от Раскопа 1 траншеи I-III общей площадью 27 кв. м (MVF, Prussia-Archiv, Reg.-Nr. PM-A552, Bd. 12, S. 13). К западу от этих траншей, в восточной части уроч. Kleine Kaup прусский археолог вскрыл траншеи IV и V (рис. 64). Информация о комплексах (на планах траншей представлены тёмными пятнами) и находках, обнаруженных в

этих траншеях, в распоряжении автора книги отсутствует.

Итак, к середине XX в. имелись свидетельства наличия на Каупе курганного и грунтового могильников. Первый связывался со скандинавскими поселенцами, занимавшимися на Самбии ремёслами, торговлей и разбоем, второй – с их потомками, ассимилированными пруссами.

Однако в 1930 г. в кургане (Т. Ибсен считает – в грунтовом погребении – Ibsen, 2009, S. 116) K151b/ была обнаружена первая на Каупе находка западнобалтского происхождения – застёжка куршского воина. Инвентарь трупоположения: меч типа J.P.O с клеймом на клинке, два ланцетовидных наконечника копий, бронзовая литая арбалетовидная куршская фибула, бронзовая подковообразная фибула подтипа Carlsson FAC:S (Carlsson, 1988. P. 19), нож (рис. 128). Перекрестие и наконечник рукояти меча покрыты серебряным листом, по которому прокован зональный орнамент с элементами в виде плетёного креста и прочих фигур в стиле Еллинге. По орнаменту меч из погр. K/151b имеет аналогию в камерном погребении в ладье из могильника Hedeby. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина. Дата – вторая пол. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989. С. 86). В. Врублевский считал погребённого здесь человека западным балтом (Wróblewski, 2006, P. 141).

В 1937 г. О. Клееманн раскопал курган K145/, в котором, кроме мужского костяка были обнаружены под мощной каменной кладкой два конских скелета с выгнутыми и сломанными шеями (MVF-Prussia-Archiv, Reg.-Nr.: PM-A552, Bd. 41, S. 12). По фрагменту подковообразной фибулы с завёрнутыми концами кург. K145/, датируется X – нач. XI вв. (Mühlen, 1974, S. 137). Поза погребённых

Рис. 65

План расположения траншей и раскопов на грунтовом могильнике Kleine Kaup. Курганы части могильника Grosse Kaup показаны по плану К. Энгеля 1934 г. (MVF, PM_IXg_86).

здесь коней (на брюхе с подогнутыми ногами при переломанных шеях – рис. 66) прямо указывает на прусское происхождение этой формы обрядности.

Таким образом, ещё в предвоенное время были получены доказательства присутствия на курганном могильнике Grosse Kaup западнобалтского культурно-этнического элемента в средней фазе эпохи викингов. Правда, немецкие коллеги предвоенной поры не обратили на эти комплексы должного внимания.

С 2009 г. было начато планомерное исследование грунтового могильника Kleine Kaup. Работы проводились Балтийским отрядом ИА РАН в соответствии с

Рис. 66
Скелеты коней в погр. 3 кург. К145/ (MVF, PM B 348).

Соглашением о научном сотрудничестве между Учреждением Российской академии наук Институтом археологии РАН и Археологическим музеем земли Шлезвиг-Гольштайн Шлосс Готторф. Непосредственно к западу от дороги Wosegau/ Вишнёвка-Mülsen/Холмы, в юго-западной части могильника Kleine Kaup, были вскрыты Раскопы 4-9 общей площадью 117,5 кв. м (рис. 65). В пределах этих Раскопов были обнаружены 36 грунтовых погребений. Все они располагаются в слое сожженной земли (Brandschicht). Перед началом освоения данной части самой возвышенной части уроч. Kl. Kaup в качестве грунтового могильника балты произвели подсыпку участка примерными разм. не менее чем 36 х 36 м слоями крупнозернистого песка и прокалённого суглинка общей мощ. ок. 0,5 м. Подобная акция ритуального характера находит параллели в создании грунтовых «подушек» на местах сооружения некоторых скандинавских курганных насыпей на могильнике Кауп (см. ниже).

Ведущий обряд на грунтовом могильнике Kleine Kaup – двухъярусное захоронение с остатками трупоссожения, принесённого со стороны и брошенного в верхний ярус, перекрывающий захоронение двух коней или одного коня. Как правило, сначала на дно могилы возлагалась голова и шея «раннего» коня. Затем по прошествии времени эти останки присыпались переотложенным материком и на них помещалась туша коня со сломанными шеей и/или спиной. Различаются ямы овальной формы с вытянутым по её длинной оси (как правило, север-юг) костяком и ямы круглой формы. В последнем случае коней приходилось пеленать ремнями для того, чтобы уместить в яму диам. ок. 1 м. Не исключён факт принадлежности этих могил различным сезонам: овальные в плане – «летние», небольших размеров (мёрзлую почву труднее копать), круглые в плане – «зимние». Для погребений, вскрытых в Раскопе 4, характерны различные предметы вооружения (рис. 67), обломки бронзовых весов, гирьки, спиральные перстни, миндалевидные крючки для крепления складных весов к поясу, обломки круговой керамики. В целом этот материал находит аналогии в прусских и куршских древностях конца X – первой пол. XI в. Кроме того, на Раскопе 4 найдено погр. К37, представляющее собой многократное сожжение in situ, характерное для куршской обрядности поздней фазы эпохи викингов (Gintautaitė-Butėnenė, Butėnas, 2002, P. 16).

Рис. 67
Инвентарь погр. К24(26)
Kleine Kaup.

Напротив, в Раскопах 5–9 в погребениях практически не встречены предметы вооружения. Нет здесь и гирек с обломками весов, и прочих характерных для Раскопа 4 находок. Все датирующие находки, сделанные в Раскопах 5 и 6 (стремена типов Antanavičius IIIa, VI, шпоры типа Кирпичников I – Кулаков, 2003, рис. 113, 114, лепные сосуды с пальчатыми вдавлениями по венчику и проч.), позволяют отнести вскрытые здесь прусские погребения ко второй половине X в. Дата погребений из Раскопов 7–9, характеризовавшихся скромным набором инвентаря – кон. X–XII вв.

В полевом сезоне 2011 г. в ходе проведения раскопок в юго-западной части грунтового могильника Kl. Kaup была сделана ещё одна находка, подтверждающая присутствие прусских погребений в курганах скандинавов.

«Погр.» К64 (Раскоп 9, кв. 10) – группа переотложенных мелких обломков костей ног коня, лежащая на материке, была обнаружена при расчистке материка в юго-западном секторе Раскопа 9. Среди упомянутых обломков найдены удила с псалиями необычной формы, находящие аналогии в находках на могильниках Kl. Fliess, Kr. Labiau (ныне – Изобильное, По-

Рис. 68
Инвентарь погр. К46 Kleine Kaup.

лесский р-н) и Skomaztko/Dippelsee, Kr. Lyck (Skomacz Wielki, Polska) (La Baume, 1944, S. 17). В. Ла Бом предварительно датировал эти удила этапом E (VI–VII вв.). Расположение этого «погр.» К64 на участке с захоронениями коней, примыкающем к прусским могилам XI в., ставит упомянутую выше датировку под сомнение. В соответствии с планиграфией изучаемой части грунтового могильника Kl. Kaup, описываемое «погр.» К64 непосредственно прилегает с севера к кург./51, раскопанному О. Клееманном в 1934 г. (?), причём сохранился чертёж погр. 5/33 (трупосожжение в виде группы кальцинированных костей /?/ в окружении нескольких предметов погребального инвентаря), находящегося именно в северной части этой курганной насыпи (SMB-PK MVF, Prussia-Archiv, PM-IXd1, Kaup, Hügel 51B), заполненной большим количеством камней (каменная кладка, перекрывающая подкурганное захоронение). Очевидно, это погребение было впускным в кург./51 и совершено пруссами, судя по набору инвентаря (с подковообразной фибулой с тордированной дугой), в кон. XI–XII вв. Нижний ярус, в котором с конским костяком находились удила, описанные выше, был также выбран, но по неизвестным нам причинам либо не зафиксирован в отчётной документации (что маловероятно), либо не дошёл до наших дней в составе Prussia-Archiv.

Особое значение грунтового могильника Kleine Kaup в прусской среде подчёркивается находкой здесь погр. К46. Это – трупоположение воина с северной ориентировкой, прорезавшее северную полу сохранившейся до настоящего времени части насыпи кург. 1. Согласно находке в могиле брактеата типа «с кре-

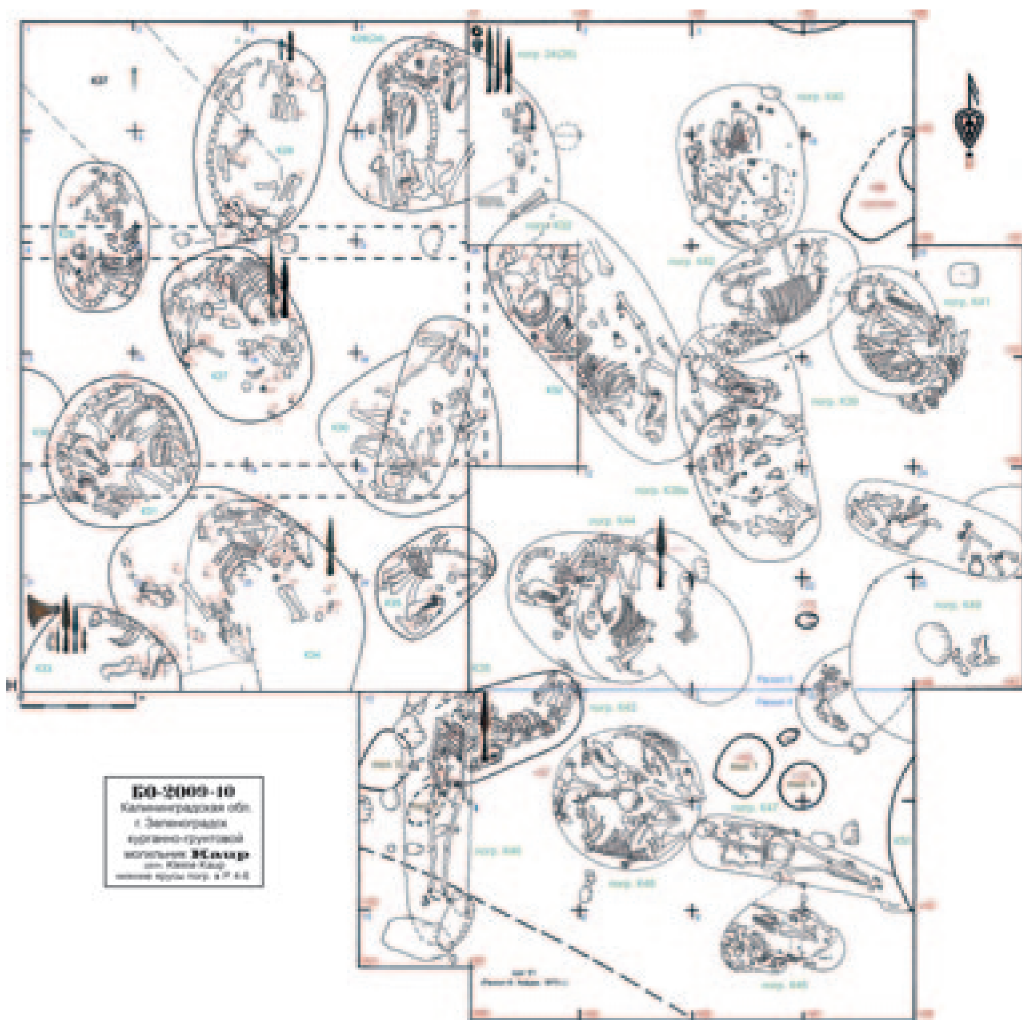

Рис. 69
Сводный план Раскопов 4–6 на могильнике Kleine Kaup. Предметы вооружения в уменьшенном виде показаны рядом с местом своей находки.

стом» (рис. 68) данный комплекс датируется кон. XIII в. Это погребение находит прямые аналогии в кург. А могильника Kunterstrauch (в 1 км к западу от уроч. Grosse Kaup), имеющем каменно-земляную насыпь и близкого ятвяжским могилам и жальникам Северо-Западной Руси (Кулаков, Казаченко, 2008, С. 91, 92).

Единство черт погребальной обрядности позволяет отнести население, хоронившее своих покойных сородичей на изученном в 2009–2010 гг. участке могильника, к прусской археологической культуре средней и поздней фазе эпохи викингов. Тем не менее вскрытые на участке могильника Kleine Kaup погребения имеют ряд отличий от классических прусских погребальных памятников:

1. Занимающий вершину (искусственно увеличенную путём грунтовой субструкции) ныне залесённой возвышенности уроч. Kaup грунтовой могильник (размером не менее чем 36 х 36 м)

Рис. 70
Монеты
из погр. К39а Kleine Kaup.

окружён курганами (рис. 64). Планиграфическая ситуация в данном случае говорит о том, что практически с самого начала деятельности курганного могильника в его самой высшей точке существовал участок, отведённый под грунтовые могилы. К сожалению, дорога Wosegau/Mülsen и глиняный карьер, расположенные в центре в восточной части уроч. Kleine Kaup, не оставляют надежды на обнаружение ранней части прусского грунтового могильника

2. Материк на вскрытой части могильника перекрывают две прослойки грунта со следами прокала. Они имеют антропогенное происхождение и являются результатом акций по культовому очищению участка будущего могильника, вскрытого в Р. 4. Поверхность материка была слабо прокалена, затем покрыта тонким слоем чистого мелкозернистого песка, перекрытого позднее ровным слоем суглинка. Лишь после этого здесь ста-

Рис. 71
Бронзовое блюдо из погр. К44 Kleine Kaup.

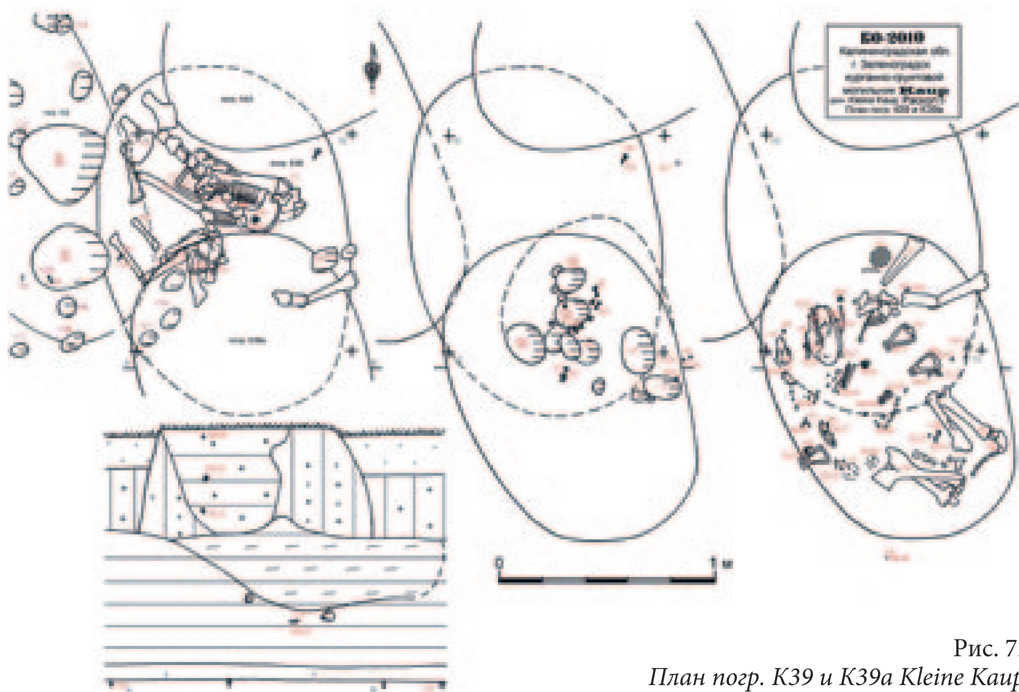

Рис. 72
План погр. К39 и К39а Kleine Kaup.

ли сооружаться могилы нижних ярусов, никогда не входившие в пределы материка. Этот обычай ритуального очищения зоны для потенциальных погребений, неизвестный за пределами Самбии, впервые был отмечен на примере грунтового могильника Коврово/Dollkeim. Там будущую зону погребений пруссы в кон. X – нач. XI в. «заполняют гравием и перекрывают сеном. После выгорания сена … гравий превратился в плотную скипевшуюся массу. Тем самым было проведено … ритуальное очищение данного участка могильника …» (Кулаков, 2002, С. 177).

3. В редких случаях борта могил нижних ярусов имеют небольшие следы прокала диам. ок. 0,3 м. Очевидно, это следы неких огненных ритуалов, входивших в состав погребальных церемоний. Однако это (как, впрочем, и кости коней в нижних ярусах без следов обжига – рис. 69) не может служить подтверждением ошибочной теории В. Врублевского о «новой» форме прусской обрядности, проявленной на могильнике Kleine Kaup – Aschenplatz.

4. Поражает исключительное разнообразие и богатство инвентаря погребений Kleine Kaup. В его составе – всевозможные железные инструменты (сверла, штихеля, стамески), германские монеты (погр. К39а, К49 – рис. 70), бронзовый орнаментированный и снабжённый латинскими надписями сосуд-дискос (погр. К44 – рис. 71), многочисленные костяные накладки с уникальным резным орнаментом (погр. К32, К32, К39а – рис. 72, 73) и проч.

5. Наличие в каждом погребении не только пары коней (что уже необычно для прусского обряда), но и, в ряде случаев, скелета охотничьей собаки (по своим параметрам и экстерьеру напоминающей таксу) (рис. 72).

Все приведённые выше отличия могил Kleine Kaup от обычных захоронений прусских общинников и дружинников эпохи викингов указывают на высокий социальный статус погре-

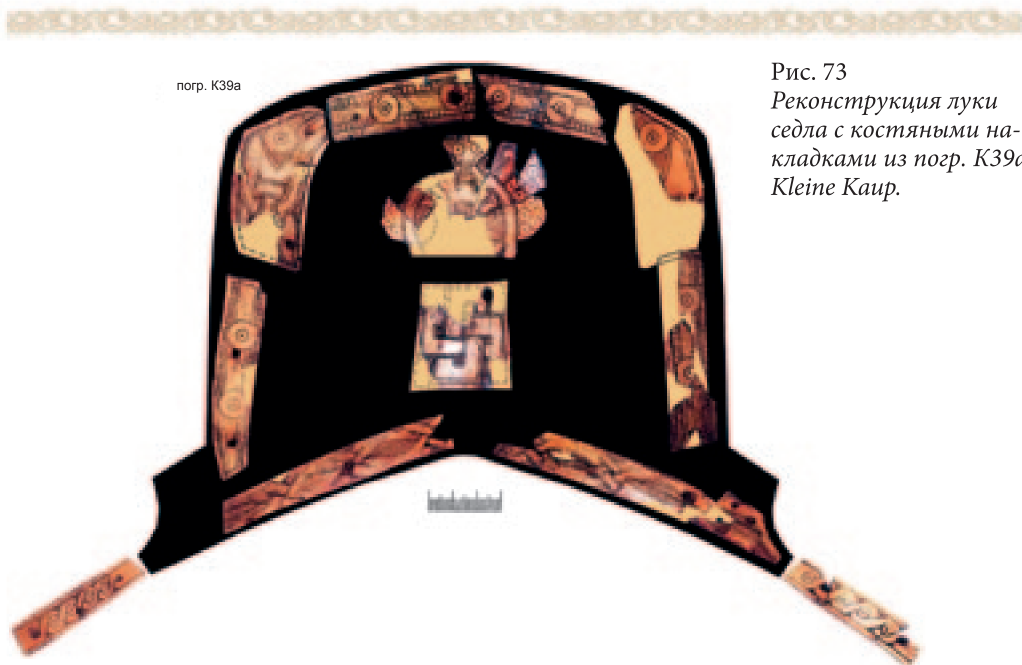

Рис. 73
Реконструкция луки седла с костяными накладками из погр. К39а Kleine Kaup.

бённых на вершине Kaup пруссов. Это – не воины (отсутствие в массе оружия указывает на «мирный» характер погребённых), не жрецы и не вожди (в могилах не представлены, кроме К24(26), символы воинской и духовной власти). Наличие в могилах Kleine Kaup предметов, связанных с работой в мастерских (железные инструменты и продукция производства – всевозможные накладки, слитки металла, бронзовые полуфабрикаты) и с торговлей (весы, гирьки, монеты), позволяет считать погребённых здесь представителей балтской части населения Каупа мастерами косторезного дела, ювелирами и торговцами. В случае правомерности этого тезиса курганы, раскапываемые на могильнике Grosse Kaup с 1873 г., могут содержать останки скандинавских воинов, охранявших упомянутых балтских мастеров и торговцев или контролировавших их деятельность. В любом случае грунтовые и курганные погребения сосуществовали в едином лесном массиве Kaup. Эти погребения содержат останки представителей разных культурно-этнических сообществ, находившихся в тесном контакте. Считать пруссов Kleine Kaup потомками скандинавов Grosse Kaup, как предлагали Бернт фон цур Мюлен и В. Врублевский, не представляется возможным. Хотя, как показывают два упомянутых выше кургана с западнобалтскими чертами в обряде и в инвентаре, присутствие пруссов и куршей среди воинов, охранявших поселение Кауп и обеспечивавших безопасность на его торговых путях, вполне возможно. Поселенческие находки, сходные с элементами погребального инвентаря могил Kleine Kaup, были обнаружены Т. Ибсен в 2006 г. в шурфе в 0,13 м к северу от курганного могильника среди остатков жилища столбовой конструкции (Ibsen, 2008b. S. 19, 20). Этот участок поселения Кауп, очевидно, синхронен грунтовому могильнику Kl. Kaup и непосредственно с ним связан.

III.3. Хронология и происхождение свидетельств военной и торговой активности в Нижнем Понеманье в IX–XI вв.

Итак, наличие к югу от совр. г. Зеленоградска торгово-ремесленного (?) пункта, эвентуально типологизируемого как «вик» (зафиксированные на аэрофотосъёмке остатки укреплений предполагают стабильную застройку, характерную для поселений этого типа) у юго-западной оконечности Куршской косы, подтверждается как находками на курганно-грунтовом могильнике Кауп (Grosse Kaup и Kleine Kaup), так и иследовавниями местного поселенческого материала. Население Каупа контролировало торговлю (как это засвидетельствовано самим именем «Кауп»), осуществлявшуюся по проливу Брокист (рис. 74), соединявшему Куршский залив и Балтийское море. Очевидно, трасса межплеменных контактов, ведшая к этому проливу, должна была оставить свидетельства торговой и, несомненно, военной активности скандинавов на ряде памятников археологии. Их размещение на карте юго-восточной Балтии будет, скорее всего, в определённой мере соответствовать искомой трассе межплеменных контактов, ведших к Каупу из глубин балтской территории. Свидетельствами торговой и военной активности пришельцев с севера в ареале западных балтов для IX–XI вв. могут служить археологические комплексы с несомненными «импортами» из Среднего Поднепровья или с юга Европы, а также комплекты вооружения исключительно североевропейского происхождения.

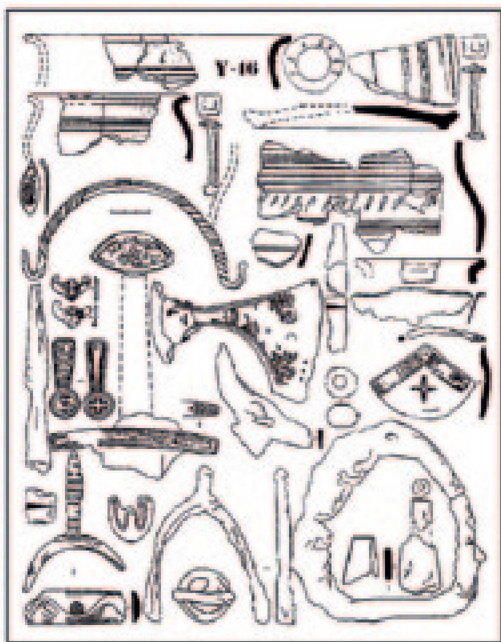
Рис. 74
Вид с юга на юго-восточную часть пролива Брокист у г. Зеленоградска.

КАТАЛОГ

памятников археологии и находок в Юго-Восточной Балтии, обладающих признаками торговой и военной активности скандинавов (рис. 98)

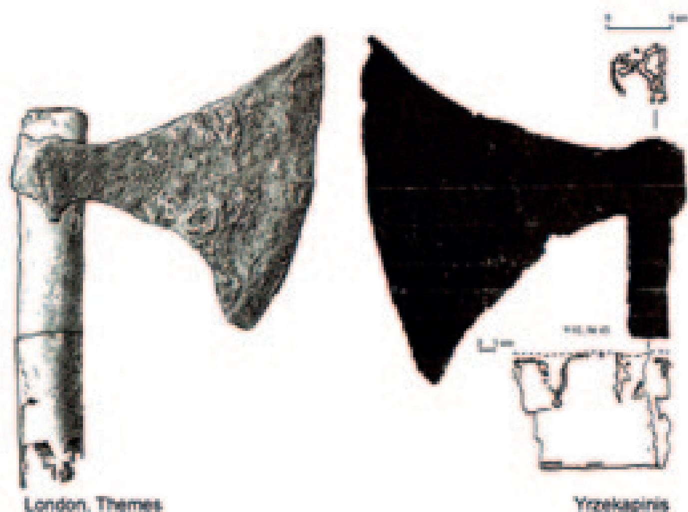
1. Грунтовой могильник-1 Клинцовка/Wickiau (уроч. Ирзекапинис). Расположен у северного побережья Самбии, в 0,3 км к северу от пос. Клинцовка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Раскопками 1977–1986 гг. на могильнике обнаружено 163 грунтовых погребения V – нач. XII вв. Большая их часть имеет признаки обрядности, свойственные для прусской культуры («временные» урны, шкура коня во втором ярусе могилы). Однако в девяти погребениях выявлены сожжения в ладье, произведённые на стороне. Эта черта обрядности Ирзекапиниса соответствует его прусскому названию, переводимому на русский язык как «Могилы гребцов» (Кулаков, 1999в. С. 211). Как правило, в упомянутых погребениях кон. X – нач. XI вв. представлены комплексы вооружения и снаряжения скандинавского происхождения (рис. 75, 76), как, впрочем, и в некоторых могилах, имеющих прусские черты обрядности. Указанные особенности сожжений в ладье на стороне (для скандинавов – нонсенс!) Ирзекапиниса указывает на участие в проведении скандинавского по происхождению ритуала местных жителей. Объяснение этого феномена – проживание в среде местных пруссов группы воинов-скандинавов. Обилие их инвентаря в могилах резко усилилось после гибели в нач. XI в. Каупа. Возможно, эта черта ряда могил Ирзекапиниса – следствие оттока части населения разорённого Каупа на близлежащие прусские поселения. Одним из них являлось расположенное в 2,2 км к северо-западу от Каупа

Рис. 75
Инвентарь погр. Y-16 грунтового могильника-1 Клинцовка (Ирзекапинис).

2. Поселение Малиновка/Wargenau (прусск. «Посёлок варягов») (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Судя по идентичности керамических находках на расположенном в 0,3 км к югу от этого поселения могильника Ирзекапинис, в его могилах хоронили своих умерших обитатели поселения Малиновка/Wargenau. Раскопками 1979 г. на нём были выявлены остатки полуземлянки со стенами столбовой конструкции и с глинобитной сводчатой печью. Согласно обнаруженным в остатках этой постройки фрагментам круговой керамики гданьского типа данный жилой комплекс датируется рубежом X–XI вв. На этом поселении, скорее всего, и проживали скандинавы, захороненные в могилах Ирзекапиниса. Здесь в апреле 997 г. побывал, очевидно, первый христианский миссионер Пруссии св. Войцех-Адальберт, целью путешествия которого был Кауп (Кулаков, 1993. С. 39).

Рис. 76
Секиры типа J.P. M из р. Темза (слева) и из погр. Y-10 грунтового могильника-1 Клинцовка (Ирзекапинис).

3. Клад на о. Гарбик/Garbik (г. Cran/t/z-Зеленоградск)[3]. В 2003 и 2005 гг. в рамках выполнения договора между Институтом археологии Российской академии наук и Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина автору этих строк выпала честь работать по теме «Научный анализ и каталогизация западно-европейских находок IV–VII вв. н.э. из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина». Необходимо отметить доброжелательную помощь, непременно оказывавшуюся мне в ходе этой непростой работы со стороны директора Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (далее – ГМИИ им. А.С. Пушкина) Е.А. Антоновой, хранителя фондов О.В. Тугушевой и заведующего отделом античности В.П. Толстикова.

В процессе разборки группы находок, ранее хранившихся в фондах Музея преистории и древней истории (Берлин), а ныне находящихся в фондах ГМИИ им. А.С. Пушкина, моё внимание привлёк вещевой комплекс, место находки которого помечено тушью на оборотных сторонах экспонатов как "Crantz, Kr. Fischhausen". Место находки клада соответствует совр. г. Зеленоградску (Калининградская обл.) (рис. 3).

Клад, хранящийся ныне в фондах ГМИИ им. А.С. Пушкина, до мая 1945 г. находился в собственности Музея преистории и древней истории (г. Берлин, Германия, нем. Museum für Vor- und Frühgeschichte, MVF). Через 65 лет забвения предметы из этой коллекции постепенно вводятся в научный оборот.

Состав клада с маркировкой "Crantz, Kr. Fischhausen"

№ хранения ГМИИ Аар 497 – фибула серебряная (металл высокого качества), дисковидная (рис. 77,1), диам. 66 мм, весом 38,392 г. Фибула представляет собой дисковидную из серебряной пластины толщиной ок. 2 мм фигуру, штампованную на матрице, имевшей вид 8-лучевой звезды. По рёбрам этой звезды на лицевой поверхности фибулы была путём напайки кусков кручёной проволоки (скань) создана 8-лучевая фигура, составленная из двух наложенных друг на друга прямого и

[3] Кулаков В.И., 2011. Клад 1892 г. из окрестностей Кранца/Зеленоградска (Калининградская область) // РА, 201, № 2.

Рис. 77
Фибула (№ хранения ГМИИ Аар 497). 1 – лицевая и оборотная стороны фибулы; 2 – группа знаков на оборотной стороне фибулы.

косого крестов. После находки фибулы была создана новая (кстати, как и древняя система, также перекладчатая) система крепления. На край фибулы был напаян шарнир (т. н. «рояльный» шарнир) с очень длинной, выступающей за край фибулы иглой. На противоположный край фибулы был напаян кольцеобразный иглоприёмник. В таком виде фибула поступила в музейное хранение в Берлин. Между современным иглоприёмником и остатками древнего держателя иглы на внутренней поверхности фибулы (рис. 77,1, справа) читается группа прорезных знаков (рис. 77,2), которые предварительно можно интерпретировать как группу рун “kauno”, “hagalaz”, “kauno”, “nautiz”, “ehwaz”, “kauno”.

№ хранения ГМИИ Аар 498 – Браслет пластинчатый (точнее – ленточный), шарнирный (рис. 78,1), материал – серебро, вес 46,053 г, раскован из дрота в пластину максимальной ширины ок. 1,5 см. Пластина согнута в овал с максимальным диаметром ок. 60 мм. В точке максимального расширения имеются шарниры, позволяющие раскрываться лопастям браслета (рис. 78,2). Они фиксируются на внутренней стороне пластины браслета двумя напаянными пластинами овальной формы (для предотвращения прогиба шарнирных створок внутрь браслета). На одном из концов браслета к пластине приклёпан штырь грибовидной формы, на другом конце браслета прорезаны три грибовидных отверстия, в которые может входить упомянутый штырь и на разных диаметрах браслета крепить его створки. На внешней стороне пластины браслета по его нагретой (?) поверхности штихелем нанесён прорезной ромбический орнамент (рис. 78,3). Створки браслета украшены прорезным орнаментом в виде косых крестов, по сторонам которых прорезаны поперечные линии числом ок. 10. На верхней стороне створки браслета с грибовидным штырём тупым предметом нанесены две зарубки. На противоположной стороне рёбер пластинчатых створок браслета при помощи двух паяных колец крепится серебряная цепочка (круглые в плане звенья – диам. ок. 3 мм), не позволяющая слишком широко разойтись створкам браслета.

Рис. 78
Браслет (№ хранения ГМИИ Аар 498):
1 – фото браслета;
2 – браслет в закрытом и открытом состоянии;
3 – схема орнамента на браслете.

№ хранения ГМИИ Аар 499 – Браслет пластинчатый (точнее – ленточный), шарнирный (рис. 79,1), материал – серебро, вес 24,043 г, раскован из серебряного стержня в пластину максимальной ширины ок. 1 см, сужающуюся к концам. Пластина согнута в овал с максимальным диаметром до 67 мм. На одном из концов браслета приклёпан штырь грибовидной формы, на другом конце браслета прорезаны два грибовидных отверстия, в которые может входить упомянутый штырь и при раздвижении створок (рис. 79,2) на разных диаметрах браслета крепить его створки. На внешней стороне пластины браслета по его нагретой (?) поверхности штихелем нанесён прорезной зигзагообразный орнамент. После этого поверхность пластины браслета была отполирована. Орнаментальные полосы упомянутого орнамента и декоративных линий по длинным сторонам пластины браслета, как и на браслете № Аар 498, выполнены при помощи полос прорезного линейного орнамента. На противоположной стороне рёбер пластинчатых створок браслета при помощи двух паяных колец крепится серебряная цепочка длиной 80 мм (круглые в плане звенья – диам. ок. 3 мм).

№ хранения ГМИИ Аар 500 – предмет (рис. 80), спаянный из двух косо сложенных крестовидных слабо выгнутых фигур, общий разм. 41 х 20 мм, вес 7,318 г. Каждая из этих сходных по параметрам (ок. 2,0 х 1,5 см) фигур, в свою очередь, спаяна из пяти групп спиралевидных отрезков сканной проволоки, напаянных на серебряные пластинчатые основы. Изнутри на предмет как раз на стыке между крестовидными фигурами напаян современный шарнир для иглы (утрачена). На каждой из двух крестовидных фигур, соединённых в единый предмет Аар 500, видны следы напаянных пластин, являющихся остатками иглоприёмников. Основание иглы крепилось в пазах крупных ядер зерни, припаянных в частях крестовидных фигур, противоположных иглоприёмникам. В этих пазах сохранились следы железной окалины. Это указывает на то, что иглы были изготовлены из железа. Таким образом, логично предполагать, что единый предмет Аар 500 был спаян из двух миниатюрных фибул (серёг ?) и

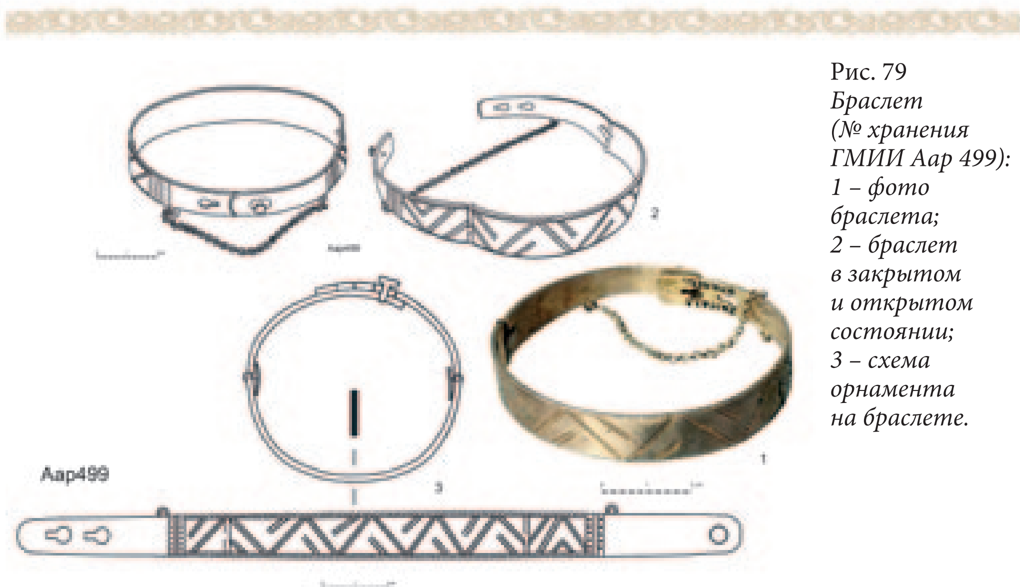

Рис. 79
Браслет (№ хранения ГМИИ Аар 499): 1 – фото браслета; 2 – браслет в закрытом и открытом состоянии; 3 – схема орнамента на браслете.

затем снабжён единой застёжкой. После виртуального демонтажа предмета Аар500 на две фибулы (серьги) можно представить общий вид сохранившейся части клада (рис. 81).

Первой и, к сожалению, единственной публикацией этого комплекса стала статья Отто Клееманна, увидевшая свет

Рис. 80
Предмет № хранения ГМИИ Аар 500. Вверху – лицевая сторона, внизу – оборотная.

в 1938 г. В ней он пишет об урочище Гарбик в 3 км к юго-востоку от г. Кранц/Зеленоградск: «Предполагаемое на Гарбике укрепление должно быть в хронологической связи с упомянутым валом (Schwedendamm, нем. «Шведский вал», возможно – оборонительный вал эпохи викингов, затруднявший для противника подходы с юга к проливу Brokist – В.К.). Уже утверждалось, что этот вал соединял две угловые башни на орденском укреплении Neuhaus и на предполагаемом старом прусском городище на море, а также легендарного дворца на нынешнем Гарбике. Роль [этого урочища] в истории определяет клад в фондах Государственного музея доистории в Берлине. Он состоит из серебряных шайбовидной фибулы с богатой детализовкой [грануляцией] и филигранной орнаментикой, остатков второй, аналогичной и также украшенной фибулы, бусины, остатков куфической монеты, серебряного, украшенного прорезным орнаментом браслета и девяти покрытых частично многочисленными насечками серебряных гривен («литовского типа» – К.В.). Эти предметы являются

только частью большого клада, представляющего эту находку как ценное открытие и показывают по находящейся [здесь] прекрасной фибуле готландскую торговлю в районе Куршской косы на протяжении XI века. [Данная] находка в 1898 г. была отправлена в Берлин. Как место находки более всего подходит [уроч.] Гарбик. Поиски перекрещиваются на нём» (Kleemann, 1939. S. 10, 11).

Состав и место находки клада

Переделки, которым были подвергнуты дисковидная фибула и две крестовидных фибулы, указывают на пребывание части клада в частных руках до поступления в Музей предыстории и древней истории (г. Берлин) в 1898 г. Похоже на то, что из трёх фибул некий ювелир по просьбе находчика (?) пытался создать две женские броши для использования одной из своих современниц. Этот аспект позволяет предполагать временнóй хиатус между находкой клада и поступлением его в музейные фонды. Клад был найден ранее 1898 г., скорее всего – при строительстве железнодорожной ветки (рис. 3), связавшей г. Кранц и пристань на р. Зеленоградка/ Beek. Открытие этой железнодорожной ветки, единственной крупной стройки в основании Куршской косы в конце XIX в., состоялось 8 июля 1895 г. (Schlicht, 1922. S. 298). Напротив пристани, на правом берегу реки, недалеко от впадения в неё левого притока – р. Тростянки (Brast/a/ – прусск. «Мокрый путь», «Брод»), расположено уроч. Гарбик (рис. 52, помечено ромбом). В нач. XVII в. это имя соответствовало не только Гарбику, но и длинному валу, пересекавшему основание Куршской косы от Балтийского моря до русла р. Кранцбек (Kleemann, 1939. S. 10).

Этот вал (рис. 3, 52), скорее всего, оберегал в эпоху викингов подступы к

Рис. 81
Общий вид клада из окрестностей пос. Кранца/г. Зеленоградска (городище Гарбик).

проливу Брокист в окрестностях Каупа, как и вал Даневерк прикрывал канал512 Кограбен в окрестностях Хедэбю на п-ове Ютланд (Кулаков В.И., 2008, С. 432). Судя по палеогеографическим реконструкциям, это урочище (по данным космосъёмки, здесь по сей день читаются остатки рва и вала городища), расположенное в 3 км к юго-востоку от центра г. Зеленоградска, в эпоху викингов являлось островом на правом берегу р. Зеленоградка/Beek у места расширения её русла (Engel, 1935. Abb. 59). Таким образом, клад Crantz

найден, скорее всего, до весны 1895 г. при разрушении вала в уроч. Шведендамм и/или городища Гарбик.

Датировка предметов из клада

Дисковидные пластинчатые фибулы восходят к круглым пластинчатым застёжкам рубежа X–XI вв. (фибулы типа Terslev, которые, в свою очередь, продолжают каролингскую и меровингскую традиции круглых застёжек) и в южной и юго-восточной Скандинавии датируются рубежом XI–XII вв. (Янсон, 1996. С. 62–64). Широкий кант у дисковидных фибул со спиралевидной сканью в Западной Европе «…входит в моду во время ок. 1025 г.» (Schulze-Dörrlamm, 1992. S. 176). Палочковидные серебряные слитки на территории Литвы появляются в кон. XI – нач. XII вв. и по своему весу соответствуют «…половине новгородской гривны серебра /204,5 г/ или скандинавской марки /204 г/» (Бектинеев, 1989. С. 102). Оба браслета клада из Crantz не находят прямых аналогий не только в исторической Пруссии, но и во всей Юго-Восточной Балтии. Браслеты, не свойственные прусской культуре эпохи викингов (в отдельных комплексах Самбии представлены лишь куршские браслеты – Гуревич, 1960. Рис. 48,3; Кулаков, 1999. Рис. 32), встречены в женских погребениях X–XIII вв. в земле куршей. Однако сечение этих браслетов (в том случае, если они пластинчатые) не прямоугольное, как у браслетов Аар 498 и Аар 499, а сегментовидное. Ромбический орнамент на куршских браслетах представлен, однако, не в виде уплощённых ромбов, как на центральной части браслета Аар 498, а по краям браслетов в виде одинарных равносторонних ромбов (Bliujienė, 1999. 8 lent.). По своей ленточной форме браслеты клада из Crantz находят аналогии в кладе из Kiwit/Kiwitten (воев. Варминьско-Мазурское, Польша). Здесь были обнаружены три браслета, изготовленные из серебряных слитков (фактически – из «гривен литовского типа»), украшенные поперечными насечками. В центре пластин двух браслетов были представлены по одному косому кресту. Эти браслеты (тип Lęga II) Тадеуш Богуцки датирует первой пол. XII в. Прототипы для таких браслетов польский коллега находит в Скандинавии и в Ирландии (браслеты типа Hiberno-Viking) на рубеже IX-X вв., и склонен датировать их балтийские дериваты временем ок. сер. XI в. (Bogucki, 2003. s. 197). Ленточная форма браслетов клада из Crantz, прорезанные поперечные линии и кресты на этих браслетах показывают их происхождение от наручий типа Hiberno-Viking и позволяют их датировать временем не ранее сер. XI в. В юго-восточной Балтии изображения знаков «X» и «H», ограниченные линиями, как на браслетах клада из Cranzt, известны в металле лишь на тыльных сторонах ножей-кинжалов V в. н. э. (например, из Weszeiten/Vešeai, Клайпедский р-н Литвы – Bezzenberger 1900, S. 277, Abb. 80). Эти знаки были интерпретированы как знаки типа Begriffzeichnen (Кулаков, 2002. С. 455–460). Пластинчатые браслеты с подвижными створками известны лишь в Англии, Византии и на Руси в XI–XII в. Таким образом, можно предполагать использование мастером, изготовившим браслеты Аар 498 и Аар 499, как северо- и западноевропейских традиций, так и норм женского убора востока нашего континента.

Интерпретация клада из Crantz

Прежде всего необходимо выяснить принадлежность предметов клада. Они представлены серебряными деталями женского убора скандинавского типа, в котором дисковидная фибула застёгивала плат (в Балтии – виллайне) под ос-

нованием женской шеи, парные фибулы крепили бретели платья, а браслеты на запястьях фиксировали рукава рубахи. Однако эти предметы в депонирование поступили не сразу будучи устранёнными с женского убора. Браслет Аар 498 носит следы, оставленные попытками его разрубить на отдельные куски. Это указывает на тенденцию использовать металл украшений как средство платежа, что вряд ли было свойственно их первоначальной хозяйке. Не исключено, что изящные детали женского убора попали в грубые руки грабителя. Восприятие ими украшений как вместилища драгоценного металла подкрепляется наличием в кладе прямых носителей серебряного сырья – фрагмент диргема и 9 гривен «литовского типа». Депонирование всей группы предметов клада из Crantz было, наверное, связано с прямой опасностью, которой подвергся персонаж, лишивший некую женщину её украшений и зарывший в землю в дальних окрестностях Каупа свою добычу от нескольких (?) разбоев.

Археологические данные о торговой активности в Юго-Восточной Балтии в XI в. указывают на южную часть куршского племенного ареала (южная граница – устье р. Неман) как на место особых коммерческих интересов готландских торговцев (Nerman, 1931. S. 172). Напротив, относительно торговли сембов в предорденский период результаты раскопок свидетельствуют, скорее, в пользу свёртывания транснациональных контактов и показывают рост интересов жителей Янтарного берега к контактам с ближними соседями (Кулаков, 2003. С. 171). Письменные источники, прежде всего – данные «Сага о Кнютлингах» (написана ок. 1260, рассказывает о правителях Дании с 950 по 1187 гг.), прямо свидетельствуют об угрозе, нависшей над Северной Самбией из-за морских нападений куршских пиратов. В частности, самбийский купец Витгауд (Витгаутр, судя по имени – скандинав) вёл свои торговые дела по Восточному пути (i Avstrveg), был вынужден, спасаясь от куршских морских разбойников, неким летом повернуть свою ладью от куршского берега в Данию, ко двору конунга Кнута Лаварда (1096-1131 гг.) в Хедэбю (Mühlen, 1975, S. 2). Обретя благосклонность датского владыки, Витгауд затем возглавил свадебное посольство в Новгород, сватая для Кнута Лаварда дочь князя Мстислава Владимировича Ингебьорг (Андрощук, 2002. С. 122). Как свидетельствует сага, сватовство было удачным и свадьба состоялась в 1117 г. (Джаксон, 2003). Дата клада из Crantz совпадает с описанными в «Саге о Кнютлингах» событиями. Группа рунических знаков на обороте дисковидной фибулы, за определение которых и их интерпретацию приношу глубокую признательность М.К. Травовой (г. Калининград), содержит знаки, складывающиеся в надпись «k(g) h k(g) n e k(g)» (дисл. “konungar” ?).

Было бы невероятной удачей доказать, что детали женского убора клада из Crantz являются свадебным даром, изготовленным на западной окраине Европы для русской княжны (отсюда – попытка в конструкции браслетов повторить принципы крепления русских наручей) и посланным посредством Витгауда на восток счастливым женихом – конунгом Кнутом Лавардом. В условиях неспокойной обстановки, сложившейся из-за куршских набегов на севере Самбии, этот свадебный дар мог попасть в чужие руки и депонироваться. Однако прямых указаний на предназначенность украшений из клада русской княжне Ингебьорг нет. Пока следует

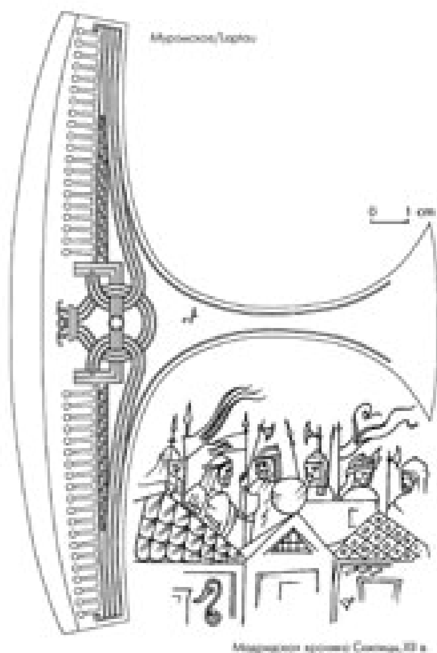

Рис. 82
Реконструкция секиры из грунтового могильника Муромское и прорисовка миниатюры из Мадридской хроники Скилицы.

констатировать лишь феномен использования при изготовлении украшений клада из Crzantz, попавшего в землю в поствикингскую эпоху, художественных и прикладных традиций как запада, так и востока Европы.

4. Грунтовой могильник Сосновка/Bledau/Darienen (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), расположенный в 3 км к востоку от Каупа. В 1934 г. в ходе раскопок, проводившихся В. Герте, на могильнике найдены 8 трупосожжений (на стороне ?), перекрытых каменными кладками. В состав инвентаря погр. 1 входили: рулонированныв̆ меч типа J.P. X (V ?), 6 согнутых наконечников ланцетовидных копий, сломанный ланцетовидный наконечник копья, наконечник дротика, арбалетовидная фибула с рифлёным корпусом, подковообразная фибула с гранёными навершиями дуги, дериват арбалетовидной фибулы типа Sproßenfibel, крестовидная куршская застёжка, гривна из витого дрота, 4 браслета, цепедержатель полукруглой формы, лировидная пряжка и прочий предметы (Mühlen, 1975. Taf. 55,1). Состав инвентаря предполагает наличие в погр. 1 остатков мужчины-воина и женщины. Убор последней имеет куршские или скальвские черты (Kulakov, 1992. P. 109). Погр. 1 можно датировать концом X – нач. XI вв.

5. Грунтовой могильник Муромское/Laptau (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), расположенный в 4 км к югу от Каупа. Здесь в раскопанных 33 прусских трупосожжениях XI–XII вв. найдены три секиры редкого для Балтии типа J.P. M (Кулаков, 1990. С. 72, 73), характерные прежде всего для североевропейского комплекта наступательного вооружения. В кон. XIX в. в районе посёлка Laptau (на могильнике ?) была найдена роскошно орнаментированная в стиле Гландо (Кулаков, 1998. С. 42) равносторонняя секира (рис. 82, сверху), типологически восходящая к секирам типа J.P. M. Данное высокохудожественное произведение не имеет ничего общего с североевропейскими мастерами и вышло из рук византийского кузнеца, творчески переработавшего скандинавские мотивы этого страшного в умелых руках оружия. Принадлежность таких секир скандинавским по происхождению воинам-«манглабитай» (среднегреч. «телохранители» (базилевсов или представителей высшей знати Византии) подтверждается изображениями в Мадридской хронике Скилицы (рис. 82, внизу) и новейшими находками этого статусного оружия на территории Болгарии. Там такие секиры датируются

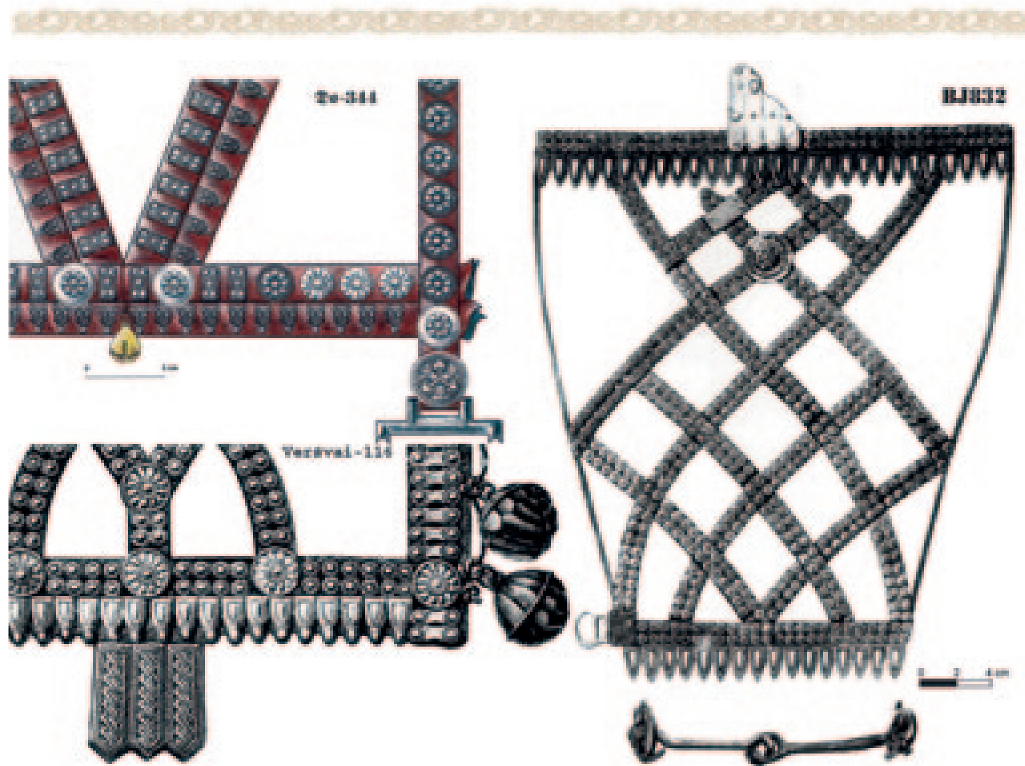

Рис. 83
Реконструкции конских оголовий из Доллькайма, Вершвай и Бирки.

X – нач. XI вв. (Йотов, 2003. С. 24, 25). Секира, найденная у Laptau и имеющая на одной из своих плоскостей фигуру исландского кречета – эмблему викингов Скандинавии и Самбии (Кулаков, Марковец, 2004. С. 328) – могла попасть на Янтарный берег лишь со своим владельцем – вернувшимся на север бывшим византийским наёмником-варягом. Путь его мог пролегать как по р. Висла, так и по Неманской торговой трассе.

6. Грунтовой могильник Коврово/Dollkeim (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), расположенный в 6 км к юго-западу от Каупа. Среди 373 раскопанных на могильнике погребений комплексы эпохи викингов составляют незначительную часть (Кулаков В.И., 2007б, с. 86) и оставлены, несомненно, носителями прусской культуры. Отдельные находки, сделанные в Коврово, указывают на стабильные связи местного населения с жителями Среднего Поднепровья и Бирки. Оголовье коня из погр. Do-344 «…находит в Поднепровье прямые аналоги в древностях эпохи викингов третьей четверти X в.» (Чернигов, Гнёздово) (Кулаков, 2007б. С. 57), на могильнике Vëršvai (Нижнее Понеманье) (Кулаков, Калашников, 2002. С. 42) и в Бирке (рис. 83). Этот феномен указывает на Коврово как на пункт, лежащий на пути, связывавшем по р. Неман Скандинавию и центр Древней Руси.

Контакты населения окрестностей могильника Коврово и Каупом на финальной фазе эпохи викингов подтверждаются случайной находкой в Коврово фрагмента серебряной выпуклой пластинчатой фибулы «готландского» типа со сканным орнаментом (Кулаков, 2005а. С. 337, рис. 4,4), аналогичной соответ-

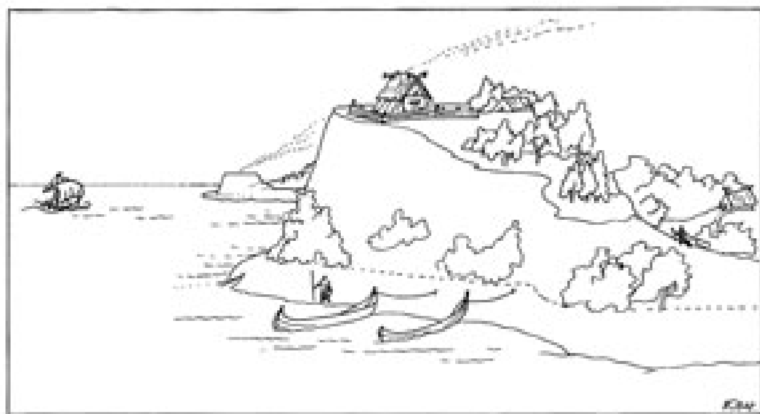

Рис. 84
Общий вид с севера на поселение Кораллен-Берг (реконструкция).

ствующей застёжке из клада на Гарбике (см. выше).

7. Поселение Korallen-Berg (Süd) (Куршская коса), расположено в 4 км к западу от пос. Рыбачий, в 31 км к северо-востоку от Каупа. Раскопками 2001 и 2002 гг. на южной дюне уроч. Korallen-Berg обнаружены остатки усадьбы X–XI вв. (рис. 84). Усадьба, пережившая 2 строительных периода, являлась местом стоянки для команд каботажных судов, следовавших вдоль Куршской косы между Каупом и низовьями р. Неман. Судя по находкам, на усадьбе Korallen-Berg оставили следы своего пребывания как скандинавы (в том числе готландцы), так и курши (Кулаков, Жиндарев, Волкова, 2003. С. 99, 100). Принадлежащая им керамика встречена на синхронных поселениях в низовьях р. Неман – на городище Birutės kalns и на поселении Žardė. Очевидно, обитателей этих поселений и усадьбы Korallen-Berg связывали торговые контакты. Моряки, останавливавшиеся на Korallen-Berg, могли проникать в Куршский залив по расположенному невдалеке от усадьбы проливу Gausutte-Vogelwiese (Kulakov, 2005b. S. 178).

Кроме места ночлега, ремонта судов и получения их командами дорожных припасов обитатели усадьбы аккумулировали запасы янтаря (невдалеке от усадьбы на берегу Балтийского моря находилось янтарное месторождение, из которого в усадьбе готовились пластинчатые полуфабрикаты) и костно-рогового сырья – или добытого на охоте обитателями усадьбы, или бывшего частью дани, выплачивавшейся им местными жителями. В любом случае эти продукты являлись товаром для коммерческих операций. Находки на усадьбе Korallen-Berg фрагментов круговой керамики с венчиками секировидных очертаний, характерных для киевских сосудов второй пол. X в., указывают на Среднее Поднепровье как на регион обитания торговых партнёров жителей усадьбы (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2002, № 22942).

8. Город Калининград/Königsberg. Гипотетически предполагаемое поселение контролировавших торговую трассу по р. Преголе дружинников на возвышенности Tuwangste (“Conungaberg”). Его существование на рубеже X–XI вв. экстраполируется по данным могильника Совхозное/Gr.-Friedrichsberg, на котором были сделаны находки, связанные с деятельностью воинов скандинавского происхождения, обладавших высоким социальным статусом (Кулаков, 1999а. С. 222). Присутствие воинов-северян на месте будущего орденского

замка Königsberg подтверждается находкой у его стен в р. Преголе однолезвийного меча тип J.P. M, оказавшегося в воде (Riemann, 1938. S. 90) явно в результате традиционного для германцев жертвоприношения водным божествам. В нач. XX в. в р. Преголе в г. Кёнигсберге (у о. Кнайпхоф) также был найден скандинавский (?) однолезвийный меч (типа Jankuhn Manheim – рис. 85,1) (Riemann, 1938. S. 91). Также два меча, свидетельства жертвоприношений скандинавов эпохи викингов, были обнаружены в устье р. Неман и р. Даугавы (Torbrügge, 1972. S. 118, Beilage 4,1)

9. Грунтовой могильник Ветрово/Ekritten (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) известен находкой в погр. 32 аналогичного найденному в могильнике Совхозное/Gr.-Friedrichsberg (см. выше) шлема с золочёными бронзовыми пластинами (Кулаков В.И., 1999в, с. 222). Считается, что такие шлемы изготавливались древнерусскими мастерами. Этот факт, а также детали инвентаря и черты обрядности, указывающее на связь комплекса Ветрово-32 с салтово-маяцкими древностями, позволяет данное погребение нач. XI в. считать свидетельством активных контактов части населения Самбии с населением Восточной Европы эпохи викингов (Кулаков, 1989б. С. 43).

10. Грунтовой могильник (?) Междуречье/Norkitten (Черняховский р-н Калининградской обл.), на возвышенности (?) левого берега р. Преголи. Здесь в 1896 г. при прокладке дороги в саду аптекаря на глуб. до 0,4 м были обнаружены несколько лежащих друг на друге предметов (обломок меча типа J.P. M, пара черепаховидных фибул) без присутствия человеческих или иных костей. Ранее в районе этого комплекса были обнаружены большая секира типа J.P. M, обломок шейной гривны, бронзовый браслет (скорее – подковообразная фибула) с завёрнутыми концами, круглая подвеска (Grunert, 1938. S. 55, 56). Первичная датировка указанных находок – IX–X вв., они связаны, скорее всего, с неким неизвестным пока могильником.

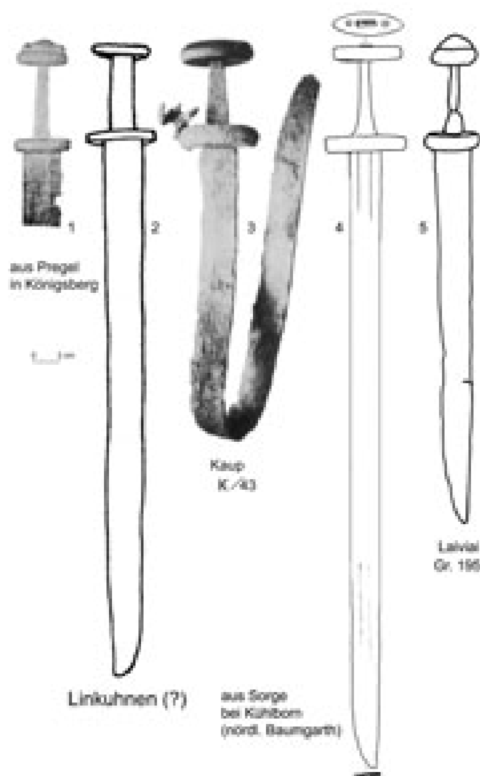

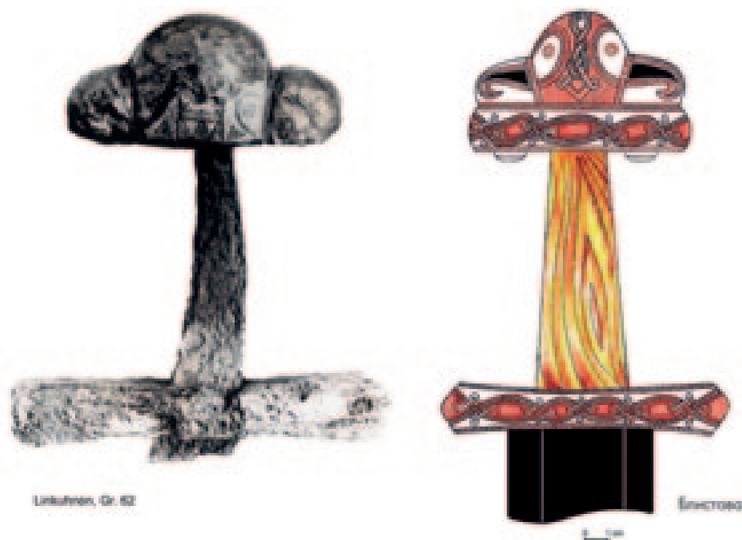
Рис. 85
Однолезвийные мечи эпохи викингов из ареалов пруссов и аукштайтов:
1 – меч типа Jankuhn Manheim из р. Преголи у о. Kneiphof в границах совр. г. Калининграда;
2 – меч типа J.P. M из грунтового могильника Ржевское (Славский р-н) (?);
3 – меч типа J.P. H из курганного могильника Кауп, К-43;
4 - меч типа J.P. M из р. Зорге близ бывш. пос. Kühlborn (Варминьско-Мазурское воев. Польши);
5 – меч типа J.P. B из грунтового могильника Laiviai (Кретингский р-н Литвы), погр. 195.

Рис. 86
Описание раскопок курганов могильника Breitenstein/ Ульяновка и рисунки найденных при этом находок (1724 г.).

11. Курганы Ульяновка/Breitenstein. Два кургана были раскопаны в июне 1724 г. обер-лейтенантом фон Гесслером в окрестностях имения Breitenstein на правом берегу р. Инстер. В кург. 1 были найдены две урны с остатками трупосожжений, с двумя рулонированными мечами, с одиннадцатью (?) согнутыми наконечниками копий, с умбоном (?) щита и прочим инвентарём, свидетельствующим о наличии здесь захоронения двух мужчин-воинов (рис. 86, сверху). В кург. 2 были обнаружены остатки трупосожжения с двумя глиняными биконическими пряслицами, парой браслетов, двумя подковообразными фибулами и прочим инвентарём (рис. 86, снизу), указывающим на присутствие здесь останков двух женщин. Находки, сделанные любознательным прусским офицером, датируют курганы в Breitenstein рубежом X–XI вв. Эти два комплекса, исследование которых знаменовало начало археологических работ в исторической Пруссии (Кулаков, 1994а. С. 5), по набору инвентаря находят в этой части Балтии аналогии в курганно-грунтовом могильнике Кауп и на грунтовом могильнике Сосновка. Даже такая мелкая деталь обрядности кург. 2 Breitenstein, как присутствие в женском захоронении деталей конской упряжи в Балтии, известна лишь на Каупе. Правда, некоторое недоумение вызывают найденные здесь же три шпоры, стремя и бронзовый кельт эпохи раннего железа. Женский комплекс в кург. 2, как и набор женских украшений

Рис. 87
Мечи типа J.P. S из Linkuhnen и Блистовы (Черниговская обл. Украины).

в погр. 1 Сосновка, имеет куршское или скальвское происхождение.

12. Грунтовой могильник Ржевское/Linkuhnen (Славский р-н Калининградской обл.). В 1928-1930 гг. на могильнике, расположенном у посёлка, на всхолмлении на высоком левом берегу р. Неман, было раскопано не менее 1200 грунтовых погребений, большей частью содержащих останки представителей местного племени скальвов. Выявлены три группы погребений, имеющие хронологическое значение (Engel, 1930. S. 3, Ibid., 1931a, S. 315). Группа 3 (трупосожжения, произведённые на стороне и помещённые в могиле в деревянные ящики в сопровождении сосудов-приставок на глуб. от 0,3 до 0,6 м) датируется по находкам, сделанным в её погребениях, X–XII вв. В составе этих комплексов оружие (в одном погребении – до 6 мечей, нередко рулонированных, и масса наконечников копий) имело скандинавское происхождение, украшения – местные. Обилие инвентаря могил Linkuhnen поражало археологов. В сезоне 1930 г. общий вес добытых раскопками металлических находок достиг 5,5 центнера (Engel, 1930. S. 4). Специфика инвентаря Linkuhnen ещё в предвоенное время позволила родиться гипотезе о наличии торгового пункта скандинавов поблизости от упомянутого могильника (Engel, 1931b. S. 194, 195). При детальном анализе некоторых мечей из Linkuhnen (всего на могильнике найдено более 50 мечей – Engel, 1931b. S. 194) выявляется связь местного населения с жителями древней Черниговщины. Навершия мечей типа J.P. S снабжены в этих двух регионах сходными и весьма редкими в Европе эпохи викингов композициями «Один и вóроны», выполненными в таушированном стиле Гландо (рис. 87). Этот феномен указывает на возможность прямых военных и торговых контактов обитателей Нижнего Понеманья с Древней Русью в эпоху викингов (Кулаков, Коваленко, 1996. С. 155). Правда, анализ мечей из Linkuhnen привёл известного исследователя древностей Пруссии Херберта Янкуна к противоположному по смыслу выводу. Опираясь на информацию о большом количестве мечей из Linkuhnen, несущих на клинках клеймо +ULFBERHT+, он опубликовал тезис о том, что обитатели

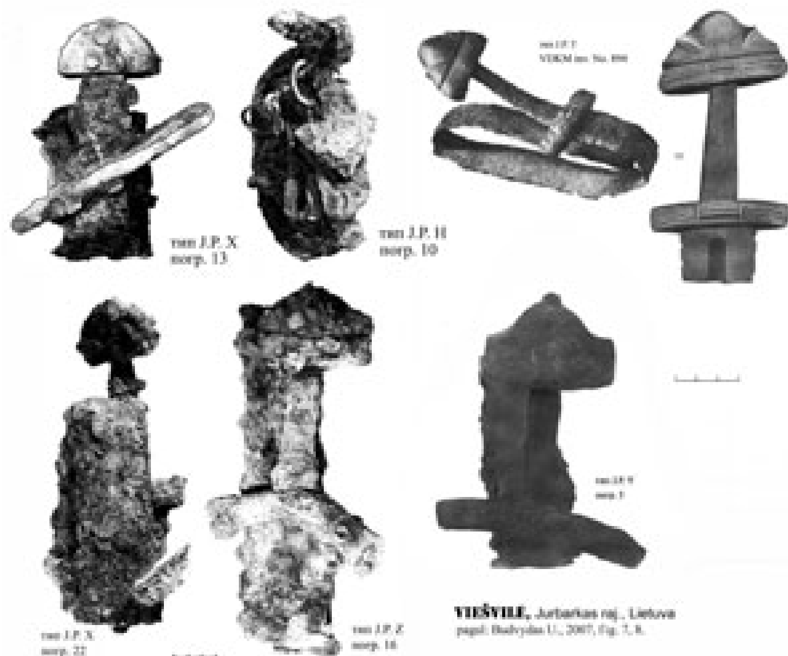

Рис. 88
Мечи из погребений могильника Vešvilė.

низовий р. Неман вели торговлю янтарём и мехами с обитателями Нижнего Рейна и севера Европы (Jankuhn, 1952. S. 12). На самом деле упомянутый сюжет с мечами, неизвестный немецкому коллеге, указывает на восточное направление контактов торговцев Нижнего Немана. С другой стороны, присутствие на могильнике Linkuhnen конских захоронений и парных погребений мужчины и женщины, характерных для прусской культуры эпохи викингов, свидетельствует о присутствии здесь выходцев с Янтарного берега (Engel, 1931b. S. 195). Этот вывод подтверждается обилием оружия в могилах Linkuhnen, характерном для сембов (Hoffmann, 1940. S. 76).

13. Поселение Žardė (Русне р-н Литвы) входит в комплекс археологических памятников III–XIII вв., расположенный на правом берегу р. Немана, в 2,5 км к востоку от берега Куршского залива и включающий городище, «предградье», поселение-1 и -2, датируемые I тыслет. н.э., поселение-3 эпохи викингов и предорденского времени, грунтовой могильник. На поселении-3 открыты остатки столбовых построек и большое количество находок, свидетельствующих о торгово-ремесленном характере данного поселения. Керамический набор (сосуды с секировидными венчиками и горшки яйцевидной формы) и наличие среди находок янтарных полуфабрикатов (Genis, 1995. P. 113-125) сближает поселение-3 Žardė с поселением Korallen-Berg (Куршская коса).

14. Грунтовой могильник Viešvilė (Юрбаскасский р-н Литвы) расположен в 0,8 м к северу от русла р. Неман, на второй надпойменной террасе его правого берега. В 1998 г. на могильнике было раскопано 17 трупосожжений (содержали останки мужчин-воинов, часть – в деревянных шкатулках) и 6 женских и детских трупоположений, содержащих останки носителей древностей скальвов (Budvydas, 2007. P. 205-207). Стандартный набор погребального инвентаря, состоящий исключительно из мечей и

наконечников копий скандинавского происхождения, позволил автору раскопок сделать вывод о существовании в данной точке ареала скальвов группы элитных воинов, контролировавших прилегающий отрезок торгового Неманского пути (Budvydas, 2007. P. 212). Высокий социальный статус этих воинов подчёркивался наличием в их могилах мечей (свёрнуты рулоном – рис. 88).

Западная часть гипотетического Неманского торгового пути достаточно неплохо исследована литовскими археологами относительно выявления на данной части территории Литвы предметов импорта эпохи викингов, являвшихся показателями торговой активности разноплеменных купцов, чьи караваны передвигались по Неманскому торговому пути. Такой типичный для IX–X вв. импортный товар, как стеклянные бусины (шаровидные, лимонковидные, бисер и проч.), производившиеся в Византии и на Руси, имеет довольно значительное скопление на племенной куршской территории. По нижнему течению р. Неман известны лишь несколько местонахождений круглых (шаровидных) и многогранных бусин IX–X вв. (Kuncienė, 1981b. Pav. 84, 85, 2 pav.). Они обнаружены на грунтовых могильниках:
15 – Pežaičiai (Клайпедский р-н Литвы)
16 – Vinksnėnai (Шауляйский р-н Литвы)
17 – Pakalniškiai (Шакяйский р-н Литвы)
18 – Radikiai (Каунасский р-н Литвы)
19 – Pakapiai (Каунасский р-н Литвы)
20 – Bradeliškes (Вильнюсский р-н Литвы)
21 – Neravai (Тракайский р-н Литвы)
22 – Palaukė (Вильнюсский р-н Литвы).

Сходную картину показывает распространение находок кладов диргемов в Нижнем Понеманье (рис. 37). Как и бусины, депозиты арабских монет, в массе представленные в ареале куршей, лишь в небольшом количестве известны в бассейне р. Неман. Диргемы встречены в следующих пунктах бассейна нижнего течения этой реки:
23 – Veliuona (Юрбаркасский р-н Литвы)
24 – Paparčiai (Тракайский р-н Литвы)
25 – Vilnius (окрестности столицы Литвы)
26 – городище Akštutinė (Вильнюс, столица Литвы)
27 – Jauniūnai (Ширвинтский р-н Литвы)
28 – Riešė (Вильнюсский р-н Литвы)
29 – Raudondvaris (Вильнюсский р-н Литвы).

К сожалению, датировки данных кладов в распоряжении современной науки отсутствуют (Kuncienė, 1981a. P. 176–180, 246–248).

В отличие от кладов диргемов на территории Литвы находки шиферных биконических пряслиц X в. в бассейне Нижнего Немана показывает достаточно компактный ареал, в основном – на берегах р. Нярис (Kuncienė, 1981a. P. 183-186, 24 pav.). Список находок шиферных пряслиц на поселениях племени литва в интересующем нас регионе таков:
30 – Paverknys (Приенский р-н Литвы)
31 – Aukštadvaris (Тракайский р-н Литвы)
32 – Krūminiai (Варенский р-н Литвы)
33 – Anikščiai
34 – Kurklintiškiai (Укмергский р-н Литвы)
35 – Malaišiai (Аникшчийский р-н Литвы)
36 – Nemenčinė (Вильнюсский р-н Литвы)
37 – Vilnius (столица Литвы)
38 – Prauda (Варенский р-н Литвы)
39 – Dubičiai (Варенский р-н Литвы).

Среди отдельных показателей воинской активности скандинавов в составе интернациональных дружин, предположительно осуществлявших контроль над Неманским торговым путём, видное место занимают находки плетей североевропейского происхождения. Такие плети, по своей конструкции разделённые Лаймой Вайтскунскене на две группы (деревянные плети с кольцом и обой-

мицами для кожаных бичей и железные кнутовища типа Кирпичников I – Кирпичников А.Н., 1973, с. 73), справедливо считаются социальными показателями вождя дружины (Vaitkunskienė, 1983a. P. 75–77, 1 pav.). Все могильники, содержащие погребения воинов-всадников со скандинавскими плетями, расположены в бассейне Нижнего Немана:

40 – Žasinas (Шилальский р-н Литвы)
41 – Pakalniškiai (Шакяйский р-н Литвы)
42 – Pakapiai (Каунасский р-н Литвы)
43 – Peršukštas (Швенчёнский р-н Литвы)
44 – Ruseiniai (Кедайняйский р-н Литвы)
45 – Rusių Ragas (Ширвинтский р-н Литвы).

Стоящий первым в списке могильников, содержавших находки скандинавских плетей, могильник Žasinas (вскрыто 203 грунтовых трупоположения X–XII вв.) характерен тем, что в его погребениях находится большое количестве скандинавских изделий и продукции местных жемайтийских мастеров, сделанной под североевропейским влиянием. Среди находок на могильнике Žasinas: 10 бронзовых ажурных наконечников ножен меча с изображением вертикально взлетающей хищной птицы и с прочими композициями, равноплечная фибула, поясные наборы (Vaitkunskienė, 1983b. P. 7-15). Не исключено, что поселение, соответствующее могильнику Žasinas, было занято интернациональной дружиной, контролировавшей ответвление Неманского торгового пути, ведшее вверх по р. Юра в направлении северо-куршского племенного ареала, граничившего с истоками Даугавского торгового пути.

Не менее важными для определения показателей военной активности викингов на Неманском пути, являются находки мечей типа J.P. T1 («куршский тип» по В. Казакячвичюсу). Эти двулезвийные клинки с бронзовыми навершиями рукояти и перекрестиями возникают в X в. в племенном ареале куршей и существуют преимущественно в прибрежной зоне Юго-Восточной Балтии до XIII в. (Kazakevičius, 1996. P. 58). Учитывая важную роль воинов-куршей, принимавших активное участие в жизни Нижнего Понеманья и Самбии, находки, указывающие на их непосредственное присутствие вне земли куршей, по выходящей на восток из её пределов Неманской торговой трассе, крайне важны (Kazakevičius, 1996. 58 pav., Ibid., 1997. Fig. 8).

Куршские мечи типа J.P. T1 встречены на следующих грунтовых могильниках в ареалах жемайтов, аукштайтов, литвы и пруссов:

40 – Žasinas (Шилальский р-н Литвы)
46 – Varsėdžiai ((Шилальский р-н Литвы)
47 – Гурковичи (Вилейский р-н Минской обл. Беларуси)
48 – г. Новогрудок (Беларусь)
49 – бывш. Klein Heyde (Гурьевский р-н Калининградской обл.)
50 – пос. Ушаково/Brandenburg (Гурьевский р-н Калининградской обл.).

Другим показателем активного обмена воинскими новациями является распространение по Неманскому пути конских оголовий решётчатой конструкции. Она представляет собой трапецию в виде налобного, наносного и двух нащёчных ремней, соединённых в виде трапеции. Пространство между ними заполнялось перекрещивавшимися короткими ремнями, образовавшими решётчатую конструкцию. Такие оголовья, изготавливавшиеся явно лишь для погребальных церемоний, на рубеже X–XI вв. изготавливались в земле пруссов (Кулаков, Калашников, 2002. С. 42) и украшались исключительного декоративными, не пригодными для

длительного использования бляшками, изготовленными из серебряной фольги в виде тасмы. Помимо всего, наличие такого оголовья в могиле предполагает захоронение коня, характерное в эпоху викингов преимущественно для погребального обряда пруссов. Тем не менее подобные оголовья с накладками указанного вида известны, кроме могильников Самбии, в Бирке (рис. 83) и на территории Литвы на грунтовом могильнике:

51 – Vėršvai (Каунасский р-н Литвы) (Navickaitė, 1958. 1 pav.)

52 – Barinės kaimas (Паневежисский р-н Литвы) (Petrulienė, 1995. P. 16).

Наконец, массив находок, являющихся результатом деятельности Неманского торгового пути эпохи викингов, существенно дополняется янтарными изделиями (среди них в основном бусины и подвески), в изобилии представленными в интересующем нас регионе. Их расположение на археологической карте Литвы чётко указывает на существование торгового пути от устья р. Неман до точки впадения в неё правого притока, р. Нярис. Современная археологическая наука располагает следующим списком таких находок на грунтовых могильниках, известных в бассейне Нижнего Немана: 53 – Vėžaičiai, 54 – Jurkiškė, 55 – Sodėnai, 56 – Kreivenai (все грунтовые могильники – Шилутский р-н Литвы), 57 – Mikytai, 41 – Pakalniškiai (все грунтовые могильники - Шакяйский р-н Литвы), 58 – Siraučiai (Тельшяйский р-н Литвы), 59 – Krūvandai II (Каунасский р-н Литвы), 60 – Pavilkijys (Шакяйский р-н Литвы), 61 – Rupunioniai (Каунасский р-н Литвы), 51 –Vėršvai, 62 – Marvelė (Каунасский р-н Литвы), 63 – Eiguliai (Каунасский р-н Литвы), 64 – городище Kaukai (Алитауский р-н Литвы), 65 – Obeliai (Укмергский р-н Литвы) (Bliujienė, 2007. 222 pav.).

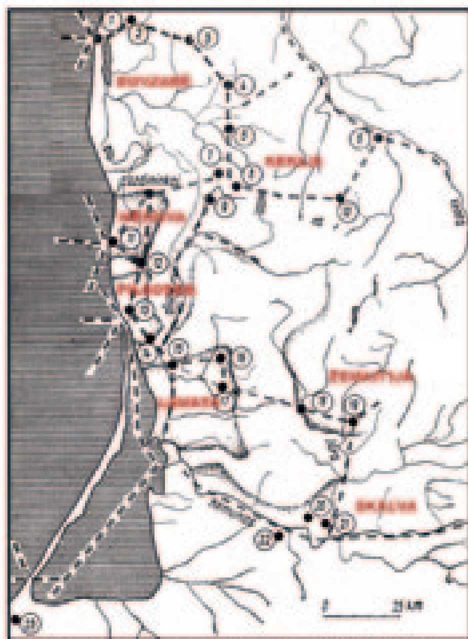

Рис. 89

Торговые пункты и пути межплеменных контактов в устье р. Неман в X–XIII вв.

Благодаря многолетним археологическим исследованиям части территории Литвы в низовьях р. Неман известным литовским археологам В. Жулкусу и Л. Климке удалось выявить начальные элементы Неманского торгового пути. Они зафиксированы при помощи сбора и анализа данных поселенческой археологии, при этом удалось выявить не только микрорегиональные трассы торговых контактов между землями куршей (Mėguva, Pilsotas) и ламатов (Lamata), но и определить микрорегион, откуда расходились пути следования товара, импортируемого из Скандинавии и с куршского берега (прежде всего – янтарь-сырец) как на восток (Неманский путь), так и на северо-восток (к истокам Даугавского пути). Этим микрорегионом, как пока-

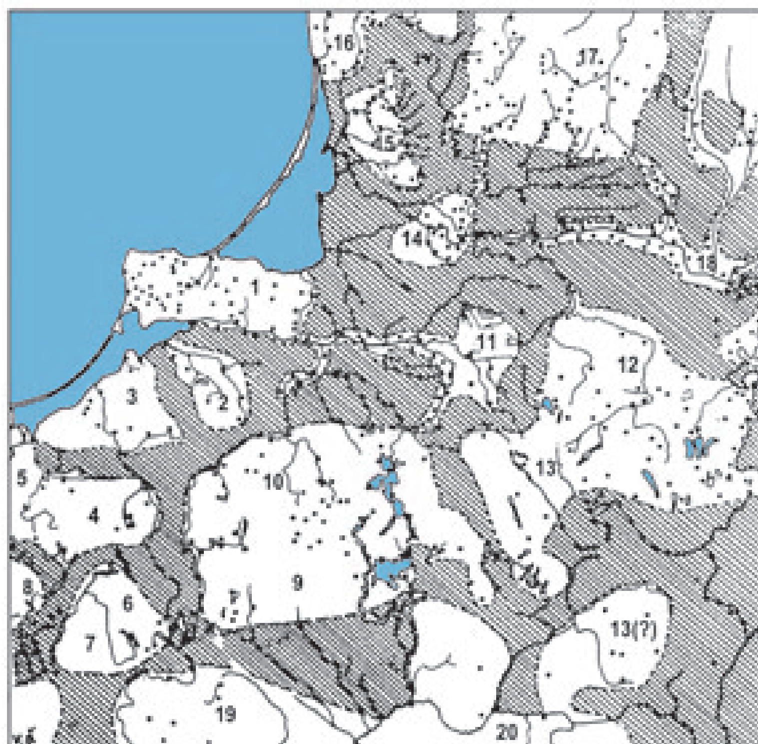

Рис. 90
Карта поселений (показаны чёрными точками) и племенных ареалов западных балтов XII в., разделённых лесными массивами (показаны штриховкой).

зывают скопления поселений со следами торговой деятельности, является куршская земля Mėguva (рис. 89). От неё в южном направлении по мелким рекам земли куршей и по крупной водной трассе р. Миния караваны с товаром спускались в X–XI вв. до впадения последней в правую часть дельты р. Неман. Затем, как основательно доказали В. Жулкус и Л. Климка, эти караваны поворачивали на восток и достигали ареала скальвов, где опорными пунктами торговых операций в эпоху викингов служили поселения близ могильника Ржевское/Linkuhnen, Rambynas и Opstainys (Žulkus, Klimka, 1989. P. 56-58). Литовские коллеги немалую роль в торговых операциях на западной окраине балтских земель отводили торговым трассам, эвентуально пролегавшим по водам Куршского залива (рис. 89). Косвенно это положение подтверждается наличием серии древнеисландских топонимов и гидронимов (остатки лоции эпохи викингов) на берегах Куршского залива у Каупа (Кулаков, 1996. С. 138, 140, рис. 5) и в дельте р. Неман (Rus, Ustaholm – Žulkus, 1989. P. 29). Данные следы активности скандинавов в ключевых пунктах Неманского торгового пути показывают высокий уровень освоения ими информации об условиях мореплавания в важнейших пунктах побережья Куршского залива.

Находки, сделанные В. Жулкусом при раскопках городища Palanga с привлечением данных соседствующих памятников эпохи викингов, позволили литовскому коллеге сделать вывод о том, что товары по Неманскому пути

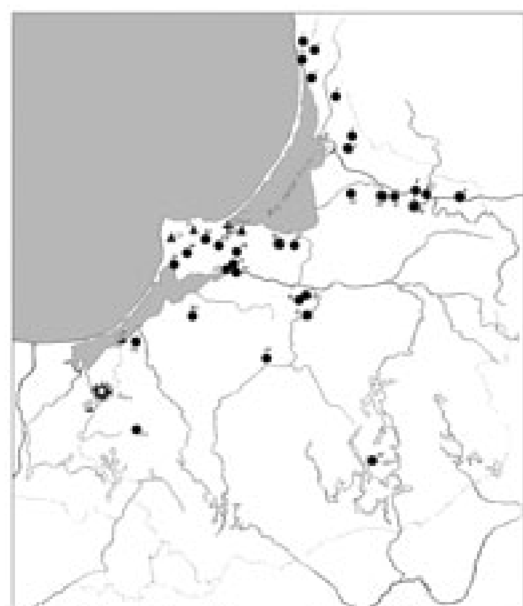

Рис. 91
Карта викингских находок в Вост. Пруссии (по К. Энгелю).

начинают поступать из Скандинавии уже в IX в. Однако расцвет деятельности этого пути приходится на XI и даже XII в. (Žulkus, Urbanavičius, 1995. P. 10).

Далее на восток от места слияния рек Неман и Юра торговый путь выходил из ареала скальвов и оказывался на племенной территории западнобалтского племени аукштайтов, занимавшей бассейн р. Неман вплоть до впадения в неё правого притока, р. Нярис. Расположение поселений различных племён балтов Понеманья разделялось озёрами, реками и мощными лесными массивами, сакрализованными (Šimėnas, 1995. S. 153) в древности (рис. 90). Распределение поселенческих и погребальных памятников аукштайтов исключительно по долинам р. Неман и её притоков убедительно свидетельствует о важной роли водных путей в жизни этого балтского племени (причём задолго до эпохи викингов – Bertašius, 2006. P. 67, fig. 2). К этому выводу подводила уже сделанная Карлом Энглем в 1931 г. карта распространения находок североевропейского (по его мнению) происхождения в низовьях р. Неман (рис. 91).

Итак, археологические источники самого разного рода – от черт североевропейской обрядности и предметов скандинавского происхождения до находок янтаря-сырца и изделий из него (ведущего продукта, поставлявшегося на восток по Неманскому пути) и выявленных принципов поселенческой археологи ряда западнобалтских племён с разных сторон, нередко независимо друг от друга, свидетельствуют о существовании в IX–XI вв. Неманского торгового пути. Указанные выше археологические источники позволяют выявить трассу этого пути от устья р. Неман до верховий р. Нярис.

IV. Палеосоциологическая ситуация в исторической Пруссии эпохи викингов

Для понимания причин, вызвавших появление Неманского торгового пути, недостаточна констатация скопления в юго-восточной Балтии находок скандинавского происхождения. Очевидно, что они могли быть следами торговой и воинской активности скандинавов, прилагаемой ими на изучаемом отрезке трасс, связывавших север и восток Европы в эпоху раннего средневековья. Однако немаловажными являются аспекты социального характера, сформировавшие в западнобалтской среде толерантное отношение к пришельцам с севера и позволившие аллохтонам проявлять здесь отмеченную выше активность. Для выяснения таких социальных аспектов необходимо обращение к единственному источнику, сохраняющему информацию такого рода – к археологическому материалу.

Жесткое соответствие обряда и набора инвентаря социальному положению умерших, за которыми признавалось их место в общественной иерархии и в мире ином, отмечено у пруссов орденскими письменными источниками и было актуально, как показывают данные археологии, практически на всём протяжении I тысячелетия н.э. Петр из Дусбурга сообщает о строго нормированных прусских обычаях XIII в.: «Пруссы верили в воскрешение плоти... Ибо они верили, что если кто-то является знатным или незнатным, богатым или бедным, властительным или бесправным в этой жизни, таким будет после воскрешения в будущей жизни.» (Петр из Дусбурга, 1997. С. 51). В связи с этим естественно, что возможная информация о социальной структуре прусского общества эпохи раннего средневековья извлекается при анализе данных погребальных памятников середины и второй половины I тыслет. н.э.

В первой половине V в. н.э. в погребальных обычаях пруссов начинаются перемены, которые нельзя связать только с хронологическими аспектами. Уже с рубежа V–VI вв. могилы пруссов-воинов сопровождаются стандартным набором вещей, ранее не свойственным древностям эстиев: со всадником – обломки «временной урны», с конём – удила, пряжки упряжи, коса, ножницы, скребница, редко – шилья. При этом коса, ножницы и скребница ранее эстиями, предками пруссов, не использовались. Шилья связаны с упоминаемым позднейшими источниками обычаем ритуального питья конской крови (Кулаков, 2003. С. 288). Данная традиция, неизвестная в традиционной балтской этнографии, привнесена на Самбию извне ещё на фазе C1 и, во всяком случае на первых порах, имела уже не родовое, а социальное значение, применяясь в обществе пруссов его воинской прослойкой.

На севере Европы с рубежа VIII–IX вв. начинается широкое распространение сожжений в ладье. Доказано, что

эта черта обряда, ранее бывшая характерной лишь для верхушки родовой аристократии Скандинавии вендельской эпохи, становится прерогативой викингов - членов дружин севера Европы. Тот же социальный смысл имели и перемены в ритуале захоронения коней, происшедшие за 200 лет до начала эпохи викингов в земле пруссов. Из прерогативы редких в обществе всадников-equites (члены родовых сообществ, собиравшихся для одного похода/набега) конское захоронение становится чертой погребального комплекса каждого воина-прусса, причастного к постоянной дружинной организации.

Для погребальных древностей Балтии, Северной и Восточной Европы (V – нач. XI вв.) определён комплекс признаков, условно именуемый дружинной триадой. Этот комплекс включает «...изменение характерного ранее для родовой традиции погребального обряда, декоративный стиль, включающий разные культурно-этнические черты и наличие разноэтничных элементов...» в составе воинских коллективов, именуемых «дружинами» (Кулаков, 1988. С. 122).

Уже на фазе В2/С1, открывшей «кимврский» горизонт самбийско-натангийской группы (СНГ) западнобалтской культуры, погребения с конским снаряжением (Кулаков, 2003. С. 319) предполагают наличие на Янтарном берегу «варварских» воинов-профессионалов. Именно эти германцы, а вслед за ними – видиварии середины V в. н.э. впервые продемонстрировали племенам-автохтонам Балтии мощь целенаправленно обученных воинских отрядов (Кулаков, 2002б. С. 101–111). Длительное и, видимо, впечатляющее для эстиев знакомство с такими воинами привело к появлению на Янтарном берегу первой в Балтии дружины. Это произошло к середине V в. н.э. Статусом воина, участвовавшего в возникавших и распадавшихся «разовых» воинских формированиях, обладало, очевидно, большинство мужчин, отмеченных условными обозначениями equites (предпочтительно) и optimates-1 (Кулаков, 2005б. С. 365). Резкое увеличение числа конских захоронений в середине V в. н.э., связанное с распространением статуса (или его части) воинов-equites на массу мужчин-пруссов – первый признак дружинной триады.

Наиболее адекватное определение феномена дружины предложено Л. Дрэгером: «Дружина (Gefolgschaft; Follovers, ... Retainers; Suite) – объединение воинов вокруг военного предводителя, позднее ближайшее военное окружение князя или короля» (Дрэгер, 1986. С. 52). Превращение дружины из временного воинского образования для одного набега или битвы в постоянно действующий социальный институт соответствует предгосударственному уровню развития потестарности. Такая организация стала для её вождя готовым инструментом для создания государства – института легализованного насилия над безоружным населением, противопоставлявшимся вождю и его дружине. На всём протяжении существования дружины её члены были подчинены лишь своему вождю, причём его власть покоилась не на принадлежности к родовой аристократии, а исключительно на личном мужестве и удачах в походах. Дружинники повиновались своему вождю на основании клятвы, дающейся ему каждым из членов дружины в знак личной верности.

Военные объединения, носившие временный характер, существовали в

раннем железном веке у большинства народов Европы, в том числе явно и у предков пруссов – эстиев, включая все перечисленные выше социальные разряды мужского населения Самбии римского времени. Однако «по мере разложения первобытного общества, когда ведение войн все чаще становилось военным промыслом в целях обогащения, дружина начала превращаться в постоянный военно-грабительский институт» (Дрэгер, 1986. С. 52). Перемена всей системы социальных отношений в племенном коллективе должна была опираться на идеологию, выходящую за рамки старых обычаев, по-новому их используя и интерпретируя. Обряд equites с середины V в. н.э. присваивается большинством мужчин-пруссов.

Следующей чертой, характеризующей возникновение на руинах родового строя дружинной организации, является участие в её формировании иноэтничных элементов. Постоянное присутствие в Янтарном крае воинов-аллохтонов в I–V вв. н.э. привело к тому, что социальная группа, возглавившая в гуннское время прусскую дружину, состояла из пришельцев в балтский мир. К их числу, несомненно, следует отнести легендарных первых прусских князей-братьев Брутена и Видевута. На заре прусской культуры полиэтничный конгломерат упоминаемых Йорданом «видивариев» оказал значительное влияние на сложение прусской культуры, которая носила выраженный социальный (то есть дружинный) облик (Кулаков, 2004. С. 45). К этому времени в материальной культуре пруссов наличествуют признаки (клады как показатели частной собственности, обособление культуры знати, трансформации старого культа), соотносимые в современной исторической науке с моментом начала складывания социально стратифицированного общества.

На протяжении V–VII вв. формируется третий компонент так называемой дружинной триады, реализующейся у всех европейских племен в начале эпохи стратификации общества – полиэтничный декоративный стиль. Особенно ярко он проявился в воинском снаряжении дружинных могильников конца VII в. в низовьях р. Ногата, где аварские и восточногерманские мотивы переплетаются в орнаменте ножен прусских мечей и на погребальных памятниках Самбии, давших неожиданные образцы стиля Борре и Еллинг. Несмотря на тезисы ряда учёных об ассимиляции скандинавов на Самбии в X–XI вв. (см. выше), следует признать факт наличия глубокого следа в культуре сембов, оставленного благодаря общению с ними обитателей Северной Европы, многие поколения которых жили на Янтарном берегу.

Рядовые дружинники были обязаны сопровождать своих вождей в иной мир. Подчинение воина военачальнику телом и душой как в мире живых, так и в стране мертвых характерно для дружинной организации, представляющей собой в раннесредневековой Европе, как правильно отметил Ф. Кардини, «... надплеменное либо внеплеменное сообщество, члены которого верны только своему вождю и свободны от иных обязательств» (Кардини, 1987. С. 108).

Окончательное формирование дружины в прусском обществе по времени совпадает и явно зависит от крупного события в местной истории конца VII в. Это – победа прусских воинов в борьбе с жителями западной части Мазурского Поозерья (Кулаков, 2003. С.206). После этого янтарная торговля

в который уже раз за последние столетия переходит в руки западных балтов. Она базируется на торгово-ремесленном поселении Трусо, вокруг которого концентрируется местная дружина. Надолго, вплоть до XII в., здесь, в нижнем течении р. Ногата, нашли для себя базу западнобалтские воинские формирования, маркируя западную границу ареала. Это подтверждается многочисленными находками оружия эпохи викингов в водах реки, что является следами жертвоприношений. Традиции жертвоприношения богам оружия, уходящие корнями в германскую доисторию, показывают становление в полиэтничной прусской дружине новых, отличных от родовых, культов.

Победа над мазурами явилась для региона крупным историческим событием. Вслед за этим следовало бы ожидать резкого усиления прусской дружины и её вождей, которым был открыт путь для создания раннегосударственной структуры. Однако исторический процесс в Пруссии в начале VIII в. пошел по иному пути. Этому возможно следующее объяснение. Плоды победы над мазурами, считавшейся результатом покровительства прусских богов, присвоили местные жрецы, в чьё ведение поступила дружина. К служителям прусских богов перешла харизма (древнегерм. «Мана») дружинных вождей – стимул проявления идеи концентрации и усиления власти.

Судя по данным Петра фон Дусбрг, выплата дани прусским жрецам, обозначавшая в данном случае отношения победителей с подвластными племенами в рамках квази-государственного образования, проводилась занеманским населением вплоть до середины XIII в. Таким образом, с начала VIII в. в земле пруссов, видимо, складывается «священное царство» (по Дж.Дж. Фрэзеру), где сакральная и мирская власти сосредотачиваются в руках жрецов. Вершину этой власти олицетворял верховный священник – Криво-Кривайтис. Кстати, культовый характер верховной власти был известен не только в Балтии, но и в Скандинавии вендельского периода.

В междуречье рек Ногата и Дейма эпоха «священного царства», подданные которого считались, вероятно, равными по своему статусу вооруженными «служителями богов», ознаменована нивелировкой погребальной обрядности в рамках дружинной схемы ритуала (двухъярусная кремация с конём на дне могилы).

В VII в. исчезает былое обилие деталей погребального обряда, для V в. н.э. перечисленное ранее. Все могилы «тёмных веков» в Пруссии представляют собой стандартно устроенные ямы со шкурой коня у дна, с минимумом инвентаря и с рассеянными в остатках погребального костра кальцинированными костями. Обряд был жёстко унифицирован, несоблюдение культовых правил кремации жёстко каралось (Матузова, 1979. С. 27). Ещё в 997 г. пруссы так отвечали христианским миссионерам: «Нами и всей этой страной, вход в которую мы составляем, повелевает общий закон и одинаковый образ мыслей...» (De passinione, 1861. P. 229).

Так же, как и в ранних «варварских» государствах древности и раннего средневековья, власть жреца Криво-Кривайтиса и его персона пруссами сакрализовались. При наличии упоминавшихся выше народных собраний волостей и земель Криво воспринимался во всех общественных делах как высшая инстанция, став значительно выше уровня прежних родовых вождей. Одной из его прерогатив было взимание для

жертвоприношений третьей части добычи (достояния) своих «подданных», в первую очередь – серебра, считавшегося пруссами ввиду своего цвета священным металлом. Своим верховным богам пруссы, подобно кельтам Британии (Кардини, 1987. С. 77) и тюркам Центральной Азии, посвящали именно белую лошадь. Белыми же были и одежды Криво и вайделотов высших рангов.

Не принесённое в жертву серебро стало обладать священной силой для прусских воинов или купцов в виде «сакральных кладов». Воины (былые equites) на пороге эпохи викингов перестали оказывать знаки повиновения жреческой администрации путем выплаты дани. Явно не случайно по времени с этим событием совпадает определенно имеющее под собой историческую основу упоминание Саксоном Грамматиком о посещении Самбии датским викингом Рагнаром Лодброком. Пришелец с запада был принят пруссами «...с большим почтением, словно он прибыл со славнейшей победой» (Mühlen, 1975. S. 4). Воины Самбии приняли датских викингов наперекор жрецам не как иноплеменников, а как социально близких собратьев по оружию, людей, способных оказать реальное содействие в предприятиях прусской дружины.

К этому времени предпосылки для выхода дружины из-под контроля вполне созрели. Возникший к началу IX в. на севере Самбии торгово-ремесленный центр Кауп аккумулировал основной объём балтийской торговли с Востоком. Выгодная конъюнктура торговых операций способствовала накоплению в руках самбийских воинов значительного количества материальных ценностей. Вследствие своего расположения на краю прусской племенной территории Кауп и его округа приобрели достаточную экстерриториальность и независимость от жреческой юрисдикции. Появилось, очевидно, своеобразное «гостебное право», позволявшее и дружинникам, и связанным с ними иноземным купцам пребывать в определённой части Самбии (основание Куршской косы) вне юрисдикции родовых прусских органов власти. Соответственно меняется и ситуация на дружинных могильниках округи Каупа (Ирзекапинис, Вольное, Муромское, Ветрово). Конец IX–X вв. обозначены там массой новаций в погребальном обряде и в деталях инвентаря, связанных прежде всего со скандинавским этно-культурным импульсом. Особенно он усиливается после датского набега на Самбию ок. 960 г., так описываемого Саксоном Грамматиком: «Хакон, сын короля Харальда, прозванного Синезубым, напал на сембов. Когда он увидел, что его люди вследствие опасной битвы оробели, он велел поджечь вытащенные на берег корабли, чтобы тем самым отнять у колеблющихся надежду на бегство. Битва вышла победоносной для датского меча. Даны завладели Самландом, женились на жёнах погибших пруссов и повели свою жизнь совместно с (бывшими – К.В.) врагами» (Mühlen, 1975. S. 1). Данная битва могла произойти лишь вблизи Каупа, явно бывшего основной целью датских викингов; близлежащий берег единственный на всем полуострове Самбия позволяет вытащить ладьи на берег и безопасно высадиться на невысокую авандюну. Подтверждение этого события отражено в появлении сожжений в ладье на участке могильника Ирзекапинис, устроенного во второй половине X в. Этот феномен – знак того, что даны действительно «повели свою жизнь

совместно с врагами». Кроме черт обряда, деталей вооружения и орнаментики скандинавского происхождения, в дружинных могилах севера Самбии середины X – середины XI вв. поражает большое количество серебра. Оно представлено диргемами (нередко обрезанными – рис. 92), оформленными в виде подвесок или разновесов, превращённых в поясные бляшки и в многочисленные накладки конского оголовья (рис. 93). Оно поступало в значительной мере из суммы дани, которую сембы получали с проходивших проливом Брокист торговых судов, следовавших по Неманскому отрезку пути «из варяг в греки». Пруссы предпочитали украшать серебром сбруи своих коней (даже с внутренней стороны ремня) и покрывать им своё оружие (рис. 94). Данные роскошные аксессуары погребального обряда наряду с налобными конскими подвесками с изображениями белого полярного сокола (Кулаков, Марковец, 2004. С. 316-330) были призваны показать высокий социальный статус их владельцев-дружинников (рис. 95). Материалы дружинных могильников Самбии позволили сделать выводы об археологических признаках социальных стратов в прусской дружине эпохи викингов. Вожди дружины погребались с обильным и репрезентативным инвентарём в сопровождении дружинников и слуг. Полноправные члены дружины сопровождались в последний путь набором наступательного оружия (нередко включавшего меч и боевой топор) и с конём, имевшим на подвесках к оголовью эмблему прусской дружины – изображение полярного сокола. Обращает внимание отсутствие оборонительного вооружения в дружинных могилах. Интерпретация этого феномена не

Рис. 92
Монетные находки «копателей» на территории поселения Кауп. Сверху – диргем эпохи Харун ар-Рашида (803-810 гг.) с поля Кунтер, снизу – динарий (последняя треть X в.) с поля Альт-Викиау.

ясна: или это вооружение в принципе отсутствовало у прусских воинов (этот вывод выглядит фантастичным), или в погребения по неким причинам щиты и доспехи не помещались. Рядовые воины-общинники, занявшие в обществе место былых общинников, кроме коня с кольчатыми удилами в X–XI вв., имели в инвентаре в лучшем случае наконечник копья. Зависимые члены дружины (слуги?) не имели права сопровождаться при обряде погребения конём. Отдельные женские погребения были редчайшим исключением (Кулаков, 1993. С. 113). Также трудно уловимы в материале раскопок могилы жрецов и племенных вождей, погребения которых, судя по данным письменных источников, сооружались в тайных, труднодоступных местах (Кулаков, 1990а. С. 188).

Финал эпохи викингов в XI в. озна-

Рис. 93
Накладки конского оголовья из погр. Do-261 грунтового могильника Коврово.

менован прекращением деятельности пути, проходившего через пролив Брокист в Куршской косе, некогда контролировавшийся дружинниками Самбии. Примерно через полстолетия и сам пролив оказался погребённым под песчаными наносами.

На рубеже XI–XII вв. достаточно резко на всех могильниках исторической Пруссии прекращается сооружение могил с дружинными чертами (богатое оружие и конское снаряжение в могилах с полиэтничными чертами ритуала). Дружинные древности, имевшие в XI в. черты, отражавшие чёткую социальную стратификацию на западной окраине балтского мира, в XII–XIII вв. уже неизвестны. Можно лишь предполагать о причинах, приведших прусских воинов к исходу из пределов земли предков. Возможно, здесь имел место неудачный для воинов конфликт со жреческой администрацией из-за владения данью. Оставшись без воинов-профессионалов, прусское общество, как свидетельствуют данные письменных источников, во многом реконструировало прежнюю племенную систему социальных отношений. Это проявилось, в частности, в реновации статуса земледельца-общинника («простой народ» у Симона Грунау – Кулаков, 1990б. С. 188).

Однако память о традициях погребений с оружием и конями доживает в исторической Пруссии до XVI в. (Grunau, 1876. Abschnitt 1, S. 99). Текст Христбургского договора подтверждает их существование в начале войн с орденом (Пашуто, 1959. С. 501). Судя по всему, такие немногочисленные погребения, представлявшие собой уже трупоположения, принадлежали прослойке прусских нобилей (Кулаков, 1990а. С. 193), включавшей в свой состав как часть потомков воинов-профессионалов, так и зажиточных земледельцев (Пашуто, 1959. С. 336, 337). Из состава нобилей крестоносцы рекрутировали позднее своих сторонников на нижнем уровне местной власти – витингов (не путать с «викингами»). Видимо, останки витингов содержат редчайшие в Пруссии погребения XIII–XIV вв. с мечами, рукояти которых переделаны на балтский манер, с бронзовыми деталями и серебряной плакировкой, возрождавшей традиции декоративного искусства эпохи викингов в стиле Гландо (Кулаков, Валуев, 1999. С. 84).

Скорее всего, крестоносцы называли своих местных союзников-витингов германизированным термином-калькой

Рис. 94
Реконструкция оружия и воинского снаряжения из погр. Y-16 грунтового могильника-1 Клинцовка (Ирзекапинис).

древнеслав. «ветеницы» («члены совета») (как Játvígr от Jatva – Кибинь 2008. С. 127). Последний термин относился к местным союзникам германских феодалов в борьбе с западными славянами в X–XII вв. (Любавский, 1918. С. 76).

На основе анализа актового материала XIII–XVI вв. Г. Ловмяньский установил, что на Самбии в 1299 г. существовало не менее 62 семей витингов. По его мнению, они не восходили к представителям дружинной прослойки XI в., а вели свои родословные от родовой знати (Łowmiański, 1983. С. 179). В таком случае оказывается близким к истине предположение об участии витингов в деятельности совета – «госпóды», где вряд ли нашлось место для опальных жреческой власти дружинников. Их прямые потомки, скорее всего, представлены в епископских документах середины XIV в. под именем equites prutheni (этот термин призван отличать «прусских всадников» от, вероятно, «немецких всадников», то есть конных кнехтов, пилигримов или даже орденских

Рис. 95
Подвески с изображением исландского кречета из погр. Y-52 (1), Y-10 (2) грунтового могильника Ирзекапинис и эмблема Балтийской экспедиции (3).

рыцарей), и занимали небольшое количество дворов в каждой деревне Вармии (Łowmiański, 1983. С. 179). Собственно, по имени этой средневековой социальной страты и был условно назван пласт римского времени, характеризующийся присутствием конского захоронения (см. выше).

Изложенные выше этапы и принципы формирования дружины пруссов основаны на анализе данных погребальных памятников и в ряде случаев подтверждены письменными источниками (Кулаков, 2005б. С. 371-377). Дружинные отношения явно были определяющими в процессе развития прусского общества. Однако его основной массив составляли рядовые общинники, в погребениях которых в IX–XI вв. присутствовали, согласно установившемуся главенству дружинных обычаев, конь и наконечник копья; для XII–XIII вв. их могилам были присущи нож и сосуд.

На начальном этапе развития прусской культуры основной массив мужских погребальных комплексов со скромным набором общинного облика сопровождался захоронением коня. Эта черта, ранее присущая лишь отдельным захоронениям эстиев, показывает популярность дружинных традиций в раннесредневековом обществе Самбии.

В предположительной системе «священного царства» к рядовым членам общества можно отнести индивидуумов, которым соответствуют трупосожжения с ножом, подстилаемые шкурой коня с удилами и стременами упрощенных форм. Аналогичный набор (нож, реже – однолезвийный меч в VI–VII вв., то же самое с редкими сопутствующими деталями конского снаряжения в VIII в.) характеризует общинников в близлежащем к Пруссии скандинавском микрорегионе – острове Борнхольм.

Следует отметить, что как в общинной среде, так и в остальных частях прусского общества после завершения дружинной эпохи роль женщины в обществе вновь становится заметной. Это реализуется как через наличие матрилинейного права наследования, так и посредством появления индивидуальных, зачастую богато снаряжённых женских погребений XIII–XIV вв. Актовый материал этого времени подтверждает важное место женщины в прусском обществе (Матузова, 1989. С. 286). Ранее в Скандинавии эпохи викингов и в древностях Самбии северогерманского происхождения ряд женских комплексов указывает на существование статуса женщины – хозяйки дома/усадьбы (в составе её инвентаря ключи- и ножи-подвески, ножницы, кольчатые удила

Рис. 96
Торговые пути в Балтии (I – нач. VIII вв. н.э.).

как символы обладания имуществом), тем самым продолжая традиции, сложившиеся в германских общинах римского времени.

Как было показано выше, прусское общество первым в Балтии обрело дружину. Тем самым пруссы для того времени получили ту прогрессивную в социальном отношении структуру, которая в Скандинавии стала залогом развития движения викингов. Иными словами, группы воинов-профессионалов у пруссов и у скандинавов на пороге средневековья были, пользуясь предвоенным партийным термином, «социально близки». Это обеспечило особый, балтийский акцент реализации движения викингов на востоке Балтики.

К началу X века на балтийских берегах сложилась структура обеспечения местного варианта движения викингов. Его основой стали протогородские центры в прусском ареале (Кауп), в земле ливов (Даугмале), на эстонских островах (Сааремаа), в ареале словен новгородских и кривичей (Новгород, Ладога), охранявшиеся полиэтничными дружинами. Правда, инициатива в торговых и военных операциях на востоке Балтии перешла от западных балтов к скандинавам. Как показывают археологические находки (прежде всего – клады диргемов кон. IX–X вв. – рис. 42), в эпоху первых Рюриковичей исток Восточного пути в пределах Балтии уже не пролегал по речным путям в глубине материка (рис. 96), а вёл с Готланда по Финскому заливу к устью р. Волхова. Уровень судостроения позволял в то время избегать опасностей

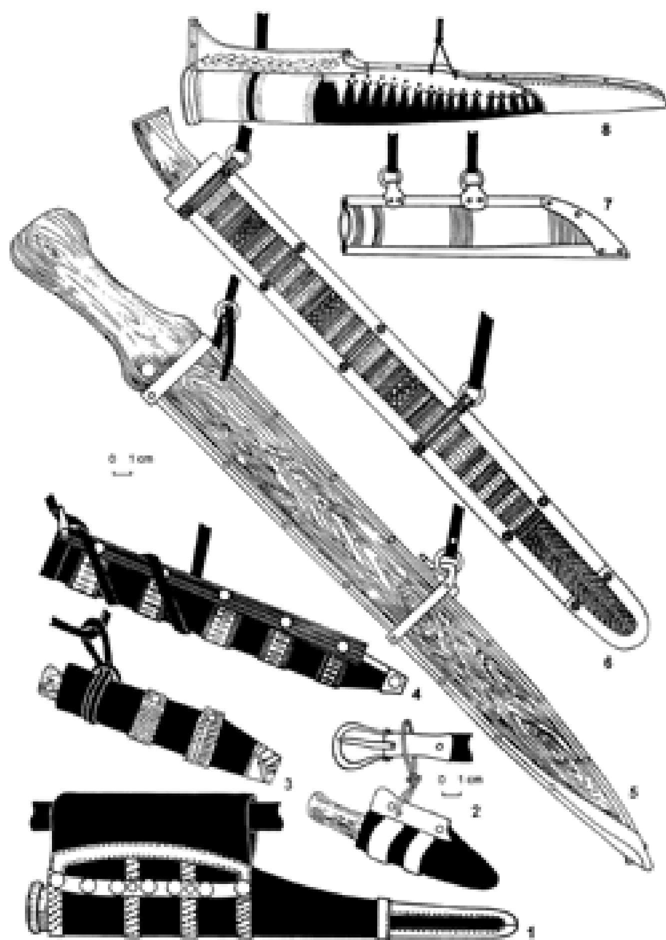

Рис. 97
Реконструкция однолезвийных клинков, распространявшихся по пути Самбия-Вирумаа в VI–XI вв.: 1 – погр. 38 грунтового могильника Тумяны (Варминьско-Мазурское воев., Польша), 2 – погр. 13 грунтового могильника бывш. Ляйстен-Якоб (Клайпедский р-н, Литва), 3 - погр. 74 грунтового могильника Тумяны, 4 - погр. 553 грунтового могильника Косево (Варминьско-Мазурское воев., Польша), 5 – погр. 4 грунтового могильника бывш. Кляйн Хайде (Гурьевский р-н), 6 - погр. б/№ грунтового могильника Эльблонг, ул. Армии Червонэй, 7 – находка на могильнике Тарвасту (приход Леума, Эстония), 8 – находка на могильнике Прекуле (Латвия).

плавания в мелководных финских шхерах, а развитая воинская организация викингов с успехом противостояла пиратским нападениям куршей и эстонских островитян. Так частично был воссоздан каботажный вариант «Пути Самбия-Вирумаа» (рис. 96), реализация которого в кон. V – нач. VI вв. потерпела, видимо, неудачу. Для этого времени находки, маркирующие этот путь, представлены однолезвийными боевыми клинками, появившимися в VI в. и к концу I тыслет. н.э. распространившиеся до Карелии (рис. 97). Указанные выше пункты, обозначавшие начало Восточного пути, ставшего для жителей балтийских берегов открытым водным путём в страны мусульманского Востока, были как торговыми, так и военными базами движения викингов. Как известно, эти отважные мореходы нередко при благоприятных условиях брали в руки вместо весов для диргемов меч. Правда, важно отметить более мирный (относительно атлантического варианта движения викингов) характер контактов пришельцев с местным населением. Постоянные связи с указанными выше центрами поддерживали как их скандинавские аналоги (Готланд, Бирка на озере Меларен, Хэдебю), так и прото-

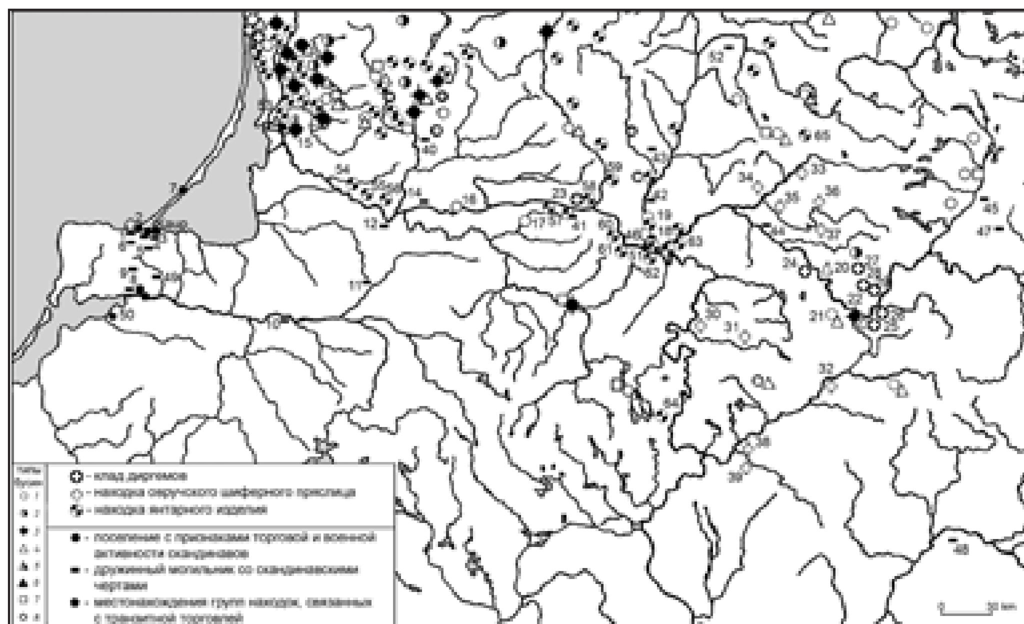

Рис. 98
Карта находок, свидетельствующих о торговой и военной активности скандинавов и представителей интернациональных дружин в Юго-Восточной Балтии в эпоху викингов.
Типы бусин (по О. Кунцене):
1 – круглые (шаровидные),
2 – круглые ребристые,
3 – овальные ребристые, 4 – глазчатые,
5 – серебро-стеклянные, 6 – разноцветные,
7 – многогранные, 8 – тип неопределим.

городские центры в западнославянских землях (Ольденбург-Старигард, Волин, Швелюбье). Все означенные пункты, цепочкой расположенные на морском берегу на расстоянии друг от друга в нескольких дневных переходах каботажных судов, служили, в принципе, стоянками для торговцев и воинов на протяжении грандиозной водной трассы между Данией на западе и берегами Финского залива на востоке. Уже в конце IX века предпринимались осознанные попытки сбора данных об этом пути (плавания путешественников Оттара и Вульфстана). Достаточно спокойный ход развития отношений предгосударственного уровня, характеризующий балтийский вариант движения викингов, реализовался на базе устойчивой этно-культурной диффузии, возникшей в VI–XI вв. на восточных берегах Балтики. Чётко видный на археологическом материале в Скандинавии, этот процесс вызвал появление в юго-восточной Балтии зон населения с контактными культурными чертами. Особо ярко это заметно, в частности, в прусском, куршском и ливском ареалах. Эти черты материальной культуры, стадиально близкие матримониальным связям населения Янтарного берега и скандинавских островов в середине I тысячелетия н.э., показывают принципы движения викингов на Балтике. На протяжении использовавшихся скандинавами торговых трасс возникают остановочные пункты и места локальных торжищ, аналогичные по своим функциям пунктам, отмеченным выше на более древнем «Пути Самбия-Вирумаа». Серьёзных конфронтацион-

ных проблем у северян при их походах в глубины Балтии и Восточной Европы не возникало: благодаря прежнему пути «из пруссов в чудь» стабильность межэтничных общений к востоку от Балтики имела хорошую базу (Кулаков, 1999б. С. 201, 202). Очевидно, с указанной особенностью движения викингов на Балтике связан своеобразный характер археологических находок (минимальное присутствие предметов скандинавского происхождения, большое количество находок массового товара в виде кусков янтаря и шиферных пряслиц, обнаружение элементов дружинных древностей), отложившихся в Юго-Восточной Балтике в результате деятельности западного отрезка Неманского торгового пути. Ввиду близости социальных отношения в дружинах северян и западных балтов скандинавские купцы опирались не только (не столько ?) на ангажированные ими дружины своих земляков. Находки, связанные с дружинами куршского и скальво-ламатского (археологический материал представителей этих племён не всегда чётко разделяется) происхождения, рассеянные по западному отрезку Неманского пути (рис. 98), позволяют выдвинуть предположение об активном участии местных воинских отрядов в контроле над этой трассой. Не исключён факт взаимовыгодных, в том числе финансовых отношений между купцами и местными воинами, чьи погребения (особенно на грунтовом могильнике Linkuhnen/Ржевское) отличаются поразительным богатством.

V. Реконструкция деятельности западного отрезка Неманского пути в эпоху викингов

Современная историческая наука располагает гипотезой о сложении черт эпохи викингов у населения северных берегов Балтики уже в V–VII вв. Не вдаваясь в детали этой гипотезы, затронутые в одной из статей Д.А. Мачинского (Мачинский, 1998. С. 132), следует отметить факт сложения элементов социума, характерного для эпохи викингов (прежде всего – дружина, вышедшая за рамки родового строя), в ареале пруссов уже в V в. н.э. Это было показано в предыдущей главе, посвящённой аспектам социальной истории Пруссии на пороге средневековья.

В связи с вышесказанным неудивителен факт активных прусско-скандинавских торговых и военных связей, реализовавшихся задолго до «официального» начала эпохи викингов (нападение викингов на о. Линдисфарн в 793 г.) и отмеченных в археологическом материале VI–VII вв. Социальная близость общественных структур скандинавов и западных балтов стала залогом их основательных и в значительной мере мирных контактов, отличавшихся от бурно протекавшего в Западной Европе движения викингов (Кулаков, 1999б. С. 200). Более того, именно пруссы и прочие западнобалтские племена уже в начале нашей эры проложили как по рекам Юго-Восточной Балтии, так и вдоль её побережья комплексный торговый путь, условно именуемый «Самбия-Вирумаа/Эйямыги» (Кулаков, 2003. С. 127, рис. 38). Таким образом, пруссы, курши и их соседи были (пусть даже в рамках части своего общества) знакомы как с принципами межплеменной торговли, так и с представителями небалтских социо-политических систем. Это объясняет раннюю дату появления торгово-ремесленных пунктов на прусском берегу. Кроме социальных предпосылок этого феномена необходимо упомянуть и природную предпосылку: наличие в ареале обитавших на берегах Балтики западных балтов крупнейших в мире янтарных месторождений. Не следует забывать о том, что янтарь является в Европе одним из важнейших продуктов межплеменного обмена ещё с эпохи бронзы.

На рубеже VII–VIII вв. в одной из начальных точек торгового «Пути Самбия-Вирумаа» – в восточной части дельты реки Вислы (на берегу р. Ногата) – возникает торгово-ремесленный пункт Truso, современник и партнёр фризского Дорестадта и датского Рибе. В 60-х годах IX в. Трусо гибнет в результате внезапного набега викингов (возможно – решение конкурентной проблемы). Правда, как показывают раскопки М. Ягоджиньского, впоследствии жизнь в Трусо возродилась, и этот торговый центр действовал вплоть до конца XI в.

В начале IX в. у пролива Брокист, прорезающего Куршскую косу у её основания, возник младший совре-

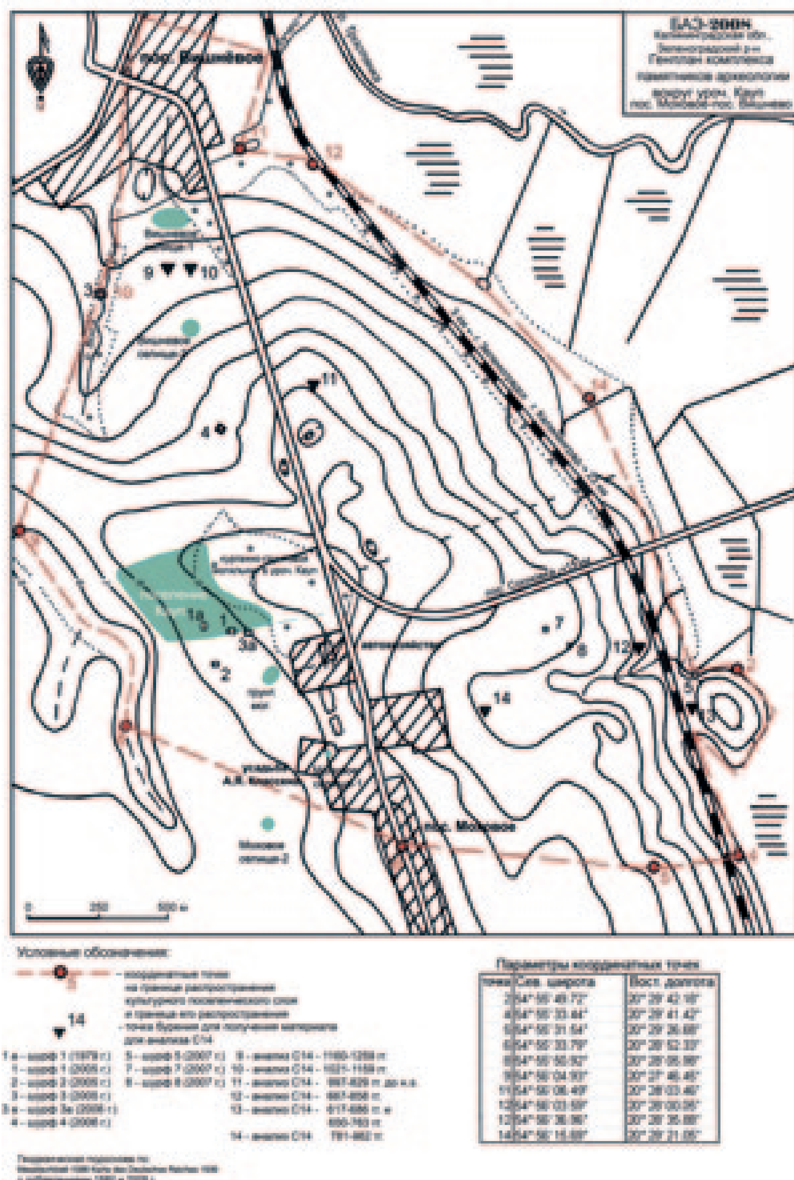

Рис. 99
Генплан комплекса памятников археологии вокруг уроч. Кауп.

менник Трусо – торгово-ремесленный центр Kaup. Наверное, с первых лет его существования к западу от вершины камовой возвышенности появился курганный могильник, постепенно оттеснявший зону свободного расселения (и проведения сезонных торговых операций) на открытом поселении всё далее на запад. Как показывают раскопки 2008 г. в урочище Kl. Kaup, следы торговой деятельности существовали и к востоку от центра возвышенности. В основании Каупа участвовали выходцы с Готланда, оставившие в древнейших курганах Каупа находки соответствующего происхождения. Трусо и Кауп, ориентированные на янтарную торговлю, являются первыми в восточнобалтийском регионе протогородскими центрами, ставшими впослед-

ствии важным фактором движения викингов, своеобразными опорными пунктами для групп разноэтничных торговцев и воинов (Кулаков, 1996. С. 140). Эти центры аккумулировали восточную торговлю, что показано выпадением в земле пруссов самых ранних на Балтике кладов диргемов (Kulakow, 1992. S. 112). Как показывает планиграфия Трусо (рис. 58) и Каупа (рис. 19) (вокруг поселения Кауп в результате работ группы немецких археологов под руководством Тимо Ибсена выявлено скопление следов поселенческой деятельности I тыслет. н.э. – рис. 99), эти поселения в эпоху викингов были частично окружены валами. Это сближает их с такими поселениями, как Бирка (рис. 100, 101) и Хэдебю (рис. 102). Все эти торгово-ремесленные поселения в бассейне Балтики относились к типу «Вик». В отличие от них, сходные по функциям пункты в Восточной Европе, лишённые укреплений (рис. 103), были названы Г.С. Лебедевым открытыми торгово-ремесленными поселениями (ОТРП).

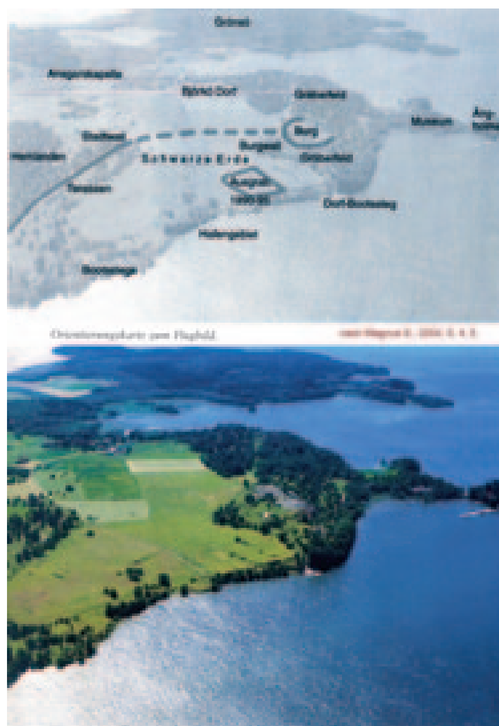

Рис. 100
Вид комплекса памятников археологии Бирка с воздуха (внизу) и прорисовка деталей этого комплекса (вверху).

В прибрежной зоне юго-восточной Балтии в IX-XI вв. существовала система торговых путей, опиравшаяся в своей западной части на торгово-ремесленный пункт Кауп, окружённый крупнейшей в земле пруссов дружинной группировкой. Этническая структура Каупа и его округи была концентрической: группу западнобалтских торговцев и ремесленников охраняла скандинавская дружина, извне окружённая прусской дружиной. Очевидно, что между ней и населением Каупа существовали тесные отношения, включавшие обеспечение воинами-дружинниками близ Каупа контроля над проливом Брокист. Уже от берегов куршей и пруссов торговые караваны следовали по морю в Скандинавию. Адам Бременский (кон. XI в.) среди купцов, посещавших в эпоху викингов Бирку, упоминает выходцев из Самбии: «В это место, так как оно самое безопасное на побережье Швеции, имели обыкновение постоянно заходить корабли данов и норманнов [норвежцев], так же как и славян, самландцев и других племен северной части Балтийского моря, чтобы мирно и празднично совершить здесь свои разнообразные торговые сделки» (цит. по: Херрман 1986. С. 65).

Успешная реализация товарных возможностей купцов Каупа (основной их товар – янтарь – был неисчерпаем) уже с середины X в. привлекал сюда датских торговцев. Более того, именно ради кон-

Рис. 101
Схема расположения памятников археологии в комплексе торгово-ремесленного поселения Бирка.

троля над Каупом на Самбию в середине X в. пришёл отряд датских викингов под руководством Хакона, сына известного морского конунга Харальда Синезубого. Датчане могли установить тогда полный контроль над Каупом и, видимо, над частью Самбии, но довольно быстро смешались с местным населением. Убедительных следов присутствия датчан на Самбии местная археология не сохранила (кроме, пожалуй, девяти захоронений в ладье на могильнике Ирзекапинис). Как свидетельствует сообщение Саксона Грамматика, конунг Дании Канут Великий в 1014–1016 гг. присоединил к своему королевству значительную часть балтийского побережья (Mühlen, 1975. S. 4), сделав Балтику практически внутренним датским морем. Именно с этого времени на могильнике Кауп прекращают совершаться подкурганные скандинавские захоронения, сам торгово-ремесленный пункт был, скорее всего, уничтожен датчанами по приказу Канута Великого как сильный конкурент датской торговле на Балтике. Однако, как показывают раскопки грунтового могильника Kl. Kaup и северного сектора поселения Кауп, уже в начале XI в. жизнь на Каупе вновь забурлила. Здесь развивается в это время торгово–ремесленная активность представителей местных балтских племён – пруссов и куршей. Не исключено, что рост их влияния в жизни Каупа мог датироваться ещё X веком.

В ходе военных акций по подавлению торговых конкурентов на Балтике Канут Великий в 1016 г. после оккупации Самбии и эвентуального разрушения Каупа мог создать цепь опорных пунктов по важнейшим торговым трассам. Такие «воинские заставы» составляли интернациональные воинские отряды (их основа – представители западнобалтских племён) по берегам рек Преголи и Нижнего Немана. Они обеспечивали бесперебойную работу самого западного отрезка Неманского пути у его выхода к Балтийскому морю.

На всём протяжении Нижнего Немана вплоть до междуречья рек Няриса и Шянтойи на востоке в эпоху викингов активно распространялся посредством торгово-обменных отношений янтарь-сырец. Восточнее указанного междуречья функцию «товара широкого потребления» выполняли шиферные пряслица, производившиеся в Среднем Поднепровье. Возможно, эти зоны распространения «ширпотреба» эпохи викингов соответствуют зонам влияния крупных центров торговли. В западной части Неманского пути им мог быть Кауп, в восточной – Гнёздово или Киев. К сожалению, следы меховой торговли, которая существовала, очевидно, в Юго-Восточной Балтии не только в эпоху викингов, но и в начале XII в. (Андрощук 2004. С. 122), ввиду естественных причин археологически на Неманском пути неуловимы (Кулаков 2011, с. 118, 119).

Такой в самых общих чертах можно попытаться реконструировать деятельность торгово-ремесленного центра Кауп. Нет сомнений в том, что археологические раскопки этого поселения дадут больше информации о различных сторонах его жизни. Однако уже сейчас, после раскопок остатков поселения к северо-

Рис. 102
Схема расположения памятников археологии в комплексе торгово-ремесленного поселения Хэдебю.

востоку от вершины возвышенности и на грунтовом могильнике Kl. Kaup, следует полагать большую роль пруссов и куршей в деятельности Каупа.

Также с куршами и с их соседями – ламатами и скальвами – следует связать деятельность западного отрезка Неманского торгового пути. Это засвидетельствовано и археологческими находками, распространёнными в указанной части торгового пути, но своим происхождением связанными с древностями Неманской дельты. Возможно, жившие на Каупе или же в окрестностях современного г. Клайпеды куршские (и ламатско-скальвские ?) воины либо самостоятельно, либо по найму со стороны прусских и скандинавских купцов осуществляли контроль над западным отрезком Неманского торгового пути. Основным признаком

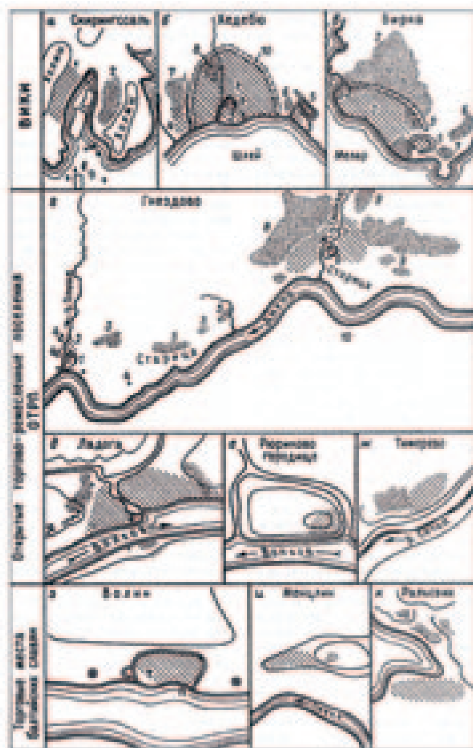

Рис. 103
Схемы виков и открытых торгово-ремесленных поселений.

куршского контроля над ним являются характерные для воинов этого племени погребения со свёрнутыми в рулон двулезвийными мечами.

Более того, можно предполагать проникновение западнобалтского этно-культурного элемента по Неманскому янтарному пути в Верхнее Понеманье. Здесь в сер. X в. письменные источники фиксируют группу, именуемую «ятвяги». «Этим именем … называлась смешанная по составу поликультурная военно-торговая группировка, возникшая во второй половине X в. в Верхнем Понеманье и Северном Полесье, которая занималась, подобно колбягам в Приладожье, войной, промыслами и обеспечением торговли по Неману, соединявшему самбийский торговый центр Кауп (существовал с начала IX в. по 1016 г.) с днепровским и бужским бассейнами (Киевом и червеньскими городами). Без сомнений, ятвяги не представляли языкового и культурного единства. В их составе можно предполагать наличие германоязычного компонента (выходцев из Скандинавии и их потомков), балтоязычного (как местных жителей, так и пришлых с Балтийского побережья), а также славяноязычного…» (Кибинь 2008. С. 129).

Ярким свидетельством того, что главным продуктом неманской торговли был янтарь-сырец, являются многочисленные находки этого материала на отрезке пути от дельты р. Неман до окрестностей совр. г. Вильнюса. По не совсем понятной пока причине (зона разграничения контроля, отсутствие интереса местных жителей к янтарю), восточнее, в верховьях р. Неман, число находок янтаря-сырца резко уменьшается. Массовым материалом здесь служат пряслица из розового овручского шифера. Примечателен факт присутствия таких находок в довольно большом количестве далеко от бассейна р. Неман, в Северной Самбии. Возможно, эти предметы могли являться по Неманскому торговому пути некоей формой эквивалента оплаты мелких торговых операций (?), как и янтарь на западном участке пути (рис. 104).

К сожалению, при отсутствии раскопанных на территории Литвы торговых центров на Неманском пути (исключением, пожалуй, можно читать комплекс археологических памятников Кярнаве, правда, относящихся преимущественно к XII–XIV вв.) полностью воссоздать динамику де-

Рис. 104
Зоны в западной части Неманского торгового пути IX-XI вв.

ятельности Неманского торгового пути пока невозможно. Необходимо также ожидать от наших белорусских коллег выявления следов этого пути в верховьях р. Неман и в бассейнах его притоков. В любом случае, прусский и западнолитовский археологический материал к настоящему времени убедительно свидетельствует о существовании в IX–XI вв. Неманского торгового пути, связывавшего юго-восточную Скандинавию через западнобалтские земли со Средним Поднепровьем и контролировавшегося (во всяком случае, в своей западной части) западными балтами.

Библиография

1. Авдусин Д.А., Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города), М., 1991.

2. Амброз А.К., Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА, № 3, 1965.

3. Андрощук Ф.А., От Рагнара Лодброка до Витгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской, СПб., 2004.

4. Арбман Х., Викинги, СПб., 2003.

5. Бектинеев Ш.И., Литовская гривна: её возникновение и эволюция // Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению /февраль 1989 г./, Гомель, 1989.

6. Бертрам М., Алеманы // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв., Wolfratshausen, 2007.

7. Бліфельд Д.І., Давньоруські пам'ятки Шестовиці, Київ, 1977.

8. Бойкина И.Н., Реставрация археологической находки «Корабль XIX в.» // Изучение памятников морской археологии, вып. 5, СПб., 2004.

9. Булкин В.А., Зоценко В.Н., Среднее Поднепровье и неманско-дрепровский путь IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси, Киев, 1990.

10. Васильченко А.В., Аненербе «Наследие предков» без мифов и тайн, М., 2005.

11. Горшкова Г.И., От каменного века до XVII столетия. Путеводитель по залам 1-21., 2003.

12. Губанов И.В., Культура и общество скандинавов эпохи викингов, СПб., 2004.

13. Гуревич А.Я., Походы викингов, М., 2005.

14. Гуревич Ф.Д., Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. // МИА, вып. 76, М., 1960.

15. Гуревич Ф.Д., Древности белорусского Понеманья, М.-Л., 1962.

16. Гуревич Ф.Д., Норманнский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник, вып. VI, Таллин, 1963.

17. Гуревич Ф.Д., Скандинавская колония на территории древних пруссов // Скандинавский сборник, вып. XXIII, Таллин, 1978.

18. Дедюхина В.С., Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ, вып. 43, 1967.

19. Дрэгер Л., Дружина//Социально-экономические отношения и соционормативная культура, М., 1986.

20. Дряхлов В.Н. В священных рощах Водана, Киров, 1999.

21. Ениосова Н.В., Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Археологический сборник «Гнёздово: 125 лет исследования памятника». Труды ГИМ, вып. 124, М., 2001.

22. Зверуго Я.Г., Верхнее Понеманье в IX–XIII вв., Минск, 1989.

23. Зоценко В.Н., Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье в IX–X вв. // Труды V Международного Конгресса славянской археологии, т. III, вып. 1а, М., 1987.

24. Зоценко В.Н., Гнёздово в системе связей Среднего Поднепровья IX-X вв. // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. АС, Труды ГИМ, вып. 124, М., 2001.

25. Иов О.В., Припятско-Неманский путь в IX-XI в свете новых археологических данных // Проблемы славянской археологии, т. 1, М., 1997.

26. Йордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica, СПб, 1997.

27. Йотов В., Викингите на Балканите, Варна, 2003.

28. Кардини Ф., Истоки европейского рыцарства, М., 1987.

29. Кибинь А.С., Ятвяги в X–XII вв.: «балтское племя» или «береговое братство»? // Studia Slavica Petropolitana, СПб., 2008.

30. Кирпичников А.Н., Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ, вып. Е1-36, Л., 1973.

31. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С., Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы, М., 1988.

32. Кокорев Ю. М. По рекам и озерам Белоруссии. Минск, 1975.

33. Король Г.Г., Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова), М., 2006.

34. Кулаков В.И., Результаты раскопок на могильнике у Клинцовка // Acta Baltico-Slavica, t. XIII, Warszawa, 1980.

35. Кулаков В.И., Дружинные элементы в могильниках пруссов VII - начала XI в.//Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные древности. М., 1988.

36. Кулаков В.И., 1989а. Кауп // Становление европейского средневекового города, М.

37. Кулаков В.И., 1989б. Погребения военачальников прусской дружины // КСИА, вып. 198.

38. Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI-XIII. Свод археологических источников, вып. Г1-9, М.

39. Кулаков В.И., 1990б. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

40. Кулаков В.И., 1993. Северная Самбия: апрель 997 года // КСИА, вып. 210.

41. Кулаков В.И., 1994а. Юбилеи прусской археологии // Археологический бюллетень. № 4.

42. Кулаков В.И., 1994б. Пруссы (V-XIII вв.), М.

43. Кулаков В.И., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб.

44. Кулаков В.И., 1996. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская археология, №3.

45. Кулаков В.И., 1998. Коллоквиум “Протогородские центры Руси между Скандинавией, Византией и Востоком (VIII–X вв.)” (Париж, 1997) // РА, 1998, № 4,

46. Кулаков В.И., 1999а. Тувангсте и Кёнигсберг // Slavia Antiqua, t. XL.

47. Кулаков В.И., 1999б. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // Archaeologia Lituana, vol. I, Vilnius.

48. Кулаков В.И. 1999в. Ирзекапинис // Stratum plus, № 5, СПб-Кишинёв-Одесса.

49. Кулаков В.И., 2002а. Культовый пиетет пруссов // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда, М., 2002, № 1.

50. Кулаков В.И. 2002б. Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-археалагічны зборник. № 17. Мінск.

51. Кулаков В.И., 2002в. Руноподобные знаки и руны старшего футарка в древностях юго-восточной Балтии // Civitas et castrum ad mare Balticum. Baltijas arheoloģijas un vestures problęmas dzelzs laikmetā un viduslaikos, Riga.

52. Кулаков В.И., История Пруссии до 1283 г., М., 2003.

53. Кулаков В.И., 2004. Боги Видевута // Letonica, Rīga, Nr 10.

54. Кулаков В.И., 2005а. Кауп и Доллькайм: депаспортизованные сокровища викингов // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г., М.

55. Кулаков В.И., 2005б. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-VI вв. н.э. // Stratum plus, «Между певкинами и феннами», № 4, СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2003-2004.

56. Кулаков В.И., 2006а. Меморативный комплекс на могильнике Кауп (раскоп 2005 г.) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова), М.

57. Кулаков В.И., 2006б. Первые данные о фортификации поселения Кауп // Гістарычна-археалагічны зборник. № 22. Мінск.
58. Кулаков В.И., 2006в. Фибулы серии "Monströse" в Балтии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки, СПб.
59. Кулаков В.И., 2006г. Священная граница Родины: сложение идеологии пограничной службы // Марс, № 4.
60. Кулаков В.И., 2007а. Рассказывают раскопки // Наука в России, № 2, М.
61. Кулаков В.И., 2007б. Самбия и Натангия // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э., М.
62. Кулаков В.И., 2008а. Раскопки на Каупе в 2007 г. Курган К140А// Acta Archaeologica Albaruthenica, Vol. IV, Мінск.
63. Кулаков В.И., 2008б. Даневерк // Новая Российская Энциклопедия, т. V, кн. 1, М.
64. Кулаков В.И., 2009. Антропоморфные изображения на «чудовищных» фибулах в Балтии // Baltu un slāvu kultūrkontakti, Rīga.
65. Кулаков В.И. 2011а. Западный отрезок Неманского торгового пути в эпоху викингов // Культурное наследие Восточной Пруссии, Калининград.
66. Кулаков В.И., 2011б. Балтская часть могильника Кауп // Archaeologia Lituana, t. 12, Vilnius.
67. Кулаков В.И., Валуев А.А., 1999. Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России, № 6.
68. Кулаков В.И., Валуев А.А., 2001. Европейские универсальные обереги VII–IX вв. // КСИА, вып. 212.
69. Кулаков В.И., Жиндарев Л. А., Волкова И.И., 2003. Korallen-Berg (Süd): Опыт палеогеографической реконструкции поселения викингов // Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия, М.
70. Кулаков В.И., Иов О.В., 2001. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА, вып. 211, М.
71. Кулаков В.И., Казаченко Ж.Ю., 2008. Кунтерштраух: забытый памятник прусской археологии. In: Краткие сообщения Института археологии РАН, вып. 222, М.
72. Кулаков В.И., Коваленко В.П., Символика одного из типов княжеских мечей (Иконографическая схема "Один и вороны") // Гістарычна-археалагічны зборник. № 8. Мінск, 1996.
73. Кулаков В.И., Марковец М.Ю., Птицы-спутники германских богов и героев // Балто-славянские исследования, т. XVI, М., 2004.
74. Кулаков В.И., Сыроватко А.С., Подковообразная фибула из Коломны // КСИА, вып. 215, М., 2003.
75. Кулаков В.И., Толстиков В.П., Каталог ГМИИ // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв., Wolfratshausen, 2007.
76. Лебедев Г.С., Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // Скандинавский сборник, вып. XXII, Таллин, 1977.
77. Лебедев Г.С., Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси, СПб., 2005.
78. Любавский М., История западных слвян, М., 1918.
79. Матузова В.И., Английские средневековые источники XI–XIII вв., М., 1979.
80. Матузова В.И., Прусские нобили и Тевтонский орден (жалованные грамоты прусским нобилям и эпизоды «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987, М., 1989.
81. Мачинский Д.А., Эпоха викингов в «Скандинавском Средизмноморье» и «русо-варяжский период» на «восточных путях» ("Avstrvegr") // Ладога и эпоха викингов, СПб., 1998.
82. Новикова Е.Ю., Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды ГИМ, вып. 111, М., 1999.

83. Пашуто В.Т., Образование Литовского государства. М., 1959.
84. Петерсен Я., Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов, СПб., 2005.
85. Петр из Дусбурга, Хроника земли Прусской, М., 1997.
86. Петрухин В.Я., О картине мира у скандинавов-язычников (По «памятным камням» V–XI вв.) // Скандинвский сборник, т. XXIII, Таллин, 1978.
87. Пронин Г.Н., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В., Могильник Поваровка X–XIII в. (Калининградская область), М., 2006.
88. Пушкина Т.А., Гнёздово на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек…, М., 1996.
89. Рыбаков Б.А., Древности Чернигова // МИА, вып. 11, М.-Л., 1949.
90. Смирнова М.Е., Заключение // Пронин Г.Н., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В., Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская область), М., 2006.
91. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах, М., 1975.
92. Стурлусон С., Круг Земной, М., 1980.
93. Топоров В.Н. Прусский язык, I-K, М., 1980.
94. Херрман Й., Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы, М., 1986.
95. Хвощинская Н.В., Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики, СПб., 2007.
96. Хлевов А.А., Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв., СПб., 2002.
97. Чубова А.П. Искусство Европы I–IV вв. Европейские провинции Древнего Рима, М., 1970.
98. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культуры, СПб, 2005.
99. Янссон И., Сокрытые сокровища эпохи викингов // Наследие варягов. Диалог культур, Borås, 1996.
100. Aagård G.-B., Gleicharmige Spangen // Arwidsson G., Birka, Bd. II:1. Systematische Analysen der Grabfunde, Stockholm, 1984.
101. Åberg N., Nordische Ornamentik in vorgeschichtlicher Zeit, Leipzig-Bonn, 1931.
102. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek, Bd. 32, Leipzig, 1923.
103. Aner E., Kertsen K., Südschleswig-Ost. Die Funde der älteren Bronzezeit der Nordischen Kreis in Dänemark, Schleswig-Holstein und Niedersachsen IV. Neumünster, 1978.
104. Antoniewicz J., Kaczynski M., Okulicz J. Wyniki badań, przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Szwajcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne, t. 25, 1958.
105. Arrhenius B., Merovingian Garnet Jewellery, Stockholm, 1985.
106. Arwidsson G., Valsgärde 7, Uppsala, 1977.
107. Bertašius M., Vidurio Lietuva VIII–XII a., Kaunas, 2002.
108. Bertašius M., From Social Expression to Instituonaled Religion // Tranformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic Kaunas, 2006.
109. Bezzenberger A., 1896/1900. Hügelgrab aus spätheidnische Zeit in der Kaup // Prussia, Bd. 21.
110. Bliujienė A., Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika, Vilnius, 1999.
111. Bliujienė A., Lietuvos priešistorės gintaras, Kaunas, 2007.
112. Bogucki M., Wczesnośrediowieczny skarb ozdób srebrnych ze wsi Drodzikowo, powiat Mrągowo // Studia Galindzkie, t. I, Warszawa, 2003.

113. Bogucki M., Grobiņa – a Sign of an Early Future Port of Trade in the Balt Lands // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic, Kaunas, 2006.
114. Budvydas U., About some Aspects of Scalvian Armaments, on the Basis of Investigations in Viešvilė Cemetery // Archaeologia Baltica, t. 8, Klaipėda, 2007.
115. Bujack G., Accessionen des Prussia-Museums pro 1885 // Prussia, Bd. 11, 1885.
116. Carlsson A., Vikingatida ringspännen fren Gotland. Text och katalog, Stockholm, 1988.
117. Crumlin-Pedersen O., Schiffe und Schiffartswege im Ostseeraum während des 9.-12. Jahrhunderts // Bericht der Römisch-Germanischen Komission, Bd. 69, 1988.
118. De passione de Sancti Adalpherti // Scriptorum Rerum Prussicarum, Königsberg, Nd. I.
119. Duczko W., Rus Wikingów, Warszawa, 2007.
120. Dundulis, Normanai ir baltų kraštai (IX–XI a.), Vilnius, 1982.
121. Ebert M., Truso // Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Bd. III, H. 1, Königsberg, 1926.
122. Ellmers D., Kahn, Prahm und andere flachbodige Schiffstypen – Ein Beitrag zur Wöster-und-Sachen-Forschung // Brandt K., Kühn H.J., Der Prahm aus dem Hafen von Haithabu. Beiträge zu antiken und mittelalterlichen Flachbodenschiffen, Neumünster, 2004.
123.Engel C., Silber- und Goldfunde aus ostpreußischer Vorzeit, Königsberg, 1929.
124.Engel C., (2. November). Die neue Ausgrabungen in Linkuhnen // Heimatsblätter, Nr 44, Tilsit, 1930
125. Engel C., 1931a, Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreusen // Congressus secundus archaeologorum balticorum, Rīga.
126. Engel C., 1931b. Dar vierstöckige Gräberfeld von Linkuhnen und seine Bedeutung für die Erforschung der vorgeschichtlicher Kulturbeziehungen in den ostbaltischen Ländern // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit, Jg. VII, H. 10.
127. Engel C., Spätheidnische Reitergräber auf den Wikingerfriedhof in der Kaup bei Cranz // Unsere Heimat, Nr 12, 1932.
128. Engel C., Aus ostpreußischer Vorzeit, Königsberg, 1935.
129. Engel C., Das jüngste heidnische Zeitalter in Masuren // Prussia, Bd. 33, H. 1-2, 1939.
130. Engel C., La Baume W., Kulturen und Vöker der Frühzeit im Preußenlande, I. Teil, Königsberg, 1937.
131. Erä-Esko A., Germanic Animal Art of Salinn's Style I in Finland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja Finska fornminnesföreningens Tidskrift, t. 63, Helsinki, 1965.
132. Fabech Ch., Booty Sacrificies in Southern Scanfinavia: A Reassessment // Sacred and Profane. Proceeding of a Conference on Archaeology, Ritual and Region. Oxford, 1989, Oxford, 1991.
133. Gaerte W., Urgeschichte Ostpreussens, Königsberg, 1929.
134. Gaerte W., Die Wikinger in Ostpreußen, Königsberg Pr., 1932.
135. Gaerte W., Neue Ausgrabungen auf dem Wikinger-Friedhof bei Wiskiauten, Kr. Fischhausen (Ostpreussen) // Forschungen und Fortschritte, 9. Jg., 20. Februar 1933, Nr 6, 1933.
136. Gaerte W., 1935a. Sitzungberichte. Neue Bodenfunde // Alt-Preußen, H. 3.
137. Gaerte W., 1935b. Neue Grabungsergebnisse auf dem Wikingerfriedhofe von Kaup bei Wiskiauten in Ostpreussen // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, 11. Jg., H. 2.
138. Gąssowski J. Mitologia Celtów, Warszawa, 1978
139. Genis J., Trade rutes and trade centres in Western Lithuania during the early Middle Age // Archaeologica Baltica, t. 2, Vilnius, 1997.
140. Gerullis G. Die atpreußischen Ortsnamen, Belin-Leipzig, 1922.
141. Gintautaitė-Butėnenė E., Butėnas E., Laivių kapinynas. In: Lietuvos archeologija, t. 22, Vilnius, p. 9–154, 2002.

142. Grabarczyk T., Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa, Łódź, 2000.
143. Grierson Ph., Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Colection and the Whittemore Collection, vol. 4. /Alexius I to Alexius V (1081–1204)/, Washington, 1999.
144. Grunau S. Preussische Chronik. Bd. I, Leipzig, 1876.
145. Grunert W., Wikingerspuren in Norkitten // Alt-Preußen, 1938, H. 2, 1938.
146. Haftka M., Wczesnosredniowieczne topry z Malborka // Pomorania Antiqua, t. IV, 1971.
147. Hård B., Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden, Varberg, 1976.
148. Hårdt B., Kleeblattfibeln // Birka. Analyse der Funde, Bd. IV, Stockholm, 1984.
149. Heydeck J., Bericht über Ausgrabungen bei Wiskiauten und Wikiau im Samlande // Prussia, Bd. 33, 1877.
150. Heydeck J., Zwei Steinskelette (liegende Hocker) in dem Prussia-Museum. In: Prussia, 18. H., 1893.
151. Heydeck J., Die Wikingergräber der Kaup bei Wiskiauten, Kr, Fischhausen (Samland) // Prussia, Bd. 21., 1896–1900.
152. Hoffmann J., Das Gräberfeld Linkuhnen, Kr. Niederungen Ostpreußen und die spätheidnische Kultur des Memellandes // Alt-Preußen, 4. Jg., H. 4, 1940.
153. Ibsen T., Die Suche nach der Nadel im Heuhaufen – Neue Siedlungsforschungen am wikingerzeitlichen Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet // Starigard, Nr 6, 2005, SS. 124-126.
154. Ibsen T., 2008a. Siedlungsarchäologische Forschungen zum wikingrzeitliche Fundplatz von Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet // Archäologisches Nachrichtenblatt, Bd. 13, H. 1.
155. Ibsen T, 2008b. Die Wikinger in Bernsteinland // Forschung, Nr 1, Berlin.
156. Jagodziński M., Katalog // Pacifica terra. Prusowie-Słowianie-Wikingowie u ujścia Wisły, Malbork, 2004.
157. Jankuhn H., 1952 (5. August). Die Schwerter aus Linkuhnen. Das Gebiet von Tilsit in vorgeschichtlicher Zeit // Das Ostpreussenblatt, Jg. 3, Folge 22.
158. Jankuhn H. Nydam und Thorsberg. Moorfunde der Eisenzeit. Neumünster, 1983.
159. Jansson I., Ovala spännbuklor. En studie av vikingatida standartsmycken med utgängspunkt fran Björko-fynden, Uppsala, 1985.
160. Jensch Fr., Der technische Arbeitsgang bei der Bergung eines vorgeschichtlichen Skelettgrabes // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit, Jg. 14, H. 5, 1938.
161. Jonakowski M. Grób szkieletowy kultury wielbarskiej z cmentarzyska w Lubieszewie, pow. Nowy Dwór Gdański, stanowisko 2 // Wiadomosci Archeologiczne, Tom LIV, 2001.
162. Kazakevičius V., IX–XIII a. baltų kalaviai, Vilnius, 1996.
163. Kazakevičius V., On One Type of Baltic Sword of the Viking Period // Archaeo;ogia Baltica, t. 2, Vilnius, 1997.
164. Kazakevičius V., Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makėtė galū apkalai) // Lietuvos archeologija, t. 15, Vilnius, 1998.
165. Kiersnowski R., Najdawniejsze monety litewski // Wiadomoszści Numizmatyczne, r. XXVIII, z. 3-4, Warszawa, 1984.
166. Kleemann O., Die Wikingerausstellung des Prussia-Museums // Germanen-Erbe, 2. Jg., H. 12, 1937.
167. Kleemann O., 1939a, Die vorgeschichtlichen Funde bei Cranz und die Siedlung von Wiskiauten // Prussia, Bd. 33.
168. Kleemann O., 1939b. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kurischen Nehrung // Alt-Preußen, 4. Jg.,H. 2.
169. Klindt-Jensen O., Éhren S., The World of the Vikings, London, 1970.

170. Koulakov V., La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines, t. 7, Paris, 2000.
171. Kühn H., Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland // Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit, III. Teil, Graz, 1981.
172. Kulakov W.I. Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert // Studia Baltica Stockholmiensa. Bd. 9. Stockholm, 1992.
173. Kulakov V.I., Jütland-Dobrudscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. // Archaeologia Bulgarica, Jg. V, 2001, H. 2, Sofia, 2001.
174. Kulakov W., 2005a. Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1956-2004 // Offa-Zeitschrift, Bd. 59/60, 2002/2003.
175. Kulakov W., 2005b. Siedlung Korallen-Berg. Kurze Nachricht über die Ausgrabungen 2001 und 2002 // Res Balticae. Miscellanea Italiana di studi Baltistici, vol. 10, Livorno.
176. Kuncienė O., Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais // Lietuvos gyventoji prekybinai ryšiai I–XIII a., Vilnius, 1972.
177. Kuncienė O., 1981a. Prekyba // Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje, t. II, Vilnius.
178. Kuncienė O., 1981b. IX–XIII a. stiklo karoliai Lietuvoje // Lietuvos archeologija, t. 2, Vilnius.
179. La Baume W. 1940. Die Wikinger // Reinerth H. Vorgeschichte der deutsche Stämme, Bd. 3. Ostgermanen und Nordgermanen, Berlin.
180. La Baume W., Altpreußisches Zaumzeug // Alt-Preussen, Jg. 9, H. ½, 1944,
181. Lemm T., Maskendarstellungen der Wikingerzeit // Offa, Bd. 61/62, 2004/05, 2007.
182. Levada M. Metal Combs of the second Quarter of the First Millenium AD in Easter Europe // Mączynska M.,
183. Łowmiański H., Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego, Poznań, 1983.
184. Lund Hansen U., Skandinavien und Kontinent zur Völkerwanderungs- und Merowingerzeit // Runische Schriftkultur in continental-skandinawischer und angelsächsischer Wechselbeziehung, Berlin-New York, 1994.
185. Mackeprang M. Kulturbeziehungen im nordischen Raum des 3.-5. Jahrhunderte. Keramische Studien, Leipzig, 1943.
186. Martens J., Das Wikingergräberfeld von Wiskiauten, Samland // Zwischen Lübeck und Nowgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahthundert. Norbert Angerman zum 60. Geburstag, Lüneburg, 1996.
187. Maute M. Latènezeit. Fibel-Typen und Verbreitung. § 17 // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 8, Lief. 5/6, Berlin-New York, 1994.
188. Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte, Nr 9., 1975.
189. Łowmiański H., Studia nad dziejami Wielkiego Ksiastwa Litewskiego, Poznań, 1983.
190. Neiß V., The Ornamental Echo of Oðinn's Cult // Cultural interaction between east und west. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe, Stockholm, 2007.
191. Nerman B., Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in den jüngeren Eisenzeit, Stokholm, 1929.
192. Nerman B., Der Handel Gotlands am Kurisches Haff im 11. Jahrhundert // Prussia, Bd. 29, 1931.
193. Nerman B., Swedish Viking colonies of the Baltic // Europa Septentrionalis Antiqua, vol. IX, 1934.
194. Nerman B., Sveriges första stoirhetstid, Stockholm, 1942.
195. Nerman B., Vendelzeit Gotlands, Bd. II. Tafeln, Stockholm, 1969.
196. Neugebauer W., Die Bedeutung des wikingisches Gräberfeldes in Elbing für die Wikingerbewegung im Ostpreußen // Elbinger Jahrbuch, H. 14, Teil I., 1937.
197. Nowakowski W., Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // Archaeologia Polona, vol. 42, 2004.

198. Okulicz J., Pradzieje ziem pruskich od póznego paleolitu do VII w. n. e., Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973.
199. Okulicz-Kozaryn J. Centrum kulturowy z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum'92. T. 2, Warszawa, 1992.
200. Paulsen P., Studien zur Wikinger-Kultur, Neumünster, 1933.
201. Paulsen P., Schwertortbänder der Wikingerzeit, Stuttgart, 1953.
202. Paulsen P., Feldzeichnen der Normannen // Archiv für Kulturgeschichte, Bd. 39, H. 1, Bonn, 1957.
203. Petersen J., De norske vikingersverd, Kobenhavn, 1919.
204. Petrulienė A., Barinės senkapis // Lietuvos archeologija, t. 11, Vilnius, 1995.
205. Pilet Chr., Installations anglo-saxonnes sur le littoral de l'actuelle Basse-Normandie aux Ve, VIe et VIIe siecles // Les Barbares et la Mer, Caen-Touluse, 1992.
206. Riemann E., Ein Wikingerschwert vom Neubau der Hohen Brucke in Königsberg // Alt-Preußen, 3. Jg., H. 3, 1938.
207. Salo U., Tampere-Vilusenharju, Kurhunhammas 3, Turku, 1978.
208. Šimėnas V., Die Wildnis und baltische Stämmegrenzen // Archaeologia Baltica, Bd. 1, Vilnius, 1995.
209. Schlicht O., Das westliche Samland. Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen, Zweiter Band. Dresden, 1922.
210. Schulze-Dörrlamm M., Dänischen Wikingerschmuck des späten 10. und frühen 11. Jahrhunderts // Das Reich der Salier, Sigmaringen, 1992.
211. Steuer H., Soziale Gliederung der Bevölkerung von Haithabu nach archäologischen Quellen // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an Siedlungen im deutschen Kulturgebiet, Bd. 2, Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters, Weinheim, 1984.
212. Szameit E., Karolingische Waffenfunde aus Österreich. Teil II: Die Saxe und Lanzespitzen // Archaeologica Austriaca, Bd. 71, 1987.
213. Thunmark-Nylén L., Gotland – Neighbour between the West and East // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im Frühen Mittelalter, Stockholm, 1992.
214. Tischler O., Kemke H., Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg, 1902.
215. Torbrügge W., Vor- und frühgeschichtliche Flusfunde. Zur Ordnung und Bestimmung einer Denkmälergruppe // 51.-52. Bericht der Römisch-Germanischen Komission 1970-1971, Berlin, 1972.
216. Volkaitė-Kulikauskienė R., Lietuviai IX - XII amžiais, Vilnius, 1970.
217. Werner J., Dančeny und Drandstrup. Untersuchungen zur Černiachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den Reichtumszentren auf Fünen // Bonner Jahrbücher, Bd. 188, 1988.
218. Wilson D.M., Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400-1100 n. Chr., München, 1980.
219. Wróblewski W., 2006a. Invaders, Merchants or Settlers? Archaeological Evidence of Scandinavian Activity in South-eastern Zone of the Baltic Sea during the Viking Age // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic, Kaunas.
220. Wróblewski W., 2006b. Aschenplätze – the forgotten burial rituals of the Old Prussians // Archaeologia Lithuana, vol. 7, Vilnius.
221. Wróblewski W., Wiskiauten // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 34, Berlin – New York, 2007.
222. Wulff, Bericht über die Aufdeckung altpreußischer Begräbnißstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke Wiskiauten im Samlande // Altpreußische Monatschrift, Bd. 2, 1865.
223. Vaitkunskienė L., 1983a. Retas X-Xi amžių raitelio įnagis iš Žąsino kapinyno (Šilalės raj.) // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, A serija, t. 3(84).

224. Vaitkunskienė L., 1983b. Skandinaviški elementai Žemaicių kultūroje X-XI a. // Lietuvos istorijos metrastis, 1982 metai.

225. Zocenko V., Oval Brooches in Southern Rus' and their Social Interpretation // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe, Stockholm, 2007.

226. Žulkus V., Vikingų burės Kuršių mariose // Mokslas ir gyvenimas, Nr 4, Vilnius, 1989.

227. Žulkus V., Palangos viduramžių gyvenvietės, Klaipėda, 1997.

228. Žulkus V., Kuršiai Baltijos jūros erdvėje, Vilnius, 2004.

229. Žulkus V., The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Preglius (Pergel). The Settlment Situation at the Lower Reaches in the 6th to 11th Centuries // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic, Kaunas, 2006.

230. Žulkus V., Klimka L., Lietuvos Pajūrio žemės viduramžiais, Vilnius, 1989.

231. Žulkus V., Urbanavičius V., Baltai ir skandinavai // Baltų archeologija, Nr. 4 (7), 1995.

Архивные материалы:

Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., Отчёт о работе Калининградского отряда в 1956 г., № 1290.

Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., Отчёт о работе Калининградского отряда в 1958 г., № 1816.

Архив ИА РАН, Кулаков В.И., Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1979, № 7560.

Архив ИА РАН, Кулаков В.И., Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1980, № 7777.

Архив ИА РАН, Кулаков В.И., Отчёт о раскопках, проведённых Балтийской экспедицией ИА РАН в 2007 г. на курганно-грунтовом могильнике и на поселении Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), о разведках, проведённых в Зеленоградском р-не Калининградской обл., 2007.

Архив ИА РАН, Кулаков В.И., Отчёт о раскопках и разведках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2010 г. на курганном могильнике Моховое, расположенном в лесном урочище Кауп (г. Зеленоградск Калининградской обл.), 2010.

Ibsen T., 2009. "Etwa hier die Siedlung". Der fruhmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe in Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen. Dissertation. Kiel.

Museum fur Vor- und Frühgeschichte, Schloss Charlottenburg, Berlin, Prussia-Archiv.

Список сокращений:

АС, Труды ГИМ – Археологический сборник, Труды Государственного Исторического музея.

КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.

Л. - Ленинград.

М. – Москва.

МИА – Материалы по истории и археологии СССР.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

СПб – Санкт-Петербург.

Приложение 1.

Погребальные комплексы и следы поселенческой деятельности, изученные на курганно-грунтовом могильнике Кауп и в его окрестностях в 1873-2007 гг.

Комплексы, раскопанные до 1939 г., представлены в каталоге лишь при наличии рисунка и данных для убедительной датировки.

1873 г., август
(*раск. Й. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:d). Парное трупосожжение. Инв.: бронзовое навершие рукояти меча типа J.P.U, два ножа, ножницы, фрагмент оплавленного бронзового украшения (рис. 105). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины и женщины. Дата: X в. (Кулаков В. И., 1989а, с. 91).

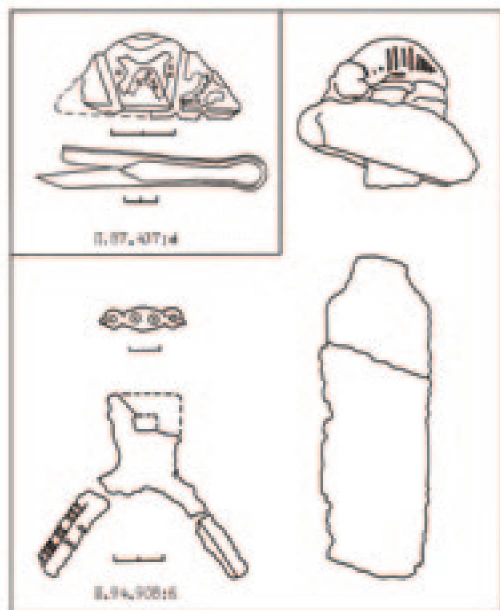
Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:e). Трупоположение. Инв.: пара бронзовых (?) черепаховидных фибул типа J.P.37 с тремя цепочками и бронзовой декоративной (сакральной ?) подвеской в виде ключа, бронзовая фибула отдела Dosenfibeln вар. B.Nerman 2161 (Nerman, 1969. Taf. 269), застёжка-цепедержатель (рис. 56), 36 стеклянных и глиняных бусин, четыре бронзовых браслета, фрагменты стремени (?). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – нач. IX в. (Кулаков, 1989а. С. 86, 88).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:n). Инв.: пара стремян типа Antanavičius IV, удила с плакированными серебром серповидными псалиями (рис. 106), шпора, фрагмент ботала, железная пряжка от конского снаряжения, железная цепь с кольцом. Судя по составу инвентаря, в данном кургане могло находиться конское захоронение. Дата: кон. X в. (Mühlen, 1975. S. 122, Taf. 37).

1874 г., 18 сентября
(*раск. Й. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.17.573). Трупоположение. Инв.: пара бронзовых (?) че-

Рис. 105.
Инвентарь кург. б/№, инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:d; кург. б/№, инв. по описи Музея «Пруссия» III.94.908:6 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

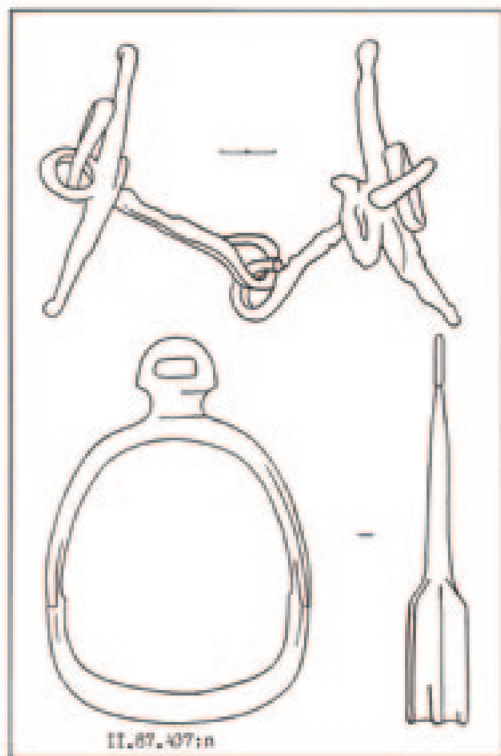

Рис. 106
Инвентарь кург. б/№, инв. по описи Музея «Пруссия» II.87.437:n (прорисовка с фото Б. Мюлен).

репаховидных фибул типа J.P.30-32 с четырьмя цепочками и бубенчиком, круглая бронзовая фибула отдела Dosenfibeln вар. B.Nerman 2167 (Nerman, 1969. Taf. 270) с декором в стиле Борре, бронзовая застёжка-цепедержатель (рис. 56), пара бронзовых браслетов, 52 стеклянные и глиняные бусины, ножницы, фрагменты ножа и нопределимого бронзового предмета, удила, бронзовый бубенчик. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – нач. IX в. (Кулаков, 1989а. с.86).

1877 г., 21 сентября
(*раск. Й. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.91.908:1). Трупоположение. Инв.: пара черепаховидных фибул типа J.P.51 вар. Jansson C3, девять бусин из горного хрусталя и серебра, гирька, нож, фрагмент ножниц, удила с двухчастным трензелем, бронзовая накладка (рис. 107)[4]. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – сер. X в. (Кулаков, 1989а. С. 90).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.92.908:2). Инв.: бусина, обломки пары стремян типа Antanavičius V, обломки двух (?) наконечников копий, кольчатые удила с витым трензелем, обломок железной рукояти ведра, пара орнаментированных бронзовых шпор с крючками, загнутыми внутрь, фрагмент бронзового блюда типа Hansaschüssel. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и сопровождалось захоронением коня (?). Дата – IX в. (Mühlen, 1975. S. 123).

Кург. б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.92.908:3). Инв.: бронзовая подковообразная фибула с головками зверей на концах дуги готландского происхождения (рис. 34), нож. Не исключено, что в данном кургане захоронены останки мужчины. Дата: кон. X – на. XI вв. (Кулаков, 1989а. С. 91).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.94.908:6). Трупосожжение. Инв.: фрагменты меча с бронзовым (?) навершием типа J.P.X (?), фрагменты наконечника копья, обломок небольшого бронзового кольца, фрагмент стремени, бронзовая (?) накладка на стремянной ремень, кусок железного предмета

4 Здесь и далее фото в составе рисунков показывают современное состояние части комплексов из курганов Каупа, найденных в форте № 3 в составе предметов из экспозиции Музея «Пруссия» в 1999-2000 гг. и ныне хранящихся в фондах КОИХМ.

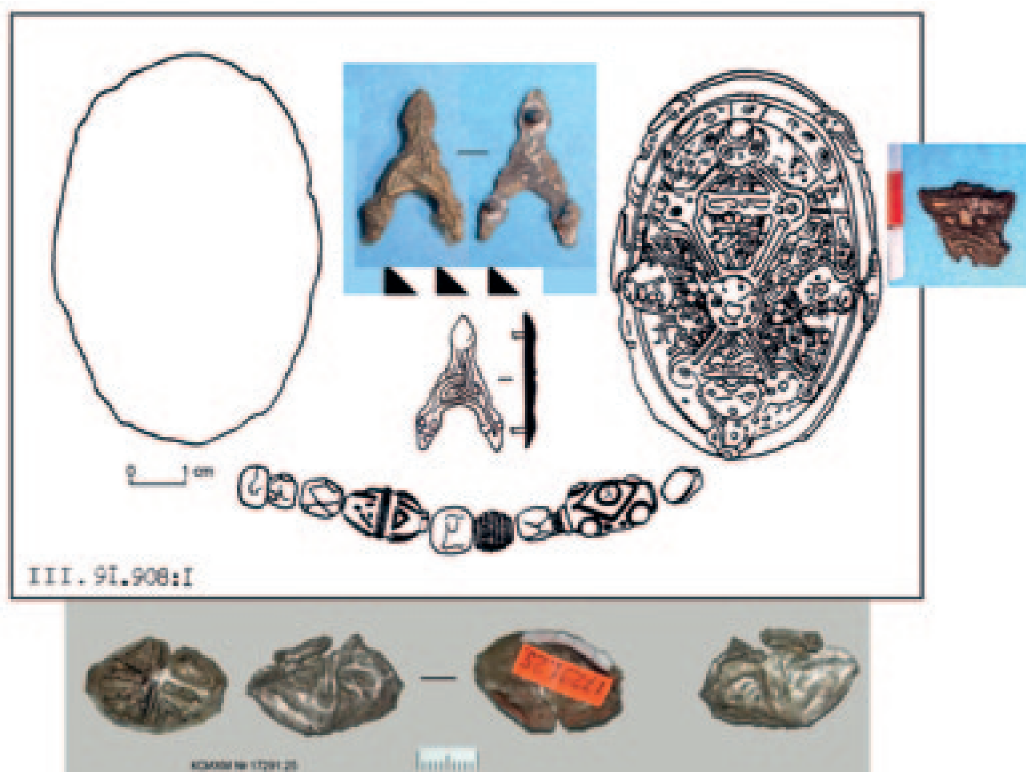

Рис. 107
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.91.908:1 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

(рис. 105). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и сопровождалось захоронением коня (?). Дата: первая четверть XI в. (Кулаков, 1989а. С. 91).

1880 г., август

(*раск. Й. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.258.1197:29). Трупоположение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.52 вар. Jansson A, серебряная застёжка типа Terslev, серебряная овальная подвеска типа Terslev, шесть круглых серебряных подвесок с филигранным орнаментом, две подвески, сделанные из диргемов, восемь бусин – из горного хрусталя (3 экз.) и из серебра (5 экз.), две серебряные кольцевидные пряжки с ромбическим сечением дрота (рис. 108). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – конец X в. (Кулаков, 1989а. С. 90).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2005:d3 или d2). Трупосожжение (?). Инв.: две бронзовые черепаховидные фибулы типа J.P.51 вар. Jansson A2 с тремя бронзовыми цепочками, пара бронзовых браслетов (рис. 109), два ножа, обломок ножниц, бронзовая накладка, кольчатые удила с трёхчастным витым трензелем (Кулаков, 1989а. С. 89). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата: первая четверть X в.

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2009:A3). Трупо-

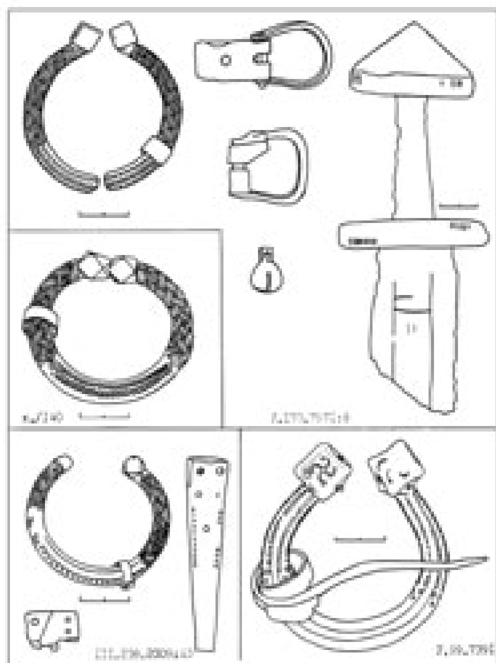

Рис. 108
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.258.1197:29 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В. Ла Бом).

Рис. 109
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2005:d2 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

Рис. 110
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.170.7971:6; кург.К/140; кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2009:А3; кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.99.7391 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

сожжение (?). Инв.: бронзовая подковообразная фибула типа Carlsson K.FAC:US (Кулаков, Сыроватко, 2003. С. 53), бронзовые обоймица пряжки и обоймица с орнаментом типа «волчий зуб» (рис. 110), служившая наконечником ремня (Кулаков, Сыроватко, 2003. Рис. 2,7-9). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины. Дата: IX–X вв.

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2012). Трупосожжение. Инв.: меч типа J.P.H. Фрагменты наконечника копья, два умбона щитов, удила с псалиями (рис. 111). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина. Дата – кон. IX–X вв. (Кулаков, 1989а. С. 89).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2020). Два трупоположения. Инв.: меч типа J.P.M с остатками клейма на лезвии, два наконечника копий, четыре ножа, удила, стремя типа Кирпичников 1, шпора типа Кирпичников 1, железная (?) пряжка, пара бронзовых (?) черепаховидных фибул типа J.P.51, две хрустальных и одна стеклянная бусины (рис. 112). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и женщины, сопровождается захоронением коня (?). Дата – кон. IX–X вв. (Кулаков, 1989а. С.88).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2019:В4). Трупосожжение. Инв.: бронзовая подковообразная фибула, сломанный меч типа J.P.$X_{\text{ранний}}$, на навершии рукояти и на её перекрестии – «ковровый» плакированный бронзой и серебром орнамент, два наконечника копий с пламевидным врезным и горизонтальным орнаментами на втулках

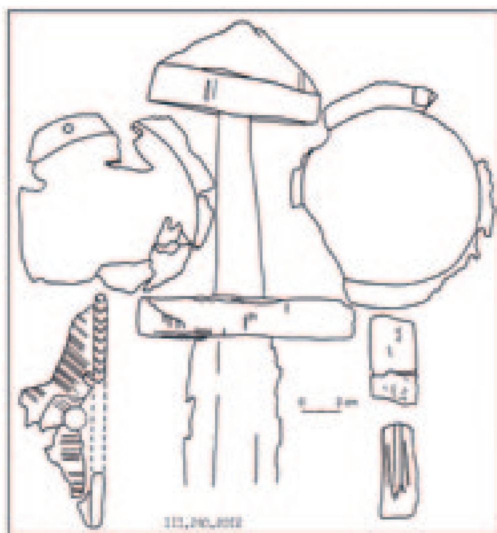

Рис. 111
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2012 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

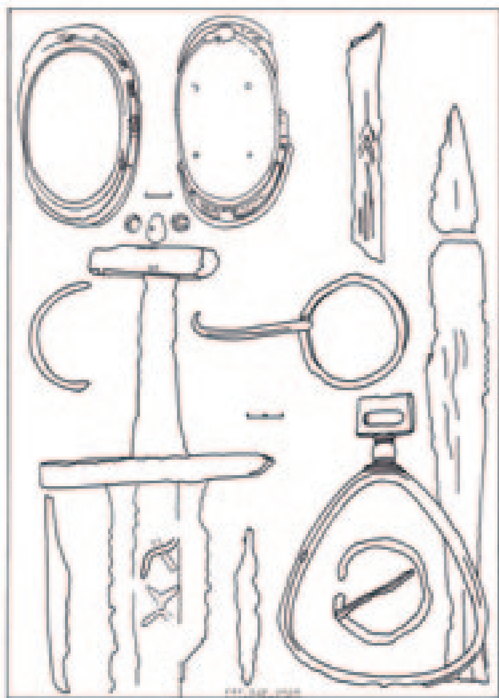

Рис. 112
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2020 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

(один наконечник согнут), пара стремян типа Antanavičius IIIa, остатки оковки ведра, оселок (рис. 113). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и сопровождалось захоронением коня (?). Дата – сер. IX–X вв. (Кулаков, 1989а. С. 89).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2021:C2). Трупоположение. Инв.: меч типа J.P.X$_{\text{поздний}}$ с остатками клейма на лезвии, два наконечника копий (один – согнут), клевец, нож, удила с отверстиями для роговых (?) псалиев, пара стремян, шпора типа Кирпичников 1, две железных пряжки, ножницы (рис. 114). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и сопровождались захоронением коня (?). Дата: первая четверть XI в. (Кулаков, 1989а. С. 91).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2016). Трупоположение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.51, железная (?) цепь со сдвоенными звеньями и с крючком, ножницы, кора от берестяной шкатулки. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины, сопровождается захоронением коня (?). Дата – кон. IX – нач. X вв. (Mühlen, 1975. S. 127).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2018:16). Трупосожжение. Инв.: меч типа J.P.H с остатками клейма на лезвии, два фрагмента наконечников копий, пара стремян типа Antanavičius IIIa, шпора типа Кирпичников 1, железная подпружная пряжка (рис. 115). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина, сопровождается захоронением коня (?). Дата – кон. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989а. С.89).

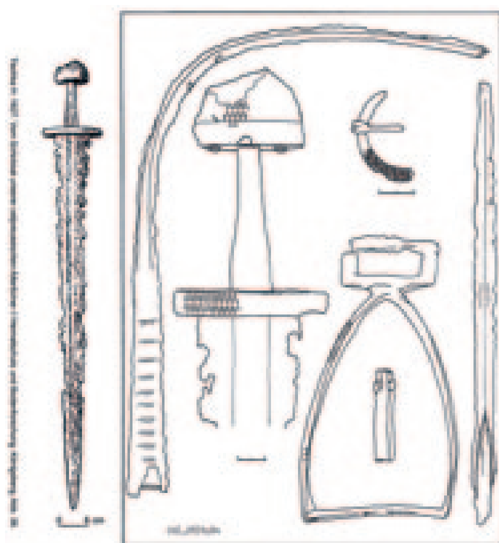
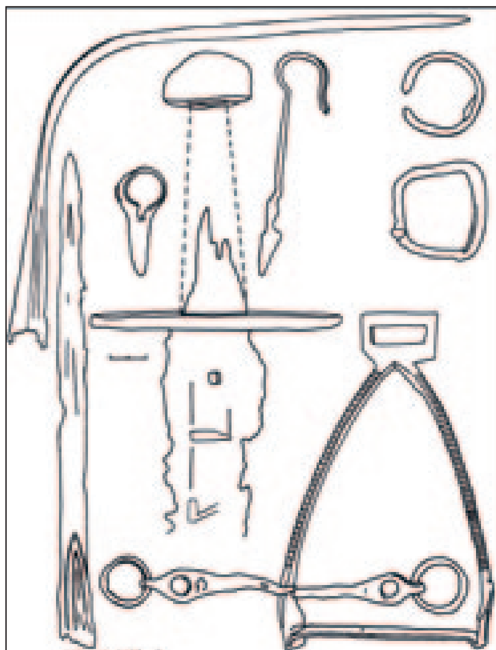

Рис. 113
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2019:B4 (прорисовка с фото Б. Мюлен). Слева – рисунок меча из указанного комплекса.

Рис. 114
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2021:С2 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2022). Два (?) трупоположения. Инв.: меч типа J.P.V, бронзовый пластинчатый наконечник ножен боевого однолезвийного ножа, удила с двухчастным трензелем, стремя типа Antanavičius IIIa, четыре ножа, бронзовая (?) пряжка, пара черепаховидных фибул типа J.P.51, две бусины (рис. 116). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина и женщины, сопровождается захоронением коня (?). Дата – первая пол. X вв. (Кулаков, 1989а. С.89).

Кург.К/1 (*/№ – нумерация курганов, раскопанных до 1940 г.; №/ – нумерация курганов, раскопанных после 1956 г*). Инв.: удила, фрагменты бронзового предмета (Heydeck, 1896/1900. S. 62).

Кург.К/2. Находки не обнаружены (Heydeck, 1896/1900. S. 62).

Кург.К/3. (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:3). Под высокой, массивной насыпью обнаружен на материке (?) мощный слой остатков погребального костра (in situ ?) с рассеянными в нём (?) обломками кальцинированных костей (рис. 9). В его северо-восточном секторе найдены: три бронзовых бубенчика, фрагмент стремени (?), точило сланцевое, сосуд, фрагменты керамики. Трупосожжение сопровождается захоронением коня, которое автор раскопок считает идентичным комплексам, характерным для прусской культуры (Heydeck, 1896/1900. S. 62, 63, 67).

Кург.К/4. Бессистемная каменная кладка (Heydeck, 1896/1900. S. 63).

Кург.К/5. Насыпь кургана частично уничтожена дорогой, ведущей из пос. Моховое в пос. Вишнёвое (бывш.

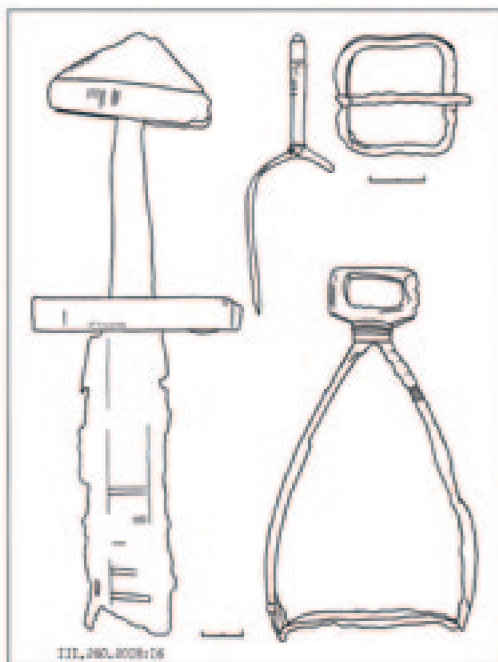

Рис. 115
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.260.2018:16 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

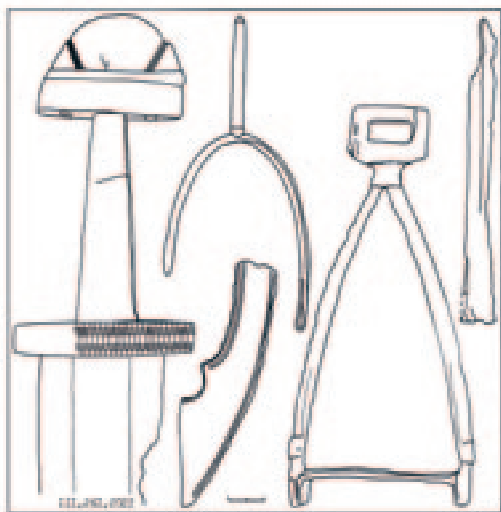

Рис. 116
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» III.261.2022 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

Wiskiauten-Wosegau). Инв.: фрагменты бронзового предмета, обломки ножа (Heydeck, 1896/1900. S. 62).

Кург.К/6. Бессистемная каменная кладка (Heydeck, 1896/1900. S. 63).

Кург.К/10 (?). Округлая в плане каменная кладка, под центром которой найдено скопление остатков погребального костра. В северной части данного скопления выявлены два камня (Heydeck, 1896/1900. S. 63).

1896 г.

(*раск. А. Беценбергер*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» III.259.2009:A3). Невысокая насыпь содержит перекрытое тремя камнями скопление остатков погребального костра с рассеянными в них обломками кальцинированных костей. Среди золы найдены: бронзовая обоймица-наконечник ремня, орнаментированная декором типа «волчий зуб», обломки аналогичного наконечника меньших размеров, бронзовые спиральки (Bezzenberger, 1896/1900. S. 157).

1897 г.

(*раск. И. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.99.7391). Трупоположение в деревянном гробу, скреплённом железными гвоздями. Инв.: Бронзовая подковообразная фибула (рис. 110) подтипа Carlsson K. TRA:KSW (Carlsson, 1988. P. 70), шесть гробовых гвоздей, остатки деревянных досок гроба. На левой головке фибулы (рис. 117) прорезаны два руноподобных знака, имеющих, очевидно, магическое значение (Кулаков, 1993б. С. 104, 108). Е.А. Мельникова, ведущий в России специалист по рунической письменности, участвовала в фиксации и интерпретации этих знаков (руны "j" "s"); затем, правда, отказалась от своего мнения об их руническом происхождении

Рис. 117
Головки фибулы из кург.б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.99.7391 (фото Е.А. Мельниковой).

(Мельникова, 2001. С. 80). Судя по составу инвентаря, погребение содержало останки мужчины. Дата: вторая пол. X в. (Кулаков, Сыроватко, 2003. С. 53).

Кург.К/7. (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:7). Под высокой курганной насыпью – трупоположение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P. 52 вар. Jansson A, бронзовая пластинчатая застёжка, бронзовая лировидная пряжка, фрагмент кольчатых удил, кусок кремня, фрагменты сосуда (рис. 118). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – вторая пол. X в. (Кулаков, 1989а. С. 90).

Кург.К/8 (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:8). Трупоположение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.42, бронзовое (?) кольцо, нож, витая железная ручка ведра, остатки железной оковки ведра, удила с витым трёхчастным трензелем, сосуд (рис. 119). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – нач. X в. (Кулаков, 1989а. С. 89).

Кург.К/9 (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:9). Лепной сосуд (урна ?) подтипа 2.3 (Кулаков В.И., 2003. Рис. 129), кольчатые удила с трёхчастным витым трензелем, три бронзовых бубенчика (рис. 120) (Heydeck, 1896/1900. S. 62, Taf. VII).

Кург.К/11 (инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:11). Парное (?) трупосожжение. Инв.: меч типа J.P. V с тауширванным «ковровидным» орнаментом и двумя изображениями штурмовых значков викингов на навершии рукояти (рис. 121), два ланцетовидных наконечника копий (у одного на втулке нанесён врезной пламевидный орнамент, у другого на втулке – горизонтально-ступенчатый тауширванный декор), умбон щита, три шпоры типа Кирпичников I, удила с трёхчастным витым трензелем, два кольца от вторых удил, пара стремян типа Antanavičius IIIa, оселок, ножницы, обломки железных обручей и накладок от ведра (рис. 10, 122). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки двух мужчин-воинов, со-

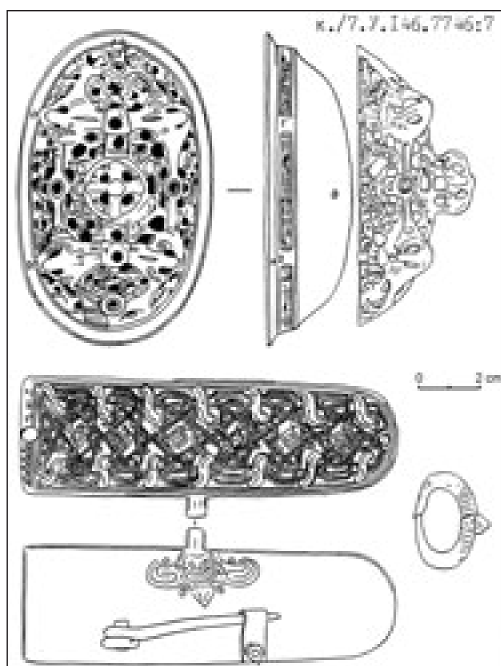

Рис. 118
Инвентарь кург. К/7 инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:7 (прорисовка с рисунка Яма, фото В.И. Кулаков).

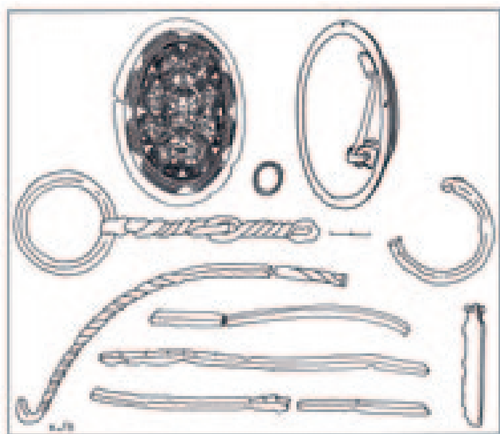

Рис. 119
Инвентарь кург. К/8 инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:8 (прорисовка с рисунка Яма).

провождается захоронением коня (?). Дата – кон. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989а. С.88).

1899 г.

(*раск. И. Хейдек*)

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:1). Трупоположение в деревянном гробу. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.52 вар. Jansson C, бронзовая пластинчатая четырёхугольная фибула, девять серебряных бусин, шесть бусин из горного хрусталя редкой формы (аналог известен в кладе из Rinkaby, Südschweden – Hård, 1976. S. 61), две стеклянные бусины, карнеоловая бусина, серебряная подвеска-лунница, серебряные цепочка и две круглые подвески (рис. 123), кусок кремня, фрагмент кольчатых удил, сосуд. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата: кон. X – нач. XI вв. (Кулаков, 1989а. С. 91).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:3). Трупосожжение. Инв.: бронзовая подковообразная фибула, меч типа J.P.M с остатками клейма на клинке, бронзовый (?) наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius Ia, два наконечника копий, шпора с ребристым острием, пара стремян типа Кирпичников 1 (рис. 124), бронзовая (?) пряжка, четыре бронзовых бубенчика, остатки железной оковки ведра, фрагмент ножа, сосуд. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина, сопровождается захоронением коня (?). Дата: кон. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989а. С. 88).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:4). Парное трупоположение. Инв.: пара бронзовых черпаховидных фибул типа J.P.52 вар. Jansson C (?), серебряная круглая подвеска со сканным и зернёным орнаментом, семь бусин из горного хрусталя, два ножа, ножницы, удила с трёхчастным витым трензелем, круглая железная пряжка, витая железная рукоять ведра (рис. 125), семь фрагментов железной оковки ведра, железная орнаментированная накладка на ведро (?). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки двух (?) женщин. Дата – кон. X – нач. XI вв. (Кулаков, 1989а. С. 91).

Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.172.7971:5). Трупоположение. Инв.: две непарных бронзовых черепахо-

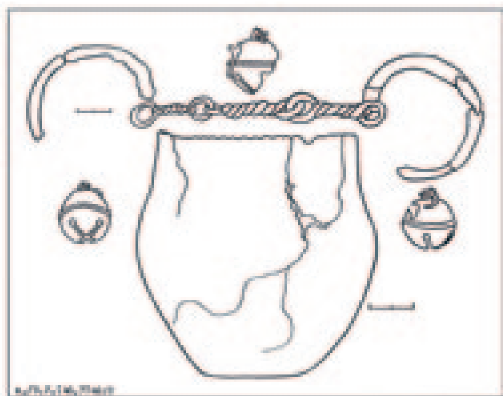
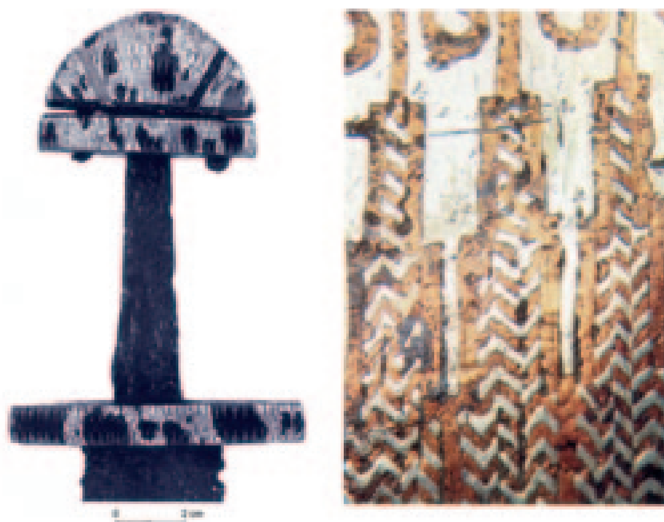

Рис. 120
Инвентарь кург. К/9 инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:9 (прорисовка с рисунка Яма).

Рис. 121
Рукоять меча из кург.К/11 и деталь её таушированного декора (фото В. Менгин).

видных фибул типа J.P. J.P.52 вар. Jansson C (?), одна из них – с остатками позолоты, бусины из горного хрусталя и бусины из белой пасты с красными включениями, фрагмент бронзовой подвески (накладки ?) (рис. 126), несколько обломков бронзового блюда, железная обоймица, три куска кремня, два фрагмента железных накладок (оковка ведра ?). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – третья четверть X в. (Кулаков, 1989а. С. 90).

1899 г.

(*раск. И. Хейдек и Кречман*)

Кург.6/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» V.172.7971:6). Трупосожжение (?). Инв.: бронзовая подковообразная фибула

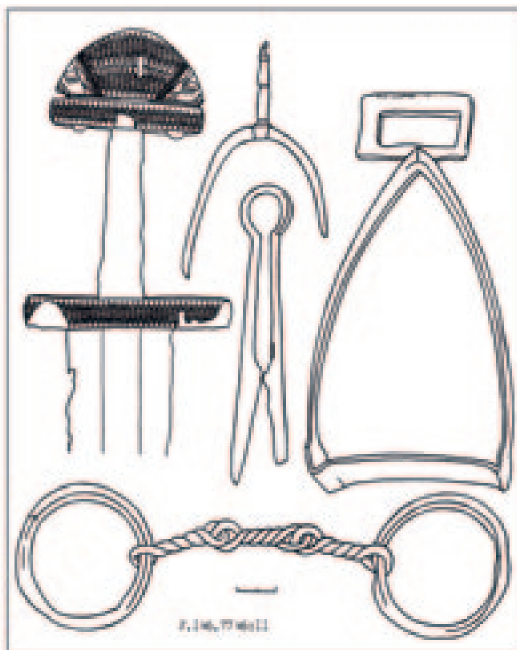

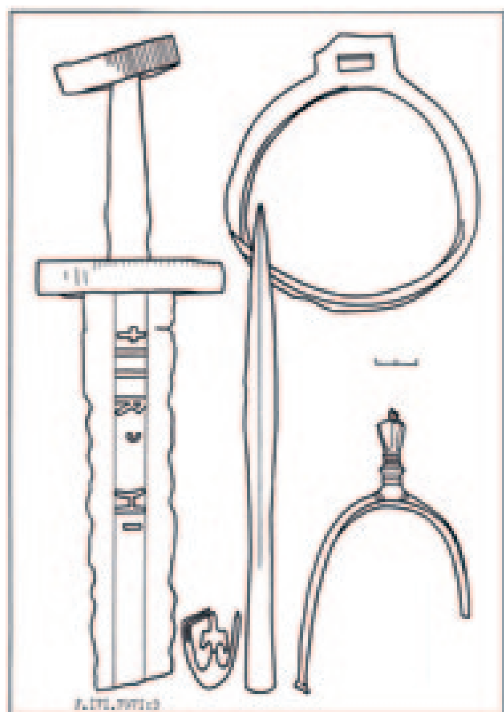
Рис. 122
Часть инвентаря кург. К/11 инв. по описи Музея «Пруссия» V.146.7746:11 (прорисовка с рисунка Яма, реконструкция меча В.И. Кулаков).

Рис. 123
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:1 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В. Ла Бом, В.И. Кулаков).

Рис. 124 *(внизу)*
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:3 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

типа Carlsson K. FAC:US (Carlsson, 1988. P. 22, 70), фрагментированный меч типа J.P. H с остатками клейма на клинке, два наконечника копий, удила с трёхчастным витым трензелем, удила с двухчастным витым трензелем, две шпоры, пара стремян, две железные (?) пряжки, остатки оковки ведра, две бочонковидные гирьки, две бронзовые поясные пряжки (рис. 110), замок, диргем чекана 765 г. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит парное (?) трупосожжение в сопровождении конского захоронения. Дата: кон. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989а. С. 88).

1927 г.

(*раск. В. Герте*)

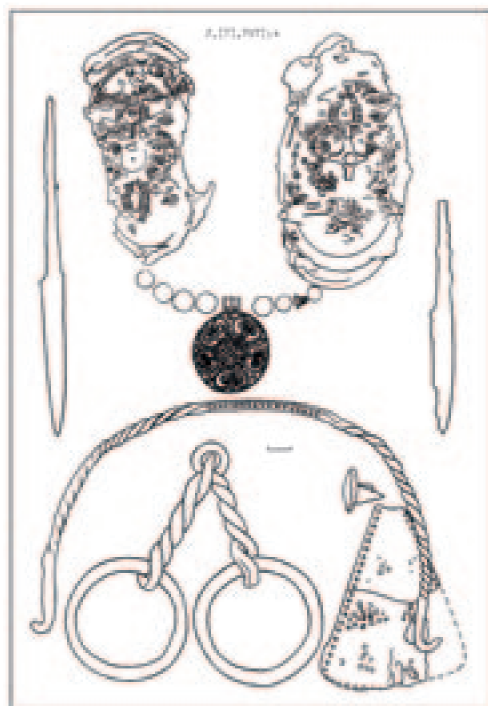
Кург.б/№ (инв. по описи Музея «Пруссия» VII.173.10460:1). Трупосожжение. Инв.: бронзовые пряжка, наконечник ремня (рис. 127), четыре наконечника ремня, обожжённая поясная накладка, 33 спирали разных размеров (Mühlen, 1975. S. 133, Taf. 43).

1930 г.

(*находка при корчёвке пней*)

Кург.К/151b. Трупоположение. Инв.: меч типа J.P.M с клеймом на клинке, два ланцетовидных наконечника копий, бронзовая арбалетовидная куршская фибула, бронзовая подковообразная фибула подтипа Carlsson FAC:S (Carlsson, 1988. P. 19), нож (рис. 128). Перекрестие

Рис. 125
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:4 (прорисовка с фото Б. Мюлен).

и наконечник рукояти меча покрыты серебряным листом, по которому прокован зональный орнамент с элементами в виде плетёного креста и прочих фигур в стиле Еллинге. По орнаменту меч из погр. К/151b имеет аналогию в камерном погребении в ладье из могильника Hedeby (рис. 129). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина. Дата – вторая пол. IX – нач. X вв. (Кулаков, 1989а. С. 86).

1932 г.

(*раск. Б. Нерман и П. Паульсен*)

Кург.К/43. Трупосожжение. Инв.: однолезвийный согнутый меч типа J.P. H с бронзовым навершием, наконечник копья согнутый, наконечник копья сломанный, фрагмент ножа, железная пряжка (от конского снаряжения ?), фрагмент рогового (костяного ?) гребня (Mühlen, 1975. S. 134, Taf. 43). Однолезвийные мечи эпохи викингов редки на территории исторической Пруссии и относятся в основном к типу J.P.H или к родственным типам мечей

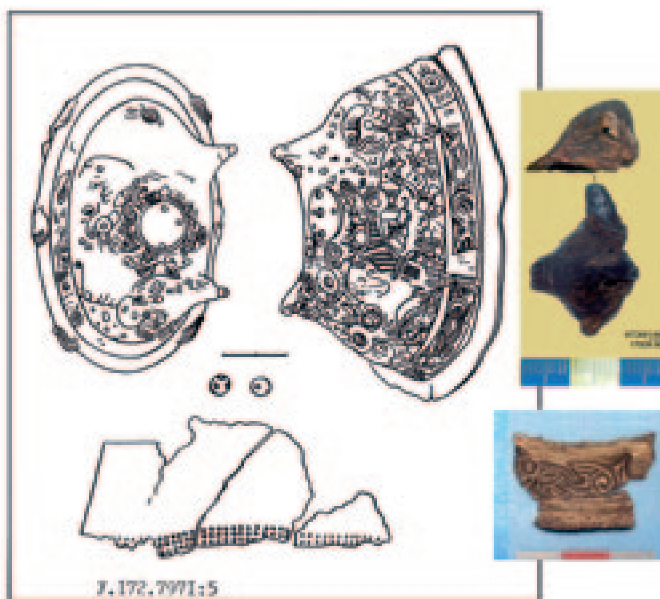

Рис. 126
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» V.171.7971:5 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

(рис. 85). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина. Дата: первая пол. IX в. (Петерсен, 2005. С. 208).

1932 г.

(*раск. Б. Нерман*)

<u>Кург.К/44.</u> Трупосожжение в центральной могиле (погр. I) разм. 1,6 х 1,4 м, овальной в плане формы, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад, расположенной под центром курганной насыпи и окружённой каменным венцом. Мощность остатков трупосожжения (на месте ?) достигает примерно 0,15 м. В 0,4 м к востоку от могилы на материке на материке выявлена округлая в плане каменная кладка диам. ок. 0,9 м. Под крупными камнями кладки выявлен слой гравия, выстилавшего в пределах кладки материк (рис. 130). Под камнями кладки найдены 9 фрагментов небольшого лепного (?) сосуда. Данный комплекс является, очевидно, остатками жертвоприношения. Инвентарь (далее – инв.) погр. I: пара бронзовых равноплечных фибул типа Liones с интенсивной коррозией, пластинчатая прорезная фибула ромбической формы (рис. 131), цепедержатель готландского типа, фрагменты цепочки, пара браслетов (все находки – из бронзы), большое количество стеклянных бусин, ножницы. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины и ребёнка (служанки ?). В 0,5 м к юго-востоку от погр. 1 на материке (?) выявлено погр. III округлой в плане формы, диам. ок. 1 м. Инв. погр. III: бронзовая (?) подковообразная фибула, нож. Дата – нач. IX в. (Кулаков, 1989а. С. 86).

Рис. 127
Инвентарь кург. б/№ инв. по описи Музея «Пруссия» VII.173.10406:1 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

<u>Кург.К/51.</u> Под плоской в сечении каменной кладкой прямоугольной в плане формы в неглубокой яме открыты три скелета, ориентированные головами на запад. По бокам лежали мужчины, в центре – женщина. Руки южного и центрального костяка соединены. По своему периметру могильная ямы была окружена пятью ямами. В одной из них было выявлено урновое трупосожжение, в другой – женский скелет, ориентированный головой на северо-восток и лежавший с подогнутыми коленями на правом боку. Инв. погр./51с: у женского скелета, лежавшего в центре основной могилы, найдена бронзовая застёжка-цепедержатель готландского типа с цепью и бубенчиком (рис. 56). Дата – нач. IX в. (Кулаков, 1989а. С.86).

<u>Кург.К/72.</u> Трупосожжение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.51 вар. Janssen Malmberg с цепочкой, бусины из горного хрусталя, серебра и бронзы, фрагмент бронзового браслета (рис. 132) готландского типа (Адрощук, 2004. С. 114), костяной (роговой ?) гребень, пять диргемов и проч. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – сер. X в. (Кулаков, 1989а. С. 89, 90).

<u>Кург.К/140.</u> Инв.: бронзовая подковообразная фибула подтипа Carlsson FAC:US (Carlsson, 1988. P. 22, 70) с косицеобразным плетёным орнаментом

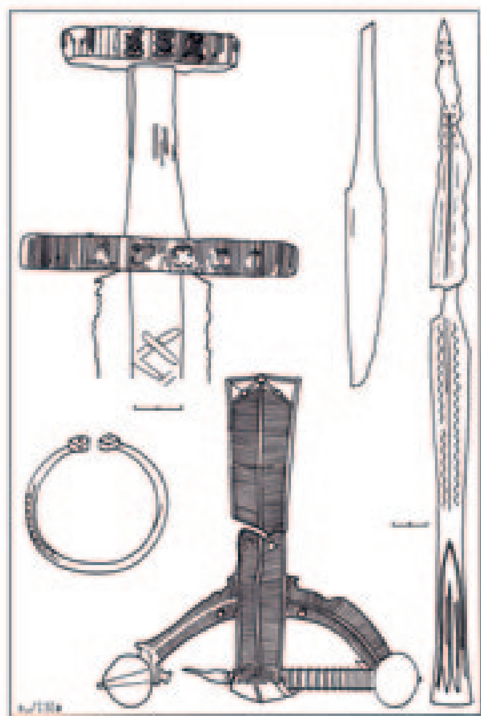

Рис. 128
Инвентарь кург./151в (прорисовка с фото Б. Мюлен).

Рис. 129
Меч типа J.P.K из камерной гробницы могильника Hedeby (вверху) и реконструкция меча из погр. К/151в.

(рис. 60, 110), умбон щита, наконечник копья, наконечник стрелы (?). Судя по составу инвентаря, погребение содержит останки мужчины-воина. Дата: IX–X вв. (Mühlen, 1975. S. 135).

1932 г., октябрь

(*раск. Б. Нерман, Фр. Йенш*)

Кург.К/143. (инв. по описи Музея «Пруссия» VII.431.12802). Трупоположения в камере (рис. 14). Под насыпью диам. 10 м, выс. 1 м, перекрытая на уровне материка (?) тремя слоями каменных кладок найдена окружённая камнями камерная гробница с двумя костяками, лежавшими в деревянных колодах (?). На грунтовой ступеньке камеры обнаружен череп коня. Инв.: у головы погребённого мужчины – следы тканой серебром ленты от шапки, на его груди – бронзовая подковообразная фибула типа Carlsson TRA:KSV (Carlsson, 1988. P. 21), фрагментированный меч типа J.P. Y, бронзовый наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius Ia (рис. 133), наконечник копья (вне камеры), фрагменты стремени, железная пряжка, три бронзовых бубенчика, остатки железной ручки и оковки ведра, деревянная труха от ведра, с женским костяком – серебряные (?) бусы, остатки ткани, фрагмент бронзовой пряжки, фрагменты сосуда. Рядом с камерой обнаружена могила с ещё одним женским костяком, сопровождавшимся ножом. С черепом коня обнаружены удила с двучастным трензелем, частично – витым, остатки ремней оголовья с железной пряжкой,

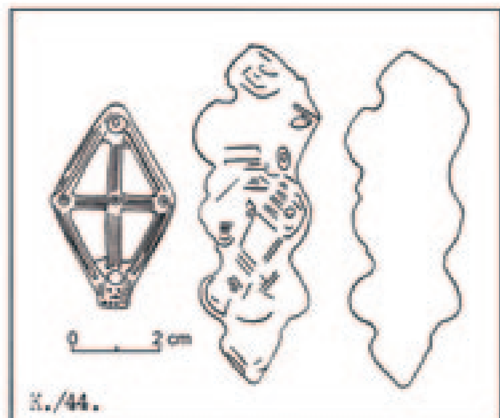
K.44(З.1932)

0 1 M

(Андрощук Ф.А., 2004, рис. 6).

Рис. 130
План и сечение кург./44
(Б. Нерман, 1932 г.).

Рис. 131
Инвентарь кург./44
(прорисовка с фото Б. Мюлен).

с мелкими бронзовыми (?) накладками и с двумя бронзовыми бубенчиками (Nerman, 1942. P. 97). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки мужчины-воина в сопровождении конского черепа (захоронение шкуры коня ?) и двух женщин. Дата – сер. X в. (Gaerte, 1933. Nr 3; Кулаков, 1989а. С. 86, 88).

Кург.К/151а. Трупоположение с остатками деревянного гроба (домовины ?), располагавшееся на уровне материка под центром (?) насыпи. Инв.: меч типа J.P. X (?) с остатками деревянных ножен, найденный у правого бедра скелета, на клинке, несколько ниже перекрестия меча – бронзовая (?) подковообразная фибула с завёрнутыми концами дуги, квадратная рамка пряжки (к портупей-

ному ремню ?), согнутая из серебряной проволоки и найденная на плече скелета, у скелета – бронзовая пряжка ремня портупеи, на этой пряжке – боевой нож с деревянной рукоятью, длинный наконечник копья, лежавший среди остатков гроба слева от скелета (рис. 43). На левой голени ноги скелета найден костяной нарост, являвшийся следом раны или перелома ноги. Согласно сохранности зубов и по рисунку швов на черепе О. Клееманн определил возраст погребённого мужчины-воина ок. 30 лет (Kleemann, 1939. S. 6). Ввиду уникальной для почв Пруссии сохранности костяка и сопутствовавшего ему инвентаря, было принято решение вырезать массив грунта вместе с костяком и находками in situ и транспортировать его (рис. 43) в Кёнигсберг для передачи в Музей «Пруссия». Этой операцией руководили реставратор Музея «Пруссия» Фридрих Йенш (Jensch, 1938) и молодой в те годы археолог Отто Клееманн. В Кёнигсберге, в Музее «Пруссия» костяк из кург. /151с экспонировался, очевидно, до 29–31 августа 1944 г., когда музейная экспозиция (Schausammlung), располагавшаяся в Южном флигеле Королевского замка (Gaerte, 1932. S. 5), была уничтожена в результате английской бомбардировки.

1933 г., 9 августа – 17 октября
(*раск. О. Клееманн*)

Кург.К/51а. Трупосожжение (возможно, находилось в поле насыпи кург. /51 – см. выше). Инв.: два бронзовых цепедержателя с двумя цепочками, бронзовая подковообразная фибула с головками животных на концах дуги типа Carlsson DJU:LE/E, бронзовый бубенчик (рис. 134). Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – нач. XI в. (Кулаков, 1989а. С. 86, 88). Возможно, насыпь именно кург. /51 была запечатлена на фото (рис. 45), опу-

Рис. 132
Инвентарь кург./72 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

бликованном в одной из газетных статей того времени (Gaerte, 1933. S. 73).

1934 г., 23 июля-8 августа
(*раск. К. Фойгтманн*)

Кург.К163/163. Под насыпью в центре кургана (?) было обнаружено трупоположение в деревянном гробу (поздний горизонт существования насыпи ?). Под ним, на материковом уровне найдено погр. 1 – трупосожжение, в могиле которого встречено скопление древесных углей. На уровне материка (?) оно было окружено двумя концентрическими кругами, образованными могилами (рис. 104), содержащими находящиеся в различных позах костяки принесённых в жертву людей и коней

Рис. 133
Инвентарь кург./143 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

(?). У некоторых костяков были «связаны» ноги (т.е. наложены друг на друга). Во внутреннем круге могил все погребённые (среди них обнаружен скелет ребёнка) находились в сидячем положении, лёжа на боку или на животе (рис. 50). На костях (?) были отмечены следы насильственной смерти. Во внешнем круге погребений все костяки (мужские и один женский) были захоронены с ориентировкой черепа к центру кургана (Engel, 1935b. S. 111). Материк под курганом был перекрыт глинистым слоем. В пределах этого слоя были выбраны упоминавшиеся выше погребальные и жертвенные комплексы, впоследствии перекрытые курганной насыпью, снабжённой каменным панцирем (Gaerte, 1935b. S. 40, 41). Инв.: с центральным погребением позднего горизонта (?) найдены серебряная (?) подвеска-лунница и несколько гробовых гвоздей (рис. 135) (Gaerte, 1935a S. 40, 41).

<u>Кург.К/167.</u> Трупоположение. В фондах КОИХМ сохранилась часть мужского (?) черепа из этого кургана с надписью “Wiskiauten, Kaup.Hgl. 167. Wikinger” (рис. 136).

<u>Кург.К/184.</u> Трупоположение. Инв.: пара бронзовых черепаховидных фибул типа J.P.52 вар. Jansson A с остатками золочения, бусины, две серебряных круглых подвески со сканным и зерненным солярным орнаментом, две подвески-диргема (рис. 137), два диргема, фрагмент ножа, ножницы, остатки деревянной шкатулки. Судя по набору инвентаря, данное погребение содержит останки женщины. Дата – вторая пол. X в. (Кулаков, 1989a. С. 90).

1934 г.(?)

(раск. П. Паульсен)

<u>Кург.К/174.</u> Инв.: меч и его обломки, фрагмент бронзового ажурного наконечника ножен меча типа Kazakevičius Ib3, два ланцетовидных наконечника копий (на втулке одного из них – врезной пламевидный орнамент – рис. 138, на втулке другого – серебряная плакировка с декором в виде горизонтальных полос), боевой топор, обломки умбона щита (?), три бронзовые пряжки, фрагменты керамики, обломок орнаментированного рогового (?) гребня, ажурный бронзовый наконечник ремня группы Мурашова 1 класса XVI, меньший размерами типологически сходный наконечник ремня, наконечник ремня, железные дужка ведра и обломки его ободьев, бронзовые на-

кладки, кольчатые удила, стремя, две (?) шпоры. Дата: третья четверть X в. (Кулаков, Иов, 2001. С. 77).

1935 (1937 ?) г.,

(*раск. О. Клееманн*)

Кург.К/51с (часть кург. /51 ?). Погр. 5/33. Трупосожжение. Инв.: подковообразная фибула с витой дугой, железная пряжка, бронзовая чашечка весов, наконечник копья, наконечник черешкового дротика, бронзовый пластинчатый наконечник ножен боевого ножа и прочие находки (рис. 139) Судя по составу инвентаря, погребение принадлежало мужчине-воину. Дата: XI в. (Kleemann, 1938a Abb. 3). В 2011 г. к северу от погр. 5/33 было обнаружено «погр.» К64 (Раскоп 9, кв. 10) – группа переотложенных мелких обломков костей ног коня, лежащая на материке, была обнаружена при расчистке материка в юго-западном секторе Раскопа 9. Среди упомянутых обломков найдены удила с псалиями битрапециевидной формы. Очевидно, это «погребение» – остатки переотложенного немецкими археологами конского захоронения из нижнего яруса погр. 5/33 (см. выше).

Рис. 134
Инвентарь кург. /51а (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

1937 г.,

(*раск. О. Клееманн*)

Кург.б/№. Трупоположение: был выявлен мужской скелет, лёжащий на животе. Данное погребение сопровождалось захоронением двух коней (Gaerte, 1938. S. 116).

Кург.б/№. Трупоположение: под краем курганной насыпи выявлен мужской скелет. Данное погребение сопровождалось захоронением собаки (Gaerte, 1938. S. 116).

К сожалению, значительная часть находок, сделанных в процессе предвоенных раскопок курганов Каупа, не вошла в научный оборот. В их числе – находки, эвакуированные в январе 1945 г. из экспозиции Музея «Пруссия» в форт № III на северной оконечности Кёнигсберга. Видимо, они были обнаружены в полевых сезонах 1937–1939 гг. Среди них – интереснейший золочёный серебряный наконечник ремня перевязи меча первой пол. IX в. (рис. 140). Этот образец элитной продукции скандинавских мастеров-ювелиров на своей тыльной плоскости несёт выполненную в стиле Еллинг фигуру, напоминающую латинский инициал «К». Очевидно, это

Рис. 135
Инвентарь погр. 1 из кург. /163 (фото Б. Мюлен).

изображение имеет магический характер, что подчёркивается расположением выше его руны “kaun” (Кулаков, 2001. С. 188). Напротив, обнаруженная немецкими «копателями» на Каупе в предвоенное время серебряная круглая подвеска со сканным декором (рис. 141) вполне типична для женских украшений X в. на севере и востоке Европы (Кулаков, 2005а. С. 334) и хорошо известна по документированным находкам на могильнике Кауп.

Работы группы сотрудников КОИХМ на форте № III (ныне – у пос. Северная Гора) на северной окраине Калининграда, проводившиеся в 1999–2001 гг., позволили пополнить фонды этого музея некоторыми находками, в январе 1945 г. вывезенными из повреждённых английскими бомбами залов Музея «Пруссия». Часть этих находок происходит из курганов Каупа. Следует отметить уникальную бронзовую пряжку с орнаментом в виде пары «утиных головок», принадлежность которой Каупу гипотетична (рис. 142,1). То же самое можно сказать и о бронзовой (медной ?) матрице для застёжки типа Terslev подтип Jansson IIC (X в.) (рис. 142,2). Напротив, вполне типичны для находок в курганах X в. могильника Кауп бронзовые подковообразные фибулы подтипа Carlsson FAC:US (Carlsson, 1988. P. 22) (рис. 142,3,4) и браслет (рис. 142,5). Добытые советскими «копателями» в курганах Каупа бронзовые накладка (четверик конского оголовья ?) и бубенчик (рис. 142,6,7) представляют, очевидно, образцы массовой продукции скандинавских ремесленников X – нач. XI вв. К концу X в. относится фрагмент бронзового наконечника ножен меча с частью фигуры жертвенной птицы вар. Kazakevičius Ib1, являющийся частью инвентаря некоего высокопоставленного воина (Кулаков, 1994б. С. 6, 7). Также образцом массовой продукции мастеров (скорее – куршских, нежели скандинавских) является бронзовый наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius Vb,

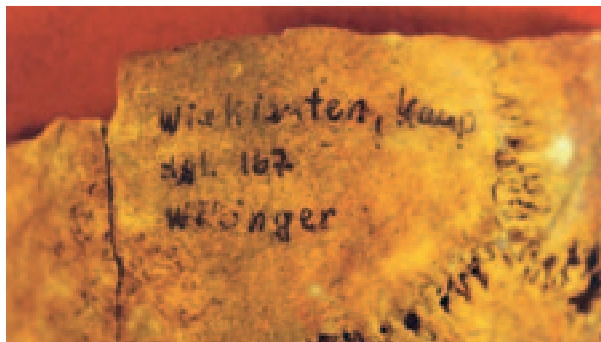

Рис. 136
Фрагмент мужского черепа из кург.К/167 с инвентарным номером Музея «Пруссия» и надписью (фото В.И. Кулаков).

Рис. 137
Инвентарь кург./184 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

найденный в предвоенное время в одном из курганов Каупа (рис. 143, справа).

Одной из самых сложных категорий находок в курганах Каупа является керамика, которая в период немецких раскопок не вызывала большого интереса у наших кёнигсбергских коллег. В книге Б. Мюлен опубликованы лишь четыре фотографии лепных сосудов (урн ?), добытых раскопками Й. Хейдек (рис. 144). Сосуд инв. III.94.908:7 можно отнести к подтипу прусской керамики 2.3 (Кулаков, 2003. Рис. 129). Остальные сосуды, представленные на рис. 114, обладают минимумом данных для их типологизации.

Массив информации о ритуале и находках в курганах Каупа в послевоенное время стал шире. Это результат развития методики полевых работ, в сер. XX в. затронувших северную часть бывш. Восточной Пруссии, с 1946 г. вошедшей в состав РСФСР как Калининградская область.

1956 г.
(*раск. Ф.Д. Гуревич*)

Кург.KI/ имеет насыпь подквадратной в плане формы, размерами 6 х 6 м, высотой 1 м. Насыпь состоит из супеси, в ней рассеяны фрагменты круговых сосудов с отогнутым венчиком. В северном секторе насыпи, на материке выявлено скопление частиц древесного угля неправильных в плане очертаний. В центре кургана найдены фрагменты гвоздя и заклёпки. Граница насыпи маркирована несколькими валунами (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1956, № 1290). Курган является кенотафом и, судя по наличию в нём фрагментов круговой посуды, относится к концу X – началу XI вв.

Кург.KII/ (рис. 145) имеет подтреугольную в плане насыпь размерами 7 х 7 м, высотой 0,7 м. В центре насыпи стоял камень-Merkstein. В насыпи обнаружена прослойка песка и мелкие камни, в северной половине насыпи на глубине 0,25 м – углистая прослойка, там же – глиняная обожжённая (?) «платформа» мощностью 0,25 м, перекрывавшая разрозненные обломки кальцинированных костей. В центре кургана группой обнаружены железный умбон щита и нож (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1956, № 1290). Курган содержит останки мужчины-воина, датировка погребения неясна.

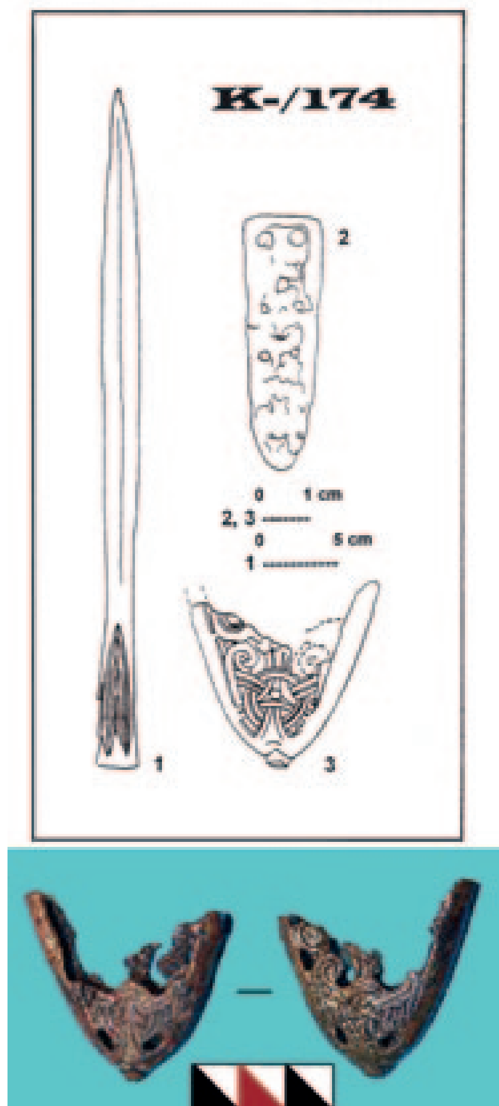

Рис. 138
Инвентарь кург./174 (прорисовка с фото Б. Мюлен, фото В.И. Кулаков).

Кург.КIII/ имеет округлую (?) в плане насыпь диаметром 12 м, высотой 1,25 м. В восточной половине насыпи найдены кости животных, в насыпи на разной глубине встречены обломки круговой керамики. На материке расчищено небольшое скопление обожжённой глины (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1956, № 1290). Курган является кенотафом и, судя по наличию в нём фрагментов круговой посуды, относится к концу X – началу XI вв.

1958 г.

(*раск. Ф.Д. Гуревич*)

Кург.К1/ (рис. 146) имеет насыпь диаметром 6 м, высотой 0,6 м. В северо-восточном секторе насыпи на материке выявлены остатки сожжения на стороне – золисто-углистое пятно диаметром 0,3 м. Судя по сохранившимся in situ древесным волокнам, остатки сожжения были принесены с костра на место будущего кургана в деревянных носилках. Среди остатков сожжения, перекрытых массивом глины, обнаружены предметы со следами пребывания на костре: фрагменты пары бронзовых овальных фибул типа J.P. 55 с обрывками бронзовых цепочек, серебряный перстень, фрагмент бронзовой пряжки, семь стеклянных бусин (рис. 147) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). По фибулам это женское захоронение датируется временем около 1000 г. (Кулаков, 1989а. С. 90). Рядом с курганом отмечена каменная кладка (Гуревич, 1963. С. 197).

Кург.К2/ (рис. 146) имеет насыпь округлой в плане формы, диаметром 6 м, высотой около 0,6 м. В насыпи, содержавшей много мелких камней, на глубине 0,25 м выявлен слой глины, под которым было обнаружено округлое в плане скопление мелких кусков древесного угля диаметром 2,5 м и толщиной 0,2 м. В этом скоплении были рассеяны редкие обломки кальцинированных костей, среди которых обнаружены: согнутый меч типа J.P.V с серебряной плакировкой навершия рукояти и перекрестия (рис. 148), с клеймом ULFBERHT на клинке (расчищен в 1980 А.В. Григорьевым – рис. 149), два ланцето-

видных наконечника копья (один погнут) с врезным пламевидным орнаментом на втулках, нож, три брускообразных наконечника стрел, кольчатые удила с двучастным витым трензелем, обломки одночастного костяного гребня, фрагменты железных накладок шкатулки, обломок бронзового коромысла складных весов (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816; Гуревич, 1963. С. 201–204). Это захоронение мужчины-воина датируется по мечу 875–925 гг. (Кулаков, 1989а. С. 88).

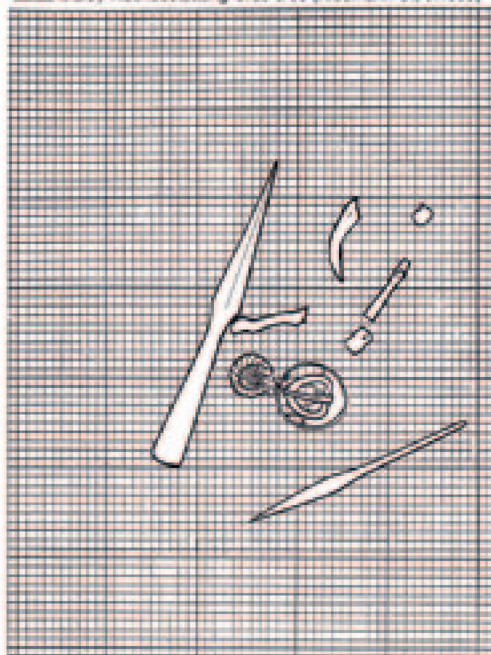

Рис. 139
План расположения находок в погр. 5/33 кург.К/51с (чертёж О. Клееманн).

Кург.К3/ (рис. 146) имеет насыпь округлой в плане формы, диаметром 5 м, высотой 0,6 м. На вершине насыпи отмечен камень-Merkstein. Под этим камнем на глубине 0,55 м выявлены скопление частиц древесного угля и обломки кальцинированных костей. В восточном секторе насыпи найдены два фрагмента лепного сосуда жёлтого цвета с песком в примеси (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Датировка погребения не ясна.

Кург.К4/ (рис. 146) имеет насыпь округлой в плане формы, диаметром 7 м, высотой 0,6 м. На вершине насыпи отмечен камень-Merkstein. На глубине 0,1 м в северо-восточном секторе насыпи расчищена кладка из валунов, имеющая в плане подквадратную форму размерами 1 х 1 м и являющаяся крепежом основания деревянного памятного (?) столба на кургане. К северо-востоку от этой кладки выявлено небольшое скопление древесных углей. В северной части насыпи найдена несожжённая кость собаки. В юго-восточном секторе насыпи обнаружены нож и железный брусок

Рис. 140
Серебряный наконечник ремня, обнаруженный ок. 1939 г. в одном из курганов могильника Кауп и находившийся в экспозиции Музея «Пруссия».

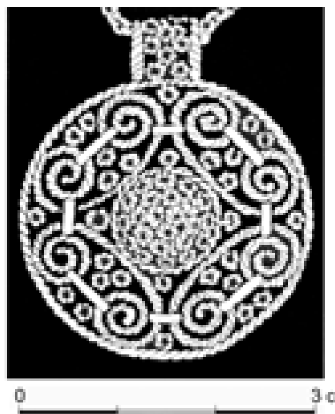

Рис. 141
Серебряная подвеска со сканью и с зернью, добытая в предвоенное время в одном из курганов Каупа местными «копателями».

(Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Датировка погребения неясна.

Кург.К5/ (рис. 146) имеет насыпь округлой в плане формы, диаметром 6 м, высотой 0,65 м. В южной половине насыпи обнаружены группа обломков кальцинированных костей, бронзовая пряжка, железный наконечник стрелы (рис. 150) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Датировка этого мужского погребения неясна. Рядом с курганом отмечена каменная кладка (Гуревич, 1963. С. 197).

Кург.К6/ имеет округлую в плане насыпь диаметром 5 м, высотой 0,7 м. На вершине насыпи отмечен камень-Merkstein. В восточной половине насыпи на материке найдено скопление частиц древесного угля и обломков кальцинированных костей. В этой насыпи и в некоторых других курганах Каупа Ф.Д.Гуревич отмечала находки «обожжённых желудей», которые на самом деле являлись вполне современными желудями, припрятанными мелкими грызунами в свои норы или же, как показывают новейшие исследования курганов Каупа, естественными скоплениями ожелезнённой супеси. Невдалеке от скопления кальцинированных костей был найден обломок ланцетовидного наконечника копья с врезным пламевидным орнаментом на втулке (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Согласно этой находке захоронение мужчины-воина в К6/ датируется X в.

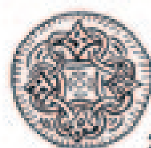
Кург.К7/ имеет округлую (?) в плане насыпь. В насыпи с остатками трупосожжения обнаружены находки, носившие следы воздействия погребального костра: клевец с серебряной плакировкой в тыльной своей части и с ритуально согнутым острием, ланцетовидная стрела, обломки двух ланцетовидных наконечников копий, сломанная коса (пила ?) и двучастное витое грызло от кольчатых удил (рис. 151) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958,

Рис. 142
Депаспортизованные находки, сделанные в курганах Каупа в основном в ходе предвоенных раскопок: 1 – бронзовая пряжка (поступила из форта № III в фонды КОИХМ в 2000 г.), 2 – бронзовая матрица застёжки типа Terslev, временно поступившая из фондов Музея «Пруссия» в замок Lochstedt и в послевоенное время оказавшаяся в фондах Samland-Museum (Pinneberg bei Hamburg, Deutschland); 3, 4 – бронзовые фибулы (поступили из форта № III в фонды КОИХМ в 2000 г.); 5 – бронзовый браслет с Т-образным орнаментом (поступил из форта № III в фонды КОИХМ в 2000 г.); 6, 7 – бронзовые накладка с железной заклёпкой в центре и бубенчик (поступили в фонды КОИХМ от «копателей», нашедших их в одном из курганов Каупа в 1992-1994 гг.), при этом накладка найдена в одном комплексе с черепаховидной застёжкой и с трилистной фибулой (см. рис. 42,2); 8 – обломок бронзового наконечника ножен меча с изображением распластанной жертвенной птицы вар. Kazakevičius Ib1 (поступил из форта № III в фонды КОИХМ в 2000 г.)

Kaup

Funde ohne Grabnu-mmern vor 1939

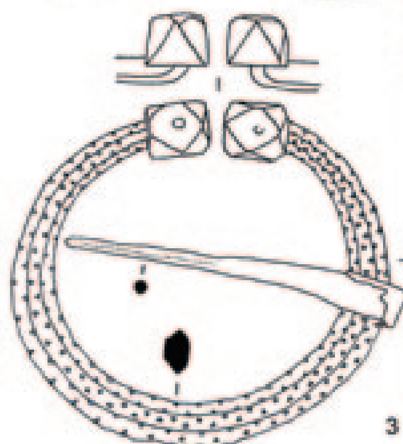

2

1

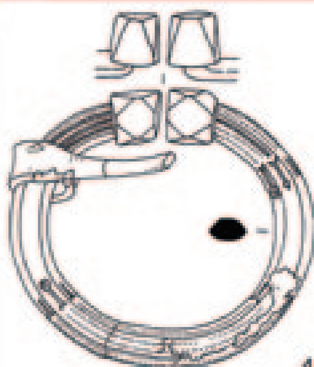

3

4

7

6

5

КОИХМ № 1165

8

Рис. 143
Бронзовый наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius Vb, найденный в предвоенное время в одном из курганов Каупа (справа) и однотипный наконечник из Anduliai/ Andullen, raj. Klaipėda, Lietuva (оба – в фондах КОИХМ).

№ 1816). Датировка этого погребения мужчины-воина по предметам вооружения – X в.

Кург.К8/ (рис. 146) имеет овальную в плане насыпь размерами 5 х 4,5 м, высотой 0,6 м. В центре насыпи на глубине 0,4 м открыто скопление мелких камней и углей – остатки крепежа основания памятного (?) столба. В западной половине насыпи на глубине 0,5 м отмечен слой глины, перекрывающий пятно частиц древесного угля. В северо-восточном секторе насыпи на материке найдена вместе с несколькими обломками кальцинированных костей бронзовая пластинка (накладка ?) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Датировка этого погребения неясна.

Кург.К9/ имеет подквадратную в плане насыпь диаметром 6 м, высотой 0,4 м. В центре насыпи вертикально стоял камень-Merkstein. Иные находки в кургане отсутствуют (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Этот курган является кенотафом с неясной датировкой.

Кург.К10/ имеет округлую в плане насыпь диаметром 4,5 м, высотой 0,5 м. В центре насыпи стоял камень-Merkstein. В восточной половине насыпи на глубине 0,4 м выявлено скопление частиц древесного угля с небольшим количеством обломков кальцинированных костей (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1958, № 1816). Дата погребения неясна. Рядом с курганом отмечена каменная кладка (Гуревич, 1963. С. 197).

Кург.К11/ (рис. 146) имеет округлую в плане насыпь диаметром 6 м, высотой 0,5 м. В центре насыпи стоял камень-Merkstein. В западной половине насыпи, под дёрном обнаружено скопление углей, ниже, на глубине 0,4 м – угли и обломки кальцинированных костей. Ниже камня-Merkstein, на глубине 0,45 м выявлено пятно угля, в котором обнаружены: фрагмент звена бронзовой цепи, красная

пастовая бусина бочонковидной формы, серая стеклянная бусина, три стеклянные синие бусины кольцевидной формы, три стеклянные оплавленные бусины. Дата этого женского погребения неясна.

Каменная «кладка» I у кургана KI/ (рис. 145) является на самом деле, скорее всего, жертвенным комплексом, имеет размеры 4,5 х 0,75 м, ориентирована по линии север-юг. На глубине от 0,20 до 0,30 м под каменной кладкой были обнаружены мелкие обломки древесных углей, несожжённые (?) кости животных и фрагменты лепной керамики (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1956, № 1290).

Каменная «кладка» 1 (рис. 145) имеет круглую в плане форму диаметром около 2 м, камни в кладке лежат двумя концентрическими кругами, в центре оставляя пространство диаметром 0,20 м, предназначавшееся для основания столба, с северо-запада подпиравшегося довольно крупным валуном. К западу от кладки обнаружено скопление кусков древесного угля, между ними и кладкой выявлено несколько обломков кальцинированных костей. Под камнями в северной части кладки найдены: фрагмент бронзовой цепочки, обломок стеклянной синей бусины, оплавленная стеклянная жёлтая бусина, кремнёвое изделие (?) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич Ф.Д., 1956, № 1290). Данный комплекс является, скорее всего, особой формой женского трупосожжения с неясной датировкой.

Каменная «кладка» 2 (рис. 145) имеет круглую в плане форму диаметром около 1 м, камни в кладке лежат двумя концентрическими кругами с большим камнем в центре этой конструкции. Находки под камнями не обнаружены. Данная кладка имеет, скорее всего, культовую функцию, её датировка неясна. Подобное сооружение было обнаружено И. Хейдек при раскопках Каупа в августе 1880 г. (рис. 152).

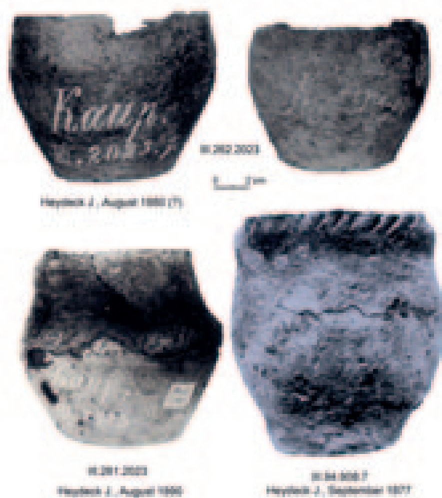
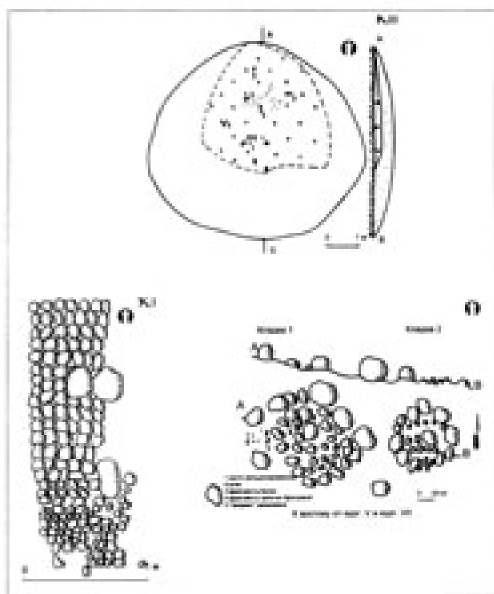

Рис. 144
Сосуды, обнаруженные в нач. XX в. в курганах Каупа (фото Б. Мюлен).

К сожалению, в своей публикации автор раскопок схему такой кладки (Heydeck, 1896–1900. Taf. XX) никаким текстовым пояснением не сопровождает.

После завершения в 1958 г. Ф.Д. Гуре-

Рис. 145
Планы кург.KI, KII, каменных кладок 1 и 2.

данных аэрофотосъёмки памятников археологии Самбии. В апреле по этим материалам была обнаружена и идентифицирована в процессе работ на местности часть территории поселения Кауп. Этот способ поисков поселения Кауп ранее был предложен Берном фон цур Мюлена (Mühlen, 1975. S. 53), однако автор этих строк узнал об этом из его книги (экземпляр её подарен мне Ф.Д. Гуревич) уже после открытия в 1979 г. поселения Кауп.

Поселение частично занято лесным урочищем Кауп и распространяется в юго-западном направлении от «рощи викингов». Поселение занимает участок водораздела рек Вой (ныне представлена в виде цепи мелких лощин) и Зеленоградка (прусск. Kintawa). Подвергаемая распашке свободная от леса часть

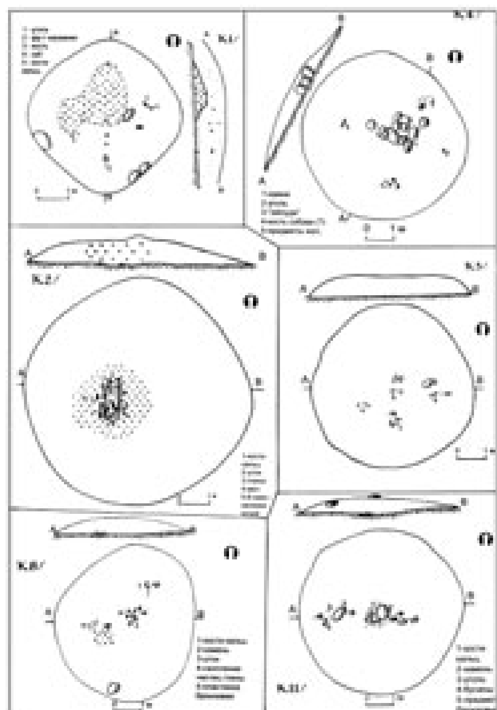

Рис. 146
Планы кург. К1/, К2/, К4/, К5/, К8/, К11/.

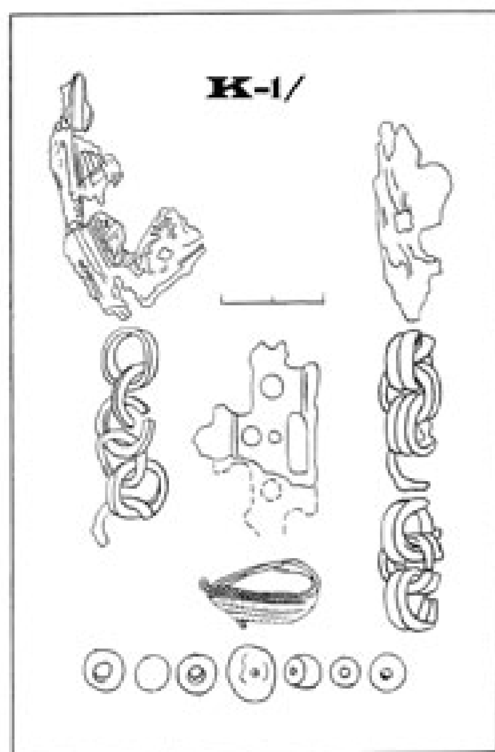
вич археологических работ в Калининградской области лесное урочище Кауп долгое время было лишено внимания учёных и, к сожалению, всё в большей степени вызывало интерес у «копателей». Ими было сделано большое количество ценнейших находок в курганах Каупа. Некоторая часть этих предметов от «копателей» при посредничестве реставратора К.Н. Скворцова поступила в фонды КОИХМ или же была им зарисована (рис. 153), отдельные находки из их числа были мною опубликованы (Koulakov, 2000. Fig. 6).

1979 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Весной 1979 г. Балтийская экспедиция Института археологии АН СССР приступила к процессу дешифровки

Рис. 147
Инвентарь кург. К1/.

территории поселения, судя по сбору подъёмного материала, имеет размеры 550 х 200 м, вся территория поселения эвентуально имеет размеры не менее 700 х 250 м. Юго-западная часть поселения была окружена ныне запаханными валом и рвом, видными на современной топографической съёмке (рис. 19). В восточной части поселения располагался небольшой borg, размещавшийся в районе кург. 1, раскопанного в 1873 г. Иоганнесом Хейдеком. Очевидно, курганы в эпоху викингов стали возводиться к западу от «борга», постепенно распространяясь далее на запад; соответственно могли меняться размеры открытого поселения, теснимого могильником. Подобного рода феномен был отмечен в Бирке, где курганы выявлены как на территории «борга», так и на открытом поселении Svarta jorden (Лебедев, 1977. Рис. 1) (рис. 100, 101). Та же ситуация зафиксирована и в торгово-ремесленном пункте Hedeby в южной части полуострова Ютланд. Правда, большая часть погребальных сооружений представлена здесь грунтовыми могилами (в том числе – камерными) (рис. 102). В западной части этого поселения в IX в. возникает грунтовой могильник, к концу X в., после возникновения вокруг поселения земляного вала за его пределами появляется новый могильник. К северу от Hedeby, у городища Hochberg, существуют также два могильника – курганный и грунтовой (погребения в гробах) (Steuer, 1984. S. 340–342).

Рис. 148
Инвентарь кург.К2/
и реконструкция меча из кург.К2/.

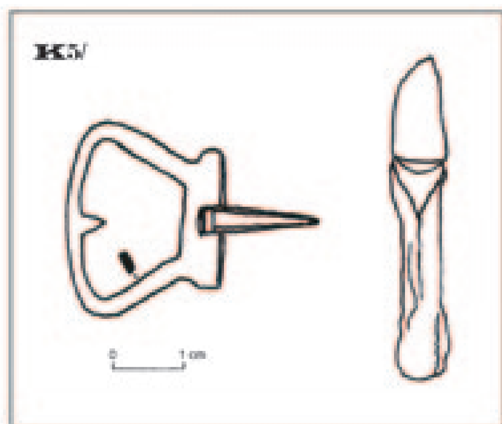
Согласно типологии, существующей в современной отечественной норманистике (Лебедев, 2005. С. 231), торгово-ремесленные пункты, существовавшие в

Рис. 149
Надпись на клинке меча из кург.К2/,
расчищенная Григорьевым А.В.

эпоху викингов на северном и западном берегах Балтийского моря, относились к типу «вик» (лат. vicus) (рис. 102). Ведущими планиграфическими признаками таких больших по площади поселений являлось наличие валов, некоторая удалённость от морского берега и не всегда стабильная заселённость территории вика. Как показывают новейшие исследования территории поселения Кауп (рис. 52, 99), потенциально он отвечает перечисленным признакам вика. Правда, до проведения широкомасштабных раскопок на его территории, пока изученный лишь геомагнитной разведкой и затронутой в 2005–2007 гг. двадцатью шурфами (рис. 26) и четырьмя раскопами, делать окончательные выводы о характере поселения Кауп пока преждевременно. Представляемая схема этого поселения (рис. 52), основанная на данных археологических разведок, во многом гипотетична. Обращает на себя внимание расположение топо- и гидронимов (на рис. 52 подчёркнуты красной линией), сохранившихся в местной картографии вплоть до 1938 г. Если к западу и юго-западу от Каупа данные названия имеют исключительно прусское происхождение и нередко носят культовый характер (Galgenpusch – «Городище Пушкайтиса» (прусск. – Бог подземного мира), то к северу и к северо-востоку, в направлении Куршского залива, соединяемого проливом Брокист с Балтийским морем, многие названия имеют скандинавское происхождение. Создаётся впечатление наличия здесь следов некоей устной лоции эпохи викингов (Кулаков, 1996. С. 138, 140), сохранившейся в народной памяти на протяжении многих столетий и из неё попавшей на современные географические карты окрестностей пос. Кранц. Не исключено, что с одной стороны эти топо- и гидронимы отражают наличие некоей сакральной границы, отсекавшей Кауп от прусских общинных земель Самбии, с другой – присутствие названий мореходного характера (лоция) указывает на высокую степень освоенности мореходами эпохи викингов юго-западной части акватории Куршского залива.

Рис. 150
Инвентарь кург. К5/.

Информация о поселении Кауп, которую можно опубликовать в настоящее время, достаточно ограничена. В распашке на поверхности открытого поселения в 1979 г. были обнаружены фрагменты лепной керамики, куски сланцевых оселков, обломки роговых и костяных изделий и их обломков (рис. 18). У юго-западной окраины лесного урочища Кауп для выяснения мощности и характера культурного слоя поселения в 1979 г. был сделан шурф 1, в плане имевший прямоугольную форму, вытянутый по линии север-юг, размерами 4 х 2 м (рис. 23). В шурфе 1 был открыт культурный слой – суглинок с незначительными золистыми включениями мощностью до 0,7 м с примесью гравия. Слой содержал небольшое количество фрагментов лепной керамики. В южной части

шурфа на материке под развалом мелких камней обнаружена часть углублённого в землю (на 0,25 м) помещения 1. Его заполнение – тёмный углистый суглинок – содержал обломки лепной керамики. На дне котлована был найден фрагмент стенки раннегончарного горшка с линейным прорезным орнаментом, находящий аналогии в материале курганов Каупа X в. (Mühlen, 1975. Taf. 20,2). Кроме того, среди развала камней встречены куски глиняной обмазки, скопление органики (кусок несожжённой деревянной детали домовой конструкции ?) В центре шурфа 1 на материке была расчищена кольцевидная в плане каменная конструкция – крепление основания столба (рис. 23), характерное для домостроительства пруссов и скандинавов эпохи викингов (Гуревич Ф.Д., 1960, рис. 66). В северо-восточном углу шурфа 1 обнаружены 3 ямы, заполненные предматериковым слоем и перекрытые тонкой прослойкой золы заготовки (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1979, № 7560).

1980 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Второй раз возможность исследовать остатки жилища поселения Кауп представилась в 1980 г. При раскопках кургана К172/ к западу от соответствующей половины насыпи кургана был разбит раскоп 2 размерами 10 х 8 м, вытянутый по линии запад-восток, с последующей прирезкой размером 6 х 1 м. Заполнение раскопа – углистый суглинок со значительным содержанием гравия – достигало мощности 1 м. В южной части раскопа 2 был расчищен развал сооружённой из валунов конструкции прямоугольной формы размером 2,40 х 0,80 м, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Рис. 151
Инвентарь кург. К7/.

В восточной части раскопа 2 выявлена часть помещения 2 – углублённого в грунт, прямоугольного в плане, размерами не менее 7,20 х 2 м. В центре вскрытой части жилища на его полу зачищена квадратная в плане вымостка из мелких камней размерами 1 х 1 м, мощностью 0,15 м. Среди этих камней были найдены кости животных и редкие древесные угли. По периметру упомянутой кладки прослежены шесть колец из мелких камней – крепежи основания столбов. По линии с северо-востока на юго-запад каменную вымостку (открытый очаг) прорезает ряд из трёх столбовых ям, выбранных в материке уже после завершения действия эвентуального очага. К юго-западу от вымостки встречено скопление обожжённых костей животных и развал слабо обожжённого раннегончарного оранжево-глиняного горшка весьма плохой сохранности. В раскопе 2, кроме того, обнаружено ещё три хозяйственные (?) ямы с заполнением суглинком. Находки в этих ямах и на материке представлены костями живот-

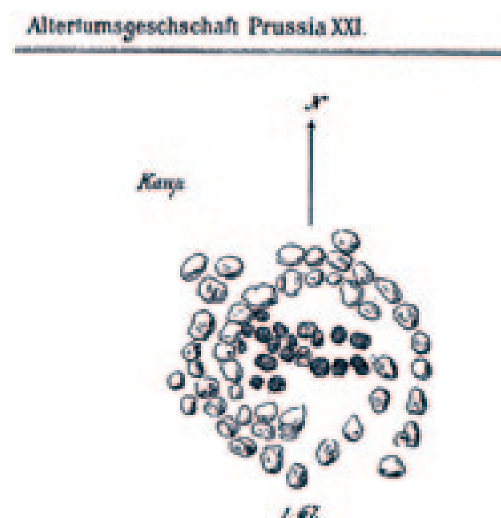
ных и фрагментами лепной керамики. Комплекс археологических объектов, обнаруженный в раскопе 2, интерпретируется как остатки частично углублённого в грунт скандинавского жилища X – начала XI вв. Квадратная каменная вымостка в углублённой части жилища соответствует открытому очагу, столбики вокруг которого держали жаровню (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

После обнаружения в 1979 г. открытого поселения Кауп возник новый повод для продолжения раскопок курганов, выявляя их связь с поселением. На протяжении нескольких полевых сезонов Балтийская экспедиция Института археологии РАН изучила ряд курганов Каупа:

Кург.К172/ (рис. 154) имеет насыпь овальной в плане формы, размерами 7,0 х 6,5 м, высотой ок. 1 м. По периметру насыпь окружена частично сдвоенным кольцом из камней. На одном из них в западной половине насыпи выявлено изображение равносторонней секиры типа J.P. M (Petersen, 1919. P. 46, 47). Под насыпью, составленной из золистого суглинка, обнаружена насыпанная на материке платформа из предматерикового грунта мощностью до 0,30 м. На этой платформе в северо-восточном секторе насыпи выявлен зольник – скопление остатков сожжения на месте с редкими обломками кальцинированных костей. Среди них найдены: часть бронзовой накладки, кусок кремня, фрагменты обожжённой лепной керамики и бронзовый бубенчик (рис. 155). С юга зольник прорезан позднейшей ямой с костяком павшего от болезни годовалого колхозного телёнка. Кроме того, под насыпью выявлены девять ям, из которых лишь одна пронизывает земляную платформу. Остальные ямы выбраны в материке до возведения платформы и до свершения обряда захоронения. Центральная яма заполнена рыхлым переотложенным материковым суглинком и содержит небольшое скопление золы с обломками кальцинированных костей. Сюда были помещены остатки сожжения, осуществлявшегося in situ неподалёку, на грунтовой платформе. К востоку от центральной ямы с погребением, на краю насыпи выявлен фрагмент ровика глубиной 0,25 м. В соответствии с формой бубенчика захоронение в кургане 172/ датируется началом XI в. (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

Кург.К174/ имеет насыпь овальной в плане формы, размерами 7,0 х 5,5 м, высотой 0,95 м, сложенную из лесного подзолистого суглинка. При снятии насыпи на материке – светло-коричневом суглинке – была обнаружена платформа мощностью до 0,38 м, сложенная из рыхлого переотложенного материкового грунта. По периметру насыпи

Рис. 152
План каменной кладки, раскопанной на могильнике Кауп Й. Хейдеком.

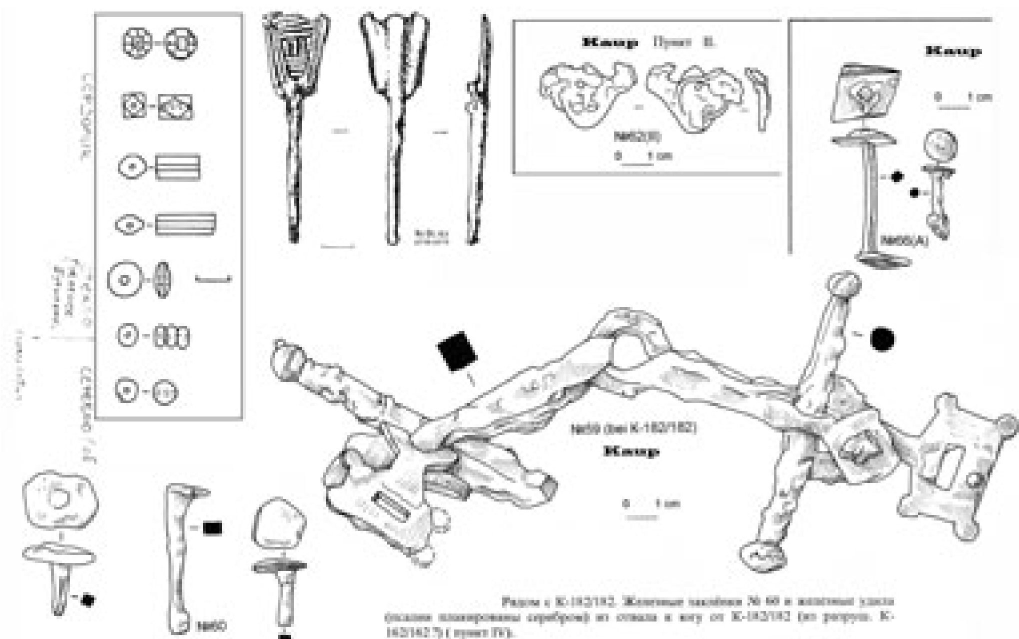

Рис. 153
Рисунки находок, обнаруженных «копателями» в курганах Каупа в 1978-2005 гг. с пометками К.Н. Скворцова.

обнаружены отдельные камни, в ряде случаев перекрывающие платформу. В северо-западном секторе на границе насыпи выявлены три кольца из валунов средних и крупных размеров, крепившие в древности основания столбов. В центральной части кургана, на материке были обнаружены:

<u>Погр. 1</u> (западное) в овальной в плане, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад яме размерами 1,45 х 0,85 м, глубиной 0,65 м, прорезавшей упоминавшуюся выше платформу. Нижний ярус погр. 1 заполнен переотложенным материком с примесью песка и, возможно, органики, здесь же найден повторно обожжённый фрагмент венчика лепного сосуда с крупной дресвой в примеси. На дне могилы – несколько небольших камней. Верхний ярус заполнен остатками погребального костра с 161 обломком кальцинированных костей, среди них – обломок прямоугольного сланцевого бруска с циркульным орнаментом.

<u>Погр. 2</u> (восточное) в овальной в плане, ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад яме размерами 1,55 х 1,0 м, глубиной 0,58 м, прорезавшей упоминавшуюся выше платформу. Нижний ярус погр. 2 перекрыт слоем мелких камней, на дне могилы – несколько небольших камней. Верхний ярус имеет напластование остатков погребального костра мощностью до 0,29 м с 480 обломками кальцинированных костей. Среди них в северо-западной части могильной ямы найдены обожжённые предметы: пара бронзовых наконечников ремня, три поясные накладки, треугольная застёжка, 10 кусочков бронзы, фрагменты железной пряжки с овальной рамкой, железная накладка, три фрагмента лепной керамики (рис. 155), кусок янтаря.

Оба погребения перекрыты костри-

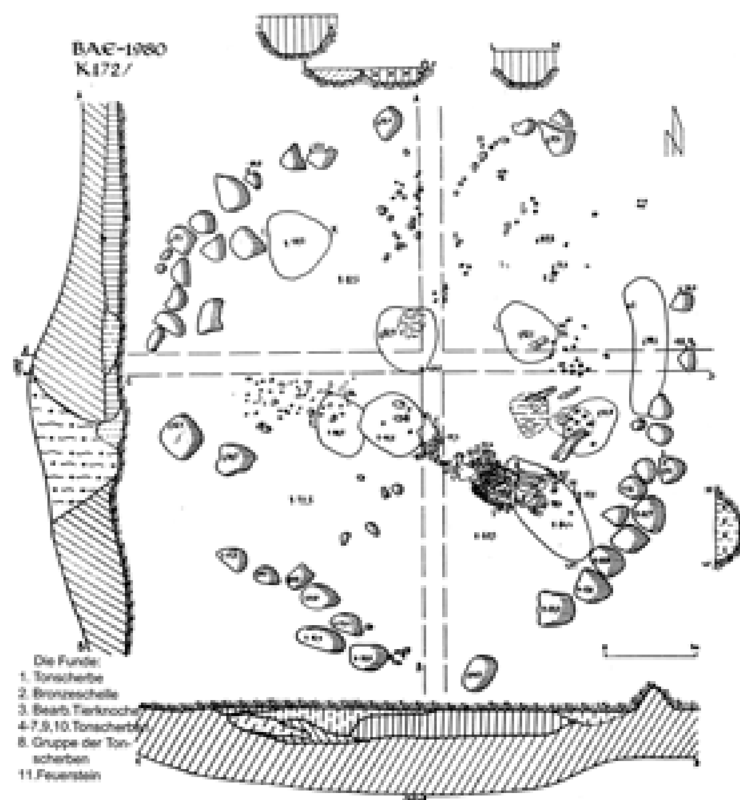

Рис. 154
План кург. К172/.

щем (из отдельных углистых скоплений с редкими обломками кальцинированных костей) овальной в плане формы, вытянутым по линии запад-восток, размерами 3,20 х 2,12 м, толщиной 0,06 м. Под кострищем грунт платформы прокалён. В своей западной части кострище перекрывает выбранную в материке на 0,10 м яму 3. Невдалеке расположены яма 1 (с каменным укреплением основания столба на своём дне) размерами 1,60 х 1,0 м, глубиной 0,20 м и яма 2 размерами 1,0 х 0,60 м, глубиной 0,10 м. Заполнение этих столбовых ям – предматериковый грунт. Процесс сооружения кург. 174/ реконструируется таким образом:

А. На древней дневной поверхности были вырыты ямы 1, 2 и 3, причём в ямах 1 и 2 были установлены столбы.

Б. На древней дневной поверхности из материкового грунта сооружается платформа, на которой производится трупосожжение на месте.

В. После совершения сожжения с верхней плоскости платформы выбираются две могильные ямы. В их нижние ярусы помещается органика (результаты жертвоприношений), в верхние ярусы с кострища сгребаются остатки трупосожжения.

Погребения в кург. 174/ по керамике, аналогичной находкам в погребениях Ирзекапиниса X в., датируется именно этим временем (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

Рядом с курганом К174/ в 1980 г. на поверхности грунта частично была выявлена каменная культовая конструкция (рис. 156). Для её доследования был заложен раскоп квадратной в плане формы размерами 7 х 7 м. Его заполне-

ние составили: дерн мощностью до 0,05 м, подзолистый лесной суглинок мощностью 0,35 м, рыхлый переотложенный предматериковый суглинок мощностью до 0,40 м. В раскопе 2 расчищены два концентрических кольца из камней, пересечённые каменной же сдвоенной перемычкой по линии северо-запад – юго-восток. Почти все камни несут следы подтёски. После снятия камней обнаружились одиннадцать овальных в плане ям, выбранных в материке и заполненных рыхлым предматериковым грунтом. В яме 4 обнаружены две кости барана (?), в яме III – железный гвоздь, в яме 6 – позвонок животного. В восточном борту ямы II обнаружена ступенька, выложенная крупным гравием. У дна ямы – кольцо из камней – крепёж основания столба. В южной части ямы 1 – квадратная в плане каменная кладка, также являвшаяся крепежом основания столба. В 0,58 м к югу от ямы II найдены лежавшие в виде треугольника три камня вытянутой формы, северный – остриём вверх. Этот комплекс является жертвенником, что подтверждается следами на камнях от режущих предметов (жертвенные ножи и/или топоры). Описанная специфическая конструкция каменного кольца с перемычкой характерна не только для курганов Каупа, но и для могильных насыпей в соседствующем могильнике Кунтерштраух (Gaerte, 1929. Abb. 216). Насыпь над каменной конструкцией, изученной на Каупе в 1980 г., отсутствует (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

Кург.К175/ имеет насыпь овальной в плане формы, размерами 7,2 х 5,3 м, высотой 0,6 м. После снятия насыпи из золистого суглинка на материке обнаружена платформа из подзолистого грунта с примесью песка, на ней расчищены два скопления остатков погребального

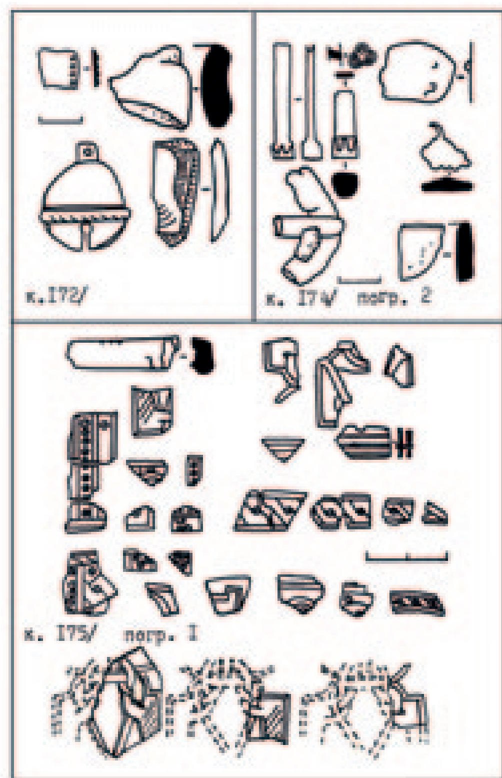

Рис. 155
Инвентарь кург. К172/, К174/, К175/.

костра – следы сожжения на месте. Его остатки были помещены в две могильные ямы, которые прорезают платформу.

Погр. 1, которое имеет чётко разделённые верхний и нижний ярусы. В нижнем ярусе, перекрытом слоем мелких камней, обнаружены остатки погребального костра в смеси с материковым грунтом. В верхнем ярусе, заполненном остатками погребального костра с большим количеством обломков кальцинированных костей, в центре могилы прослежена наибольшая концентрация находок. Среди них – фрагменты кальцинированных орнаментированных роговых (костяных ?) пластин от шкатулки, фрагмент обработанного рогового стержня (рукоять ножа ?), обломки двустороннего сложносоставного костяно-

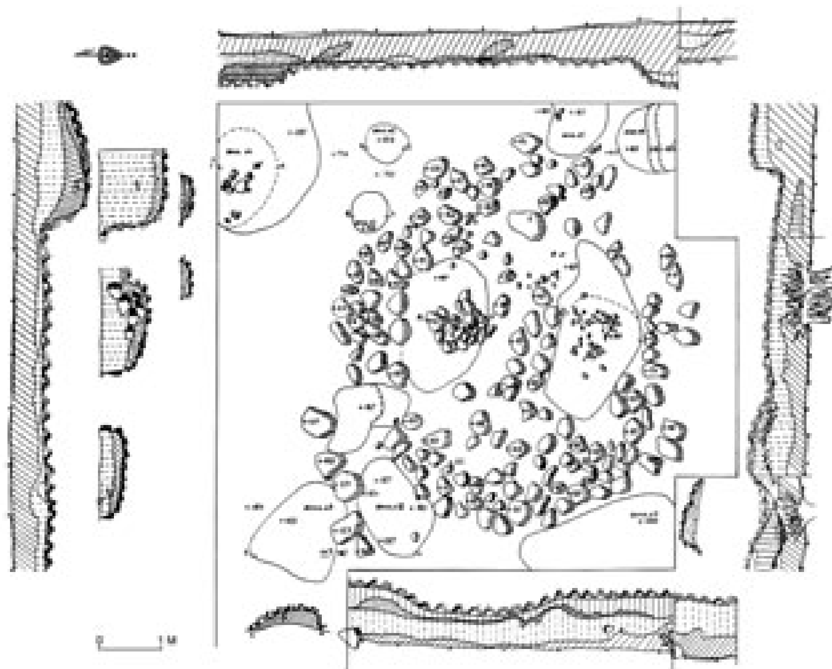

Рис. 156
План культового сооружения рядом с кург.К174/.

го гребня (рис. 155), бронзовые и железные поясные накладки прямоугольной формы. Важен факт обнаружения остатков роговой обкладки шкатулки непосредственно среди кальцинированных костей погребённого, вместе с плоскими кусками древесного угля – остатками деревянного корпуса этой шкатулки. На некоторых деревянных плашках сохранились по две параллельные врезные линии (разметка для размещения накладок ?).

Погр. 2 в овальной в плане яме размерами 2,10 х 1 м. В нижнем ярусе погр. 2 выявлены остатки погребального костра в смеси с материковым грунтом с несколькими обломками кальцинированных костей. Среди них найдены куски кальцинированных роговых пластин с прорезными линейным и циркульными орнаментами (остатки гребня), неорнаментированные полированные костяные пластины, бронзовые заклёпки и штифты – остатки гребня (?). Верхний ярус погр. 2 заполнен чистым слоем остатков погребального костра с большим числом обломков кальцинированных костей. Среди них были обнаружены две бронзовые накладки.

К юго-востоку от погр. 1, у края насыпи кургана выявлена круглая в плане яма диаметром 0,35 м, глубиной до 0,17 м, заполненная остатками костра. По периметру этой ямы выявлен ряд мелких камней (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

Дата кург. 175/ определяется по орнаменту шкатулки – X–XI вв.

Кург. К182/182 имеет насыпь овальной в плане формы, размерами 5,2 х 6,4 м, высотой 0,75 м. После снятия насыпи на материке обнаружена платформа, сложенная из рыхлого переотложенного материкового грунта. Под ней на материке выявлены пять ям округлой формы. Из них минимум две (№ 1 и 4) – столбовые. Их диаметр – в среднем ок. 0,30 м, глубина 0,25 м. Заполнение ям – переотложенный материк. По

периметру насыпи частично сохранилось кольцо из камней. Данный комплекс является, очевидно, кенотафом (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777).

2000 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Кург.К-167/167 (рис. 157, 158) имеет подпрямоугольную в плане форму, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Размер насыпи 9 х 8 м, высотой до 0,40 м. Курган был сооружён на небольшой естественной возвышенности камового (как и вся возвышенность, занятая могильником Кауп) происхождения. Основу массива насыпи составляет крупнозернистый золистый суглинок. Он является песчано-гравийным грунтом, лишённым присутствия фракций гумуса, и представляет собой отложение водно-ледниковых потоков, участвовавших в сложении так называемых переработанных морен, т.е. камовых холмов Самбии. Этот слой, имеющий среднюю мощность ок. 0,28 м, в южной части кургана подстилается линзой тёмного песчано-гравийного грунта, представляющего собой верхнюю часть материка, в древности находившуюся непосредственно под дёрном. Материк под курганом представляет типичные отложения водно-ледникового происхождения, абсолютно не изменённые процессом почвообразования. Основной массив насыпи на глуб. -65 по центру насыпи перекрыт слоем зольника, в свою очередь, перекрытого прослойкой песчано-гравийного грунта с отдельными гумусированными фракциями. Данный грунт, лежащий в верхней части насыпи непосредственно под дёрном, был подвержен в историческую эпоху эпигенетическому процессу почвообразования. Этот процесс проходил после завершения устройства насыпи.

На шт. 1 в насыпи были обнаруже-

Рис. 157
Топографический план насыпи кург. К167/.

ны остатки каменной кладки/крепиды овальной (?) в плане формы, разм. 9 х 8 м (рис. 158), перекрывавшей основную площадь поверхности насыпи кургана. Уже в ходе выборки шт. 1 выяснилось, что бóльшая часть камней крепиды была выбрана. Судя по находкам среди камней крепиды и в заполнении насыпи кургана фрагментов сероглиняной круговой керамики с «морёной» поверхностью и с мелкими частицами полевого шпата в примеси (рис. 159, № 48), характерной примерно для эпохи Фридриха II Великого, установлено: выборка камней для строительных целей производилась в XVIII в.

В процессе выборки шт. 2 под каменной кладкой в центре кургана найдено кострище/зольник (рис. 160) округлой в плане формы разм. 3 х 3 м, толщиной до 0,3 м.

На кострище, преимущественно в

Рис. 158
План раскопа кург.К167/.

его северо-западной части обнаружены остатки проведённого in situ трупосожжения, представленные крупными кальцинированными костями. На ориентировку индивидуума, сожжённого на платформе, сооружённой из массива песчано-гравийного грунта, указывает обнаружение обломков черепных костей в юго-западном и, в меньшей степени, в северном секторах кострища. Инвентарь (преимущественно обожжённый), обнаруженный на кострище (рис. 159, 160): у головы погребённого: фрагмент гнутого (скорее – сломанного) наконечника копья (№ 47), обломки железных треугольных в сечении пластин (фрагменты шпор или дужки от ведра – № 5, 46), обрывки золотых нитей от шитого орнамента одежды, фрагменты деформированного в огне пепельно-серого лепного сосуда с обеими заглаженными поверхностями, с примесями в виде частиц полевого шпата, белой (выгоревшей) дресвы и шамота (№№ 35, 39), придонная часть второго лепного оранжево-коричневого сосуда (№ 19) с частицами полевого шпата и дресвы в примеси, мелкие фрагменты бронзовых наладок (№№ 4, 7), бронзовый бубенчик (№ 16), обломки бронзовой витой гривны (№ 21), обработанный кусок тёмно-красного гранита треугольной формы (возможно – символ магической силы Одина "Valknut" /дисл. «узел павших»/, символизировавший переход между миром живых и миром потусторонним – №№ 58; 73), кусок оранжевой печины с мелким песком в примеси, одна его сторона обожжена сильнее (остатки погребального ложа ?) (№ 54), фрагмент железной булавки (№ 55), мельчайшие фрагменты бронзового ажурного изделия (№ 56), фрагмент стенки буро-чёрного лепного сосуда с неравномерным обжигом, заглажен с обеих поверхностей, причём снаружи имеются следы ткани, куском которой заглаживали поверхность сосуда, в примеси – частицы полевого шпата и шамот (№ 58). К юго-востоку от этого скопления находок в группе кальцинированных костей была вместе с несколькими частицами золотых редко тордированных нитей обнаружена согнутая железная поясная (от ремней ножных обмоток или шпорная ?) пряжка № 53, фрагмент стенки кругового сосуда с рифлёной поверхностью чёрно-коричневого цвета, обжиг – некачественный (свидетельство перекопа XVIII в.). К северу от гипотетического месторасположения ног погребённого обнаружены слабо погнутые ножницы с прикипевшей частицей деревянной шкатулки (№ 41, судя по отпечаткам в окалине, ножницы были обёрнуты в ткань грубого плетения типа мешковины и в ней помещены в шкатулку), железное лезвие складной «опасной» бритвы (№ 22), нож из пакетного железа (№ 42), два крупных обломка черепных костей, несожжённые кости животного

(крупный рогатый скот); «в ногах» погребённого вместе с кусками древесного угля – обломки кальцинированного рогового (?) гребня (№ 23), его обломки встречены в различных частях кострища; к юго-востоку от погребённого, в кв. 42 – железное кольцо от удил (№ 40). К югу от останков погребённого, в кв. 46 вместе со скоплением крупных древесных углей и кальцинированных костей были найдены фрагмент рогового гребня № 38, обломки лепного сосуда № 32, относящиеся к сосуду №№ 35, 39, кусок печины № 40а, железный предмет прямоугольного сечения, интерпретируемый как часть рукояти меча (№ 52). Также в кв. 46 были найдены колотые обломки обработанного (тщательно заполированного) рога лося (?) (№ 74), которые своим сечением напоминают обкладку рукояти меча. На первоначальное присутствие в погребении меча указывают и рассеянные практически по всему кострищу (в том числе – в районе головы погребённого) мельчайшие фрагменты бронзового (билонового ?) наконечника ножен меча (№№ 7, 13, 17, 48). Данный артефакт (по П. Паульсену – наконечник «шведско-варяжской группы» – Paulsen P, 1953, S. 96) отнесён В. Казакявичюсом к подтипу Ia, датируемому литовским коллегой широко в пределах X – нач. XI вв. (Kazakevičius, 1998. P. 290, 291).

Типичных для раннесредневековой прусской культуры находок в кургане не обнаружено. К юго-западу от кострища, в кв. 44 найдены фрагменты одного (?) лепного серо-охристого сосуда (№ 50; № 51), изнутри – заглажен, снаружи – лёгкий глиняный наброс.

После разборки кострища и зачистки подошвы шт. 4 выяснилось, что кострище было сооружено на грунтовой подсыпке (песчано-гравийный грунт)

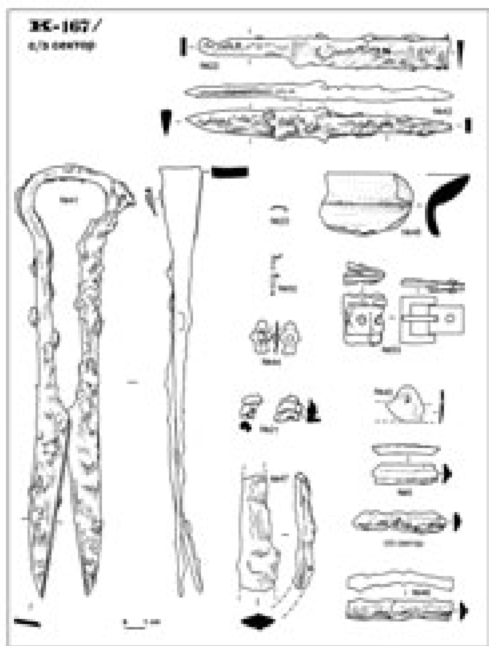

Рис. 159
Инвентарь из северо-западного сектора кург.К172/.

толщиной до 0,28 м. Эта подсыпка перекрывала яму 1, выбранную в материке практически в центре кургана. Эта яма имела подтреугольные в плане очертания и размеры 1,20 х 1,0 м. Её глубина не превышала 0,1 м. Яма 1 была заполнена крупнозернистым золистым суглинком с большим содержанием гравия. Аналогичные по очертаниям, параметрам и заполнению ямы на уровне материка были обнаружены в 1980 г. на могильнике Кауп в курганах К-172/, К-174/К-175/К-182/182 и были интерпретированы как жертвенные (Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков В.И., № 7777).

В южной части стратиграфического шурфа в южной части кург. 167/167, под тремя мощными валунами была обнаружена часть ровика. Его заполнение на уровне материка отличалось относительно окружающего грунта более

Рис. 160
Инвентарь из юго-западного сектора кург.К172/.

тёмной окраской, что было связано со скапливанием фильтровавшейся сквозь почву вниз влаги в ровике. Установлена общая ширина ровика – 0,85 м. Общая глубина ровика от уровня материка достигала 0,48 м. Ровик был заполнен слоем серого мелкозернистого суглинка, идентичным грунту, перекрывающему зольник-кострище.

Реконструировать процесс погребения и устройства насыпи кург. 167/167 можно следующим образом. На выбранном для погребения участке курганно-грунтового могильника Кауп была выкопана яма 1, в пределах которой, видимо, были проведены жертвоприношения, не оставившие археологически уловимых следов. Ими могли быть возлияния жертвенной крови, мёда, молока и проч. Заполнение ямы 1 на ощупь имеет несколько маслянистую фактуру, что связано с тем, что отдельные фракции песка и глины были вымыты из этого заполнения в результате производившихся здесь возлияний не только в открытую яму, но и в процессе её заполнения грунтом. Затем вокруг ямы 1 был выбран кольцевой ровик. Грунт, полученный из ровика, кольцеобразно окружающего К167/167, пошёл на создание грунтовой подсыпки, занявшей центральную часть будущего кургана. Не дав этому грунту слежаться, люди, проводившие погребальную церемонию, расчистили центральную часть массива подсыпки, придав ей горизонтальную плоскость. Лишняя земля была передвинута к краям насыпи, в результате чего образовался бортик (небольшой вал) вокруг уплощённой центральной части грунтовой подсыпки, наиболее чётко прослеживаемый в её северной и южной частях. На образовавшемся в центре подсыпки уплощённом участке грунта был положен древесный материал, приготовлен погребальный костёр, на который и был возложен предназначенный к погребению умерший. Возможно, его тело покоилось на носилках (ложе ?), обмазанных глиной, при этом темя умершего было направлено на запад-юго-запад, а его ноги были вытянуты (?) в противоположном направлении. Тело умершего сопровождали меч с роговой обкладкой рукояти, копьё, шпоры (ведро ?), ножницы, обёрнутые в ткань и положенные в деревянную шкатулку, не менее двух лепных сосудов. В состав личного снаряжения умершего входили кафтан или плащ, обшитые по краям золотой кручёной нитью, бронзовая гривна, свитая из двух дротов, железная булавка, бронзовый бубенчик, роговой сложносоставной гребень, складная бритва, нож, игральная костяная фишка (№ 103а). Состав инвентаря неукоснительно характеризует погребённого в К-167/167 как скандинавского мужчину-воина. По-

сле проведения необходимых для этого культовых действий погребальный костёр был подожжён и сгорел дотла. В процессе его горения с кострища скатилась и упала к северу от него шкатулка с ножницами и ножом. После затухания погребального костра были принесены жертвы, ориентированные, видимо, на обеспечение благоприятного ухода духа покойного в мир иной. Следы этих жертвоприношений – обломки сосудов и куски несожжённых костей и зубов коровы (?), сконцентрированные, как правило, вокруг кострища, но не перекрывающие его. Возможно, частью данного этапа жертвоприношения было возложение у головы покойного на кострище камня, обработанного в виде треугольника-«валькнута», не сохранившего следов воздействия высоких костровых температур. После этих культовых акций была сооружена каменная крепида, при этом её края не выступали за пределы сакральной границы насыпи, обозначенной кольцевым ровиком. Насыпь кургана, перекрывающая грунтовую подсыпку под кострище, само кострище и крепиду, насыпана, судя по всему, из специального котлована, существующего по сей день к северо-западу от кургана. По наконечнику ножен меча погребение воина-скандинава в К-167/167 датируется X в. (возможно – его первой половиной). (Кулаков, 2006в. С. 440-450).

2004 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

<u>Кург.К-128/146</u> имеет овальную в плане насыпь размерами 7,0 х 6,5 м (рис. 161). Как показали раскопки, первоначально насыпь имела круглую в плане форму диаметром 6,5 м, её очертания и параметры были изменены в результате естественного оплыва грунта насыпи и антропогенной деятельности (капонир

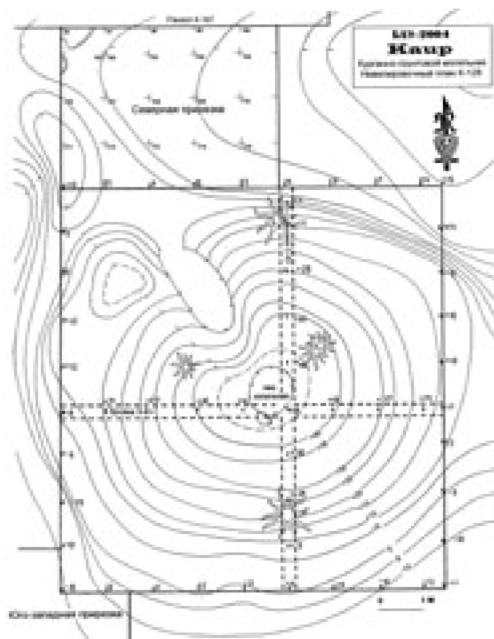

Рис. 161
Топографический план насыпи кург.К128/.

в северо-западном и кирпичная кладка военного времени в западном секторах насыпи – рис. 15). При снятии шт. 1 в юго-восточном секторе насыпи был обнаружен фрагмент стенки лепного сфероидного сероглиняного сосуда (рис. 162, № 1), близкого готландской и западнобалтской керамике IX–X вв. подтипа Žulkus A-1a (Žulkus, 1997. P. 209). Высота насыпи от подошвы – 0,45 м, от уровня материка – до 1 м. По своему периметру насыпь была окружена редкими камнями, на её вершине находился камень-Merkstein, сдвинутый со своего первоначального места грабительской ямой. После удаления насыпи, сложенной из красно-охристого суглинка с большим содержанием примесей гравия, на материке была выявлена грунтовая платформа, сформированная из материкового суглинка мощностью до 0,15 м. В центре кургана, на грунтовой платформе было

Рис. 162
Инвентарь кург.К128/.

расчищено скопление остатков погребального костра, принесенное со стороны, вытянутое по линии северо-запад – юго-восток и имевшее размеры 2,60 х 1,20 м при толщине не более 2 см. В скоплении среди незначительного количества углей и золы найдено несколько обломков кальцинированных костей, причём части черепа выявлены в юго-восточной оконечности скопления. В северо-западной половине этого скопления обнаружены обожжённые предметы: обломок рогового одностороннего гребня с бронзовыми накладками, орнаментированными косицеобразным декором в стиле Elling (рис. 162, № 3) и находящий аналогии в гребнях из кург. К/144b (Ibsen 2009. Abb. 49) и из кург. Bj944 (могильник Бирка, Швеция), железная пряжка с прямоугольной рамкой (№ 21), железная обоймица – наконечник ремня (№ 8), бронзовое кольцо от головной заколки со следами окалины от железной иглы (№ 4), стеклянные прозрачная (№ 26, верхняя) и салатовая (№ 26, нижняя) бусины, два фрагмента лепной керамики с песком и дресвой в примеси (№№ 7, 19). На северо-восточной границе скопления остатков погребального костра, выше его уровня на 0,15 м найдена бронзовая трёхлепестковая фибула (рис. 163) Typ Kleeblattfibel, относимая к застёжкам группы Birgitt Hårdt 1 (Typ J.P. 90-92) и датируемая IX–X вв. Эта уникальная для юго-восточной Балтии находка с лицевой стороны украшена растительным каролингским орнаментом, являющимся несомненным прототипом для декора в стиле Elling более поздних застёжек группы 1. Показателен факт использования мастером двух взаимоисключающих декоров ободка фибулы – североевропейского элемента полусвастики и античного меандра, возрождённого

в эпоху Каролингов. Очевидно, такой приём обработки поверхности (причём – с применением тончайшего штихеля по остывшей отливке) указывает на принадлежность мастера фибулы К128/146 не к скандинавскому этно-культурному сообществу, а к числу западноевропейских носителей каролингских традиций. Упомянутая находка обожжена лишь на 1 кв. мм своей поверхности и является, видимо, заупокойным даром, возложенным на кострище на финальном этапе свершения погребального обряда. С тыльной стороны фибулы, поверх её железной шарнирной застёжки прикипел обломок ножа с бронзовой обоймицей (оковка ножен) и железным окончанием этих ножен. Этот нож являлся подвеской к фибуле, крепившейся с тыла к ней при помощи бронзового кольца с завязанными концами. Вещевой комплекс К-128/146 уверенно датируется IX – нач. X вв. по трёхлепестковой фибуле (Typ Kleeblattfibel) (Hårdt, 1984) и по гребню готландского происхождения.

После устранения материковой подсыпки в центре кургана, буквально в пересечении бровок раскопа была выявлена заполненная красноватой глиной овальная в плане яма размерами 2,20 х 1,0 м, глубиной 0,70 м. Находки в ней отсутствовали. Планиграфическая привязка ямы к границе кострища позволяют полагать некую (культовую ?) связь между ними.

В юго-западном углу раскопа прямоугольной в плане формы (разм. 9,0 х 8,5 м), которым вскрывался кург. 128/146, уже за пределами насыпи было обнаружено корытообразное углубление в материке. Это углубление было ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, имело размеры 2,0 х 1,2 м, глубину до 0,05 м. Поверхность углубления в его северной половине была сильно прокалена, в его пре-

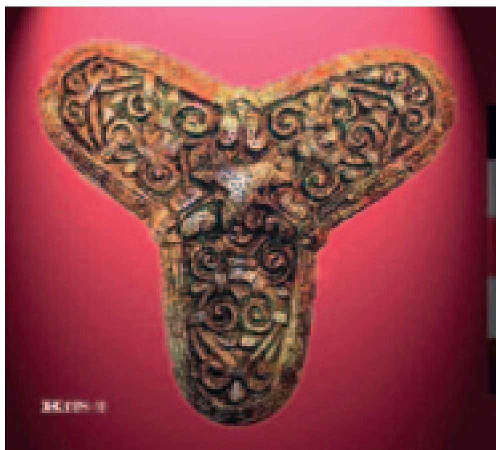

Рис. 163
Трилистная фибула №К128/-2.

делах обнаружены редкие частицы золы и мелкие обломки лепной керамики. Как контур углубления, так и контур прокала в нём были обозначены линиями, выложенными из камней. В 1 м к юго-западу от упомянутого углубления в предматерике была расчищена прямоугольная в плане каменная конструкция, по размерам и ориентировке сходная с этим углублением и сопоставимая с кострищем в центре кургана.

Последовательность фаз погребальной церемонии реконструируется следующим образом:

А. Тело умершей (набор инвентаря характеризует пол погребённого индивидуума как женский) в убранстве возложили на каменную кладку. Возможно, ориентировка тела головой на юго-восток (традиционное для пруссов направление голов умерщвлённых для погребальных церемоний коней) подчёркивается повышением в этом направлении уровня каменной кладки. К северо-востоку от неё была начата расчистка поверхности грунта для захоронения.

Б. В 1 м к северо-востоку от кладки, ставшей последним ложем для умершей,

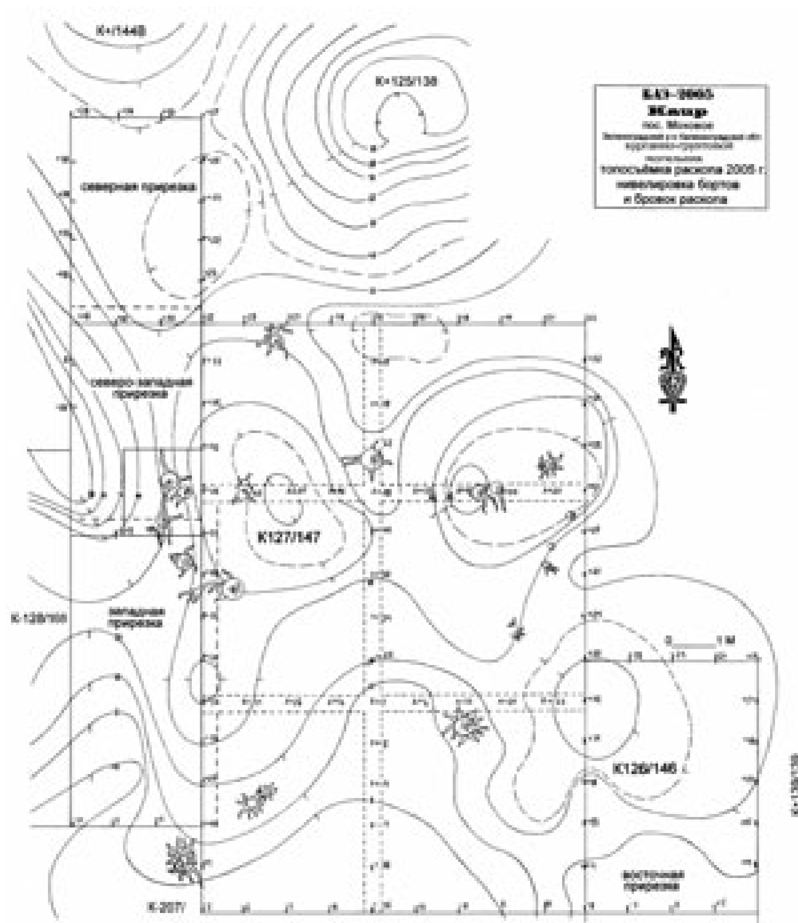

Рис. 164
Топографический план насыпи кург.К126/ и кург.К127/.

для неё был приготовлен погребальный костёр. Тем временем на месте будущего последнего успокоения праха умершей была выбрана яма для неких культовых (жертвенных) целей. После акта кремации остатки трупосожжения были тщательно собраны и (частично) помещены в центре будущего кургана на специальную грунтовую платформу. При этом была повторена ориентировка каменного «ложа» и погребального костра. Так как остатки черепа были помещены именно в юго-западную часть кострища, можно предположить именно такую направленность головы покойной.

В. После завершения возложения праха покойной с её вещами на кострище началось сооружение курганной насыпи. При начале работы в район кострища некто из провожавших (женщина ?) возложил в виде заупокойного дара трёхлепестковую фибулу с ножом-подвеской.

Г. После окончания процесса создания насыпи она была окружена кольцом из камней, а в центре насыпи водружён памятный камень.

2005 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Раскоп 2005 г. имел форму сложного многоугольника (за счёт западной и восточной прирезок), вытянутого в направлении с запада на восток. Его пло-

Рис. 165
Вид с севера на каменную ладьевидную кладку в юго-западной поле кург. К127/.

щадь – 197 кв. м (рис. 164). Измерение глубин, как и в сезоне 2004 г., осуществлялось от юго-восточного угла Раскопа 2004 г.

Западная прирезка (размер 7 х 3 м) в кв. 133 и 136 на шт. 2 содержала носовую часть (полубак) сложенной из камней ладьевидной кладки. Её общий размер 2,5 х 1,5 м, ориентация – по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 165). Ладья сложена из камней в один ряд, причём некоторые из них (плоские камни) стояли на ребре. Сложилось впечатление о том, что камнями была выложена по бортам яма ладьевидной формы, выбранная с поверхности шт. 2. Единственной находкой, которую можно связать с «ладьёй», является фрагмент лепного сосуда № 34, найденного на шт. 2 в кв. 65. Каменная кладка в виде «ладьи» с транцем (т.е – перпендикулярно бортам устроенной кормой) известны в Скандинавии в эпоху бронзы (Aner, Kertsen, 1978. S. 211). Речные плоскодонные суда типа Prahm, распространённые в Европе ещё в римское время, в низовьях р. Рейн и на Ютландском полуострове становятся известны с начала XI в., обретая подлинную популярность у местных торговцев и мореходов в XIV в. (Ellmers, 2004. S. 56, 62). Однако в Балтии находки судов типа Prahm до сих пор известны не были. В начале III тыслет. н.э. в карьере «Приморский» у пос. Янтарного автором этих строк (Бойкина, 2004. С. 46) были изучены остатки плоскодонного речного судна первой пол. XIX в. Это пример позднейшего варианта судна, близкого типу Prahm. Указанием на существование таких судов в балтийской акватории у прусских берегов в эпоху викингов служит находка каменной «ладьи» в секторе С Раскопа 2005 г. на Каупе.

На шт. 5 у западного борта прирезки была выявлена овальная в плане *яма 1.* Она вытянута по линии северо-восток – юго-запад, разм. 2,0 х 0,7 м, глуб. от уровня материка 0,21 м, заполнена преимущественно переотложенным золистым предматериком. По своей продольной оси яма 1 в заполнении имела

четыре вытянутые в линию валуна средних размеров. В южном секторе ямы 1 было обнаружено округлое в плане скопление интенсивно-золистой супеси с включениями древесного угля (углубление от столба). В этом скоплении выявлена единственная для ямы 1 находка – фрагмент венчика лепного охристого сосуда № 150. Данный комплекс в соответствии с его параметрами и внутренней структурой предварительно можно считать кенотафом.

В кв. 132 выявлена *яма 2* овальной в плане формы, вытянутая по линии запад-восток, разм. 0,90 х 0,70 м, глуб. в пределах материка 0,10 м. Важно отметить факт выборки ям 1 и 2 с уровня предматерика (глуб. -38 – -40), возможна синхронность их сооружения и существования. В яме 2 выявлен лежащий горизонтально подтреугольный в плане камень с уплощённой (искусственно ?) верхней поверхностью размером ок. 0,45 х 0,44 м, окружённый, частично подпиравшийся 6 камнями разного (но заведомо – меньше основного камня) размера. Заполнена яма 2, как и яма 1, переотложенным золистым предматериком. Продукты горения в яме 2 отсутствуют. Данный комплекс, несмотря на отсутствие вещевых находок (скорее, с учётом этого феномена) уверенно интерпретируется как жертвенник (для жидкостей типа молока или крови).

В юго-восточном углу западной прирезки, в кв. 144 и 147 над уровнем предматерика, в пределах шт. 2 и 3 выявлены сложенные из мелких камней 6 колец диам. ок. 0,10 м. В соответствии со скандинавскими и балтскими традициями, такие кольца остаются после проведения действий по укреплению в земле нижних частей мелких столбов/кольев. Данная группа – часть комплекса священных врат, полностью выявленного в юго-западной части основного массива Раскопа 2005 г. (рис. 44).

Северо-западная прирезка (размер 5 х 3 м) на шт. 1 и 2 имела отдельные скопления крупных камней в своей южной части. На шт. 3 в кв. 175 была выявлена группа камней, являвшаяся крепежом основания столбика. На шт. 5 в кв. 172-174 была выявлена овальная в плане *яма 4*, вытянутая по линии северо-восток – юго-запад, размером 2,80 х 1,1 м, глуб. в пределах предматерика до 0,40 м, выбрана в древности с глубинной отметки -18. Яма 4 заполнена слабо-золистым супесчаным грунтом. Ранее на шт. 2 над западным сектором ямы 4 была выявлена группа из 5 мелких камней – крепёж основания столба. Преимущественно в восточном секторе ямы 4 в её заполнении обнаружены 11 плохо сохранившихся железных гвоздей (по своим весьма субтильным толщинам эти артефакты более напоминают современные мебельные гвозди или шплинты), оставшихся от деревянного ящика. На некоторых гвоздях окислы сохранили частицы доски. Возможно, это был необходимый для любого парусного судна прямоугольный в плане деревянный ящик-анкер, в яме 4 имевший, судя по расположению гвоздей, in situ эвентуальные размеры 1,20 х 0,80 м. Иные находки в яме 4 отсутствуют. Данный комплекс, не исключено, является кенотафом.

Северная прирезка (разм. 5 х 3 м), на шт. 4 в кв. 192, 196 выявлено:

Погр. К127-4 (рис. 166). Эта грунтовая могила располагалась в овальной в плане могильной яме, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток. Могила имела глубину в пределах предматерика до 0,28 м, выбрана с глубинной отметки -13, в материк вошла лишь на 0,09 м. Могильная яма погр. К127-4 заполнена

интенсивно-золистым переотложенным материковым грунтом. Лишь на границе кв. 93 и 94 в погр. К127-4 имеется небольшая серповидная в плане линза угля. В своей северной части могила перекрыла округлую в плане столбовую яму 7, диам. 0,60 м, глуб. в материке 0,20 м, заполненную интенсивно-золистой супесью. Кроме того, в заполнении могилы К127-4 выявлено не менее трёх каменных колец диам. ок. 0,20 м, свидетельствующих о выставлении на могиле после заполнения её грунтом нескольких шестов/колов. В северо-восточном секторе могилы выявлено скопление (выше уровня материка) кальцинированных костей общим диам. ок. 0,20 м. В заполнении могилы найдены три невыразительных фрагмента лепных сероглиняных сосудов с красной дресвой в примеси. Дата погр. К127-4 неясна, хотя наличие в нём признаков присутствия ящика-анкера позволяет отнести данный комплекс к эпохе викингов.

Погр. К127-2 (кв. 31-33) – растянутое корнями пятно слабо-золистой супеси, имеющее размер примерно 2,3 х 1,7 м и вытянутое по линии запад-восток (рис. 167). Как показывает сечение А-В, зафиксированное на осевой бровке Раскопа 2005 г., расположенной по линии север-юг, первоначально на месте погр. К127-2 была устроена небольшая насыпь выс. до 0,3 м, состоящая из переотложенного материка с частицами органики. Затем на этот массив, в разрезе имевший миндалевидную форму, был равномерно высыпан слабо-золистый грунт. Он содержал группу кальцинированных костей, с ней находились железный гвоздь № 14, фрагменты лепного сосуда № 160 и 162, обломок урны с внешним глиняным набросом № 165. Очевидно, корнями дерева из заполнения погр. К127-2 был извлечён нож № 8, выявленный в кв. 21 на шт. 2. Наличие насыпи, правда, весьма незначительной по своим объёмам, и выявленного на шт. 2 фрагмента каменного круга позволяет считать К127-2 курганом.

На шт. 4 в кв. 67 (юго-восточный угол участка С) было обнаружено:

Погр. К127-1 (кв. 67, 68) – расположено в яме с нечётко видными границами, овальной формы размером 1,6 х 1,2 м, где помещаются остатки трупосожжения на стороне. Могильная яма, судя по сечению

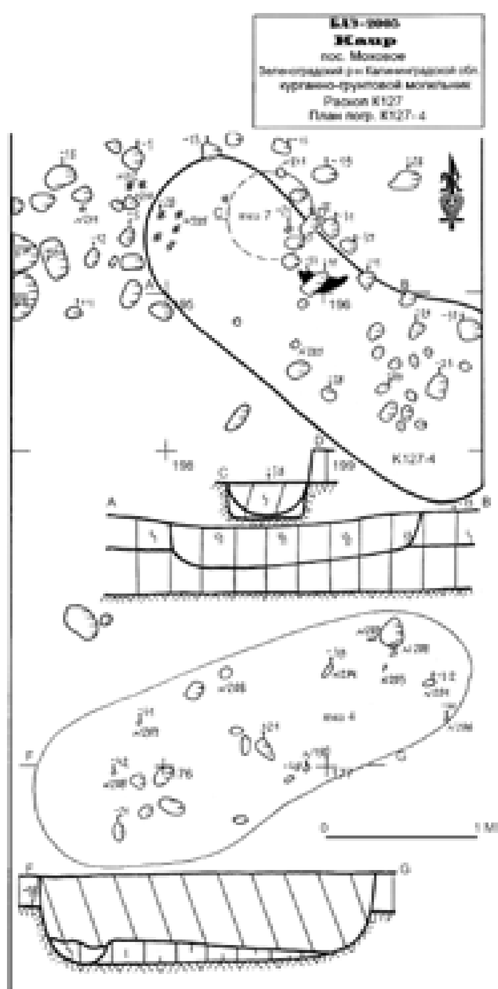

Рис. 166
План погр. К127-4.

Рис. 167
План погр. К127-2.

погр. К127-1 (рис. 168, сечение А-В), имела глуб. до 0,45 м, была выбрана с уровня шт. 3 и не вошла в пределы материка. Её заполнение представляло собой две прослойки супеси с примесью органики (придонная часть могилы, мощ. ок. 0,20 м) и супесь в смеси с гравием (верхняя часть заполнения, мощ. ок. 0,25 м). Инвентарь обнаружен в западном секторе могилы в виде группы находок, перемешанных с примерно 35 мелкими обломками кальцинированных костей. Ещё 7 обломков кальцинированных костей разрозненно находились в восточном секторе могилы. Верхней в этой группе лицевой стороной вниз лежала фибула в виде трилистника группы Hårdt 5 (первая половина X в. – Hårdt, 1984. P. 91) с элементами декоративного стиля Борре в своей орнаментике (рис. 169). Севернее фибулы и частично под ней лежала пара черепаховидных фибул типа JP51 (первая половина X в. – Jansson, 1985. P. 182). Строго под трилистной фибулой найдены ножницы, под ними – нож. К северу и к востоку от группы металлических находок выявлены фрагменты лепного сероглиняного сосуда с крупным песком в примеси (рис. 169). К нему, видимо, относится фрагмент керамической ручки (№ 31). Не исключается возможность

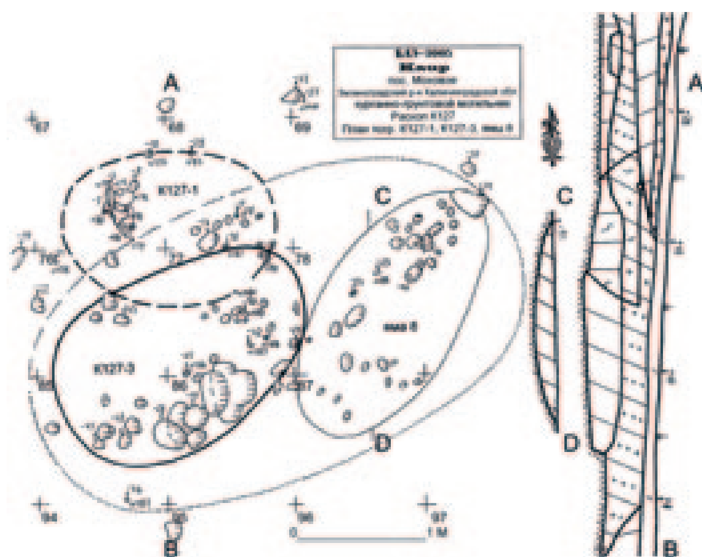

Рис. 168
План погр. К127-1 и К127-3.

Рис. 169
Инвентарь погр. 1 кург. К127/.

использования этого сосуда в качестве «временной урны» для переноса костей с погребального костра к могиле. После их помещения в грунт на них были возложены не бывшие на костре детали женского убора. Находки обожжены слабо. Одна из черепаховидных фибул пробита ножом и лежала in situ на боку. Судя по вмятине в бронзовой коробке фибулы, удар был нанесён с такой силой, что в бронзе сохранился отпечаток верхнего торца рукояти ножа. Это указывает (по ибн-Фадлану) на насильственное умерщвление хозяйки фибул, ставшей жертвой. Упомянутая фибула (вернее, её коробка № 77) единственная из всего инвентаря К127-1 подверглась воздействию огня. Пока этот феномен не находит объяснений.

Выяснилось, что детали орнамента на коробке фибулы № 127-77 (рис. 170) более искусно выполнены, нежели на коробке фибулы № 82. Эта фибула вторична относительно находки № 77, про-

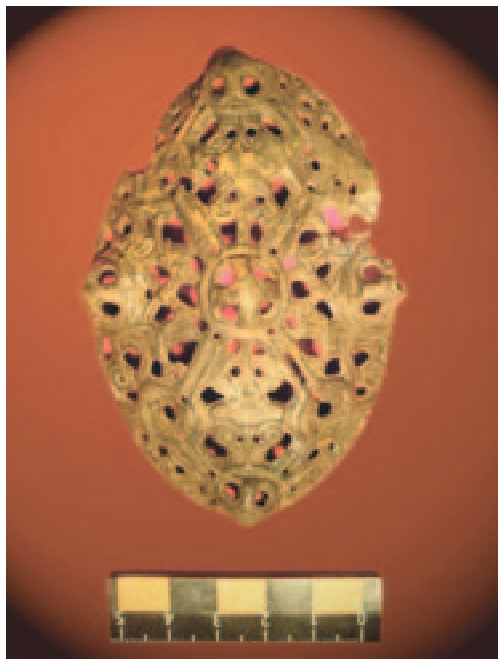

Рис. 170
Декоративная сфера фибулы К127-82.

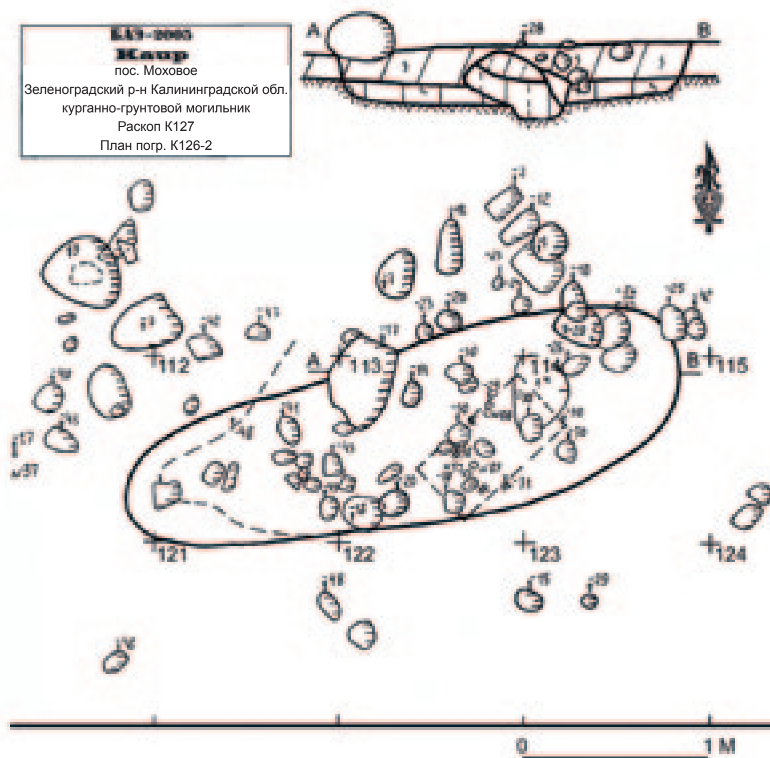
битой ножом и хранящей, что исключительно для артефактов из К127-1, следы интенсивного обжига. Судя по фибулам из К127-1, это женское захоронение датируется первой половиной X в. Своим южным сектором оно пронизывает и планиграфически перекрывает

Погр. К127-3 (рис. 168) располагается в выбранной в материке яме овальной в плане формы размером 2,2 х 1,3 м, ориентированной по линии северо-восток-юго-запад. Могила имеет глубину в пределах материка не более 0,15 м и заполнена слабо-золистой супесью. Заполнение могилы в её южном секторе перекрыто группой камней, среди которых выделяется валун Т-образной формы. Он, видимо, являлся неким надгробием (Merkstein).

В восточном секторе могилы выявлены остатки заупокойного жертвоприношения – группа кальцинированных костей свиньи (судя по клыку), перекрытые группой мелких камней – основанием памятного столба. С востока к могиле К127-3 примыкает яма 8, имевшая, возможно, культовое значение и призванная соответствовать первичному местоположению тела перед его окончательным захоронением. Яма имеет овальную в плане форму, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (почти параллельно могиле К127-3), имеет размеры 2,18 х 1,06 м, глуб. 0,16 м. Яма 8 заполнена слабозолистой супесью, по её длинной оси зафиксирован ряд камней. Они могли поддерживать культовый помост для тела покойного. Две кальцинированные кости (кв. 78) попали в яму 8, вероятно, из погр. К127-3. Каменное «кольцо» и крупный валун отмечены у северо-восточного края ямы 8. Выставление тела усопшего в начале акта погребения – черта погребального обряда, зафиксированная у викингов как в сообщении ибн-Фадлана (Херрманн, 1986. С. 71), так и в раскопе 2004 г., содержавшее женское захоронение IX – нач. X вв. (Kulakov, 2005a. S. 77).

После выборки шт. 2 выяснилось, что на участке Е находится каменная конструкция разм. 4 х 4 м, в плане напоминающая окружность, далее условно называемая «круг». Его северная часть с группой больших валунов была вскрыта на участке С, а западная часть «круга» – в западной прирезке (см. выше). Основная часть «круга» была создана на уровне поверхности шт. 2. Ниже её, то есть ранее, была создана южная группа камней, образовавшая конструкцию, вероятно, культового характера. Скорее всего, эта группа камней являлась жертвенником. На это указывают конструктивные особенности этой группы (наличие среди

Рис. 171
План погр. К126-2.

обыкновенных валунов двух камней, грубо обработанных в виде цилиндров, стоявших в древности друг против друга). С юго-запада к этой группе валунов примыкала группа ям.

С жертвенными процессами, связанными с упомянутым комплексом камней, связана находка фрагментированного раннегончарного сосуда с оранжево-серой поверхностью и обломков двух лепных сероглиняных сосудов.

Погр. К126-2 (кв. 112-114) имеет могильную яму размером 3 x 1 м, ориентированную практически по линии запад-восток (рис. 171), выбранную с уровня предматерика на глуб. до 0,3 м и заполненную переотложенным предматериком с отдельными включениями частиц органики. На шт. 3 и 4 выявлена прямоугольная в плане, размером 1,5 x 1,2 м каменная конструкция, перекрывающая могилу (рис. 171). В восточном секторе дна могилы отмечено углубление от столба, вошедшее в материк не более чем на 0,1 м и заполненное крупнозернистой супесью. Это углубление планиграфически перекрыто скоплением горелой органики примерными размерами 0,7 x 0,3 м, в пределах которого выявлены более 80 обломков кальцинированных костей и 6 железных гвоздей, близких по виду к гвоздям из ямы 4. Судя по этим находкам, погр. К126-2 содержало остатки произведённого на стороне трупосожжения, помещённые неостывшими в деревянный ящик (анкер ?), уже стоявший в могиле и в ней же дотлевший. Учитывая последовательность перекрывания одного объекта другим, выстраивается последовательность появления этих объектов в могиле: столб в углублении в дне могилы, затем – помещение на его место дотлевающего в могиле ящика и соору-

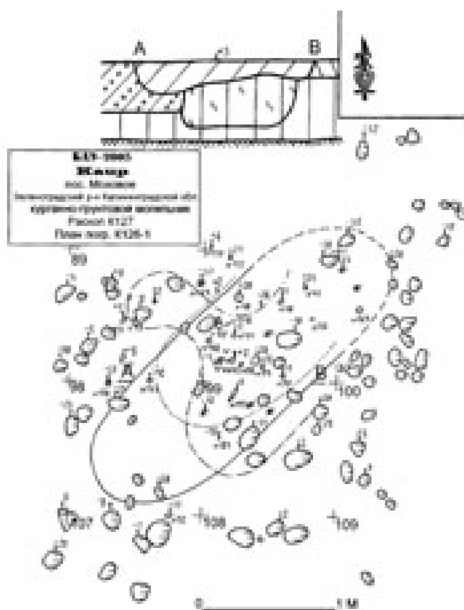

Рис. 172
План погр. К126-1.

Рис. 173
Инвентарь погр. К126-1.

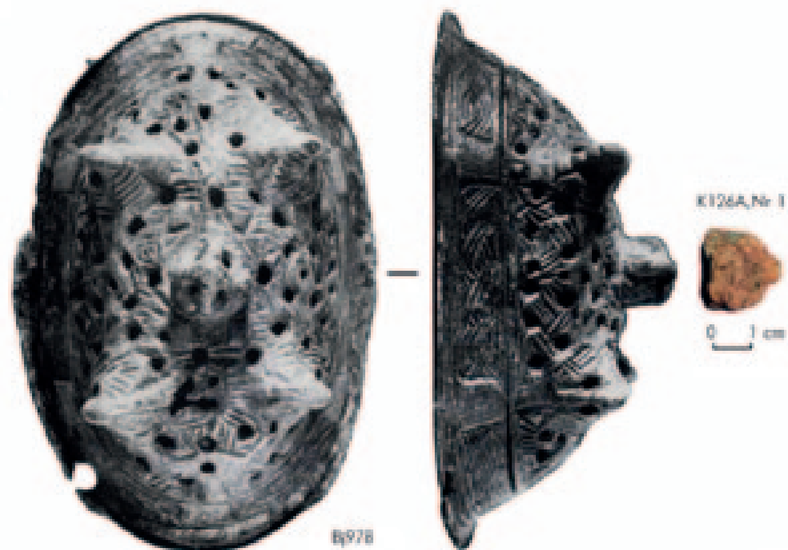
жение на грунте, его перекрывшем, прямоугольного в плане комплекса камней.

Погр. 126-1 (кв. 90, 98, 99) располагалось в 3 м к юго-востоку от центрального кенотафа в могильной яме разм. 2,2 х 0,8 м, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад. Могильная яма была выбрана из культурного слоя, с уровня нижней зоны шт. 3, имеет общую глубину в 0,47 м. Яма имеет нерегулярные очертания бортов (рис. 172), заполнена слоем слабозолистой супеси, подстилаемым переотложенным предматериком и не достигает материка. На уровне подошвы шт. 4 могилы перекрыта несколькими мелкими камнями. В центре могилы выявлены 19 рассеянных в грунте обломков кальцинированных костей. С ними перемешаны обломки побывавших на погребальном костре бронзовых черепаховидных фибул типа JP 52A (ок. 980–1000 гг. – Jansson, 1984. P. 185) (рис. 173), фрагменты серо-охристого лепного сосуда, некомплектного и деформированного на костре, с насечками по венчику, с крупной дресвой в примеси, ручка от второго, черно-коричневого сосуда. Среди находок: нож, пронизка синего стекла (№ 126-1-46), кусок янтаря. Рядом с некоторыми обломками фибул сохранились куски пропитанной окислами бронзы берёсты – остатки коробочки (дисл. – «кунтер»), в которой могли храниться украшения. В сезоне 2006 г. восточнее кург. К127 был найден центральный умбон фибулы из погр. 126-1. По аналогии с находкой из Бирки можно представить общий вид этой застёжки (рис. 174).

Характер смерти погребённой здесь женщины неустановим, её роль как жертвы не ясна. По фибулам женское погр. К126-1 датируется концом X в.

Погр. К126-3 (кв. 161, 162, 164, 165, 168, 169, 170а), конструктивно представ-

Рис. 174
Фибула Bj978 и навершие фибулы К126А-1.

лявшее собой овальную в плане яму, выбранную с уровня шт. 3 в параметрах 3 х 2,5 м и оставившую в материке неглубокое (глуб. не более 0,07 м) углубление треугольной в плане формы размером примерно 2 х 2 м. По своим границам в предматерике могильная яма была обставлена валунами, составившими в плане овальную (квази-миндалевидную) фигуру. Эти камни уже были видны на поверхности шт. 2 (рис. 175). Ок. 40 обломков кальцинированных костей были сконцентрированы в центре пространства, окружённого камнями. С костями найдены 3 фрагмента лепного сосуда, среди которых – обломок венчика. В процессе разборки погр. К126-3 выяснилось, что сначала была вырыта могильная яма, по её дну были рассыпаны мелкие камни, на два штыка могила была заполнена переотложенным материком, а уже затем по её краю были расставлены камни и в северной части могильной ямы в грунт были высыпаны принесённые с костра обломки кальцинированных костей и фрагменты лепного сосуда, на костре не бывшего. Подобного рода черты погребального обряда ранее в скандинавском материале не фиксировались.

Дата погр. К126-3 (возможно, содержит останки ребёнка, ещё не прошедшего обряд инициации) неясна.

Центральное во вскрытом комплексе погребение (кенотаф К127-3) находится в межкурганном пространстве и сопровождается расположенными вокруг него двумя женскими трупосожжениями (К127-1 и К126-1), двумя безинвентарными мужскими (?) трупосожжениями (К126-2 и К127-2) и двумя кенотафами (ямы 1 и 4). Как в погребениях, так и в кенотафах встречены остатки ящиков из досок, скреплённых железными заклёпками (морской ларец «анкер») и берестяных шкатулок (во всяком случае, остатки берестяных пластин обнаружены вместе с обломками фибул в погр. К126-1). Каждый из упомянутых комплексов сопровождается кольцами из камней – следами кольев/столбов. Упомянутые женские комплексы включают две пары черепаховидных фибул типов J.P. 51 и 52А. Выявлены четыре этапа подсыпки небольшой гра-

Рис. 175
Вид с юга на погр. К126-3.

вийно-супесчаной насыпи, перекрывавшей центральный для комплекса кенотаф (рис. 176). С каждым из этапов связан один из культовых объектов (каменная «ладья», два каменных жертвенника, округлая в плане каменная кладка и культовые ворота, обнаруженные в раскопе у края насыпи).

Культовые ворота, реконструированные по остаткам ямок от столбов в кв. 109 и 147, можно сравнить с информацией о сходном феномене скандинавской погребальной обрядности, приводимый в тексте ибн-Фадлана: «...привели девушку к чему-то, что они сделали наподобие обвязки больших ворот, и она поставила обе свои ноги на ладони мужей, и она поднялась над этой обвязкой, обозревая окрестность, и говорила нечто на своём языке...». Как выясняется по контексту сообщения, над воротами девушке, находившейся в религиозном трансе или в состоянии неадекватности, вызванном искусственными стимуляторами, открывались картины потустороннего мира (Херрманн, 1986. С. 71, 72).

В соответствии с типами обнаруженных в женских комплексах украшений вскрытый раскопом 2005 г. комплекс датируется X в.

Процесс сооружения и функционирования вскрытого в 2005 г. погребально-поминального комплекса можно реконструировать графически (рис. 27). Текстуальная реконструкция этого процесса выглядит следующим образом:

1. После получения вести о гибели вдали от дома некоего знатного воина в память его сооружается кенотаф – погр. К127-3 в выбранной в материке яме разм. 2,2 х 1,3 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В её восточном секторе выявлена группа кальцинированных костей свиньи, перекрытых группой мелких камней. С востока к могиле примыкает яма 8, имевшая, возможно, культовое значение (имитация места возложения тела перед погребением). Комплекс из кенотафа и ямы 8 перекрывается 1-й насыпью выс. не более 0,20 м и разм. 8 х 4 м. Судя по языковидному в плане следу, супесчаный грунт с большим содержанием гравия для 1-й насыпи приносился с южного направления. Согласно глубине залегания с этой насыпью связаны яма 2 с жертвенным камнем и кенотаф в яме 1 в 1 м к западу от западного края 1-й насыпи. С севера к 1-й насыпи примыкает трупосожжение К127-2, не содержавшее находок. У юго-западного края 1-й насыпи создаются ритуальные «ворота» (рис. 44), обозначающие вход на погребально-поминальный участок (ср. с древнегреч. τεμηνως). Расстояние между ямками от столбов «ворот» – от 0,7 до 1 м.

2. По прошествии незначительного отрезка времени сооружается 2-я насыпь (разм. 5 х 5 м, ромбической в плане формы) из аналогичного 1-й

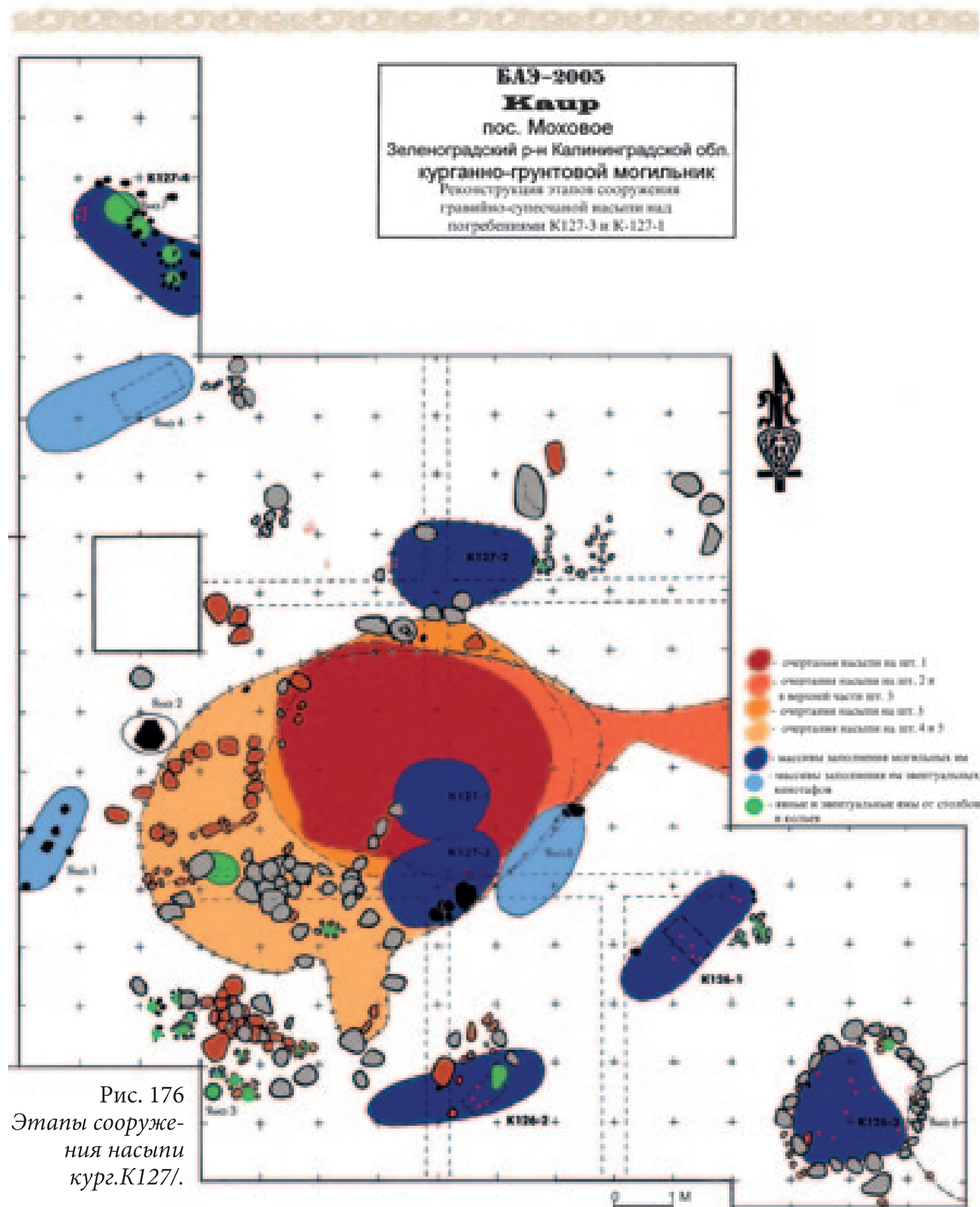

Рис. 176
Этапы сооружения насыпи кург.К127/.

по составу почвы. После сооружения практически в её центре выбирается яма для погр. К127-1. В могильную яму овальной формы помещаются остатки трупосожжения на стороне с парой черепаховидных фибул типа JP 51, фибулой в виде трилистника группы Hårdt 5 (первая половина X в.), ножницами, ножом, фрагментом сосуда. Находки обожжены слабо. Одна из черепаховидных фибул пробита ножом. На одном уровне с вершиной 2-й насыпи находятся верхние поверхности камней мемориальной ладьевидной кладки, непосредственно с запада примыкающей к западному краю 2-й кладки. Под «ладьёй» в материке

присутствует яма 5, в которой, возможно, крепилось основание столба. В 3 м к югу от каменной ладьи сооружается каменный жертвенник, располагающийся непосредственно к северо-востоку от остатков «ворот». Видимо, именно в это время сооружается мужское трупосожжение в деревянном ящике – К126-2, находящемся в могильной яме, перекрытой комплексом камней и ямой от памятного столба.

3. Через некоторое время осуществляется подсыпка 3-й (судя по языковидному следу – грунт приносился с востока) и 4-й насыпей (рис. 176, тёмно-охристое и пурпурное заполнения пятен насыпи) общей мощностью 0,30 м. Своими размерами они не намного отличаются от 2-й насыпи. Ладьевидная кладка продолжает возвышаться над поверхностью земли, к югу от неё сооружается округлая в плане каменная оградка разм. 4 х 4, своим юго-восточным фасом перекрывающая жертвенник 2-й насыпи и вплотную примыкающая к продолжающим своё существование «воротам». Новый жертвенник сооружается в северо-восточном фасе оградки. По уровню залегания камней с ¾ насыпями планиграфически связано женское трупосожжение К126-1, располагающееся в 3 м к юго-востоку от центрального кенотафа в яме разм.2,2 х 0,8 м. Группу костей, помещённую в могилу в берестяной шкатулке, сопровождают обломки пары черепаховидных фибул типа JP52A, кусок янтаря, некомплектные обломки сфероидного готландского сероглиняного лепного сосуда, нож. Все находки интенсивно обожжены. К востоку от погр. К126-1 в грунте выявлены остатки каменного крепления основания кола. К северо-востоку от двух позднейших насыпей выявлен крупный валун со следами обработки своей верхней плоскости. Правда, при своей массе он мог быть воздвигнут на вскрытой площади ранее и оставаться на поверхности и в эпоху создания 3-й и 4-й насыпей.

Синхронно 3-й и 4-й насыпям детское (?) трупосожжение К126-3, выявленное в каменном круге в юго-восточном углу Раскопа 2005 г. Правда, планиграфическая связь этого погребения с погребально-меморативным комплексом не очевидна.

Таким образом, открыта новая форма погребальной и поминальной обрядности – этапное создание невысокой насыпи над кенотафом. Каждый этап сопровождался сооружением очередных погребений (содержали останки жертв ?) и культовых объектов. Судя по найденным в пределах комплекса фибулам, он функционировал в пределах последней четверти X в. (Кулаков, 2006а. С. 216, 217).

Позднее в результате снятия на Раскопе 2006 г. шт. 2 на участке С (у его западного борта) были выявлены 4 крупных валуна, относящиеся к каменному кругу, ограничивавшему соседствующую с К126А насыпь кург. К126. Она была завершена ок. 980-1000 гг. (судя по находке в погр. 126-1 фибулы типа J.P. 52A – Кулаков, 2006а. С. 216). Не позже этого времени насыпь кург. К126 была окружена каменным кольцом (Кулаков, 2006а. Рис. 3), лучше всего сохранившимся в восточной части насыпи и частично выявленным в Раскопе 2006 г. В связи с этим обнаружение на шт. 2 этих камней даёт прекрасную возможность для относительной датировки насыпи К126А, массив которой лежит под этими камнями и, соответственно, появление здесь этих камней обозначает terminus ante quem была

сооружена более ранняя относительно К126 насыпь К126А.

На могильнике Кауп имеется аналог вскрытому в 2005 г. комплексу. Это женское трупоположение в кургане К163/163, вскрытое Куртом Фойгтманном в 1934 г. (Gaerte, 1935a. S. 40, 41). Это довольно скромное по инвентарю погребение (с костяком – бронзовая (?) лунница и гробовые гвозди) окружено двумя концентрическими кругами, образованными могилами (рис. 50), содержащими находящиеся в различных позах костяки принесённых в жертву людей и коней (?).

2006 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Кург. К126А (назван так по реально соседствующей с запада насыпи К126, исследованной в 2005 г.). Как показывает инструментальная топографическая съёмка (рис. 177), насыпь этого кургана имеет квази-ромбическую форму, для её подошвы выявлены параметры 8 х 7 м при высоте от подошвы 0,80 см. Верхняя платообразная площадка насыпи кургана К126А имеет овальную в плане форму овала, разм. 4,5 х 2 м, выс. от своей микроподошвы 0,40 м. На этом «плато» най-

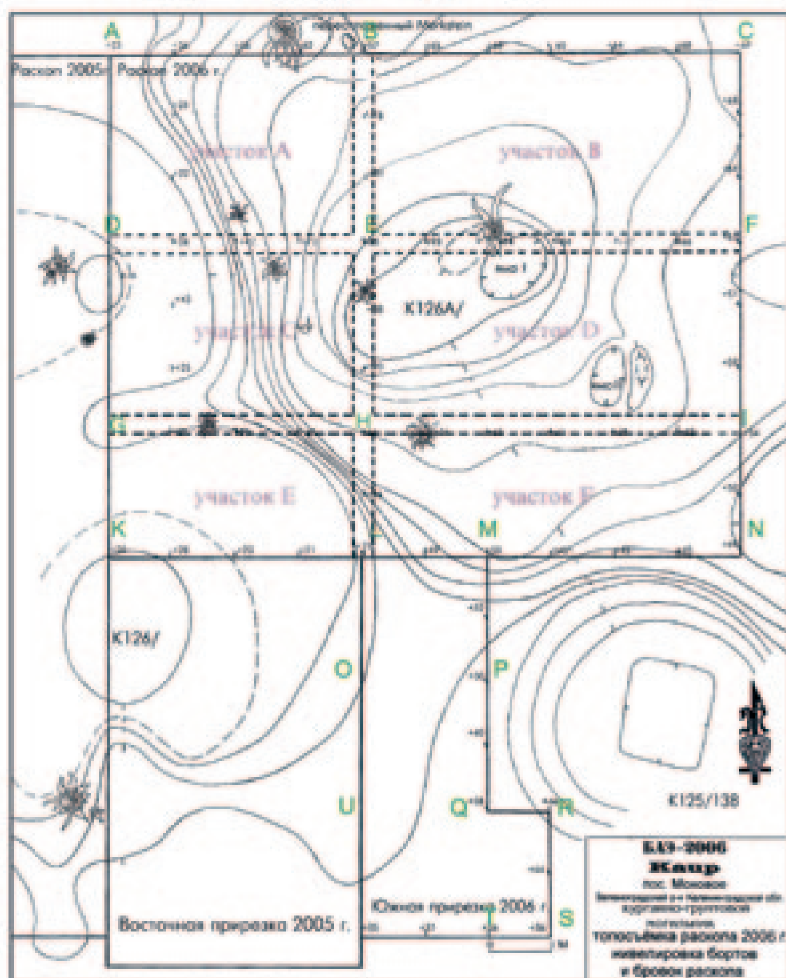

Рис. 177
Топографический план насыпи кург.К126А/.

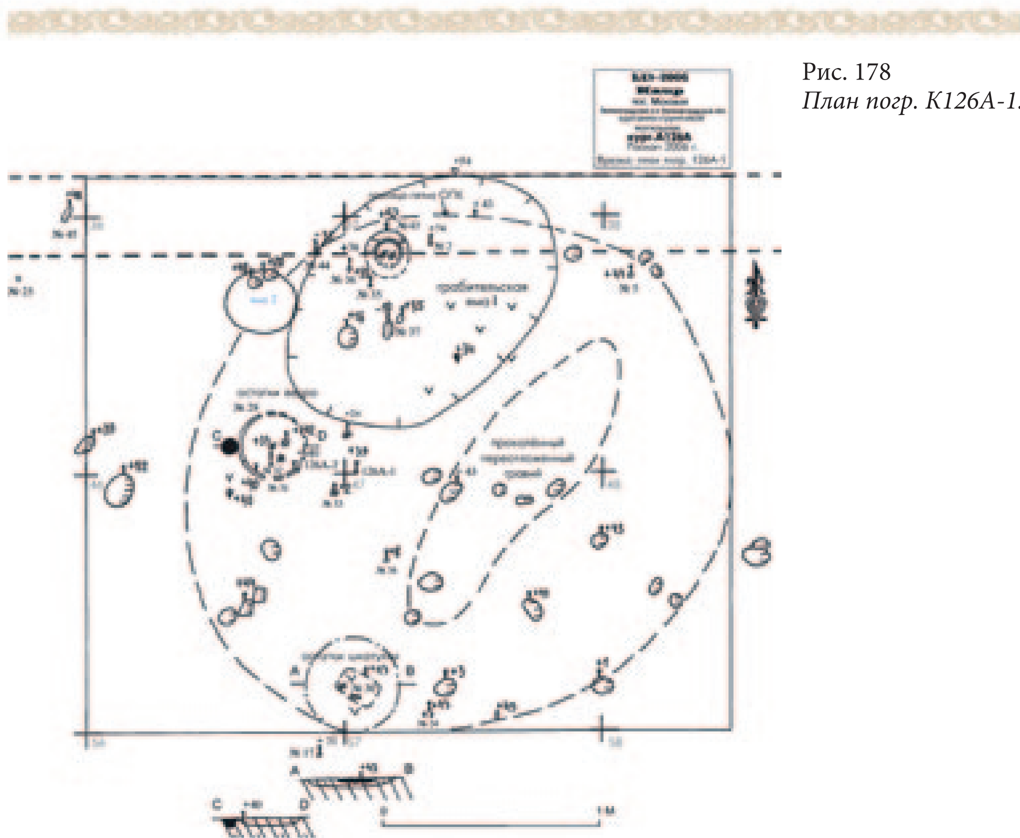

Рис. 178
План погр. К126А-1.

дены ямы I и II – следы деятельности «копателей».

В процессе расчистки поверхности кургана К126А от растительности на северном борту Раскопа 2006 г, рядом с точкой В на современной дневной поверхности, в траве был обнаружен серый валун со следами обработки. Были подтёсаны три из четырёх его боковых поверхностей, благодаря чему камень приобрёл форму, отдалённо напоминавшую параллелепипед (рис. 47). Его высота достигает 35 см, ширина – до 30 см в самой широкой части камня. На верхней точке сфероидной части камня видна выемка. Очевидно, этот камень ранее находился в верхней точке насыпи кург. К126А. Как показывает рисунок археолога Вальтера Гронау (рис. 7), созданный в 1934 г., многие курганы Каупа ещё в предвоенное время сохраняли такие камни в центре насыпи. Согласно немецкой народной традиции, такие каменные обозначения могил именуются die Merksteine.

После расчистки поверхности кургана К126А он был вписан в Раскоп 2006 г., имевший разм. 10 х 8 м, обладавший прямоугольной в плане формой, ориентированный по линии запад-восток.

На зачистке уровня шт. 1 на участке D установлено, что на глуб. от +71 до +54 камни полуовалом в плане окружают платообразную платформу в центре насыпи кург. К126А. Ранее такие черты внешней структуры курганов Каупа не отмечались.

В южной части раскопа, на участках E и F на шт. 2 были выявлены подквадратные и квази-овальные в плане пятна погребённой гумусированной почвы (разм. примерно 1 х 1 м), оставленные,

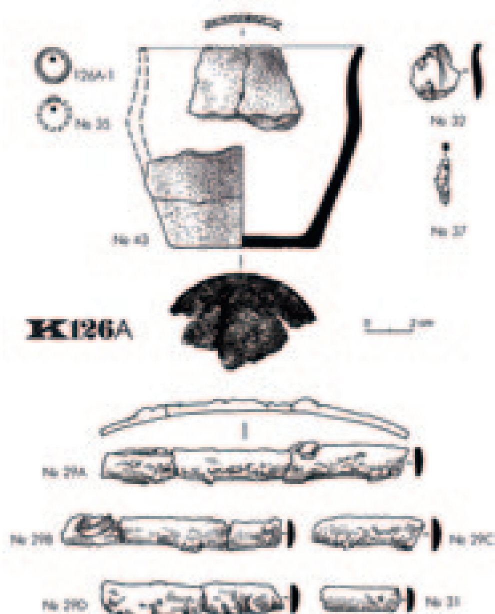
возможно, кусками древнего дёрна при создании насыпи.

В кв. 36 на шт. 2 обнаружены два скопления остатков погребального костра (далее – ОПК) диам. ок. 0,5 м. Судя по наличию в этих скоплениях микроскопических обломков кальцинированных костей, стало ясно, что они связаны с расположенным в этом районе захоронением. Оно было маркировано как «погр. 1» и для его более точного исследования был выделен прямоугольный в плане останец грунта размером 2,5 х 2 м, вытянутый вдоль профиля E-F. На границе кв. 48/49 выявлено скопление из 4 камней, являвшееся крепежом основания столба.

Погр. 1 – овальное в плане скопление гравийно-песчаного грунта в смеси с частицами ОПК округлой в плане формы диам. 2 м (рис. 178), ограниченное разрозненными мелкими камнями. Начиная с глуб. ок. +42 в юго-восточной части кв. 36 выявлены остатки деревянного ведра диам. 0,25 м, заполненного на глуб. до 4 см слоем золистого суглинка с 10 мелкими обломками кальцинированных костей. Среди остатков ведра найдены: фрагменты железных ободьев ведра № 29, 31, обожжённый скребок белого (от обжига ?) кремня № 32 (рис. 179). Обломки ободьев № 29 и 31 сохранили на своей поверхности следы горения. В связи с этим можно выдвинуть предположение о том, что грунт с костями были помещены в ведро непосредственно с погребального костра. Наличие здесь собственно кремации на месте, т.е. под ведром, вряд ли возможно из-за отсутствия сплошного пятна остатков погребального костра (ОПК) и прокала грунта под ним.

Вокруг остатков ведра на глуб. +40 встречены отдельные куски древесного угля, среди них – небольшой фрагмент стенки лепного сосуда № 33. К востоку от ведра, на глуб. +39 обнаружено бронзовое паяное кольцо № 126А-1а. Фактически упомянутое ведро с костями можно считать погребальной урной, в которую были ссыпаны кости с костра, горение которого происходило рядом. Остатки прокалённого гравийного грунта на глуб. +42 были выявлены в кв. 37 и 47. Возможно, трупосожжение происходило именно здесь. Затем кости и ОПК были собраны с костра и помещены в урну-ведро. К юго-западу от места сожжения в кв. 46 найдены остатки сгоревшей деревянной конструкции разм. 0,20 х 0,10 м с куском гвоздя и микроскопическим обломком кальцинированной кости № 30. Эта конструкция видна среди общего скопления гравийно-глинистого грунта диам. 0,42 м. Очевидно, это скопление углей от горелой деревянной конструкции следует считать остатками шкатулки, сгоревшей на погребальном

Рис. 179
Инвентарь погр. К126А-1.

костре в головах (или в ногах ?) покойного и оставшейся под насыпью in situ.

В северной части погр. 1, в северо-западном углу кв. 37 на глуб. +52, под покрытым остатками сгоревшей органики (следы современного костра) дном «копательской» ямы I обнаружена вторая урна – керамический лепной сосуд чёрно-охристого цвета, с крупной дресвой, шамотом и песком в глиняном тесте. Этот достаточно ассиметричный, горшковидный сосуд № 43 слабо обожжён, в связи с чем его расчистка проводилась несколько дней и была сопряжена с массой сложностей. Верхняя плоскость венчика урны № 43 имеет следы косо направленного штампа (палочка ?), имевшего технологический характер и осуществлявшегося для оптимизации (точнее, уплотнения глиняной массы) формовки сосуда. Его дно сохранило большое количество прилипшей дресвы. Ею, очевидно, была посыпана поверхность дощечки, на которой изготавливался сосуд. Наличие этой подсыпки облегчило снятие готовой керамической формы с дощечки для дальнейшего (кстати, весьма слабого, кострового) обжига.

В урне № 43 найдены до 6 мелких обломков кальцинированных костей, к юго-западу от этой урны – фрагменты железной оковки ведра №№ 36, 44 и обломок бронзового кольца № 35. К югу от урны № 43 выявлен мелкий фрагмент железной дужки ведра № 37. Наконец, к востоку от урны № 43 обнаружены 4 обломка оковки ведра № 126А-2, фрагмент лепного сосуда № 5. К западу от урны, в кв. 35 найдены фрагменты железной дужки ведра № 45 и два обломка железной дужки ведра (гвоздя ?) № 25.

Вне погр. 1 в кв. 47 были найдены три обломка оковки ведра № 24, в кв. 15, 28 и 71 – мелкие одиночные фрагменты лепных сосудов.

Общая картина зачистки подошвы шт. 3 показывает выявление мелких камней по периметру невысокой насыпи К126А. Её центр, как уже показало обнаружение погр. 1 на шт. 2, находится на участке D. При этом группы камней на участках C, D и E можно с уверенностью интерпретировать как крепёж основания неких кольев. В кв. 4, 6, 31 и 62 при выборке шт. 3 были обнаружены фрагменты лепной керамики. При этом вызывает интерес находка № 13 (кв. 62), представляющая собой фрагмент ручки сосуда (глиняного кольца ?) серо-коричневого цвета с крупной дресвой в примеси. Кроме того, следует отметить венчик лепного сосуда № 16, найденный на шт. 3 на границе кв. 33 и 34. Этот черноглиняный венчик толстостенного сосуда имеет Г-образный профиль, характерный, как правило, для сосудов Самбии римского времени.

После тщательной зачистки участка А было выявлено пятно заполнения ямы 1 (рис. 180), южная часть которой уходила под бровку D-E.

Яма 1 – в материке – овальная в плане, вытянута по линии север-юг, разм. 2,20 х 1,10 м, глуб. с верхнего уровня гравийной «подушки» – до 0,62 м, заполнена слабо-золистым суглинком со слабым (в верхней части заполнения) и интенсивным (в придонной части) содержанием частиц органики. В результате выборки и зачистки ямы 1 выяснилось, что в древности её выбирали частями в виде сегментов. Эта сегментация связана, скорее всего, с объяснимыми трудностями выемки материковой глины деревянными лопатами (иных шанцевых инструментов в эпоху викингов не предполагается). По своей длинной оси яма 1 была завалена восемью крупными валунами, в пространства между ними были плотно уложены

мелкие камни. Ранее подобного рода каменные кладки на погребальных памятниках эпохи викингов мне не встречались. Края ямы 1 на уровне материка были выложены редкими мелкими камнями. Над заполнением сегмента 1а на шт. 4 был найден небольшой фрагмент лепного черноглиняного сосуда № 26. В заполнении сегмента 1с уже на шт. 5 обнаружен обломок этого же (?) сосуда № 42. В кв. 21, в центре сегмента 1а, между крупными и мелкими камнями, под слоем органики толщиной не менее 4 см обнаружены два плохо сохранившиеся зубы коня № 28. На границе между кв. 21 и 31, на шт. 3 (в бровке), на юго-западном краю ямы 1 найден фрагмент сероглиняного лепного сосуда № 14. Судя по выявленной характеристике ямы 1, она была вырыта после создания гравийно-глинистой «подушки», содержала скопление остатков органики (его форму и размеры невозможно установить из-за обилия камней, повредивших эту группу), в составе которого найдены два зуба коня. Не исключено, что яма 1 является культовым объектом и содержит остатки жертвы, возможно, шкуру коня. На курганно-грунтовом могильнике Кауп аналогичный феномен известен лишь в единственном случае – в кургане, раскопанном И. Хейдеком, сечение насыпи которого в 1931 г. было скопировано Э. Зоммером (рис. 9). Примечательно, что и в этом случае, и в яме 1 Раскопа 2006 г. кости коня не находятся в жертвенной яме в анатомическом порядке, что было бы характерно, например, для носителей традиций прусской культуры.

После зачистки поверхности подошвы шт. 5 на участке Е был выявлен

Котлован А – занимающее западную часть участка Е прямоугольное в плане углубление в материке, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток, длиной не менее 3,20 м, шириной 1,7 м, глубиной в пределах материка ок. 0,40 м. Заполнение котлована у его дна – слой органики мощ. ок. 0,25 м, у бортов – линзы предматерикового суглинка (следствие обвалов бортов). В северной части котлована А, в кв. 61и 62 выявлены скопления мелких камней, в пяти случаях соответствующие кольцевидным в плане креплениям оснований кольев. Кроме того, столбы в котловане А стояли в ямах 3 и 4. Этот котлован находит аналогию в виде помещения 2, обнаруженного на Каупе в 1980 г. на раскопе 2 к юго-западу от кург. К172/. Это помещение также имело котлован разм. 7,20 х 2,0 м, углублённый в материк примерно на 0,5 м. После обнаружения второго подобного комплекса и тоже в непосредственной близости от кургана, примыкая к нему с юго-востока, можно интерпретировать такие объекты на Каупе как возможные остатки неких сооружений культово-поминального характера.

При зачистке поверхности подошвы шт. 3 южной прирезки (кв. 89–94) выявлены многочисленные скопления мелких камней. В 5 случаях эти камни образуют кольцевидные конструкции, в которых могли крепиться основания столбов/кольев.

На шт. 5 на всём пространстве южной прирезки землекопы вышли на материк, лишённый камней. Однако в северной секции (кв. 81–88) на шт. 4 было обнаружено скопление мелких камней, которые в плане составляли прямоугольную фигуру (скорее, её контур) разм. 2,20 х 1,20 м, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. Верхние плоскости камней, составлявших эту фигуру, имели довольно узкий глубинный диапазон – от -31 на северо-востоке до -16 на юго-западе. Складывается впечатление, что эти

мелкие камни подпирали некую прямоугольную по своей форме деревянную (?) конструкцию, при этом её северо-восточная часть была более приподнята, нежели противоположный край конструкции. Вполне логично интерпретировать эту конструкцию как подпорки для погребального ложа, на котором умерший покоился перед сожжением. Приподнятость северо-восточной части изголовья следует, очевидно, расценивать в качестве изголовья ложа. Кроме камней, иные находки на шт. 4 и 5 в южной прирезке отсутствовали.

Работы на Раскопе 2006 г. позволяют следующим образом реконструировать процесс погребения в кург. К126А:

1. После смерти одного из членов коллектива, хоронившего своих мёртвых на могильнике Кауп, была начата подготовка площадки для погребения. Её край на материке был обозначен овальной в плане ямой 2, имевшей разм. 0,30 х 0,27 м, глуб. 0,22 м, заполненной интенсивно-золистой супесью. Площадка по материку была подсыпана гравийно-глинистым грунтом, создавшим массив от шт. 5 до шт. 2. На верхней плоскости этого массива (грунтовой «подушки») была разровнена (оставлена ?) ровная горизонтальная площадка.

2. После подготовки этой погребальной площадки к юго-западу от неё, как и в случае с кург. К128/ (Раскоп 2004 г.), было приготовлено место для расположения тела погребаемого. Вскрытое ранее женское погребение кург. К128/ было и на посмертном ложе, и на погребальном костре ориентировано головой на юго-восток. В случае Раскопа 2006 г. есть необходимость говорить об ориентации тела головой на северо-восток, причём как на погребальном ложе в южной прирезке, так и на погребальном костре. Об этом свидетельствуют камни, выявленные в южной прирезке, подпиравшие прямоугольное в плане ложе.

3. На время пребывания тела на посмертном ложе к югу от него, причём на расстоянии не более 1 м от ложа, были поставлены колья (не менее 6-7), основания которых крепились в каменных «кольцах». Возможно, эти колья держали завесу, предохранявшую тело от термического воздействия солнечных лучей. Не следует забывать, что в эпоху викингов курганно-грунтовой могильник Кауп мог быть лишён лесного покрова, дававшего тень.

4. Кроме заупокойного ложа, планиграфически не связанного с гравийной прослойкой «подушки» под погребальный костёр, в Раскопе 2006 г. был встречен ещё один комплекс, с этой прослойкой не связанный. Это – котлован А, в своей северной части перекрытый по полу ямками и каменными кольцами от семи столбов. Роль этого котлована А в погребальной церемонии до конца неясна. Возможно, котлован вообще не связан с кург. К126А.

5. Погребальный костёр in situ был разложен на площадке, устроенной на гравийной «подушке», возведённой в центре будущего кургана. В процессе возведения «подушки» в её массив были случайно занесены отдельные фрагменты лепной керамики, впоследствии встреченной вне погребения. Центр этой «подушки» был обозначен в начале её сооружения столбом, крепившимся в яме 2. На костре было осуществлено трупосожжение, от которого сохранилось пятно прокалённого гравия в кв. 37 и 47. Тело на костре, как и на погребальном ложе, было ориентировано головой на северо-восток. В ногах тела находилась деревянная шкатулка. Трупосожжение производилось на верхнем горизонте заполнения ямы глуб. ок. 0,30 м, где нахо-

дились дрова. После осуществления акта трупосожжения сгоревшие угли были засыпаны гравийным грунтом, что создало особую гравийно-золистую специфику заполнения костровой ямы.

6. Остатки трупосожжения были изъяты с костра для помещения в урны. На верхний уровень перемешанного слоя ОПК (на верх заполнения костровой ямы) были поставлены примерно в 0,5 м к северо-западу от скопления прокалённого гравия ведро и керамический сосуд. В этих двух вместилищах были насыпаны в небольшом числе кальцинированные кости. Рядом с каждой из урн обнаружено небольшое скопление находок.

7. Судя по наличию в составе инвентаря погр. 1 пары бронзовых колец (интерпретируются как детали крепления подвесок к плечевым фибулам или навершия булавок для причёски) и по небольшому по размерам пятну, оставленному погребальным костром, в кург. К126А захоронены останки женщины. Правда, нельзя с уверенностью утверждать комплектность этого набора, гипотетически потревоженного ямой I. Распределение ОПК и кальцинированных костей по двум урнам может быть следствием захоронения вместе с ней и служанки (слуги). Такой обычай зафиксирован, в частности, в погр. 16 могильника Ирзекапинис, содержавшего останки вождя и его жены (служанки) (Кулаков, 1999в. С. 222).

8. Прямых указаний на дату погребения инвентарь, сопутствовавший останкам, погребённым в кург. К126А, не даёт. Планиграфическая ситуация насыпи этого кургана, подстилающая каменное кольцо соседствующего с запада кург. К126, датируемого серединой-второй пол. X в., позволяет предполагать, что захоронение в кург. К126А было совершено in terminus ante quem, то есть в первой пол. X в. или даже в конце IX в. Возможно, датирующий материал находился в верхней части погр. 1 кург. К126А, но был изъят копателями, выбравшими здесь грабительскую яму I.

Интересным раритетом, находившемся в распоряжении жителя пос. Вишнёво А. Пройсса, был вислообушный топор (рис. 31). Согласно типологии А.Н. Кирпичникова, в древнерусском материале такие топоры относятся к подтипу IVA и датируются X–XI вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 310). В скандинавском материале наибольшую близость топору из пос. Вишнёво представляет тип J.P.B, в основном относимый к X в. (Петерсен, 2005. С. 71). У лезвия топора слабо виден сварочный шов, свидетельствующий о напайке лезвия. Вероятно, эта находка была связана с расположенными южнее пос. Вишнёво поселением и могильником Кауп. Этот топор был найден на восточном краю усадьбы (участок, окружавший бывш. школьное здание) А. Пройсса в слое остатков костра, при рытье хозяйственной ямы. Возможно, этот топор ранее входил в состав экспонатов школьного музея пос. Wosegau (ныне – пос. Вишнёво) и перед отъездом (точнее, насильственной депортацией) местных жителей в 1947 г. был депонирован в земле школьными работниками.

Поступивший из пос. Вишнёво топор близок вислообушным топорам типа Nadolski III, в целом датируемым XI в. Польский археолог Мечислав Хафтка считает, что выпадение топоров этого типа, фиксируемое в низовьях р. Висла, связано с противостоянием между поляками и пруссами в XII–XIII вв. (Haftka, 1971. S. 452, 453). При этом польский коллега упоминает находку топора этого типа на могильнике Кауп. Правда, нигде

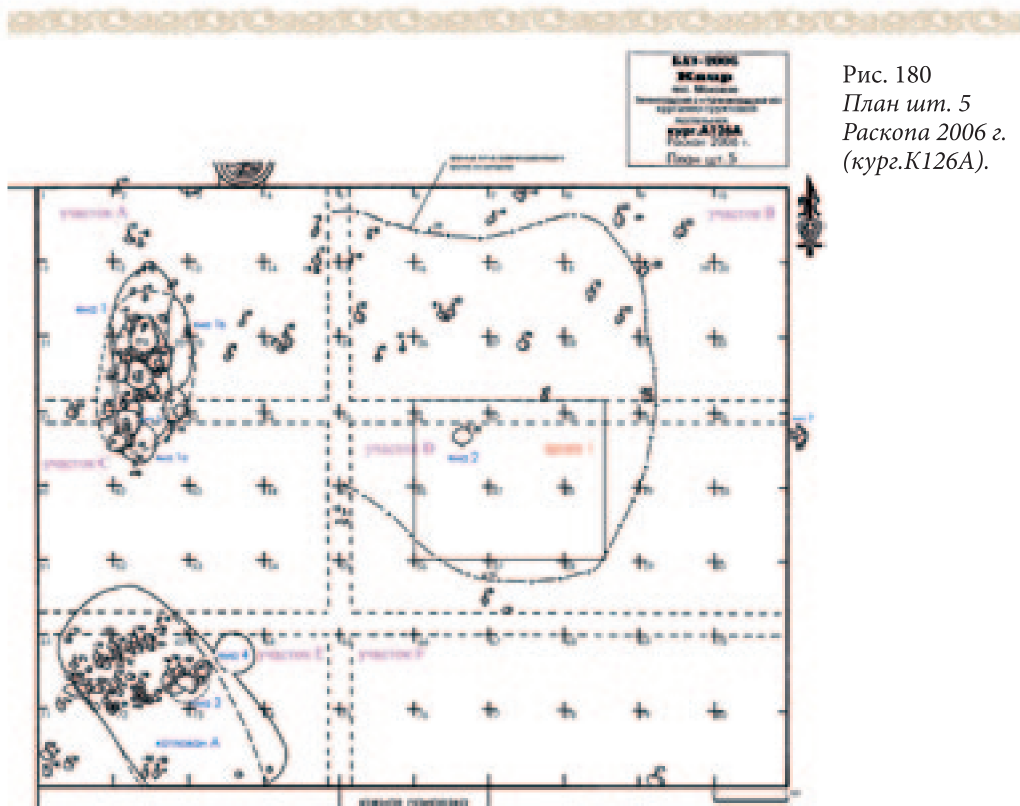

Рис. 180
План шт. 5
Раскопа 2006 г.
(кург.К126А).

в литературе эта находка не упоминается. Не совсем ясна и аргументация распространения таких топоров к югу от совр. г. Эльблонга. Дело в том, что борьба пруссов с поляками разворачивается здесь с конца XII в., а топоры типа Nadolski III имеют скандинавское происхождение и не встречаются за пределами XI в.

2007 г.

(*раск. В.И. Кулаков*)

Кург. К140а (так решено назвать имеющийся здесь курган по насыпи, соседствующей с севера и пронумерованной на плане могильника как К140) имеет 8-образную в плане насыпь, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад с размерами 8 х 6 м при высоте от своей подошвы примерно 0,30 м (сечение горизонталей на нивелировочном плане – 5 см – рис. 180).

Зачистка уровня шт. 1 показала наличие в секторе А слабо изогнутой в плане каменной конструкции, вытянутой по линии север-юг на 3 м. Интересно, что в соседствующем с востока секторе В (оба сектора имели ширину 3 м) также была найдена каменная конструкция, её камни гораздо многочисленнее и мощнее кладки из сектора А. В центральной части сектора В в кв. 19–21 и 30–32 было зачищено на уровне подошвы шт. 1 яйцевидное в плане пятно интенсивно-золистого суглинка с включениями частиц органика. Пятно в секторе В является верхней частью засыпки (так точнее, ибо погребение не осуществлялось в яме, а постоянно досыпалось грунтом по мере формирования насыпи) погр. 1 (рис. 182).

В восточной части сектора А на шт. 2 были выявлены очередные камни конструкции, обретшей вид овала или прямоугольными со скруглёнными краями.

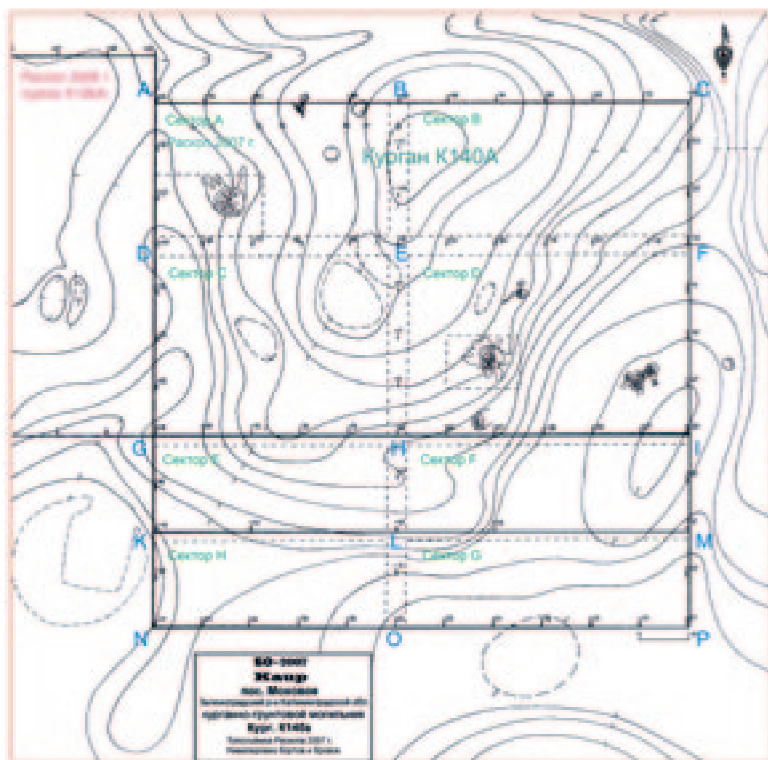

Рис. 181
Топографический план насыпи кург.К140А/.

Эти камни накладывались друг на друга по мере подсыпки насыпи в данной части кургана. При выборке шт. 2 в секторе В в кв. 8 была найдена пара бронзовых черепаховидных (овальных) фибул (рис. 183), лежавших на грунте лицевыми сторонами вверх. В ходе оперативной расчистки этих фибул, получивших по их расположению относительно друг друга № 6Nord и 6Süd, было выявлено довольно аморфное по своих очертаниям пятно остатков органики тёмного оттенка (толщ. менее 1 мм), имевшее разм. 0,7 х 0,7 м и вытянутое по линии северо-запад – юго-восток. Пара фибул располагалась в северо-западной части этого пятна, очень слабо читавшегося на поверхности расчистки шт. 2.

После проведения полевой фазы расчистки поверхностей фибул выяснилось, что на их лицевых сторонах (точнее, на ажурных внешних полусферических накладках) следы органики отсутствуют. Напротив, на внутренних сторонах остатки органики были представлены обильно, концентрируясь вокруг железных игл фибул. Это наблюдение указывает на то, что фибулы, вполне вероятно, присутствовали на верхней женской одежде (вариант сарафана), скрепляя его бретели на уровне женских плеч (над ключицами). Очевидно, этот сарафан был положен на уровне шт. 2 в насыпи кургана. Кстати, при раскопках прусского грунтового могильника Dollkeim/Коврово в отдельных трупосожжениях VI в. ранее также было отмечено положение в могилу женского платья с фибулами in situ (Кулаков, 2007б. Рис. 76, 111).

Снятие и расчистка подошвы шт. 3 в секторе А была ознаменована устранением каменной конструкции, выявленной на предыдущих двух штыках. В

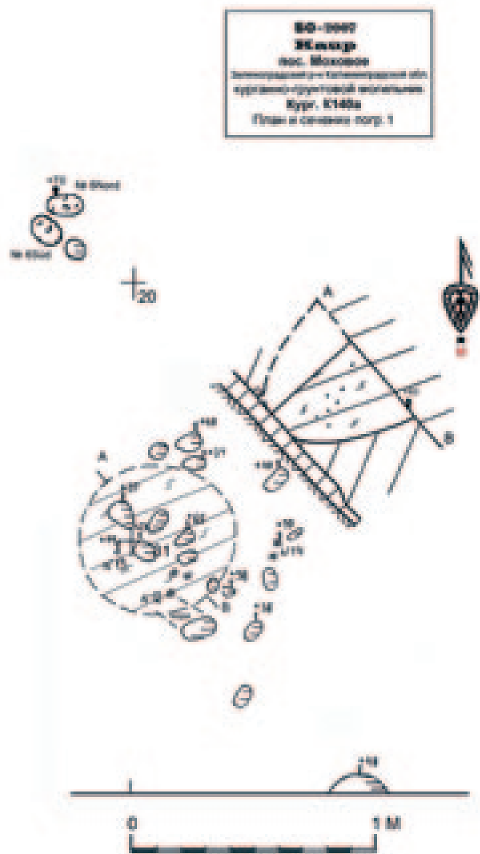

Рис. 182
План погр. К140А-1.

западной части сектора С на шт. 3 была выявлена серповидная в плане зона распространения интенсивно-золистой супеси разм. примерно 3 х 1,5 м. Эта зона, частично перекрытая мелкими камнями, являлась, видимо, остатками засыпки ровика, существующего ниже уровнем и окружавшего курган.

После окончания зачистки поверхности шт. 4 в секторе С при сохранении здесь останца погр. 2 выявлена вытянутая с северо-востока на юго-запад миндалевидная в плане группа многочисленных мелких камней. Возможно, значительная часть этих камней является остатками крепежа основания мелких столбов или кольев. В таком случае упомянутая группа камней является остатками некоей столбовой конструкции, связанной с процессом погребальных церемоний. При общем взгляде на зачистку шт. 4 в секторах С и D выявляется читаемое с большим трудом пятно, сформированное на глинистом предматерике небольшим массивом гравийно-песчаного смешанного грунта. В плане это пятно имеет вид неправильного овала (рис. 184). Как и описанный выше подобный феномен в секторах А и В, гравийно-песчаное пятно в центральных секторах также является границей гравийной подушки или границей курганной насыпи в целом.

Погребальные комплексы, выявленные на разных этапах работ на Раскопе 2007 г.:

Погр. 1 (сектор В, кв. 20, 31) - изучалось по останцу, оставленному на шт. 2 ввиду очень слабо читаемого пятна с весьма невнятными очертаниями (на плане погр. 1 в результате этого контур могилы обозначен пунктиром – рис. 182). Погребение располагается в округлой в плане яме диам. ок. 0,63 м, выбранной с уровня верхней поверхности слоя интенсивно-золистого суглинка, в 0,50 м от уровня глинистого материка. Здесь материк на площади будущего кургана был перекрыт частью насыпи, а затем в этой части насыпи была выкопана могила для погр. 1. Именно благодаря рыхлой, не сформировавшейся консистенции данной части насыпи очертания могильной ямы в плане оказались весьма аморфными. Эта могильная яма не достигла 6 см до материка, её глубина составляет 0,47 м. В нижней части заполнения могилы обнаружены 5 мелких камней, могущих являться остатками крепления нижней части кола, имевшего некое церемониальное (?) значение. Могила в сечении имеет вид усечённого

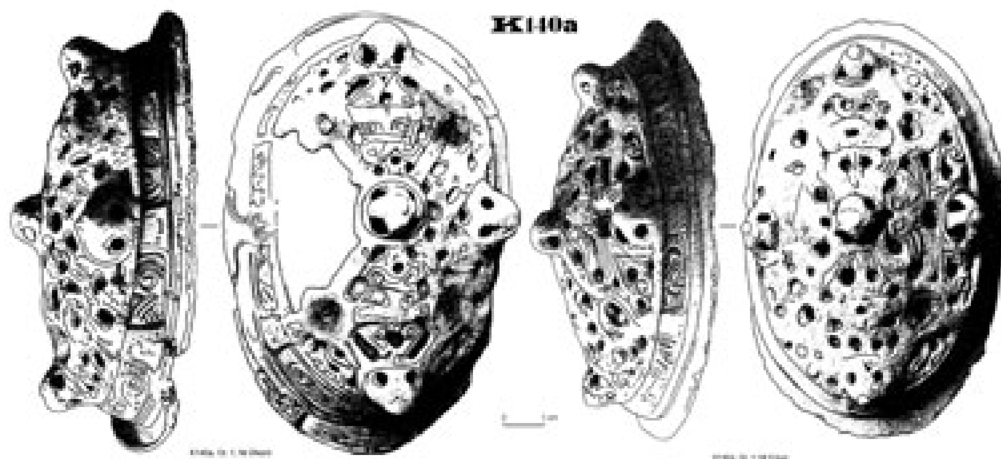

Рис. 183
Инвентарь погр. К140А-1.

конуса, заполнена слабо-золистым суглинком с редкими включениями частиц органики. В южной части заполнения могилы выявлена группа из 7 мелких фрагментов кальцинированных костей и 6 кусков древесного угля. Между отдельными кусками костей и угля находились частицы заполнения могилы.

Таким образом, ясно, что остатки проведённого на стороне трупосожжения не были совокупно положены в могилу, а были высыпаны в неё, смешавшись с частицами грунта заполнения. Отдельные обломки кальцинированных костей оказались вне могилы (рис. 182 – № 14), что, скорее всего, стало результатом деятельности грызунов. При выборке шт. 2 в кв. 30, к западу от могилы погр. 1 найден фрагмент сланцевого точила, оче-

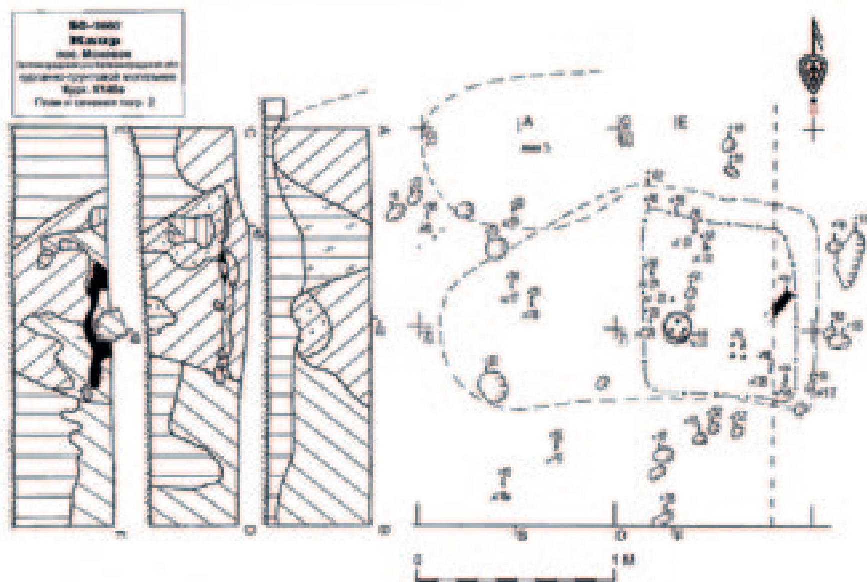

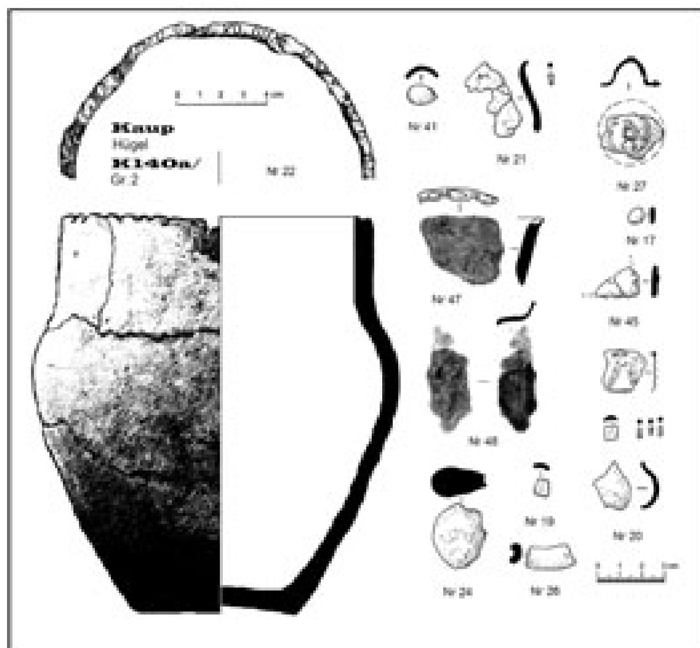
Рис. 184
План погр. К140А-2.

видно относящегося к этому комплексу. К нему же относится и пара фибул, обнаруженная на шт. 2 в 0,86 м к северо-западу от могильной ямы погр. 1 (рис. 183). Уровень залегания фибул лишь на 0,10 м превышает уровень верхней плоскости заполнения могильной ямы погр. 1. Их нахождение в непосредственной близости от этого погребального комплекса, в сущности, весьма скромного по своему инвентарю, является следствием заупокойной жертвы, принесённой кем-то из участников погребальной церемонии. Сходная черта обрядности была зафиксирована на курганно-грунтовом могильнике Кауп в Раскопе 2004 г. при раскопках кургана К128/146 (см. выше). Там над женским трупосожжением была найдена частично обожжённая трилистная фибула IX – нач. X в. Расположение фибул № 6Nord и 6Süd лицевыми сторонами вверх, а также указанные выше параметры пятна остатков органики, густой и вязкой на ощупь, предполагают возлагание застёгнутого фибулами платья лицевой поверхностью непосредственно к северо-западу от уже засыпанного заполнением погр. 1.

В соответствии с типологией овальных фибул Ингмара Янссона, фибула № 6Nord относится к типу J.P.51C, а фибула № 6Süd – к типу J.P.51G (Jansson, 1985. P. 68-76). В целом данный тип фибул датируется в Скандинавии концом IX – началом X вв. (Jansson, 1985, P. 182). При этом более ранним в нашем комплексе фибул предметом является застёжка № 6Nord типа J.P. 51C. Этот артефакт попал в руки обитателей Каупа с отсутствующим сектором внешней ажурной сферы. Есть смысл считать фибулу № 6Süd типа J.P.51G релятивно более поздней относительно фибулы № 6Nord, точнее, его дериватом, что вытекает из анализа деталей изображений на обеих фибулах. Быть может, более поздняя фибула была изготовлена на месте (вернее, на Самбии) по образцу более ранней фибулы, пути поступления которой в землю пруссов, судя по отсутствующему сектору, простыми не были.

Погр. 2 (сектор C, кв. 59, 60, 70, 71, рис. 184) – изучалось по останцу, оставленному на шт. 2 ввиду очень слабо читаемого пятна с нечётко читаемыми очертаниями. Погр. 2 расположено в могильной яме, верхняя граница которой имеет очертания вытянутого по линии запад-восток пятиугольника разм. 1,92 x 1,10 м, глуб. до 0,48 м. Эта могильная яма выбрана с уровня подошвы шт. 1 (глубинная отметка +60) и заполнена интенсивно-золистым суглинком. Могильная яма выбрана в слое слабо-золистом суглинке (рис. 184), являющемся верхней частью массива курганной насыпи, вскрытой в центральной части Раскопа 2007 г. Сечение A-B, пролегавшее по линии север-юг в западной части останца погр. 2 (рис. 184), показало глубину могильной ямы погр. 2 в его западной части 0,40 м, наличие в его придонной части линзы супеси со значительной примесью гравия мощ. 0,20 м и присутствие к северу от погр. 2 овальной в плане (?) ямы 5 разм. 0,80 x не менее 1 м, глуб. от подошвы шт. 1 ок. 0,5 м, вытянутой по линии запад-восток, заполненной интенсивно-золистым суглинком. Находки в яме 5 отсутствовали, однако на глуб. +38 между этой ямой и погр. 2 была обнаружена группа небольших кусков древесного угля № 15 (кв. 59). В своей восточной части глубина ямы 5 уменьшается до 0,4 м. Это отмечено в сечении C-D, согласно которого могильная яма погр. 2 пронизывает яму 5. Ясно, что погр. 2 было осуществлено позже создания ямы 5, предназначение которой, не исключено, культовое. Эта яма могла использоваться в неких погребальных це-

Рис. 185
Инвентарь погр. К140А-2.

ремониях, завершившихся сооружением могилы для погр. 2.

В сечении C-D в верхней части заполнения могильной ямы погр. 2, представленном преимущественно интенсивно-золистым суглинком, видна тонкая (толщ. не более 0,05 м) прослойка угля и остатков погребального костра (ОПК). Также мощное скопление ОПК отмечено в левой (северной) части этого сечения. Оно могло оказаться здесь, будучи насыпанным (и принесённым с погребального костра) в некое углубление цилиндрической формы (по сеч. C-D – глуб. ок. 0,40 м, заполнено слабозолистым суглинком с примесью гравия), оставленное после изъятия стоявшего здесь столба (?). При подготовке третьего сечения – E-F – на глубинной отметке +60 была обнаружена урна № 22 (рис. 185). После её выемки из погр. 2 и первичной реставрации в полевых условиях были установлены её параметры – выс. 18 см и диам. горла 12 см. Урна является лепным сосудом, её поверхность серо-охристая, обжиг неровный, в примеси глиняного теста имеются крупный песок и дресва, верхняя плоскость венчика уплотнена при помощи оттисков палочки. Кроме урны, в заполнении погр. 2 были обнаружены отдельно от неё фрагмент венчика № 47, принадлежащий толстостенному черноглиняному лепному сосуду с крупным песком (кварцитом) в примеси и с пальцевыми (?) вдавлениями по венчику и кусок серой сильно обожжённой глины № 24. Фрагмент венчика № 47 интенсивно обожжён (фактически – сожжён) вторично. Интерес представляет происходящий из кв. 60 обнаруженный к западу от урны фрагмент обожжённого глиняного предмета № 26. При дополнительном осмотре этот обломок оказался частью желобообразного керамического изделия, принадлежность которого остаётся неясной.

Уже при первичной расчистке урны было установлено, что она стоит, наклонившись на север (сеч. E-F), на слое горелой древесины толщ. до 0,10 м. Этот слой имеет подпрямоугольные очертания,

разм. 0,90 х 0,80. Урна, заполненная слабо-золистым суглинком и содержавшая у своего дна не более 10 мелких обломков кальцинированных костей, располагалась в юго-западной части слоя горелого дерева. Благодаря весьма тщательной долговременной расчистке этого массива сожжённого дерева удалось выявить не только западную часть урны, выступавшую из сечения E-F, но и выявить мелкие обломки деревянного массива, на которых урна стояла. Эти обломки относились к некоему уплощённому предмету, края которого возвышались над его дном примерно на 2-3 см. Скорее всего, этот предмет можно интерпретировать, как долблёное деревянное корыто (широкий поднос). Грунт под слоем горелой древесины сохранил следы слабого прокала, поэтому с уверенностью можно предположить, что перед тем, как урна с костями была поставлена на деревянное «корыто», оно было подожжено и сгорело полностью. На этом деревянном ложе находилось тело умершего (судя по размерам ложа – ребёнка). После осуществления кремации некоторые его кости были собраны с костра и помещены в урну, поставленную в юго-западной части погасшего кострища. На самой урне следов воздействия огня не отмечено. Однако кости были собраны с кострища далеко не полностью, их основное скопление (27 кальцинированных костей № 22) обнаружено в восточной части кострища, 31 обломок кальцинированных костей рассеян в западной части могилы за пределами сожжённого in situ деревянного ложа. Вместе с обломками кальцинированных костей на кострище остались фрагменты сожжённых деталей инвентаря. Эти детали были обнаружены на уровне расположения урны в погр. 2 и представлены обломками бронзовой черепаховидной фибулы (в том числе – два ажурных умбона), тип которой пока, к сожалению, не установим. Кроме того, под № 20 в кв. 70 найдены мелкие обломки железной (с псевдо-жемчужным орнаментом) и бронзовых пластин (подвесок, пластинчатых украшений одежды ?) и заклёпок, относящихся к предметам неустановленных типов (рис. 185).

Особенности погр. 2, выявленные при его разборке и обстоятельства находок элементов погребального инвентаря позволяют предложить следующую реконструкцию процесса сооружения этого объекта:

1. После возникновения необходимости сооружения погр. 2 (то есть, после факта смерти одной из обитательниц поселения Кауп) в массиве слабозолистой супеси, заблаговременно насыпанной на месте сооружения кургана, была выбрана яма 5. Не исключено, она имела культовое предназначение.

2. После завершения действий, связанных с ямой 5, к югу от неё была выкопана могильная яма для погр. 2. В её северной части был в заполнении могилы поставлен памятный (жертвенный ?) столб, вынутый после осуществления погребения. Его яма была после этого заполнена остатками погребального костра.

3. Могильная яма была заполнена примерна на 0,40 м от уровня своего дна слоем слабозолистого суглинка (практически идентичен первоначальному массиву насыпи кургана), на этот слой было поставлено деревянное ложе. На нём по линии север-юг (так вытянуто ложе) было помещено тело умершей и кремировано in situ.

4. Тело умершей, сопровождаемое погребальным инвентарём (в основном – украшения в виде фибул и прочих предметов), закладывается горючим материалом в виде досок и кремируется.

5. После завершения процесса кре-

мации часть останков собирается и помещается в урну, которая ставится в юго-западной части погребального костра. Ни один из фрагментов обожжённого (точнее, сожжённого при большой температуре) инвентаря после завершения горения погребального костра не был собран (возможно, у участников церемонии не было достаточно времени для ожидания остывания этих предметов) и в урну не попал. Так как основная часть обломков украшений найдена в северной части кострища, а фрагмент сосуда № 48 – в его юго-восточной части, можно полагать, что тело погребенной (фибулы указывают пол покойной) было возложено головой на север. Сосуд с заупокойными подношениями мог находиться у ног погребённой.

6. Урна установлена и погр. 2 начинает засыпаться грунтом, аналогичным грунту, ранее использовавшемуся при начале сооружения насыпи. Как показывает план погр. 1, по границам могильной ямы на уровне, более высоком, нежели уровень венчика урны, возлагаются отдельные камни.

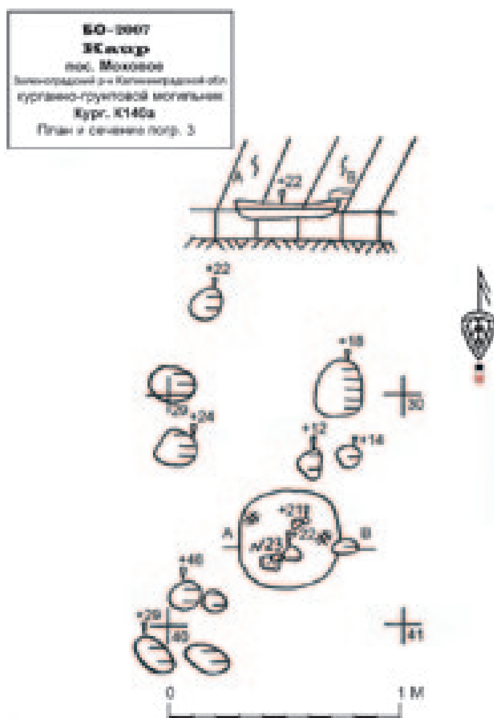

Рис. 186
План погр. К140А-3.

<u>Погр. 3</u> (сектор В, кв. 29, рис. 186) – располагается в яме округлой (точнее – несколько подквадратной) в плане формы, диам. 0,45 х 0,43 м, глуб. ок. 0,12, заполнена остатками погребального костра. Первые следы ОПК над погр. 3 были отмечены ещё на шт. 2. Пятна ОПК, обнаруженные над погр. 3, являются остатками нор грызунов, вынесших ОПК наверх из могилы. Благодаря этим действиям значительная часть объекта оказалась разрушенной, поэтому могильная яма погр. 3 сохранилась на незначительную глубину, что имеет мало общего с практикой создания погребальных комплексов на Каупе. В погр. 3 найдены три фрагмента стенок лепного буро-глиняного сосуда с мелким кварцитом в примеси и со следами горизонтального заглаживания глины на внешней поверхности сосуда и обломок венчика светло-охристого лепного горшка с мелким песком в примеси и с вдавлениями пальца (?) по краю венчика № 23 (рис. 187). В пределах могильной ямы на уровне предматерика в погр. 3 найдены 2 мелких обломка кальцинированных костей. Данный комплекс представляет собой сожжение на стороне, остатки которого были принесены и помещены в могильную яму. Она могла, как и в случае с погр. 1 и 2, выбираться с уровня частично уже насыпанной насыпи. Однако деятельностью грызунов верхняя часть могильной ямы погр. 3 оказалась уничтоженной. Пробы угля, взятые на анализ по методу C14 в лабораторию Института наук о земле

Рис. 187
Инвентарь погр. К140А-3.

(Университет Киль), дали датировку для погр. 3 эпохой неолита. Очевидно, в заполнение могильной ямы попала частичка органики из культурного слоя неолитического поселения, которое, не исключено, подстилает курганно-грунтовой могильник Кауп.

Погр. 4 (сектор А, кв. 4, 5, 15, 16, рис. 188) – трупоположение, в котором череп теменем ориентирован на север. Следов могильной ямы в материке для погр. 4 зафиксировано не было. В процессе подсыпки насыпи по условной границе могилы люди, сооружавшие насыпь, постоянно выкладывали камни разной величины. На шт. 2 каменная конструкция вокруг погр. 2 составляла в плане овальную фигуру, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад, разм. 2,2 х 1,5 м. Так как камни из юго-западной части этой конструкции были обнаружены на шт. 1, можно предположить, что эта фаза конструкции была возведена после завершения процесса создания курганной насыпи, на её поверхности. На шт. 3 каменная конструкция имела вид остроугольного треугольника, а на шт. 4, на уровне предматерика обладала формой овала, вытянутого по линии северо-восток – юго-запад, разм. 2,30 х 1,20 м. Могильную яма разм. 1,95 х 0,90 м, выбранная для погр. 4 в предматерике на глуб. 0,10 м и ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение могилы – интенсивно-золистый суглинок. Поразительно несовпадение контуров могильной ямы и очертаний каменной конструкции, призванной, очевидно, обозначать границу могилы на протяжении всего массива курганной насыпи. Как показывает план погр. 4 (рис. 188), и череп, и верхняя часть туловища погребённой (правда, кроме остатков левого плеча кости костяка здесь не сохранились ввиду специфики местной почвы, лишь много южнее, в кв. 15 встречена, возможно, пяточная кость ноги скелета) выходят на 1 м в северном направлении от северной границы каменной конструкции, зафиксированной на шт. 4. Камни северной части конструкции пересекают наискось могильную яму и под тяжестью своего веса сквозь её заполнение глубоко проседают в материк (рис. 188). Складывается впечатление о том, что или между моментом возложения тела умершей в могилу и началом формирования каменного венца прошёл довольно значительный отрезок времени, или эти указанные операции производили разные люди.

После первичной расчистки остатков черепа выяснилось, что в районе его нижней челюсти, представленной в виде развала отдельных фрагментов костей и зубов, расположена группа находок (рис. 189), включая изделия из бронзы (рис. 190). Дальнейшая расчистка позволила уточнить состав группы находок в районе нижней челюсти, с запада ограниченных зубом, с востока – мелким обломком не-

Рис. 188
План погр. К140А-4.

сожжённой кости. На остатках бронзовой пластины № 35 были обнаружены янтарная гранёная бусина № 36 (вполне симметричных очертаний) и пастовая бусина тёмно-синего (со свинцовым оттенком за счёт патины) цвета № 37 (сохранность плохая, крошится). В западной части бронзовой пластины № 35 была обнаружена янтарная кубо-октаэдральная бусина № 38. Однотипная (но более симметричная) янтарная бусина № 29 была найдена в восточной части черепа. В его западной части обнаружены обломки плохо сохранившейся бронзовой пластины № 30. Видимо, обе последние находки связаны с головным венчиком, некогда украшавшим голову покойной. Наконец, у левой ключицы покойной были найдены С-видно свёрнутый обломок бронзовой пластины и микроскопическая серебряная бусина № 39 (рис. 190). Упомянутые два обломка бронзовой пластины, найденные у нижней челюсти и у левого плеча погребённой, сложены таким образом (№ 39), что позволяет трактовать её как бронзовое оформление верхнего ворота края платья (бронзовый «воротник»). Последним компонентом погребального инвентаря, обнаруженным в погр. 4, является обломок кремнёвого ножа № 31, об-

Рис. 189
План остатков черепа из погр. К140А-4.

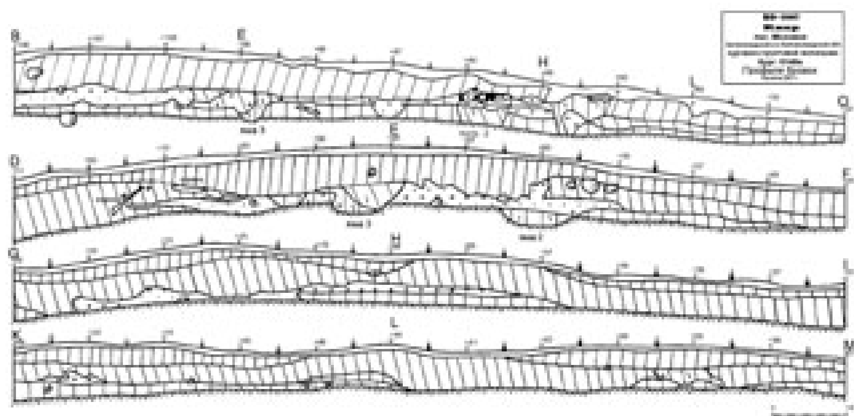
Рис. 190
Инвентарь погр. К140А-4.

наруженный в северо-западном углу кв. 16 на шт. 4. Кроме того, возможна связь с комплексом погр. 4 фрагмента венчика толстостенного лепного сероглиняного горшка, найденного в восточной части каменной конструкции в кв. 17 на шт. 3. Этот фрагмент не имеет следов вторичного обжига, обладает большим числом частиц крупной дресвы и песка в качестве примеси.

Сечение B-O (рис. 191) показывает общую тенденцию к падению современной дневной поверхности в пределах Раскопа 2007 г. от +100 на севере до + 22 на юге. Средняя мощность заполнения Раскопа 2007 г., отмеченного в сеч. B-O, достигает мощ. 0,80 м. Основная часть этого заполнения составлена слабозолистым суглинком мощ. ок. 0,35 м. Эта прослойка подстилается слоями интенсивно-золистого суглинка (мощ. 0,05 м, завершается в 1 м к северу от пикета O) и предматерика (мощ. 0,30 м). Остаток метража в массиве грунта приходится на дёрн (мощ. 0,10 м). Первые 2,5 м в северной части сеч. B-E отмечены присутствием гравийно-песчаного слоя мощ. 0,25 м, перекрывающего предматерик. Смесь гравийно-песчаного грунта и интенсивно-золистого суглинка перекрывает яму 3, находящуюся под пикетом E (рис. 49). В 2 м к югу в предматерике отмечена линза гравийно-песчаной смеси мощ. до 0,22 м. Далее на 1 м в южном направлении в сечении E-H отмечено сечение погр. 2, показывающее общую глубину погребения – до 0,45 м. Основное заполнение могильной ямы – интенсивно-золистая супесь с примесями органики – перекрыто слоем смешанных ОПК общей мощ. 0,15 м. При анализе этого сечения впервые было выдвинуто предположение о том, что довольно слабая линза интенсивно-золистого суглинка на отрезке E-O – первичная курганная насыпь, в которой выбран самый ранний для Раскопа 2007 г. погребальный комплекс – погр. 2. На участке B-E зафиксирована релятивно поздняя насыпь – слой гравийно-песчаного грунта. Он перекрывает яму 3, выбранную в уже насыпанной ранней насыпи – слое интенсивно-золистого суглинка.

Сечение D-F пересекает северную часть Раскопа 2007 г. по линии запад-восток и показывает максимальную точку кургана К140к на пикете E +95. К краям сечения наблюдается падение уровня современной дневной поверхности +51 к западу и +45 к востоку. Основной массив грунта в сеч. D-F достигает мощ. 0,70 м и состоит преимущественно из слабозолистой супеси мощ. 0,35 м. Ниже этот

Рис. 191
Сечения Раскопа 2007 г. (кург.К140А).

слой подстилается прослойкой гравийно-песчаной смеси мощ. 0,25 м, имеющей в данном сечении длину по линии запад-восток 6,5 м. Под пикетом Е в этом слое выбрана яма 3, в 2 м к востоку от неё в материке выбрана яма 2, перекрытая гравийно-песчаной смесью. В 3 м от западного борта в сечении D-E в материке отмечено очень слабое (до 0,05 м) углубление, являющееся остатками ровика.

В 4 м к югу от этого сечения расположено сечение G-I. Максимальное превышение грунта отмечено в его западной части +72, к западу – падение до +49, к востоку +27. Основная мощность насыпи, фиксируемая в этом сечении достигает 0,70 м и составлена преимущественно из интенсивно-золистого суглинка, предположительно являющейся первичным массивом курганной насыпи. Под пикетом Н на предматерике отмечена тонкая (мощ. ок 0,10 м) прослойка гравийно-песчаной смеси (рис. 192), опускающаяся на уровень материка в западной части сечения.

Последнее сечение по линии запад восток – К-М – показывает практическое отсутствие возвышений или падений уровня современной дневной поверхности. Основной массив заполнения Раскопа 2007 г. оставляет 0,50 м и представлен в основном интенсивно-золистым суглинком. Она связана, очевидно, с ранней версией насыпи, однако является её шлейфом, естественным образом сползшим с насыпи на межкурганное пространство.

Древнейшим для кургана К140а является погр. 2 – трупосожжение на месте. Ему предшествовало создание культовой ямы 5, частично прорезанной могильной ямой погр. 2. Оно было осуществлено в верхней части заполнения могильной ямы, выбранной на вершине небольшой по высоте (не более 0,30 м от подошвы) насыпи (ранняя версия), составленной из интенсивно-золистого суглинка. Перед сооружением этой насыпи в северной части её будущей территории была выбрана яма 2, на южном краю будущего кургана появилась яма 4. Обе они имели, скорее всего, культовое (жертвенное ?) значение. Начальный этап сооружения насыпи был отмечен появлением серповидного в плане ровика, следы которого обнаружены в материке в секторе С. Принадлежность этого ровика связана или с ритуальными надобностями, или с получением дополнительного грунта при сооружении ранней версии насыпи. Наличие на шт. 3 засыпи этого ровика слоем слабозолистого суглинка, с запада оконтуренным мелкими камнями, кажется, свидетельствует в пользу первого варианта

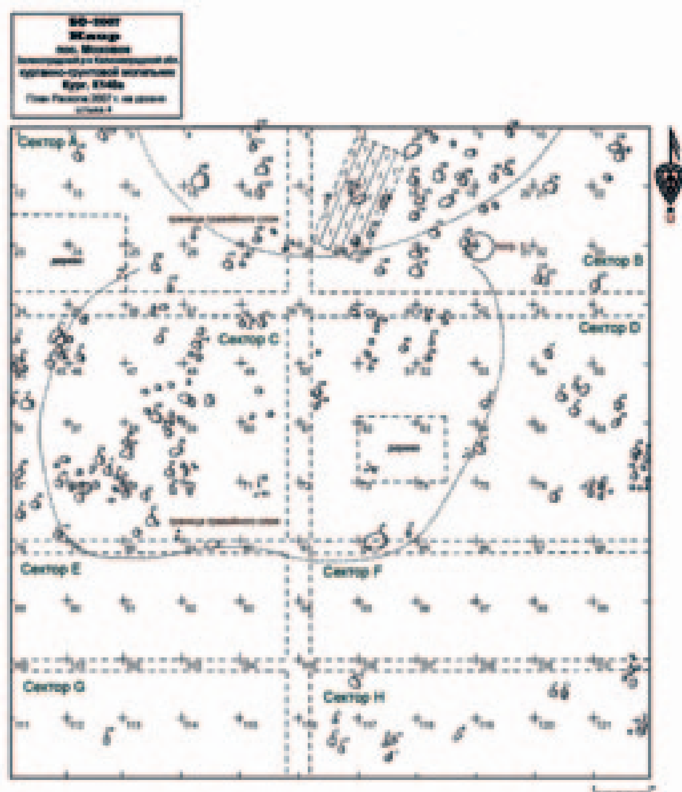
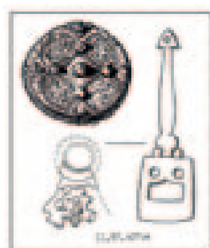

Рис. 192
Глинисто-гравийная «подушка» в сечении кург.К140А.

интерпретации ровика. Правда, указанный феномен может являться результатом оползания первой версии насыпи. В основе этой насыпи находилась «подушка» из гравийно-песчаной грунтовой смеси, фрагментарно встреченная при расчистке шт. 4 и отмеченная на соответствующем плане Раскопа 2007 г. Эта «подушка» имеет в плане овальную форму и обладает размерами примерно 7 х 5 м. Непосредственно с юго-востока к этой «подушке» примыкает каменная конструкция полукруглой в плане формы, открытая в секторе F. Мощные камни этой конструкции возвышались на протяжении веков над поверхностью почвы, что, очевидно, было задумано при сооружении этой величественной каменной кладки. Она имеет отношение к неким заупокойным (поминальным ?) ритуалам. Ранее подобные комплексы неоднократно были обнаружены при раскопках курганов Каупа.

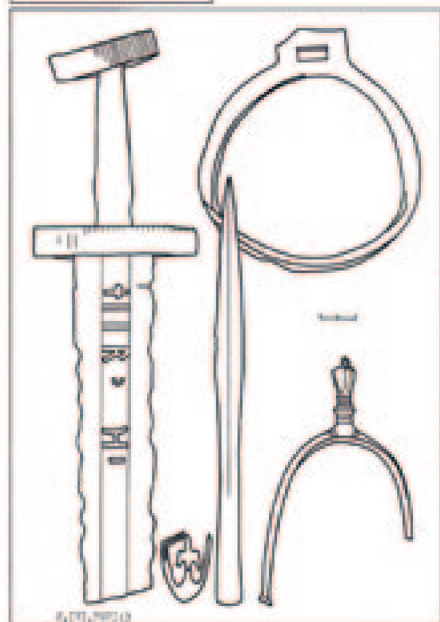
При создании ранней версии насыпи в её массиве оказалось большое число мелких и средних камней, лежавших, в отличие от упомянутой кладки, вполне бессистемно.

По прошествии некоего отрезка времени насыпь кургана К140а была увеличена в размерах и объёме. Перед этим на материке в секторе А было осуществлено трупоположение девушки (погр. 4). В ходе заупокойных церемоний, связанный в первую очередь с этим погребением, была создана новая округлая в плане гравийно-песчаная подушка, примыкающая к ранней версии насыпи кургана с севера и обладающая диаметром не менее 7,5 м. С востока эту «подушку» окаймлял серповидный

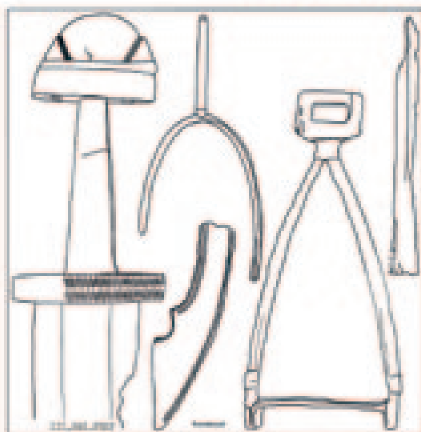

ок. 800-850 гг.

Рис. 193
Комплексы погребального инвентаря, характерные для Каупа на различных хронологических этапах.

ок. 850-900 гг.

ок. 900-950 гг.

ок. 950-1000 гг.

в плане ровик, следы которого выявлены в секторе В в пределах материка. «Подушка» перекрыла связанную с поздней версией насыпи К140а яму 3, выбранную частично в предматерике, частично – в гравийно-песчаной подушке ранней версии насыпи. Поздняя гравийно-песчаная подушка (более массивная, нежели ранняя «подушка») была перекрыта слоем слабозолистого суглинка, и центр приложения максимума высоты насыпи переместился севернее первоначального центра ранней версии насыпи.

По мере роста насыпи над погр. 4 постоянно возводились ряды каменного венца, имевшего овальную в плане форму и ориентированного по линии северо-восток – юго-запад. Процесс создания насыпи затянулся во времени, в результате чего была допущена ошибка в расположении этого венца относительно его приуроченности к погр. 4: их контуры уже со шт. 2 не совпадали.

Несколько выше по уровню залегания и, возможно, позже относительно погр. 4 было создано трупосожжение на стороне – погр. 3, пожалуй, самое

скромное по номенклатуре погребального инвентаря (лишь несколько фрагментов керамических сосудов) среди комплексов К140а. Позднее оно оказалось перекрыто мощными валунами кладки, сооружённой на шт. 2 непосредственно к востоку от венца погр. 4. Эта кладка, в процессе раскопок интерпретировавшаяся как серповидная в плане, имела первоначально, скорее всего, ладьевидную форму. Подобные конструкции, обязательно возвышавшиеся над поверхностью земли и характерные для скандинавской поминальной обрядности эпохи викингов, известны и на Каупе (Кулаков В.И. 2006б, с. 216). Открытая в секторе В каменная кладка, первоначально обладавшая миндалевидной (ладьевидной) формой (длина 3 м, ориентирована практически точно по линии север-юг), в своей восточной части была частично уничтожена при сооружении самого позднего погребального комплекса в Раскопе 2007 г. – погр. 1. Это трупосожжение, произведённое на стороне, было помещено в могильную яму, выбранную в слое поздней версии насыпи с уровня +60, соответствующего уровню, на который были помещены камни миндалевидной в плане кладки. Её камни были частично рассредоточены, расколоты (?) и использованы при заполнении могильной ямы погр. 1. После заполнения этой могильной ямы примерно в 1 м к северо-западу от неё на грунт было положено предположительно женское платье с парой черепаховидных (овальных) фибул типа J.P.51, который датируется в Скандинавии концом IX – началом X вв. Платье было придавлено к земле небольшим камнем, оказавшимся в непосредственной близости от упомянутых фибул. На уровне шт. 1 контур пятна грунта, подсыпанного над заполнением могильной ямы погр. 1, был окружён мелкими камнями. Показательно, что эта черта обряда в точности дублирует сходный аспект у самого раннего в Раскопе 2007 г. погр. 4, чья каменная обкладка также была видна на шт. 1.

Таким образом, только самое позднее в Раскопе 2007 г. погр. 1 имеет устойчивую дату по фибулам – конец IX - начало X вв. Остальные выявленные здесь погребальные комплексы релятивно более ранние и были осуществлены в пределах IX в. Вызывает удивление отсутствие в кургане К140а мужских комплексов (погр. 3 не имеет половозрастной характеристики). Более того, отсутствие мужских комплексов в курганах, изученных Балтийской экспедицией ИА РАН на Каупе в 2004-2007 гг., позволяет предполагать, что выявлен ряд курганов, содержавших исключительно (преимущественно ?) женские погребения (Кулаков, 2008, с. 61-84).

Итогом изучения подкурганных погребений, изученных за период с 1873 по 2007 гг., является оставление хронологической таблицы, показывающей развитие погребальных комплексов (рис. 193), содержавших останки жителей торгово-ремесленного поселения Кауп в IX – нач. XI вв.

Кроме того, в 2008 г. было начато исследование грунтового могильника в уроч. Kl. Kaup, открытого в 1932 г. К. Энгелем (Раскоп 1 с 23 грунтовыми двухъярусными могилами XI–XII вв.). В Раскопе 2 общими размерами 13 х 6 м после снятия балластного глинистого заполнения карьера 1932 г. выявлены три вырезанные в материковой глине ступеньки высотой каждая ок. 0,2 м, спускавшиеся с севера к югу на уровень материка, являвшийся полом пом. 4.

Фрагменты керамики, обнаруженные на полу пом. 4, представлены обломками раннегончарных сосудов, сходных с керамическими находками в позднем горизонте поселения Korallen-Berg и в погребениях могильника Yrzekapinis. В древностях куршей сходные формы круговых сосудов В. Жулкус сводит в вариант B-1:a и датирует XI–XII вв. В Раскопе 2 была выявлена восточная часть углублённого в землю помещения 4, прорезанного несколькими грунтовыми прусскими могилами, две из которых, недобранные К. Энгелем (1932 г.), удалось доследовать.

В полевом сезоне 2009 г. работы в уроч. Kl. Kaup были продолжены. В Раскопе 3 общими размерами 7 х 4 м выявлена западная часть котлована пом. 4. Фрагменты керамики, обнаруженные на полу пом. 4, представлены обломками раннегончарных сосудов вар. Žulkus B-1:a (XI–XII вв.). Датировка пом. 4 в виде X – нач. XI вв. подтверждается находкой под обвалом северного борта котлована пом. 4 железной бочонковидной гирьки. К юго-западу от этого котлована обнаружен край ещё одного помещения, углублённого в грунт.

Приложение 2.

Формирование и развитие традиции изображения «маски» на фибулах восточных и северных германцев

Черепаховидные фибулы типа J.P. 51c являются важным материальным показателем деятельности Неманского пути эпохи викингов. Генезис и развитие изображения мужской «маски», представленной на этих фибулах, в археологической литературе не подвергался специальному рассмотрению. Для полноты картины следует обратить внимание на развитие такого изобразительного мотива на германских украшениях в пределах всего I тысячелетия н.э.

Двучленные фибулы с высоким иглоприёмником составляют особый отдел в массиве украшений ряда древнегерманских племён эпохи римского влияния. Часть этого отдела составляет серия серебряных застёжек крупных размеров с накладными декоративными дисками (в русской и западноевропейской литературе известны как «чудовищные» фибулы = нем. “monströsen Fibeln”, далее по тексту – «фибулы /серии/ М»). Они отнесены Оскаром Альмгреном к группе VII «Двучленные фибулы с высоким иглоприёмником» (Almgren, 1923. Taf. IX). Такие застёжки характерны преимущественно для населения Центральной и Северной Европы фазы С (позднеримское время). К востоку от р. Вислы, на границе известной римлянам «земли варваров» (Barbaricum Solum, Germania Libera) с территорией, определённой античным географом Клавдием Птолемеем как «Европейская Сарматия» (Щукин, 2005. С. 59, 60), количество находок фибул М всегда считалось минимальным. Однако даже среди небольшого числа таких застёжек, известных в Юго-Восточной Балтии, находки с «острова Гепедойос» (ныне – Эльблонгская возвышенность, восточные окрестности г. Эльблонга, Варминьско-Мазурское воев., Польша, в римское время – северная часть ареала вельбарской культуры), упомянутого Йорданом в труде «De Rebus Gethicus», привлекают к себе внимание наличием изображений мужских «масок» на деталях фибул. Анализу таких уникальных для древностей Балтии изображений посвящён данный текст.

Погребальные комплексы «острова Гепедойос» с фибулами серии М с антропоморфными изображениями

1. Веклице (Weklice, stan. 7, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 150 – пара серебряных фибул с накладками из золотой и серебряной фольги, близких типу AVII,217. Правда, находки из Веклиц отличают от указанного типа застёжек украшенные рельефным геометрическим узором трапециевидные накладки на внешнюю сторону ножки фибулы (рис. 194,1). Другие накладки, покрывающие торцы иглоприёмников, имеют басменные изображения

Рис. 194
План и часть набора погребального инвентаря погр. 150 грунтового могильника Weklice-7 (по: Okulicz-Kozaryn, 1992. rус. 7–9).

мужских голов, окружённых псевдо-жемчужным декором (рис. 194,2). Эти изображения можно было видеть лишь в том случае, если фибулы крепились на плечах их хозяйки иглами вверх. Расположение этих голов на фибулах M ещё раз подтверждает установившееся среди археологов в последние годы справедливое мнение о ношении фибул в Barbaricum иглами вверх. Собственно, в таком положении фибулы M и были обнаружены в погр. 150 (рис. 194). Данные фибулы вместе с арбалетовидной застёжкой типа AVI,162 с кольцевой гарнитурой (серебряная, покрытая золотой фольгой – рис. 194,4) находились на груди женского костяка. Он имел северную ориентировку, лежал в скорченном состоянии на правом боку в деревянном гробу (рис. 194). В руках, прижатых к груди погребённой, находились остатки мешочка (из шерстяной ткани, застёгнут бронзовой арбалетовидной фибулой), наполненного амулетами (бусины-подвески в бронзовой оплётке, 4 подвески-каури, медвежий коготь в бронзовой оправе, 3 янтарных бусины, вставленные в бронзовые кольца с завязанными концами и различные стеклянные бусины). На шее костяка находились остатки двух ожерелий с янтарными грибовидными и стеклянными бусинами. На бёдрах погребённой выявлены остатки двух поясов (один – с бронзовыми пряжкой и подвеской, другой – ширины 7 см, с мощными прямоугольными накладками и овальной пряжкой типа Madyda-Legutko E2-3) с четырьмя окончаниями ремней и с ножом (стилетом ?) в кожаных ножнах. Этот комплекс с роскошным инвентарём, указывающим на высокий социальный статус его владелицы, датируется фазой C1b и началом фазы C2 (Okulicz-Kozaryn, 1992. S. 143). Судя по обнаружению в могиле пары фибул и обилия прочих украшений, комплекс, безусловно, принадлежит женщине. Специфическая черта фибулы M из Weklice – наличие трёх цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещённой на пружину застёжки.

2. Любешево (Lubieszewo, stan. 2, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 10 – пара серебряных, частично по-

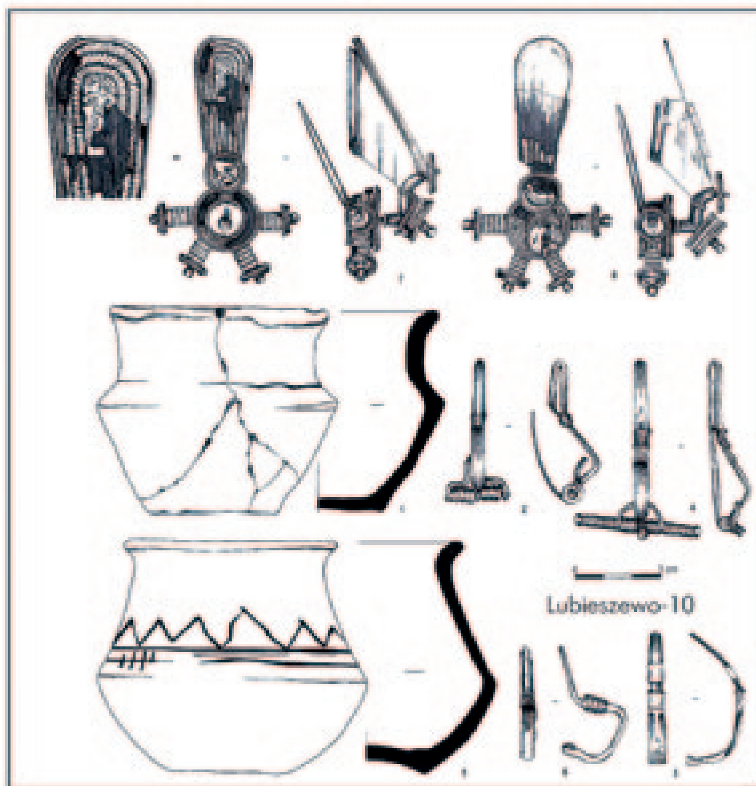

Рис. 195
Часть набора погребального инвентаря погр. 10 могильника Lubieszewo (по: Jonakowski, 2001. rус. 2).

крытых золотой фольгой фибул типа AVII,217 (рис. 195,7,8), обнаруженная в женском (судя по составу инвентаря) трупоположении. Костяк лежал навзничь, имел северо-западную ориентировку. Вместе с парой упомянутых фибул с остатками костяка обнаружены: ожерелье из 22 янтарных 8-видных бусин и из 49 бусин голубого стекла, бронзовая арбалетовидная подвязная фибула типа AVI,161, серебряная (с золотой плакировкой) фибула с кольцевой гарнитурой типа AVI,168, три серебряные перстня с завязанными концами типа Beckmann 16, фрагмент бронзовой пряжки типа Madyda-Legutko H19, несколько глиняных шариков (фишки для игры ?), стоявшие в 0,4 м к северо-западу от черепа два лепные биконические сосуды-приставки типа Wołągiewicz XVIIIE и обломки двух арбалетовидных фибул типа AVI,162 (рис. 195). Обнаруженные в погр. 10 Lubieszewo находки позволяют датировать этот комплекс финальной стадией фазы C2. (Jonakowski, 2001. S. 186, 187).

Фибулы серии M из погр. 10 Lubieszewo несут на себе, как и находки из Weklice, изображения мужских голов. Правда, в погр. 10 Lubieszewo эти головы представлены на продолговатых щитках, прикрывающих торцы иглоприёмников фибул. Как и в случае с фибулами из Weklice, головки на застёжках из Lubieszewo можно рассмотреть лишь в том случае, если фибулы крепились на женских плечах иглами вверх. Нюанс заключается в том, что на фибулах из Lubieszewo головки видны реципиенту под углом 90˚, а на фибулах из Weklice – лишь при взгляде

сверху. Не исключено, что их обладательница могла обладать небольшим ростом.

Специфическая особенность фибулы М из Lubieszewo – наличие четырёх (?) цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещённой на пружину застёжки. Этот признак, а также накладка с изображением мужской головы сближает фибулу из Lubieszewo с уникальной для Скандинавии находкой из погр. 600 могильника Slusegaard (Bornholm) (Werner, 1988. Abb. 6,3a,b) (рис. 196).

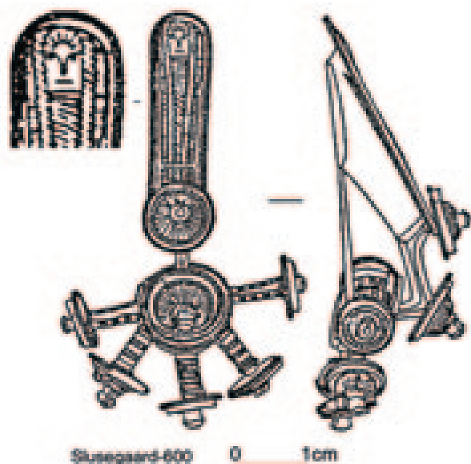

Рис. 196
Фибула серии М из погр. 600 могильника Slusegaard (по: Werner, 1988, Abb. 6,3a,b).

Наличие у фибул из Восточного Поморья и с территории исторической Пруссии (условно – поморско-прусский вариант фибул М) трёх (фибулы из Weklice, Lietuva, Polowity, Grunajki) и четырёх (бывш. Grebieten, Ушаково/Brandenburg, Lubieszewo) цилиндрических выступов, крепившихся по периметру дисковидной или умбоновидной накладки, перекрывавшей пружину и дугу застёжки, указывает на несколько обособленный характер этой группы находок. Не исключено местное происхождение этих предметов, в третьей четверти IV в. н.э. распространившихся отсюда в приднестровский ареал черняховской культуры (Кулаков, 2006в. С. 29). Более поздние многочисленные фибулы серии М, найденные в Скандинавии (места их находок показаны на карте Й. Вернера (рис. 197) не залитыми чёрным цветом окружностями), очень редко имеют детали, характерные для поморско-прусского варианта фибул серии М. Как правило, скандинавские фибулы М, типологизированные Мартой Макепранг, восходят к типу AVII,217 (MIV) и обладают наряду с круглой шайбовидной накладкой на дужке фибулы (группообразующий признак) прямоугольной (тип MX) накладкой,

Рис. 197
Карта распространения фибул серии Monstruosa/Monströse.

1 - Todireni; 2 - Vasilica; 3 - Budešti; 4 - Danšeny; 5 - Chanska; 5 - Slusegaard; 7 - Grebieten; 8 - Weklice; 9 - Lubieszewo; 10 - Lauth; 11 - Brandenburg; 12 - Lietuva; 13 - Polowity; 14 - Grunajki; 15 - Petrikivtsy; 16 - Novopolovetskoje; 17 - Medvedovka.

Рис. 198
Человеческие жертвоприношения у кельтов и германцев.
Череп в каменном «портале» в Рокепертузе (Франция) (слева),
реконструкция обряда жертвоприношения у кимвров по Страбону (справа).

перекрывающей пружину застёжки (Mackeprang, 1943. Taf. 1-3).

Особый признак находок поморско-прусского варианта фибул типа AVII,217 – накладка в виде вытянутого овала, в различных плоскостях закрывающая (при помощи пайки) внешний тонкий торец пластинчатого иглоприёмника. По периметру накладки и по её вертикальной оси при помощи покрытого псевдозернью тиснёного (басменного) орнамента на серебряной фольге проведены линии по всей длине накладки. На фибулах, происходящих с «Острова Гепедойос», линия по вертикальной оси венчается на накладке изображением мужской головы без шеи, с причёской в виде вертикально зачёсанных на лоб коротких прядей волос. Эти изображения поразительно напоминают кельтские символы конца I тыслет. до н.э. принесённых в жертву мужских голов (например – на камне-омфале из Pfalzfeld St. Goar, Deutschland), воспринятые и в германском сакральном искусстве римского времени (например, накладки из Nydam – Jankuhn, 1983. Abb. 7).

Уникальный вид застёжек серии M привёл современных исследователей к выводу о сакральном смысле этих предметов, считающихся важной деталью древнегерманского женского церемониального убора (Levada, 2000. P. 463). Эта интерпретация предназначения фибул M подчёркивается присутствием на некоторых их экземплярах из западной части Балтии самых ранних рунических надписей. Вместе с железными гребнями фибулы M для середины III – начала IV вв. н.э. в Восточной Европе считаются подтверждением « ...прямых и непосредственных контактов носителей черняховской культуры с выходцами из Дании; из Ютланда, с островов Зеланд и Фюне» (Щукин, 2005. С. 147). Однако для поморско-прусского варианта фибул серии Monströse изображённые на них мужские маски не указывают на контакты с черняховским ареалом, а, скорее всего, являются следствием культурных связей с кельтским миром.

Общеизвестно, что уже в позднелатенское время памятники культового характера в различных регионах кельтского мира неопровержимо свидетельствуют о сакрализации кельтами человеческой (точнее, мужской) головы как вместилища души и, возможно, объекта магических действий. Изображения таких «священных голов», принадлежавших принесённым в жертву мужчинам, вполне каноничны на культовых изображениях кельтов III в. до н.э. – I в. н.э.: изображённые фронтально лица – уплощённые и безжизненные, очертания

лица – подтреугольные, глаза – закрыты или лишены зрачков, короткие волосы зачёсаны на лоб (Gąssowski, 1978. S. 47).

Прототипами таких изобразительных образов являлись головы жертв, нередко помещавшиеся в специально изготовленные ниши в ритуальных столбах (воротах), присутствовавших на кельтских святилищах (рис. 198,1). Эти головы – знак последнего этапа человеческого жертвоприношения. Такое описание, правда, соотнесённое с германским (?) племенем кимвров, оставлено Страбоном: «Жрицы-предсказательницы в белых одеждах, в полотняных, застёгнутых бронзовыми поясами туниках и босые, выходили навстречу пленным с обнажёнными мечами, надевали на них венки и вели их к медному кратеру вместимостью в 20 амфор. Там была лестница, по ней сходила одна из них, и, распростёршись над котлом, перерезала горло каждому из них, подняв его [голову ?] в воздух» (География, VII, 2.3) (цит. по: Дряхлов, 1999, С. 66). Как правило, жертвами становились пленные мужчины-воины (рис. 198,2).

Одними из древнейших кельтских изображений «священных голов» являются отрубленные головы жертв, на которые опирается своими чудовищными лапами мифический «Тараск из Новэ» (Буш-дю-Рон, Южная Франция). Этот памятник кельтского культового искусства пред- или раннеримской поры (скорее всего, I в. до н.э. – I в. н.э.), испытавший влияние эллинистического мира (Чубова, 1970. С. 21), представляет «священные головы» в объёмном изображении. Однако в кельтском искусстве имеются (точнее – превалируют) барельефные изображения «священных голов». Так, например, хорошую аналогию мужским маскам на фибулах из Weklice пред-

Рис. 199
Антропоморфные изображения на кельтских фибулах.

ставляет фрагмент кельтской фибулы (конец I тыслет. до н.э.), обнаруженной в окрестностях Праги (Чехия). Как и головы, представленные в лапах «Тараска из Новэ», голова из пражских окрестностей снабжена длинной бородой (она состоит из двух спирально завитых прядей, что отражено и на фибуле из Weklice), её глаза закрыты, черты лица мертвенно неподвижны (рис. 199,2). Очевидно, что ради эстетических нужд кельтские мастера не стали бы снабжать женские аксессуары изображениями мёртвых голов. В данном случае перед нами – использование на украшении мотива «священной головы» или в качестве апотропейона/оберега, или в виде обозначения определённого социального статуса обладательницы данной фибулы (жрица, связанная с человеческими жертвоприношениями). Такие изображения были характерны для фибул кельтского племенного ареала между бассейном Рейна и Мозеля

вплоть до Чехи и Моравии ещё на ранней фазе латенской культуры (ступень LT A – Maute, 1994. S. 459).

Упомянутые Страбоном «белые туники» кимврских (кельтских ?) «жриц-предсказательниц» должны были скрепляться некими застёжками. Они, как и остальные аксессуары убора этих социально значимых членов общества, явно обладали семантическим смыслом. Он зафиксирован уже в позднелатенское (?) время на одной из кельтских фибул, найденных в Чехии. Правда, здесь показана не только «священная голова», но и вся мужская фигура. Её принадлежность жертве акцентируется наличием на мужском теле многочисленных круглых углублений (жертвенные раны ?) (рис. 199,1). Поразительно то, что головки на фибулах из Weklice также окружены круглыми (правда – полусферическими) фигурами (рис. 199,2). Если фибула в виде цельной человеческой фигуры уникальна для кельтских древностей, то изображения «священных голов» на фибулах кельтов довольно многочисленны.

Одна из таких голов изображена на бронзовом оголовье коня из «княжеского» погребения в кург. 2 могильника Швайцария, в целом синхронному находкам фибул с масками (фаза C2). В отличии от этих масок, изображение на оголовье из Швайцарии представляет лицо безбородого мужчины (рис. 200,b), напоминающее маски на накладке из Nydam. В остальном образ «священной головы» из Швайцарии близок маскам с «острова Гепедойос» (вплоть до наличия в её окружении круглых и полусферических фигур, вероятно, культового смысла).

Феномен масок на фибулах и на оголовье коня можно попытаться увязать с культовыми связями между кельтами и древними германцами (Дряхлов, 1999. С. 74), отразившимися на произведениях их прикладного искусства. Правда, само становление института жриц в древнегерманском обществе относится к эпохе Цезаря (Дряхлов, 1999. С. 107). Одновременно в пору правления конунга Филимера (рубеж I в. до н.э. – I в. н.э. ?) у германцев (во всяком случае – у восточных готов) существовали жрицы-предсказательницы (лат. “magas mulieres” – «женщины-колдуньи», древнегерм. haliurunnas – Йордан, 1997. С. 84). С большой долей осторожности именно с этими высокопоставленными в германском обществе женщинами можно связать редкие находки фибул серии M с изображениями «священных голов». Они отражали особый статус их владелиц. Отметим, что в одной из могил с фибулой, украшенной такой «головой», встречен нож (стилет), указывающий на жреческий сан его владелицы (см. выше).

Правда, фибулы поморско-прусского варианта с масками по времени не совпадают с эпохой существования haliurunnas. Однако не исключена реновация роли женщин (и жриц в том числе) в германском культе эпохи Готских войн в результате некоего феномена, например, из-за возрождения легенды о прорицательнице Веледе из племени бруктеров, отличившейся своей магической ролью в антиримском восстании батавов в 69–70 гг. н.э. (Дряхлов, 1999. С. 110), времени использования фибул типов AIV,71-AIV,75, являющихся прототипами для фибул M.

«Священные головы» на фибулах серии M являются последними отголосками кельтского влияния в германской среде. По всем признакам изображения мёртвых голов на фибулах

кельтов и древних германцев (не смотря на три века, их разделяющие) близки. Символ жертвенной головы прочно связывается с германскими жертвенными и предсказательскими церемониями, в которых важную роль играют женщины-haliurunnas (рис. 201). Здесь находится важное отличие от кельтских ритуалов, где ведущую роль играли жрецы-мужчины (друиды и филиды). У западных балтов мёртвая голова также играет важную роль, сопровождая, судя по информации Симона Грунау (Grunau, 1876. S. 78), вместе с черепами коня и коровы изображение бога смерти Патолло на священном дубу в Ромове. Правда, остаётся неясным, является ли эта «мёртвая/священная голова» результатом культовых заимствований пруссов из духовной сокровищницы кельтов или же служит продолжением индоевропейского культа головы, известного на территории исторической Пруссии ещё с эпохи бронзы (Кулаков, 2003. С. 62-64). Во всяком случае, сам культ Патолло с определённой долей уверенности можно считать германским по происхождению, восходящим к традициям поклонения владыке мёртвых Водану/Одину (Кулаков, 2004б. С. 61).

Если в материальной культуре западных балтов символ «священной головы» в Новое и Новейшее время не реализовывается, то у германцев с XVIII в. происходит внезапная реанимация этого уникального символа. Сначала он появляется на киверах «гусар смерти» в XVIII в., затем на протяжении всего XIX в. представлен различными редкими формами кокард. В XX в. этот символ обретает зловещую известность в униформе Waffen SS (и заодно в танковых войсках III Райха). Остаётся неясным, является ли эта «мёртвая голова» возрождением (правда, по необъяснимой причине) знака «священной головы» кельтов и древних германцев или же имеет отношение к христианской символике «адамовой головы» (Кулаков, 2006г. С. 70).

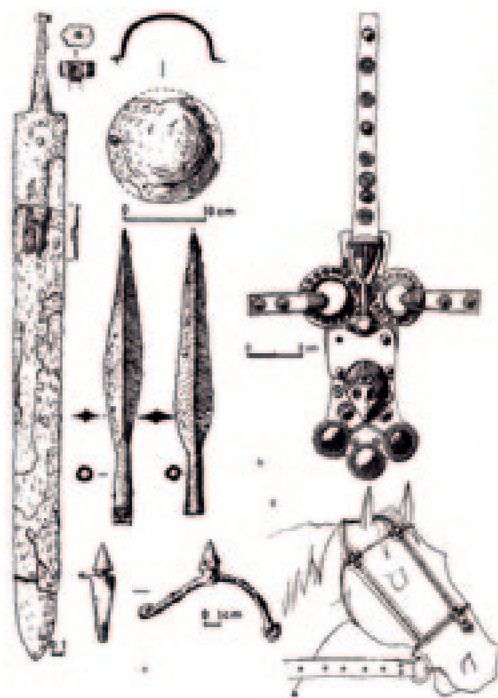

Рис. 200
Часть инвентаря кург. 2 могильника Szwajzaria (по: Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz. 1958).

Таким образом, раритетные изображения «священной головы» на редчайших формах статусных по своему назначению украшений носительниц вельбарской культуры говорят о многом. Они являются свидетельствами кельтских (или культовых, или, по крайней мере – иконографических) заимствований в древнегерманском декоративном искусстве фазы С. Фибулы с изображением «священной головы» обладают, очевидно, статусным значением, отмечая высокое обще-

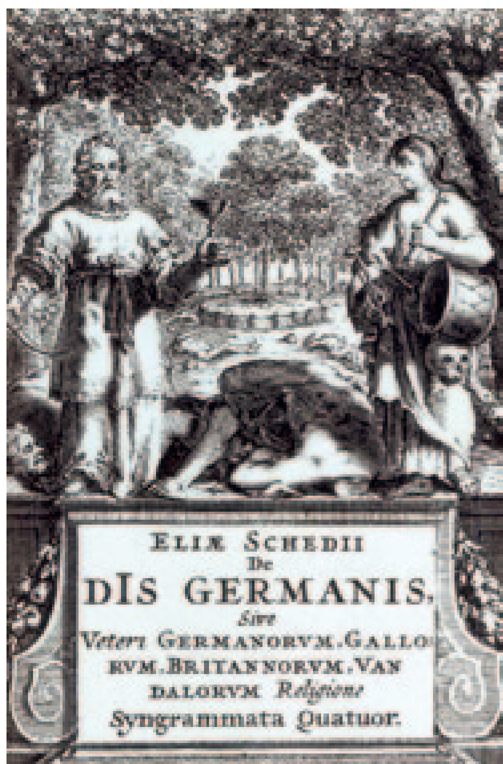

Рис. 201
Германские жрец и жрица на обложке книги Ильи Шедия «Боги германцев...» (Амстердам, 1648).

ственное положение своих владелиц. В данном случае изображение «священной головы» обретает знаковое значение. Находки таких уникальных предметов женского убора, обладающих и по своей специфике, и по набору сопутствующего в погребениях инвентаря, указывают на германскую этническую принадлежность носителей вельбарской культуры, обитавших за пределами Барбарикум, к востоку от р. Вислы.

Самбия и восточная часть дельты р. Вислы, основные зоны распространения в Балтии фибул M, дальних предтеч пальчатых фибул, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточногерманские ареалы в Поднестровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни, предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего – германских женщин) в культовых ритуалах (Kulakov, 2001 S. 51, Abb. 5). Яркие материальные проявления активности германского культа в юго-восточной Балтии позволяют с уверенностью предполагать полиэтнический характер общества эстиев, отмеченного здесь античными авторами.

Находки, сделанные в начале III тыслет. н.э. Балтийской экспедицией ИА РАН при раскопках курганно-грунтового могильника в уроч. Кауп, позволили продолжить изучение мужских «масок» на застёжках, на этот раз – у северных германцев эпохи викингов.

В 2007 г. при раскопках кург. 140а могильника Кауп был обнаружен обычный для древностей Юго-Восточной Балтии комплекс скандинавских украшений – пара черепаховидных фибул (см. выше). Эти находки позволяют глубже рассмотреть мир образов декоративного искусства эпохи викингов и выявить заложенную в них информацию.

В соответствии с типологией овальных фибул Ингмара Янссона, фибула № 6Nord относится к типу J.P.51C, а фибула № 6Süd – к типу J.P. 51G (кон. IX – нач. X вв. – Jansson, 1985, p. 68–76, 182). При этом более ранним в нашем комплексе фибул предметом является застёжка № 6Nord типа J.P. 51C. Этот артефакт попал в руки обитателей Каупа с отсутствующим сектором внешней ажурной сферы (рис. 183). Фибулу № 6Süd типа J.P.51G следует

Рис. 202

Генезис и начальное развитие изобразительного мотива «маска викинга»: 1 – фибула с альмандинами VII в. из Linon (Puy de Dome, Françe) с изображением ранней версии канона «Спаса Нерукотворного» (Arrhenius, 1985. fig. 159), 2 – фибула кон. V в. из Vedstrup (Danmark) (Åberg, 1931. Abb. 161); 3 – фибула нач. VI из Herpes (Dép. Charente, Françe) (Кулаков, Толстиков, 2007. С. 459), 4 – заклёпка нач. VI в. из Marchelepot (Dép. Somme, Françe) (там же, с. 480), 5 – фибула кон. V в. из Vierville (Françe) (Pilet, 1992. P. 118), 6 – бронзовая фибула из погр. 210А грунтового могильника Linkuhnen (ныне – пос. Ржевское, Славский р-н Калининградской обл.) (Kühn, 1981. Taf. 50, Nr 319).

считать более поздней относительно фибулы № 6Nord, точнее, его дериватом, что вытекает из анализа деталей изображений на обеих фибулах, развивавшихся от законченного образа человеческого лица к декоративной виньетке. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо проследить весь процесс генезиса и развития уникальной детали композиции фибул из погр. 1 кург. К140а – мужской маски.

Этот образ неоднократно привлекал внимание отечественных исследователей, рассматривавших его не в динамике развития, а вполне статично, как одномоментный феномен. Классик древностей викингов в Восточной Европе Г.С. Лебедев отмечал, что в кон. IX – нач. X вв. на декорированных в стиле Борре черепаховидных фибулах типов J.P. 41, 44 «в качестве организующего изобразительного мотива выдвигаются маски эпических героев». На фибулах J.P. 51 (вар. A-I) Г.С. Лебедев видел «крупные, ставшие ведущим изобразительным элементом, маски: подтреугольной формы, изображающие в фас лица воителей, с круглыми выкатившимися глазами, грозно глядящими из-под развевающихся на ветру, спадающих на брови прядей волос; с лихо закрученными усами, скрывающими разинутый в боевом крике рот; треугольная борода завершает изображение…». Этот образ «бородатых голов грозных витязей», воплотивший на различных формах женских украшений «достаточно массовый, устойчивый, социально определённый общественный идеал», характерен для периода ок. 950–1050 гг. «Викинги этой поры изображали самих себя» (Лебедев, 2005. С. 316, 317). Массив информации о германских украшениях I тыслет. н.э., имеющийся ныне в научном обороте, позволит иллюстрировать конкретными фактами эмоциональную оценку, данную нашим ленинградским коллегой одному из мотивов искусства последних язычников Европы.

Рельефные мужские маски известны на произведённых германцами деталях воинского снаряжения во II в. н.э. в жертвенных комплексах на жертвенных комплексах Vimose и Posrkauer Mosa (Danemark). Эти изображения связываются с влиянием позднеантичной традиции, однако такие изображения римского времени и более поздние «маски» на предметах вендельской эпохи европейские археологи долгое время не считали отражением неких идеологических (культовых) воззрений (Arwidsson, 1977. S. 115, 116).

Как уже было показано в начале Приложения 2, на фибулах изображение «бородатых голов» (далее – «маски, личины») впервые появляются у германцев на фазе С2 (IV в. н.э.) в виде накладок на фибулы серии Monströse. Однако, несмотря на распространение в германской среде христианства, сугубо традиционная, глубоко культовая традиция изображения масок на фибулах не прерывается (Fabech, 1991. P. 96). Вполне характерным для финала эпохи Великого переселения народов предметом с изображением мужской маски является раннемеровингская «пальчатая» фибула отдела Bügelknopffibeln из Vedstrup (Danmark), орнаментированная в I Общегерманском зверином стиле (версия В по G. Haseloff). Ромбическую ножку этой фибулы А.К. Амброз оригинально интерпретировал как символическое изображение Мирового Древа (Irminsul древнегерманской мифологии), увенчанное изображением Верховного Божества (Амброз, 1965.

С. 23). Оставляя в стороне семантику ромбической ножки фибулы, следует обратить внимание на её навершие – круглый медальон, в центре которого представлена анфас голова бородатого мужчины, справа и слева неё представлены стилизованные профильные фигуры зверей (рис. 202,2). В VII в. сходные по смыслу маски (правда – без медальона и с длинными, обрезанными на уровне мочек ушей волосами) появляются в Балтии и в восточной Европе на пальчатых фибулах типа J.Werner 1a (самый западный пункт находки – грунтовой могильник бывш. Linkuhnen (ныне – пос. Ржевское, Славский р-н Калининградской обл.) (Kühn, 1981. S. 209). Примечательно, что на этих фибулах мужская маска анфас по обеим сторонам сопровождается головками птиц (рис. 202,6).

Уже во второй половине V в.н.э. в декоративном искусстве франков появляется канон изображения «Один и вóроны», вскоре обретающий новую версию, где Верховный Бог германцев представлен в окружении различных животных (Кулаков, 1995. С. 67). Именно к этому варианту канона «языческой иконы» Одина относится фигура на фибуле из Vedstrup. Не исключён факт влияния христианской иконографии на становление упомянутого «канона», в частности, образа «Спаса Нерукотворного» на круглой фибуле из Linon (Puy de Dome, Françe) в прочтении франкских и алеманнских ювелиров (рис. 202,1). Важно отметить, что в обрамлении этого вполне христианского сюжета на упомянутой фибуле представлены образы четырёх пар кабаньих голов, тотемных животных германцев («духи-охранники» – Хлевов, 2002. С. 130, 131).

Уже в первой пол. VI в. на фибулах отдела Bügelknopffibeln появляется пара ликов Одина: один – в виде композиции «языческой иконы», второй – в медальоне, расположенном в центре дугообразной спинки фибулы (Erä-Esko, 1965. Fig. 6, 7). Примечательно, что эти личины повёрнуты друг к другу под углом в 90°, что должно подчёркивать их принадлежность к различным персонажам (например – Один и Имир). Изображение на медальоне дублируется в раннемеровингскую эпоху у населения низовий р. Рейна в виде круглых фибул и кнопок/застёжек

Рис. 203
Сцена «Эгиль обороняет свой дом» на одной из роговых пластин от «Шкатулки Фрэнкса» (Auzon, Nortumberlend, England) (нач. VIII в.) (Wilson, 1980. S. 31).

Рис. 204
Погребальные золотые кресты лангобардов и алеманнов: 1 – первая пол. VII в., Ciusi-in-Casentino, Prov. Arezzo, Italia, 2 – VII в., Wurmlingen, Baden-Würtemberg, Deutschland) (Кулаков, Толстиков, 2007. С. 448, 554),

с мужской маской, воспроизводящей лик Верховного Божества с икон упомянутых конфессий (рис. 202,3-5). Это – следствие симбиоза традиционной и христианской идеологий. Очертания этого лика обретают треугольную форму, во многом – из-за клиновидной бороды (характерной как для Христа, так, очевидно, и для Одина в представлении меровингских мастеров).

В преддверии эпохи викингов окончательно складывается развёрнутый канон «языческой иконы» Одина, представленный, например, на «шкатулке Фрэнкса» из Auzon (Nortumberlend, England), где Владыка мёртвых показан в сопровождении мифических птиц и животных (рис. 203). В «Речах Гримнира» упоминаются животные, связанные (посвящённые ?) Одину: вепрь Сехримнир, волки Гери и Фреки, вороны Хугин и Мунин (Старшая Эдда, 1975. С. 211, 212). Немалую роль в сложении этого канона сыграли интерконфессиональные воззрения лангобардов и алеманов, которые в VII в. нашивали на плат, возлагаемый на лик покойного, крест (рис. 204) из золотой фольги (Бертрам, 2007. С. 175) в знак его принадлежности христианскому вероисповеданию. Однако, несмотря на очевидный христианский смысл этого предмета, изображения, покрывавшие его, носили сугубо традиционный культовый смысл. На фольге лопастей так называемых «греческого» и «латинского» крестов оттискивались или детали «языческой иконы» Одина (в том числе с кабаньими головами), или множественно повторённые лики с остроконечной бородой, призванные отображать его облик (рис. 203). Этот четырёхкратно повторённый оберег в каролингскую эпоху с погребальных крестов переходит на крестовидные фибулы (рис. 205), причём лик Одина на них уже не сопровождается мифическими животными и/или птицами и, не исключено, деперсонифицирован (Кулаков, Валуев, 2001. С. 21). В это же

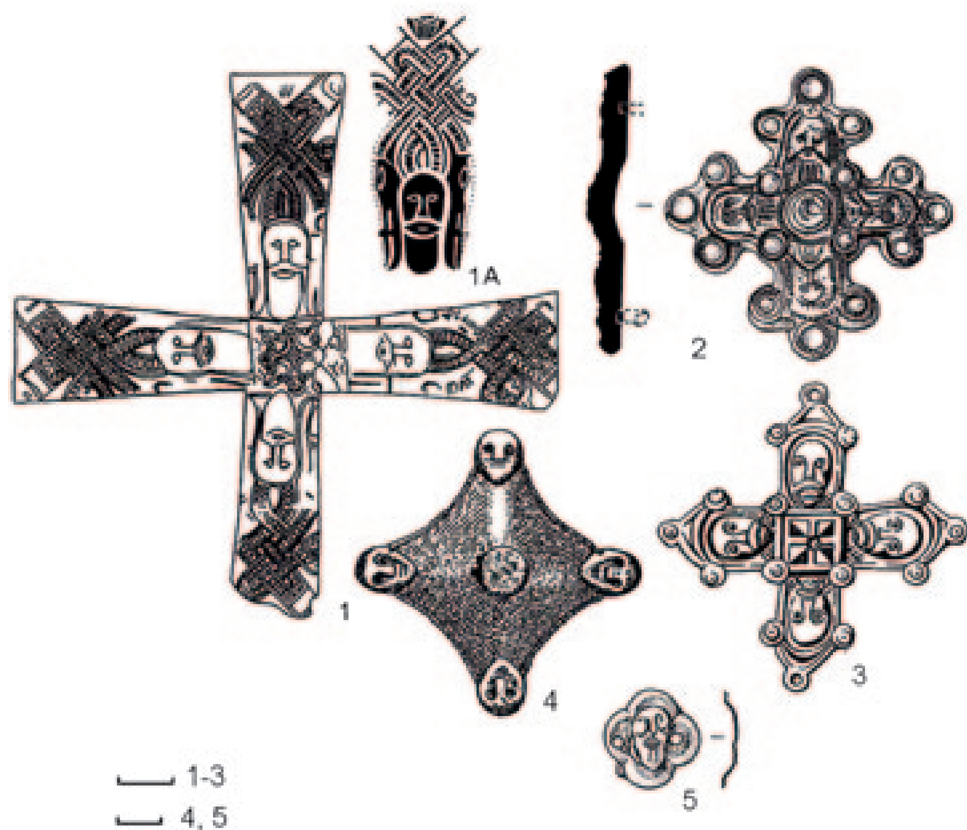

Рис. 205
Интерконфессиональные обереги VII-XIV вв.: 1 – золотой крест VII в. из «Milano», 2 – бронзовая фибула из Самбии, IX в., 3 – бронзовый крест IX в. из Mikulčice (Čechy), 4 – бронзовая накладка IX в. из Aukštakiemiai (Lietuva), бронзовая накладка XIV в. из бывш. Alt-Wehlau (Гвардейский р-н Калининградской обл.) (Кулаков, Валуев, 2001. Рис. 1).

время на севере Европы появляется первое изображение пары персонажей в шлемах с головками птиц (одна из накладок шлема из кургана в Sutton Hoo, England). Идентичность единично представленного персонажа в таком шлеме образу Одина не вызывает сомнений, но двойственность этого образа ставит в тупик современных исследователей древностей Скандинавии I тыслет. н.э. (Хлевов, 2002. С. 130). Сравнение сюжета на шлеме из Sutton Hoo с крестами лангобардов и алеманов показывает, что эта композиция, выполняла, скорее всего, роль оберега или же изображала некую культовую сцену.

Параллельно с использованием «языческой иконы» Одина и его симметрично представленных ликов на вотивных крестах юга Германии и крестообразных фибулах Моравии весьма стилизованные элементы «языческой иконы» в виде симметрично представленных ликов, иконографически не отличимых от масок Одина на меровингских круглых фибулах, появляются на древнейших равноплечных фибулах

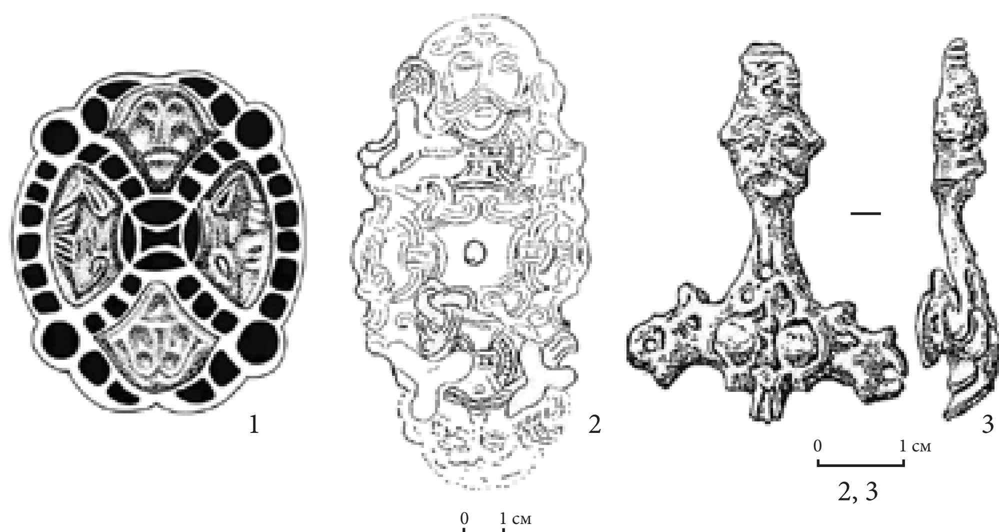

Рис. 206
Ранние северогерманские равноплечные фибулы с мужскими «масками»: 1 – бронзовая фибула со ставками гранатов сер. VII в. из Trier (Deutschland) (Arrhenius, 1985. Fig. 219), 2 – бронзовая фибула IX в из Sconia (Schweden)3 – фрагмент бронзовой фибулы из кург. 6 могильника Świelubie (Polska) (Кулаков, 1999. Рис. 3,1,2).

германцев (рис. 206,1,2). К IX в., как показывает деталь фибулы из Świelubie (рис. 206,3), окончательно складывается новый облик образа, восходящего к иконографии Одина VI в. Лик Царя богов на заре эпохи викингов по-прежнему представлен в виде лица (подтреугольных очертаний) мужчины средних лет с расчёсанными на прямой пробор волосами, длинными усами, струящимися параллельно волосам, и треугольным подбородком (точнее – бородкой). Устойчивость этой иконографической модели, восходящей к VI в. (как, кстати, и канон лика Христа на христианских иконах), указывает на конкретного персонажа, который изображается в виде данной маски. С учётом восходящей к меровингскому времени иконографической традиции эту модель следует трактовать как образ Вотана/Одина. Он выполняет на равноплечных фибулах, как и на крестах и крестообразных фибулах, функцию оберега (Кулаков, Валуев, 2001. С. 19, 20).

Лишь недавно молодой немецкий археолог Михаэль Найсс пришёл к выводу о том, что на украшениях эпохи викингов образ Одина в виде «маски» треугольных очертаний (причём в ряде случаев (упряжь X в. из Mammen) Один изображён в окружении мифических зверей), представлялся в виде «пиратских копий» культовых изображений на украшениях «профанов». На украшениях финальной фазы эпохи викингов представлены даже изображения Царя богов в стиле Puzzle (т.е. черты его лица читаются при любом ракурсе обзора). Разумеется, на роскошных украшениях, предназначенных для представительниц верхушки дружинного общества, Один изображался вполне «легально» в рамках культовой «пропаганды» (Neiß, 2007. P. 88). Видимо, немец-

Рис. 207
«Маски викингов» в виде барельефов: 1 – бронзовая маска на конце наносника шлема из кург. XII могильника Vendel (Schweden) (Губанов, 2004. С. 64а), 2 - серебряная «маска» на жертвенном ноже X в. из Гнёздово (Смоленская обл.) (Горшкова, 2003. Рис. 61), 3 – бронзовая накладка X в. из Wolin (Polska), 4 – бронзовая накладка из бывш. Gr. Friedrichsberg (пос. Совхозное, г. Калининград) (Кулаков, 1999. Рис. 3,4,5), 5 – бронзовый наконечник ремня (?) из культурного слоя поселения Truso, раскоп ME78/2000 (Janów-Pomorski, woj. Warmińsko-Mazurskie, Polska) (Jagodziński, 2004. S. 98), 6 – часть ожерелья с серебряными подвесками нач. XI в. из клада в Fölhagen (Björke, Gotland) (Янссон, 1996. С. 52), 7 – бронзовый держатель иглы фибулы, случайно найденной в одном из курганов могильника Каир (пос. Моховое, Зеленоградский р-н Калининградской обл.) (Кулаков, 2005. Рис. 3,5).

кий коллега считает, что ювелиры эпохи викингов могли изображать лик Царя богов далеко не для каждого заказчика. Считается, что вершина популярности изображений «масок» на предметах утвари и украшениях северных европейцев приходится на вторую пол. X в. (Lemm, 2007. S. 346).

Так, независимо от моих статей западноевропейский коллега пришёл к аналогичному (пусть и несколько запоздалому) выводу о персонификации «бородатых голов грозных витязей» (по Г. С. Лебедеву) как образа Владыки мёртвых Oðinn'а. Термины «пиратские копии» и «стиль Puzzle» – результат модернистского взгляда на искусство эпохи викингов нашего коллеги из г. Киль. В остальном его выводы справедливы.

В X–XI вв. известно несколько изображений одинарных и парных мужских «масок» в виде барельефа. Прототипом для них можно обозначить голову Одина, над которой показана пара практически неузнаваемых из-за стилизации головок птиц (вороны Хугин и Мунин), составлявшие наносник шлема из Vendel (Schweden) (рис. 207,1). Почти полную аналогию этой головке, но уже лишённую сопровождения пернатых спутников можно увидеть на жертвенном (Рыбаков, 1949. С. 41) клинке из кург. 74 (раск. С.И. Сергеева) в Гнёздово (рис. 207,2). Примечательно, что, как и на фи-

Рис. 208
Случайно обнаруженные на Каупе в 1990–1991 гг. пара бронзовых фибул (1, 1а), рукоять бронзового декоративного ключа (2), бронзовый держатель кресала с остатками бронзовой цепочки (3).

булах эпохи Меровингов, на ноже ликов Одина – два, они отлиты в единой форме и надеты на стержень рукояти ножа, не предполагая, тем самым, наличия у него перекрестия. Одиночными являются находки сходных масок из Wolin (рис. 207,4) и бывш. Gr. Friedrichsberg (рис. 207,5). Оба этих «портрета» божества несут его характерные черты, известные по сагам – брови в разлёт и ассиметричные (Один был одноглаз) по своим очертаниям глаза (Кулаков В.И., 1999а, с. 225). Отсутствие крепежа на тыльных плоских сторонах этих масок может предполагать их использование в качестве украшений культовых предметов (например, жертвенных ножей, как в Гнёздово).

Наконец, сделанная в 2000 г. находка пластинки на поселении Трусо показывает сдвоенную маску мужчины (рис. 207,5). Все упомянутые барельефные маски объединяет ряд индивидуальных черт – острая, клиновидная борода, акцентированные мощные брови, нередко – ассиметричные глаза. Эти же черты присущи их поздним дериватам – декоративным полым подвескам (уже не барельефным), украшенным зернью и сканью (рис. 207,6). Восходя к иконографии Одина, но будучи представленными в ожерелье во множестве, эти подвески никак не могут представлять канон Царя богов. Их интерпретация как «маски викингов», «амулеты в виде подвесок, изображавших человеческое лицо…» (Новикова, 1999. С. 47, 51), представляется справедливой, но не полной. Скорее всего, в данном случае на закате эпохи викингов было произведено тиражирование некогда важных оберегов (лик Царя богов), во множестве своём превратившихся лишь в элемент бижутерии. Подтверждением это-

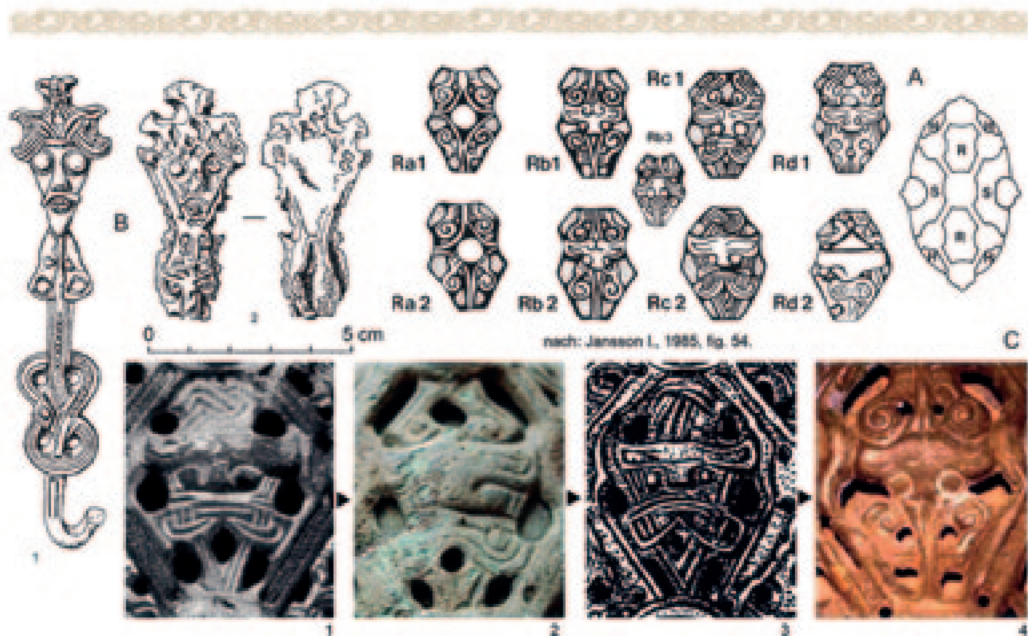

Рис. 209
Варианты «маски викинга»:
А – варианты «маски викинга» по И. Янссону (Jansson, 1985. Fig. 54);
В – булавки кольцевидных (?) фибул с маской Одина: 1 – кург. С-91 из курганного могильника Гнёздово (раск. В.И. Сизова), 2 – находка С.Н. Орлова на Рюриковом городище (Новгородская обл.) (Хвощинская, 2007. Рис. 3,1,2);
С – деградация «маски викинга» на фибулах типа J.P. 51: 1 – вар. J.P.51 C3 Bj 961 (Jansson, 1985. Fig. 53,d), 2 – кург. К140а (фонды КОИХМ), 3 – Каир, случ. нах. 1990-1991 г. (Кулаков, 2005. Рис. 1, 2,10,11), 4 - вар. J.P.51 B1 кург. К127 (фонды КОИХМ).

го является деградация, постигшая эти подвески в XII в. (например, в составе Кремлёвского клада 1986 г.), утерявшие черты масок.

В X в. среди скандинавских мастеров возрождается традиция изображения маски Одина на фибулах. На одной из подковообразных застёжек типа Carlsson Tra:Hra (ок. 900–1000 гг.), найденных в 1992–1994 гг. в ходе несанкционированных раскопок в одном из курганов могильника Кауп, в основании иглы представлена в технике литья подтреугольная по своим очертаниям мужская личина (Кулаков, 2005а. С. 334), полностью отвечающая всем признакам иконографии Одина (рис. 207,7), реализованной в барельефных массах (см. выше). Не исключено, что на рукояти бронзового декоративного ключа, случайно найденного в 1990–1991 гг. в одном из курганов могильника Кауп (?), представлены сильно стилизованные и симметрично расположенные мужские маски (рис. 208,2).

С находкой маски Одина на подковообразной фибуле из Каупа сопоставимы находки игл для кольцевидных фибул, происходящих с курганного могильника Гнёздово и с Рюрикова городища (рис. 209,B1, B2). Оба типа фибул принадлежат мужскому убору (Дедюхина В.С., 1967, С. 191). Вслед за Г.Ф. Корзухиной Н.В. Хвощинская считает, что этот «…тип фибулы был создан на просторах Восточной Европы…» (Хвощинская, 2007. С. 131). Это – очень интересное заявление. Вернёмся к нему несколько позднее. Пока же следует от-

метить, что булавки фибул с изображением лика Одина (его атрибуция подтверждается наличием на гнёздовской находке двух стилизованных головок птиц, примыкающих к стержню булавки ниже маски) генетически связаны с находкой на могильнике Кауп. Учитывая общие принципы развития иконографии персонажей скандинавского искусства эпохи викингов (от простого к сложному), следует предположить о более ранней относительно булавок из Восточной Европы датировке находки из Каупа.

Массовое использование масок Одина начинается в кон. IX – нач. X вв. при изготовлении черепаховидных фибул типа J.P. 51. Они представлены симметрично в центре верхней и нижней зоны верхней, декоративной полусферы застёжки (рис. 208,1). Ингмар Янссон, шведский коллега, наиболее полно изучивший на примере материалов могильника Björkö (Schweden) черепаховидные фибулы, считал, что развитие форм фибул этого типа начинается с вар. A1, в котором место масок занимают виньетка в виде ромба. Затем она трансформируется в некое подобие процветшего ростка (вар. B и G). Наконец, развитие изображений на фибулах типа J.P. 51 вар. C приводит к появлению на них масок (Jansson, 1985. P. 72, fig. 58), которые полностью отвечают иконографии лика Одина. Схема развития зоны R по И. Янсону показана на рис. 209, A.

На самом деле мастера-ювелиры, изготавливавшие такие фибулы в самых разных точках Северной и Восточной Европы (в том числе, на поселении Гнёздово – Ениосова, 2001. С. 90, 91) в рамках единых культовых, изобразительных и технологических норм, не могли не руководствоваться установившимися в скандинавском обществе нормами канона идеологически важных изображений. К их числу, бесспорно, относится лик Одина. Мною предложена схема развития зоны R (по И. Янссону) на фибулах типа J.P.51 в направлении от выполненного технике «плетения» стиля Борре портрета Царя богов, полностью отвечающего перечисленным выше чертам его канона (рис. 209, C1), в сторону деградации образа. Приводится уникальная версия этой зоны, где вместо узла волос над гротескно косматыми бровями божества (или же это – элемент причёски, чуб, расчёсанный на прямой пробор ?) вверх поднимаются две птичьи головки – верные Хугин и Мунин (рис. 209, C2). Этап деградации показан на примере портрета божества с утратой феномена плетения и неаккуратной проработкой «бровей» (рис. 209, C3). Наконец, лик Владыки мёртвых превращается в лишённый семантической нагрузки процветший росток, в центре которого вне рамок здравого смысла остаются нетронутыми лишь выпученные в божественной ярости глаза и «брови» (чуб ?) над ними. При таком расположении вектора развития зоны R, диаметрально противоположного лейтмотиву схемы И. Янссона, построенной вполне механистически, становится объяснимым наличие на финальном её этапе жалких остатков образа Одина, из-за непонимания его мастерами превратившихся в «деидеологизированный» растительный орнамент. Показательно то, что количество и даже рисунок сквозных отверстий, окружающих финальный вариант деградированного образа, сопоставимы с соответствующими параметрами в начальной фазе развития зоны R. Иными слова-

ми, перед мастерами, делавшими самые, на мой взгляд, поздние варианты фибул типа J.P. 51 (вар. А1-3), лежали в качестве образцов ранние варианты этих застёжек – J.P. 51 (вар. С), но до конца семантическая образность этих застёжек ювелирами понята не была. Правда, не стоит забывать и о том, что некоторые мастера в нач. X в. могли и не желать постичь смысл грозного Владыки мёртвых, ибо в это время Скандинавию начинает охватывать идея крещения и не для всех остаются актуальными принципы веры отцов.

Специфика черт лика Одина на черепаховидных фибулах находит прямые аналогии в ликах Царя богов, являвшихся навершиями на булавках фибул из кург. С-91 могильника Гнёздова (долгие годы деревянная копия этой головки украшала лацкан пиджака Г.С. Лебедева) и Рюрикова городища (рис. 209, В1, В2). Во всех указанных предметах украшений маска обладает остроугольным контуром, содержит брови или вихры над выпученными круглыми глазами, волосы на макушке стянуты в узел, имеет клиновидную бороду-«эспаньолку», усы персонажа выступают за контур щёк, рот (при) открыт. Таким образом можно полагать, что более сложные и вполне индивидуальные по своему исполнению маски Владыки мёртвых на булавках мужских кольцевидных фибул могли послужить прототипами для количественно массовых масок на женских черепаховидных фибулах типа J.P.51. Учитывая их широкое распространение от Норвегии до Среднего Поднепровья, приведённая выше версия Г.Ф. Корзухиной и Н.В. Хвощинской о восточноевропейском производстве булавок с ликом Одина выглядит неубедительно.

На черепаховидных фибулах типа J.P. 51 прямая линия развития иконографии лика Царя Богов германцев – Одина – в скандинавском искусстве эпохи викингов завершается. Множественные дутые подвески на поздних ожерельях уже не несут связанной с Одином идеологической нагрузки.

Итак, наиболее массовым видом продукции североевропейских ремесленников, несшей на себе этот исполненный культовой символики ликоберег, являются фибулы. Они не только скрепляли одежду в наиболее важных её точках, но и оберегали наиболее уязвимые для враждебных мистических сил части человеческого тела (в частности, предплечье у женщин). Пока остаётся необъяснённой бинарность изображений лика Одина на фибулах как в VI в., так и в IX–X вв. Быть может, здесь имеют значение, как на примере пластины со шлема из Sutton Hoo, некие шаманистические культовые ритуалы, связанные с удвоением образа Повелителя богов (обладавшего, кстати, множеством имён и, соответственно, аватар/ипостасей). Возможна и символическая охрана владелицы фибул при помощи удвоения лика Одина с разных направлений. Подобные тенденции, в частности, реализуются на буддистских иконах-танкхах, где с четырёх стран света символ мира (мандала) охраняют стражи-локапалы, адекватные по функциям и сходные по своему виду.

Гораздо больше неясностей с личиной, попарно представленной на фибулах типа J.P. 51 вар. Jansson Malmberg, синхронные остальным фибулам типа J.P. 51. Встреченные в небольших количествах в курганах Бирки, известные погребальных памятниках Швеции и Норвегии, они представлены и в материале Каупа

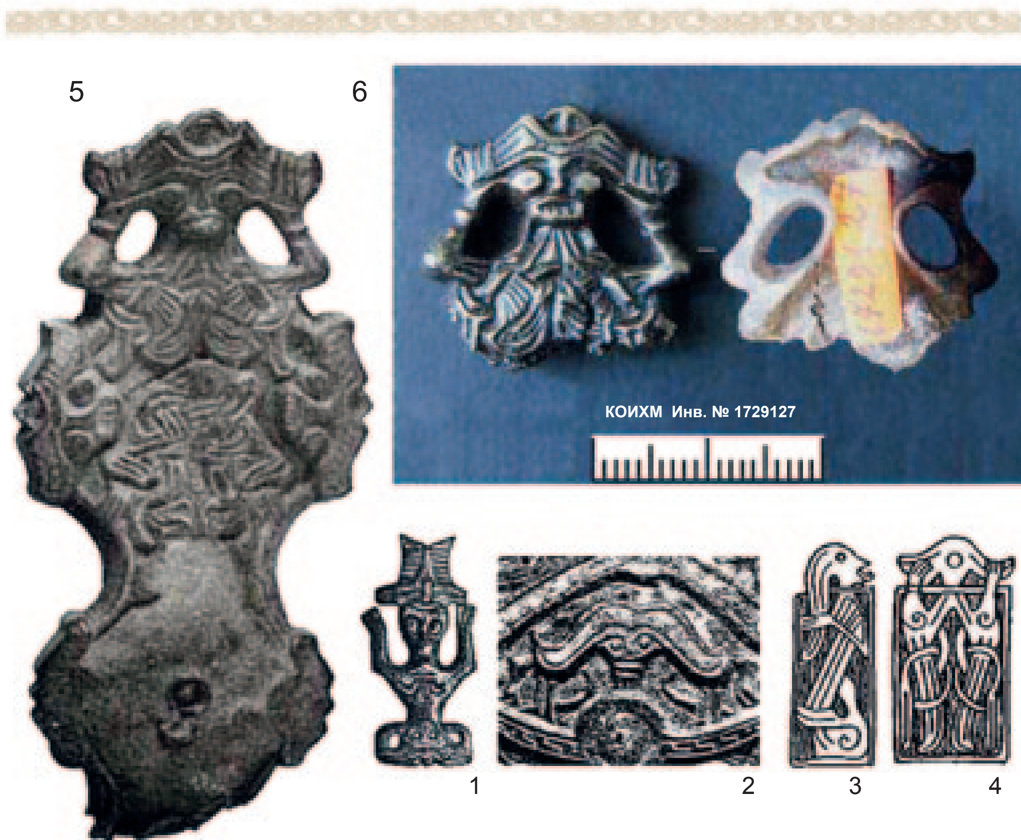

Рис. 210
Генезис и начальное развитие изобразительного мотива «женская маска»:
1 – мотив с фибулы IX в. типа J.P.47, 48,
2 - мотив с фибулы IX в. типа J.P.37 из Rimestad, (Rogaland, Schweden) (Paulsen, 1933. Fig. 2, Taf. XIX,3),
3, 4 - мотивы с фибулы VIII в. типа Rückenknopffibel Gotland (Åberg, 1931. Abb. 228),
5 – архивное фото фибулы X в. типа Aagård III.F:1 из кургана могильника Каир (Ibsen, 2008. S. 20),
6 – фрагмент фибулы из могильника Каир (КОИХМ, Инв. № 1729127).

(рис. 210). Ингмар Янссон считает, что типообразующая для таких фибул маска генетически связана с зоной Rc вар. Rb1 и Rb2 (рис. 209,А) (Jansson, 1985. P. 79). Это ошибочный тезис, ибо цельный образ гневной женщины с двумя прядями распущенных волос и оскаленными зубами (рис. 210) никак не походил на дегенерированные изображения вар. Rb1 и Rb2 (процветший росток с остатками бровей Одина). В данном случае мы имеем дела с совершенно неразработанным сюжетом образа некоего демонического существа женского рода. Такая оценка изображения в зоне R на фибулах типа J.P.51 вар. Jansson Malmberg вытекает из анализа прототипов изображения гневной женщины. На ранних формах черепаховидных фибул в зонах S (рис. 209,А) представлены женщины (пол подчёркивается изящными очертаниями лица с маленьким подбородком и отсутствием бороды с усами – рис. 210,1,2). На некоторых фибулах женские фигуры показаны расчёсываю-

щими волосы или держащими двумя руками две крупные пряди волос (рис. 210,3,4). Как известно из скандинавской мифологической традиции, в нормальном состоянии у мужчин волосы должны быть причёсаны, у дев – заплетены в косы, у невест и у жён – покрыты покрывалами (нередко – высокими и роскошными – Старшая Эдда, 1975, с. 236, «чист и причёсан должен быть мудрый» – с. 278, «…грянулась оземь Гудрун; косы рассыпались…» – с. 291, 335). Напротив, нестандартное поведение, в частности гнев и ярость, акцентировалось у женщин раннесредневековой Скандинавии через растрёпанные волосы, без покрывала или плата (ср. с традиционной для русского языка идиомой «опростоволосилась»). Именно такое лицо женщины, держащей две большие пряди своих волос обеими руками, представлено троекратно на каждом конце серебряной равноплечной фибулы типа Aagård IIIF:1, синхронной черпаховидным фибулам типа J.P.51 (Aagård, 1984. S. 108), найденной ок. 1939 г. в одном из курганов могильника Каup (рис. 210,5). Если полностью эта находка (кстати, фрагментированная к моменту обнаружения) известна лишь по архивной фотографии, хранящейся в фондах Археологического музея в Gottorf (Schleswig, Deutschland), то деталь этой находки была обнаружена в 2000 г. в форте Nr III внешнего кольца укреплений Кёнигсберга и ныне хранится в фондах КОИХМ (рис. 210,6). Судя по этому фрагменту, фибула была высококачественным ювелирным изделием и принадлежала явно не рядовой представительнице общества викингского круга. Выпученные глаза и оскаленный рот с чётко видными тремя зубами указывают на нестандартный характер и самого персонажа, отображённого на фибуле из могильника Каup. Предварительно этот женский образ (представленный, кстати, на полуфабрикате фибулы типа J.P.51 вар. Jansson Malmberg из Truso – Jagodziński, 2004. S. 99) можно связать с обликом богини (зона R на фибулах типа J.P. 51 отдана образу Одина) или жрицы (Вёльва ?). Не следует забывать того, что равноплечная фибула занимала в уборе женщины – хозяйки дома кон. IX – нач. X в. центральное место у начала шеи, с двух сторон от неё на предплечьях женщины находились черепаховидные фибулы). Поэтому семантика изображений на этой застёжке должна быть особенно важной для хозяйки украшений.

Таким образом, была рассмотрена линия развития мужской маски, сопоставляемой с ликом Одина, и женской маски (Вёльва ?) на фибулах германцев на завершающей стадии существования их традиционной духовной культуры, восходящей к римскому времени. Подавляющая часть застёжек с масками (как мужскими, так и женскими) принадлежат женскому убору. Маски исполняли здесь функцию апотропейонов/оберегов, причём – в двух проекциях (верх-низ). Очевидно, считалось, что женщины эпох Меровингов и викингов больше нуждались в сакральной защите, нежели мужчины. В VIII в. фибулы с масками отсутствуют (пока не известны ?). Напротив, черепаховидные фибулы с ликами Одина в конце IX – начале X в. были распространены от Норвегии до Среднего Поднепровья. Это указывает не только на единые традиции материальных древностей эпохи викингов, но и на сходство верований их носителей

в различных уголках Северной и Восточной Европы. Находки таких фибул на Каупе показывают, что обитавшие здесь женщины находились в самой гуще модных движений, актуальных в обществе викингов. Однако вскоре мужские маски на фибулах деградируют и превращаются в декоративные виньетки. Не исключено, что этот феномен связан с распространением среди скандинавских мастеров влияния христианства.

Мотив «маски», попавший в круг среднеднепровского декоративного искусства, в том числе и через Неманский торговый путь, в Древней Руси также деградирует. Примером этого могут служить бляхи конского снаряжения с барельефными изображением «масок», включающие не только скандинавские изобразительные (смысловые также ?) мотивы, но и следующие частично восточной декоративной традиции (Король, 2006. С. 175).

Содержание

Владимир Иванович Кулаков

Неманский янтарный путь
в эпоху викингов

Научное издание

Корректор – Т.Н. Иванова
Дизайн, вёрстка – А.В. Попов

ГБУК «Калининградский
областной музей янтаря»,
Калининград, пл. Маршала Василевского, 1

Издание подготовлено к печати
при техническом содействии
Калининградского ПЕН-центра,
Калининград, ул. 9 апреля, 5

ISBN 978-5-903920-17-4

Подписано в печать 09.09.2012
Формат 70x100/16, усл. печ. л. 9,03,
бумага – мелованная, печать офсетная,
гарнитура Minion Pro,
тираж – 500 экз.
заказ
Отпечатано в типографии в "STANDARTŲ SPAUSTUVĖ",
www.standart.lt, tel. +370 5 2167527,
Vilnius, Dariaus ir Girėno g. 39, LT-02189 Vilnius

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, член Российского Геральдического Общества, член-корреспондент Немецкого Археологического Института (Берлин), ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Института туризма – филиала Российской Международной Академии туризма (Москва).

С 1974 г. В.И. Кулаков руководит работой Балтийской экспедиции ИА РАН, обследовавшей в Калининградской области России почти 400 памятников археологии различных эпох. Стационарные раскопки проведены на 20 памятниках археологии (1977–1986 гг. – могильник Ирзекапинис, 1985–1994 гг. – могильник Хюненберг-«Гора Великанов», 1992–2002 гг. – могильник Долькайм-Коврово, 2000 г. по настоящее время – могильник и поселение Кауп). Полевые исследования легли в основу многочисленных докладов В.И. Кулакова на научных конференциях (в основном - международных) и в организациях различного уровня, выступлениях в прессе, на телевидении и по радио. Научный анализ археологических и исторических источников, проводимый В.И. Кулаковым, представляет собой новый этап изучения прошлого земли пруссов - одного из важнейших регионов Центральной Европы.

К настоящему времени В.И. Кулаков опубликовал 448 научных работ, преимущественно посвященных проблемам до- и протоистории юго-восточной Балтии.